

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Нострадамус: Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль.

Амплитуды Нострадамуса.

Господь. Ты знаешь Фауста?

Мефистофель. Он доктор?

Господь. Он мой раб.

Гете

Я царь – я раб – я червь – я Бог!

Державин

В 1587 году немецкий издатель и книготорговец Шпис выпустил книгу, озаглавленную «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике». В последних главах этого повествования рассказывается о том, как незадолго до смерти Фауст сошелся накоротке с гречанкой по имени Елена (собственно, то был дьявол, принявший ее обличье), и эта Елена родила сына, который был наречен Иустусом. О нем прилагательно к его дару сказано: «Дитя это сообщало Фаусту о многом таком, что в будущем должно было случиться в различных странах». Этот Иустус исчез со страниц «Истории о докторе...» после смерти самого Фауста только лишь, казалось, для того, чтобы в астральных высотах воссоединиться с историческим прототипом, известным во плоти под именем Мишеля Нострадамуса.

Еще корректнее по отношению к Нострадамусу было бы сказать следующим образом: не только доктор Фауст, но и сын его находятся в тесном генетическом родстве с феноменальным французским ясновидцем, астрологом, медиком и поэтом, объединившим в своем имени обоих покровителей Франции: архангела Михаила и Деву Марию («Нотрдам» – Матерь Божия).

Среди известных личностей европейской истории XVI века Мишель Нострадамус по праву считается одной из наиболее значительных и популярных фигур. Интерес к нему и его наследию с годами лишь приумножается, – так что если наиболее эмоциональные исследователи, прибегая к превосходной степени, категорически заявляют, что он – самая выдающаяся личность означенного столетия – для подобного максимализма имеются веские основания.

На всякой могильной плите, как правило, присутствуют две даты: рождения и смерти. Последней из них обыкновенно завершается земная биография покойного. Но даже и в этом отношении Нострадамус уникален.

Умер он в 1566 г., на 63-м году жизни, сделав последнее предсказание по поводу собственной кончины. Ученику своему и помощнику Жаку Шавиньи он заявил поздним вечером: «Завтра меня уже не будет» – и оказался безукоризненно прав. Однако с физической смертью биография его не прекратилась. Через два с лишним века вломившиеся в часовню французского монастыря, где покоились останки ясновидца, революционные гвардейцы отомстили выкресту за то, что последний осмелился пророчествовать касательно кровавого оттенка и бесславного окончания революции. Гвардейцы разрыли могилу, разбросали кости, а один из отчаянных осквернителей в приступе революционного ухарства выудил из ямы череп, наполнил вином и выпил. Незадолго до смерти предупреждавший потомков против каких бы то ни было поползновений осквернять его могилу, провидец и на сей счет был прав, ибо всех участников коллективного осквернения постигла предреченная и скорая, к тому же, участь. Мощи же Нострадамуса, будучи перенесены в церковь Св. Лаврентия, покоятся там и поныне. Место захоронения отмечено эпитафией:

Здесь покоятся останки Мишеля Нострадамуса,
Почти божественное перо которого, всеми почитаемое,
Удостоилось чести сообщить людям о событиях всего мира,
Происходящих под влиянием звезд.

Умер в Салоне де Кро в Провансе в 1566 году 2 июля, в возрасте 62 лет 6 месяцев и 17 дней.

Будущие поколения да не помешают его покою.

После себя Мишель Нострадамус оставил несколько текстов. Именно благодаря им его прижизненная слава распространялась за пределы Франции, однако воздействию тех же текстов на умы современников и особенно потомков обязан он своей посмертной – редкостной по уровню – известностью и не менее выраженной ненавистью. Многие ли ученые мужья вызывают ненависть и через несколько веков после кончины? Так вот, Мишель Нострадамус – один из этих

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
немногих.

Главное свое произведение он озаглавил – «Центурии». Книга эта суть собрание катренов (четверостиший) с предсказаниями европейских и мировых событий за остающиеся человечеству годы – до седьмого тысячелетия включительно, когда, по информации Нострадамуса, земная цивилизация может подойти к финалу своего существования.

«Центурии», а также 58 шестистиший, 141 так называемое «предзнаменование» да несколько менее объемных текстов и вызвали тот интерес, который с течением времени не только не угасает, но делается все более выраженным. Как бы то ни было, а речь идет во всех этих текстах ни больше, ни меньше – о судьбе человечества, в первую очередь о судьбе Европы.

Феномен ясновидения при всей своей уникальности знаком человечеству издревле. Проявляемый к творениям Нострадамуса широчайший (это без преувеличения) интерес объясняется, таким образом, не наличием провидческого дара, не самим этим фактом, но качеством, или, что то же самое, степенью адекватности его пророчеств. Тем более что сделанные предсказания, частью подтвержденные еще при его жизни, охватывали колоссальный хронологический период и запечатлевали ключевые моменты истории крупнейших европейских государств.

Правда, с буквально понимаемой адекватностью предсказаний дело обстоит не столь просто. И вот почему.

Обладая феноменальным даром, Нострадамус вполне отдавал себе отчет в том, сколь важной, прямо-таки судьбоносной информацией он располагает. В послании своему тогда еще совсем малолетнему сыну Цезарю, имея в виду форму и слог записанных пророчеств, Нострадамус признает: «Я говорю довольно-таки туманно. Скрытые пророчества передаются нам летучим духом огня, а иногда сознанием, возбужденным пристальным созерцанием отдаленнейшей звезды. А узнанное записываешь без страха, но и без чрезмерного многословия. А почему? Да потому, что все проистекает из Божественной власти великого и вечного Бога, от которого исходят все блага». Как видим, тут имеет место объяснение одной неопределенности при помощи другой, что не проясняет существа проблемы. Действительно, почему Мишель Нострадамус, не обладая большим – или, как иногда принято говорить, природным-поэтическим талантом, – все-таки записывал свои пророчества в виде отдельных катренов, исполненных поэтической вольности, метафор и прочего из категории изящной словесности? Казалось бы, куда целесообразнее, учитывая значимость принимаемой информации, излагать ее доступным канцелярским слогом, не допускающим искажений при восприятии. Действительно, почему?! Тем более что за принимаемой информацией, по собственному высказыванию Нострадамуса, стоит высочайший из всех возможных авторитетов, и следовательно, никакой опасности для собственного реноме нет и быть не может? Вот слова самого Нострадамуса:

Таинственным знаньем пронизана память,
Подземные воды горят от свечи,
Трепещет и ширится бледное пламя
И в судьбы столетий бросает лучи.
Как будто сам Бог у меня за спиной
(Треножник из бронзы украсила вязь),
Он водит моею дрожащей рукою,
Небес и земли повелитель и князь...[1]

С этих катренов как раз и начинается он свои книги пророчеств, растянутых – подобно путешествию по времени – на многие столетия. По хронологии предсказаний и охвату событий ни один из библейских пророков не может быть сравним с Мишелем Нострадамусом, который (умер он, напомним, в 1566 году) сумел предугадать инициированную Кромвелем казнь короля Карла I, большой лондонский пожар 1666-го, становление после Смутного времени династии Романовых в России, царствование Петра I и Екатерины II, рождение и судьбу Наполеона Бонапарта и так далее, и так далее. Случись Нострадамусу предугадать лишь какое-нибудь одно из подобного рода событий, и тогда его рассматривали бы как носителя уникального дарования. Но ведь список исполнившихся (и это только к настоящему моменту) предсказаний поистине огромен и включает даже целый ряд сугубо технических изобретений, таких, как подводная лодка, танк, летательные аппараты.

Казалось бы, величайший пророк! Но нам не обойтись без рассмотрения вопроса

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
о том, в какой форме выполнены его предсказания, какой вид имеют прогнозы Мишеля Нострадамуса. Отдельные пассажи его предсказательной поэзии выглядят сравнительно внятными, буквалистически понятными, с изложением и даже обоснованием конкретных фактов. Однако таких катренов явное меньшинство. В абсолютном же большинстве случаев имеем аллегорические, нарочито затуманенные стихи, которые сегодняшних аналитиков-исследователей ставят в не меньший тупик, чем современных Нострадамуса. Усугубляет общую ситуацию (и, стало быть, отношение к «Центуриям») еще и тот немаловажный факт, что изначально выстроенные в единой хронологической последовательности, от прошлого к будущему и образующие внятный рассказ, катрены впоследствии были перегруппированы самим предсказателем. Рядом, таким образом, зачастую оказывались четверостишия, относившиеся к событиям, разделенным десятилетиями или веками. Подобного рода смешение было предпринято для того, чтобы защитить «Центурии» от нападков инквизиции.

И формообразующий элемент сыграл свою роль. Именно – он позволил в отдельных случаях рассматривать «Центурии», равно как и автора, явлениями в лучшем случае незначительными, – хотя с момента первого издания катренов укрупнилась и более крайняя точка зрения на Мишеля Нострадамуса как сумасшедшего, к тому же – сумасшедшего с гонором, амбициями, ненужной в его положении позой. И данное отношение со временем набирало силу, так что сегодня, наряду с адептами, наличествует среди исследователей немалая часть тех, кто вообще отказывает провидцу в праве на такое именование.

Разброс катренов по всему объему «Центурий» Нострадамус, однако, произвел не механически, но использовал для этого им же придуманный код. Разгадав этот код, всякий сможет восстановить изначальную авторскую последовательность, разглядеть (в меру сил) истинный размах откровений. Однако в случае с кодом произошла загвоздка: он до настоящего времени так и не найден, что, опять-таки, порождает немало ухмылок и усиливает скепсис скептиков.

Изданная впервые в 1555 году книга пророчеств «Центурии» с тех самых пор издается и переиздается в различных странах непрерывно. Катрены Нострадамуса продолжают издаваться в издательском, тиражируемом отношении судьбу Библии, судьбу гомеровского эпоса, шекспировских пьес. Уже этот формальный признак позволяет обоснованно вести речь о «Центуриях» как о произведении шедеврального уровня. Всякое новое поколение делает свои переводы – и длится это более четырех веков. Получается почти по завету гетевского Фауста:

Встань и беги, не глядя вспять!

А провожатым в этот путь

Творенье Нострадама взять

Таинственное не забудь.

И ты прочтешь в движеньи звезд,

Что может в жизни проистечь.

С твоей души спадет нарост,

И ты услышишь духов речь... [2]

Вопросы переиздания «Центурий» и проблемы перевода стихов находятся в тесной связи. Написанные на старофранцузском, катрены не получили адекватного перевода ни на один из современных языков. Число же специалистов, берущихся сегодня переложить поэтические предсказания Нострадамуса, находится в обратно пропорциональном отношении к качеству итоговых текстов. Но даже более или менее адекватный перевод нельзя считать финалом исследовательской работы, поскольку далее неизбежно возникает вопрос касательно интерпретации содержательной стороны, – не красоты же стиха важны для четверостишия «Центурий». А вот как раз истолкование и вызывает наибольшие трудности. Ведь кроме отмеченного нами ранее, катрены отличает тот факт, что написаны они как бы языком сновидений, изобилуют не просто метафорами, но метафорами некоего высшего уровня, – что превращает стихи в аналог сомнамбулических откровений. Не исключено, что подобная особенность текстов находится в сложной, но несомненной связи с тем состоянием, которое оказывалось характерно для Нострадамуса в моменты приема информации. Существует мнение специалистов, полагающих, что Мишель Нострадамус исторически прозревал именно в моменты полудремы, сродни забытию. Иные уточняют, что, возможно, принимаемая информация не всегда оказывалась понятной и самому провидцу, – и это недопонимание находило отражение в стилистике и лексике. Если, скажем, доктор Фауст восхищался тем, «в каком порядке и согласье идет в пространствах ход работ», то

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
пророчествующий французский астролог не всегда улавливал эту самую «чистоту линий», что можно рассматривать не только как специфику его восприятия, но и как особенность ниспосланной информации.

Примечателен в этой связи тот факт, что сам Нострадамус оговаривает в послании сыну свой фактический статус и свою потенцию. «Хотя я пользуюсь словом „пророк“, – рассуждает он, – я не желаю столь высокое звание применять к себе в настоящее время. Ибо того, кого теперь называют пророком, некогда называли „провидцем“ (videns). Строго говоря, сын мой, пророк – это тот, кто видит вещи, далекие от обычного круга познания... Если разум выстраивает будущие события, исходя из современных ему событий, они, эти будущие события, не слишком спрятаны от него и вообще не явились для него откровением. Но совершенное знание событий (будущего) невозможно без Божественного вдохновения».

Еще одной причиной, обуславливающей нарочито расплывчатый характер Нострадамусовых предсказаний, правомерно считать сострадание как существенный элемент отношения Мишеля Нострадамуса к грядущим поколениям. Прочитывая уготованную этим поколениям судьбу, соболезнуя и сострадая, он предупреждал о грядущем в намеренно мягкой форме. Тем более, что с точки зрения человека XVI века опасность, связанная с революционным, насильственным уничтожением монархических государств Европы, опасность, внятно выявляемая в «Центуриях», представлялась прямо-таки чудовищной, – что с успехом и подтвердил ход исторического развития.

По сей день Мишель Нострадамус продолжает оставаться загадочной фигурой. Сведений о его жизни биографам удалось отыскать сравнительно немного, да и найденные зачастую оказываются накрепко переплетенными с домыслами и откровенным фольклором. Но если представители прошлых эпох достраивали события до целостной биографии художественными методами, то двадцатый век оказался временем господства в нострадамусоведении ученых-аналитиков.

Век XX заинтересовался Мишелем Нострадамусом, – что нашло свое выражение в количестве соответствующих исследований и широте их тематики. Подобный интерес объясняется тем, что большая часть предсказаний касается событий именно нашего столетия. Причем степень попаданий, иначе говоря, количество сбывшихся пророчеств, также весьма значительна. Предсказанными оказались большевистская революция, крушение династии Романовых, приход к власти Муссолини, Гитлера, террор Сталина, убийство Кеннеди, крушение коммунистической системы... В отношении нашего века Нострадамус проявил значительно большую прозорливость. А отсюда – естественный интерес, отсюда же – рост публикаций его текстов и работ о нем самом. Только число объемных исследований о Нострадамусе, созданных в XX веке, составляет целую библиотеку.

Но даже и при таком пристальном внимании, сконцентрированном научном интересе к его личности вопросов остается еще немало. Ведь в оптимальном варианте разрешением загадок Мишеля Нострадамуса должны бы заниматься личности соразмерного интеллекта и однопорядковой провидческой, скажем так, квалификации. А подобных исследователей сегодня как будто не находится. Так что поднятые «Центуриями» вопросы остаются в неизменном положении, лишь обрастая цепью гипотез.

В самом деле, одним из принципиальных остается вопрос о том, возможно ли вообще предвидеть будущее.

При отрицательном ответе мы вынуждены признать аналогичность Нострадамуса какому-нибудь графу Калиостро и прочей такого же сорта цыганщине, – что фактически дает нам право отмахнуться от содержательной стороны «Центурий» как от злобной шутки. Кто-то именно так и поступает, ну да ведь всегда, во всякую историческую эпоху находились люди, предпочитающие учиться исключительно на собственных ошибках (а право на собственную ошибку – свято). Но если на тот же самый вопрос мы отвечаем положительно и полагаем, что предсказание грядущих событий гипотетически осуществимо (изучай «Центурии», читатель), тогда неизбежно приходится иметь дело с проблемой, мучившей не одно поколение философов. Именно: как тогда быть со свободной волей человека, его усилиями к углубленному познанию мира? Ну а поскольку сегодня все большее число посвященных склоняется к мысли о принципиальной возможности предсказания (не вычисления или прогнозирования – то и другое идет по особым департаментам) некоторой части будущих событий, – такого

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
рода допущение подводит к рассуждениям о замкнутости времени и прочих
невероятнейших истинах.

Если ученые находили в «Центуриях» загадки, то политики – головную боль. Не случайным следует считать факт запрещения катренов Нострадамуса почти во всех странах с тоталитарными режимами: власть предержавшие ретроспективно обижались на астролога за то, что он предрекал им неизбежную гибель. Возникла прямо-таки списанная у Лермонтова ситуация. «Глупец, хотел уверить нас, что Бог гласит его устами», – презрительно бросали в адрес провидца – и немедленно (в исторически исчисляемой хронологии) убирались с политической арены вон. Впрочем, если мысленно абстрагироваться от тогдашней политической конъюнктуры и шкурной выгоды, понять – так сказать, по-человечески – запретителей «Центурий» можно. Ведь фактически эти стихи служили доказательством того, что человеческая история была и остается независимой от суммарной человеческой деятельности в сферах политики, религии, культуры.

Мы затронем еще один аспект общей проблемы. Если (огрубляем) Нострадамус оказался исполнен Божественного предвидения, – на бытовом уровне это формулируется «раз уж он такой умный», – почему тогда значительная часть предсказаний из числа тех, что могут быть идентифицированы в принадлежности к стране и эпохе, оказались несбывшимися. Предвидение – это вам не что-нибудь: или таковой дар есть, или его нет. Ну так как же быть? Вопрос отнюдь не праздный, и всяческие попытки разрешить его при помощи сентенций из категории: «Нострадамус недооценивал элемент случайности в истории» – всякие подобного толка попытки едва ли могут быть признаны состоятельными. Тут вместо буквального ответа мы обращаемся к мысли Цицерона, сказавшего: «Не следует удивляться, что провидцы иногда предвидят то, что никогда не сбывается, ибо все это существует, но не во времени».

За последние несколько лет опубликованы в России перевод «Центурий», несколько исследований о Мишеле Нострадамусе в свете его исторических предсказаний. Тем самым после огромного перерыва, имевшего сугубо политический характер, продолжена традиция исследований уникальной проблемы. Предлагаемая книга Манфреда Бёкля позволит заинтересованному читателю ознакомиться с биографическое канвой жизни Мишеля Нострадамуса – поэта будущего. Впервые опубликованный в Германии, роман Бёкля в русском переводе предлагается на суд читателя.

Настоящее издание также содержит полный текст «Центурий», на русский язык переведенных В. Завалишиным. Знакомство с творчеством героя романа позволяет читателю создать более целостное представление о Мишеле Нострадамусе.

Константин Новиков

Пролог

Моему еврейскому другу
Карло Россу

Третий день мистраль наступал с севера. Стихия направила основной свой удар на район между Роной и Дюрансом, причем у неискушенного наблюдателя могло возникнуть впечатление, будто ветер пытается сделать все ему доступное для того, чтобы продуть земной шар насквозь. Согласно и порывисто кланялись посеревшие кипарисы, волновались и рябили лавандовые поля. Оливы скрюченными ветками грозили небесам, низким в эти дни, серым, в размазанных тучах. Успешнее иных шквалу противостояли обнесенные древними стенами, кое-где подточенные ветрами и временем крепости Прованса – свидетели былого римского владычества.

Тихий Экс, сгрудившийся вокруг кафедрального собора Христа Спасителя, стоически отражал ветряные удары; античный амфитеатр Арля съезжился от воздушного натиска. Мистраль ловко и сильно оглаживал выгнутые спины акведуков. Массивный папский дворец, противодействуя воздушной волне, выказывал стоический свой характер, подавая пример остальному Авиньону. В Салон-де-Провансе ветрище умудрился обшарить все сколь угодно тесные закоулки, предусмотрительно разогнав немногих прохожих по домам.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Попытались почти все горожане также и в Сен-Реми, где находился интересующий нас дом умирающего. И лишь несколько мрачных пришельцев, олицетворяющих Инквизицию, расположились неподалеку от поместья Пьера де Нотрдама.

Уже практически целую неделю терпеливые доминиканцы подстерегали умирающего, не спуская глаз также и с его родни. Слетевшихся к усадьбе, как мухи слетаются на мед, верных слуг Господних привлекала близость смертного часа, тогда как весьма сомнительное прошлое лекаря лишь обостряло и без того явно выраженный интерес к личности покидающего сей мир. В некотором смысле можно сказать, что доминиканцы как бы позабыли тот факт, что умиравший в качестве лейб-медика некогда пользовался высоким покровительством покойного нынче «доброего Рене» – герцога Прованского, носившего титул Неаполитанского короля. Забытыми оказались и годы, которые, наравне с рыцарями и трубадурами, провел Нотрдам при блистательном дворе Экса, рядом с государем.

Если что и оказывалось (а как раз это и оказывалось) значимым в глазах доминиканцев, так разве только потенциальная возможность умирающего Нотрдама совершить напоследок очередной грех, в последний раз осквернить чувства истинных католиков. Да и то сказать: Пьер де Нотрдам, этот еврейский бастард, подозрительный марран, нечестивец...

Он был одним из тех, кто после 1492 года переселился к северу от Пиренеев. А уж известно, что евреям никогда нельзя доверять, особенно выкрестам, в первую очередь выкрестам. Папские клеветы не единожды имели возможность убедиться в том, что за жалким фасадом, воздвигнутым за столетия насильственной христианизации, скрывалась подчас тысячелетняя, куда более значительная мощь иной укоренившейся веры. Марранам было даровано право делать священниками, это так. Но едва будучи рукоположенными, тут-то они и разворачивали свою Тору. Такой уж это народ. Сплошь и рядом выкресты пропускают литургию, нахально (мягко говоря) игнорируют исповедь, умудряются не причащаться вовсе, а когда настает их последний час – отталкивают протянутое Святое Распятие. Как были они врагами Господа Бога, так и остаются, что, собственно, и дает возможность дьяволу без особенных со своей стороны усилий завладеть их душами в преддверии кончины. Именно в том и заключалось объяснение, почему доминиканцы, скрываясь около собора Сен-Мартен, подсматривали за домом Пьера де Нотрдама, нечувствительные к испытанию мистралем.

В субботу они просто-таки глаз не сводили с дома: вдруг да обнаружится над трубой дымок... Это был бы верный признак того, что марраны, собравшиеся там, творят свои таинства и предаются сатанинским оргиям.

Зорко следили монахи; от их внимания не укрылась даже такая мелочь, как избыточный по сравнению с будничным разбор воды в колодце: уж наверняка для своего гнусного омовения запасались греховодники! Для полноты картины слуги Ордена даже подкупили мясников из числа католиков с тем, чтобы те сообщили о возможном воздержании со стороны марранов от употребления в пищу свиного мяса, – что рассматривалось как явный признак отхода от веры.

Потенциально существовала масса нарушений христианских заповедей, и всякое имевшее место прегрешение следовало не пропустить, учесть. Серьезным грехом считалось чтение на еврейском языке изречений Талмуда, каковые оказывались сродни языческому шутовству, а то и сатанизму.

В случае если происходило что-нибудь из перечисленных либо им подобных прегрешений, монахи получали возможность схватить еретика на месте, бросить его в застенок и уже затем, в жарко натопленной пыточной камере, при некоторой помощи искусного палача, поговорить с нечестивцем на интересующие обе стороны темы по душам – с пристрастием. Будь при этом виновный даже умирающим.

Мистраль бесновался третьи сутки; Нотрдам мучительно расставался с жизнью: стонал, ворочался, временами тяжелое дыхание обращалось в сплошной хрип, в равной степени на вдохе и выдохе. Вся его многочисленная родня собралась возле постели. У изголовья застыла, не в силах более ничем облегчить страдания, жена. К ней жались дети. Старший, Мишель, которому совсем недавно исполнилось десять лет, прижимался к теплому материнскому бедру – то было инстинктивное стремление, приносящее некоторое успокоение. Дед Мишеля по материнской линии, старый Жон-лекарь, с высоты своего роста

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org иногда оглядывал собравшихся, среди которых были дядьки, тетушки, зятья. Бог знает кто еще. Колоритная смесь семитских, иберийских, французских черт отличала лица собравшихся; единой общей чертой было явно читавшееся страдание. Иные шептали молитвы по-латыни, другие сдержанно плакали.

Разноголосый плач, равно как и молитвенные пришептывания, заглушались густым голосом католического священника. Аббат монастыря Сен-Мартен, наполнив кадилным ладаном всю комнату, произносил слова литании профессиональной четкой скороговоркой, не вдаваясь в смысл множество раз произнесенных слов и обращаясь главным образом к Распятию, нежели к умирающему. Сама атмосфера комнаты сплошь была пронизана страданием, молитвами, слезами и предсмертной болью Пьера де Нотрдама.

Жена сдерживалась из последних сил. Предваряя события, голову ее уже покрыл траурный вдовий платок. Не отдавая себе полного отчета, она стащила платок, другой рукой крепче прижав к себе голову Мишеля. В этот момент священник умолк, и почти тотчас нашедший наконец лазейку и ворвавшийся в камин порыв ветра разбросал по сторонам яркие искры.

В этот миг проскочила никем не замеченная искра между отцом и Мишелем, сопровождаемая едва уловимым синхронным подрагиванием век. И был таким образом перекинут некий мост от умирающего к сыну, которому еще только предстояло зажечься неведомым глубинным светом. Когда священник, повинувшись безотчетному порыву, освободил место, неведомая сила заставила Мишеля вплотную приблизиться к родителю. Ощувив постыдную слабость в ногах, мальчик готов был упасть на колени, но материнские сильные руки поддерживали его, прижали. Он почувствовал тепло материнской груди на своей щеке. Было такое чувство, словно умирающий отец соединил неким подобием незримого моста себя и жену через Мишеля. И тогда мальчишково сердце наполнилось мощным звучанием слова, которое, не сумев прозвучать из ослабевших уст отца, пламенем отчетливо полыхнуло в угасающих глазах. И это слово, раз и навсегда смутившее, поразившее и пробудившее Мишеля для новой жизни, слово было:

Адонаи.

И тотчас же исчезла, напрочь исчезла комната со сгрудившимися в ней людьми, а следом и весь дом, и все дома на улице, и город. Существовало теперь одно только несказанное, произнесенное СЛОВО, и в слове том – ГЛАЗ. ГЛАЗ. Слово это проникало, казалось, в самую плоть и суть мальчика, растворялось в нем, в маленьком, хрупком Мишеле, который оказался неведомым образом отброшен в дремучее стародавнее время, еще до рождения своего, до самого зачатия.

Неподвижным шаром зависло над испанской землей тяжелое солнце, равнодушно вззирающее на прокаленный известняк, на пробковые дубы с листьями на манер рунических знаков. Уставшая, изнуренная земля. На юге, у горного склона, расположилась выдавшая виды Гранада. Мавры на белых скакунах, игривые волны, сад и вертоград, женщины с бархатной кожей и миндалевидным разрезом глаз. Купола мечетей – как блазнящие небесную высь перси. Христианский оазис, расположившийся в царстве Боабдиля; оазис третьего народа, познавшего Библию.

Кастилия и Арагон. Горные гнезда, откуда потоком устремились ратники-христиане с бычьими рогами на шлемах, с чудодейственными изображениями на рукоятках мечей, с усатыми драконами на штандартах. А следом за ратниками – разъяренные монахи со злобой в сердце, с ненавистью во взорах. Идолопоклонники. Сотворенный кумир требователен, постоянно жаждет жертв... Знак вонзаемого в земную твердь креста...

Картины входили в самую душу мальчика – из угасающих отцовских глаз, сквозь тяжелые, неподатливые, полуопущенные веки. Поначалу картины отличались калейдоскопическим поспешным мельканием. Красота ужаса. Ужас красоты. Но затем начали простираться иные образы.

В туманном промежке христианской и мусульманской земель всадники в стальных доспехах осаждали город. Мечи и топоры обрушились на горстку защитников крепостной стены. Подобно обезумевшему стаду спасаясь бегством, безоружные люди скрылись в храме. Сквозь романский портал протискивались женщины, старики и дети. Христиане взывали к своему Богу, мусульмане – к своему Аллаху. Со свистом неслись стрелы, не делая различия для мусульман и

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
католиков. Градом сыпались удары в деревянные ворота, обрушившиеся на тех, кто, несмотря на смертельную опасность, не успел отпрянуть от тяжелых створок, придавивших скрюченные тела. Сверху, сквозь бойницы, захлебчиво и торопливо гудели колокола. Зоркое сердце Мишеля видело, что мавры и испанцы вместе болтаются на виселицах, и он рассмотрел судорожную пляску тех, в полусумраке каменного свода, кому горло захлестнула петля. Он слышал их призывы и мольбы, вырывающиеся из глубины души, – вопреки всему они продолжали надеяться на помощь Всевышнего. Но он видел, как снаружи перед окнами бурлила воинственная толпа, с воем размахивавшая факелами.

Когда с грохотом рухнула каменная стена, Мишель бросился прочь – к косогору, поросшему частым кустарником, к известняковому горному хребту. Там он и остановился, прислушиваясь к шелесту листьев. Странно знакомым показалось ему лицо еврея, похожего на Агасфера, притаившегося в скальной нише. Мишель еще раз взглянул на разрушенный храм, расположенный далеко в низине. После случившегося им, как и всеми остальными, владело только стремление убежать, спастись. С минуту еще не отпускала боль в сердце, в то время как мул галопом скакал на юг. Наконец пути ослабли, стали тонкими, как паутина, и порвались. И наконец, далеко от прежнего места и в ином сплетении времени и пространства, Мишель пришел в себя.

Синагога. Свитки Торы, стянутые золотым шнуром, мерцали в святом ковчеге. Мужчины с молитвенными поясами в руках. Их лица казались тусклыми, в глазах застыло потрясение. О штурме города и пожаре вещал раввин, об изгнании из земли обетованной. Казалось, почти полтора тысячелетия с шелестом протекали сквозь еврейскую речь и из шелеста времени рождались названия и очертания ссыльной чужбины: Александрия, Дамаск, Саба, Медина и Мекка, Тунис, Марокко, Джебель-аль-Тарик.

...Над заливом высилась голая скала. Под флагами с полумесяцем корабли пристали к берегу. Владыки моря и пустыни покорили всю страну, от скалистого юга до далекого севера. Кровь лилась рекой, но Испания расцвела под защитой халифов, и следом за мусульманами воинственным валом устремились потоки иудеев. Почти тысячу лет раздавались молитвы в синагогах. Едва ли Саламанка, Толедо и Гранада – а Гранада прежде всего – ощущали себя городами изгнания. Но внезапно оказалось, что молитвенные пояса порвались, и сразу вслед за этим опустел святой ковчег. Заново Израиль погрузился на челны, изъеденные червями, на шлюпки, купленные за баснословные цены, – спустя тысячу лет. Однако те, кто остался на Иберийской земле, кто пристально всматривался в плавучие гробы спасающихся бегством, накрытые тенью африканских скал, тоже несли на своих лицах глубокие морщины. Морщины скорби, однажды появившиеся с исходом из Египта, Вавилона и семижды – из Иерусалима. И предстояло вскоре ангелу БОЖЬЕМУ осенить Гранаду.

Мишель снова увидел иудейского лекаря, поднимавшегося к Альгамбре. Его звали Кифа; мавры дали ему имя Эль-Хаким – Целитель. Христиане, еще до исхода из Гранады, называли его Петром. Его лицо показалось Мишелю очень знакомым. Теперь он ступал через львиный двор: запах зелий и мазей, которые лекарь нес с собой, еле заметно смешивался с таинственным благоуханием душистого фонтана, бившего из колодца. Мишель тут же почувствовал во всем теле блаженную истому, но вдруг фонтаны порывисто упали, как скошенные цветы. За городом в поле загрохотали пушки и мортиры, за ними мушкеты; металы стрелы аркебузы. И уже над внешним городским валом взметнулись языки пламени и огненные снопы. Мальчик скорчился, скрученный тенетами времени, заново прозвучавшего резким стальным звоном. Подобно мелькнувшей тени, скрылся в нише другой иудей.

Эхо взрывов, клубы дыма, лязг металла, конский храп и бряцанье лат вышвырнули мальчика за пределы круга крепостных стен. Глядя с каменной башни, он вновь стал свидетелем того, как католический зверь терзал и грыз Гранаду, все злей и разнужданней становясь день ото дня в жажде крови. Змей-Молох рвал зубами плоть сверкающего города, кромсал его белое мясо, перемальвал, крошил и осквернял прекрасное тело Гранады. Под натиском железных всадников, градом каменных и чугуновых ядер Гранада истекала кровью, и ее душа покинула эту роскошную землю, которой она когда-то на благо себе владела.

В тенетах времени Мишель увидел, как лик рухнувшего замка – Альгамбры – слился с лицом последнего халифа; как слезы текли из глаз мечтателя. Но в темноте ниши все еще находился лекарь, не произносивший ни звука; он

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
бережно сохранял память об Иерусалаиме.

Последний халиф сокрылся в горах, найдя там уединенное место. Боабдиль потерял родину. В снежной замети, в гористой мгле исчез, растворился образ его.

В город ворвались христиане, увлекаемые союзническими правителями Кастилии и Арагона – Изабеллой и Фердинандом. Лоно королевы было затянута в железный панцирь с металлическими же шипами; у короля под геральдическими одеждами прятался отточенный трехгранный кинжал, этот монарший пенис. Такими вот из мастерской оружейника появившимися гениталиями католические короли зачинали ту боль, те скорби и ужасы, от которых многие десятилетия стонала земля Испании. Отныне полуостров, обхваченный удавкой со всех сторон, принадлежал монархам безраздельно. Восстановив мечеть в Гранаде, они сравняли с землей или закрыли все прочие храмы, как мусульманские, так и иудейские. Иноверцев согнали в гетто, где монахи рассчитывали сломить их волю и насильно впоследствии крестить.

Мишель сумел различить тонкие, в ниточку, усы на лице животного по имени Торквемада... Не чувствуя усталости, бесновался над Испанией богохульник с глазами ящерицы, порожденный сатанинской Инквизицией. Облаченный в змеиную кожу, ползал нечестивец по разоренной земле Испании, жаля налево и направо. Несть числа тем, кто попадал в его когти и, дрожа от страха, склонял свою выю под католическим бичом. Церковь собирала обильную жатву на духовных холопах, поклонявшихся кумиру. Не многие противостояли зверю и, оберегая свою веру, оставались ей верны.

И тогда еще страшнее вздыбился Велиал и вышвырнул их через горы к морю, в безродность, в вавилонский плен и нищету, обрекая их на смерть.

Из ниши собственной боли выступил еврейский лекарь, стремившийся разделить с ними изгнание, но в конце концов это ему не удалось. Хворые, немощные и всеми заброшенные по-прежнему ожидали его в Гранаде. Это были христианские души, но чего иного они могли ожидать от того, кто присягал на жезле Эскулапа? И так, Петр остался в стране и видел, как бедствует ее народ, и плакал ее слезами во тьме кромешной. И милосердия ради – чтобы остаться – пришлось ему креститься.

Он принял крещение и нес свой крест, пока свирепый Торквемада не обратил злобу на выкрестов. Пока дома марранов не были взяты под надзор, торопливое покаяние на исповеди не могло означать ничего, кроме подписания самим себе смертного приговора.

Поток картин в мозгу Мишеля снова превратился в клубок, сверкающий перебивчивым светом; образы мгновенно сменяли друг друга и обретали более четкие контуры. Аутодафе. Небо, оскверненное клубами дыма. Дочерна сожженная человеческая плоть. Затылочная кость и шейные хрящи, словно хрупкие ветки, сломанные в тисках гаротты. И в конце – распятия, глаза в отчаянной муке. Разграбленные и разрушенные синагоги. Мозаика в мечетях, испоганенная конями и людьми, кучи дерьма на свитках Торы и Талмуда. Отпущение грехов изветчикам и пьяным катам в капюшонах. Псалмы и молитвы в храмах с утра до поздней ночи. Чудеса, скормленные свиньям. Смердящие трупы святых, выброшенные из могил. Юродивые, бичующиеся, истощившие визгуны в бесконечной человеческой цепи на пути в Сантьяго-де-Компостелла. И Торквемада в фиолетовой сутане: зверь, преследовавший жертву быстрее самого дьявола.

А потом в Гранаде была нагружена повозка, тайно оседланы мулы. Первую неделю на север продвигались только ночью, с Адонаи в душе. Напоследок – подъем на горную вершину, уже сквозь горький аромат осени. Тяжелый переход через водопады, мимо головокружительной пропасти. Через горный хребет на границе, в лютый мороз. Оборванцами вошли в Россильон. И дальше – в Прованс. Наконец – Экс, герцог, вольнодумный двор и в нем – трубадуры.

Новые корни, дворянские милости, расцвет. Казалось, Испания и Инквизиция растворились в бесконечной дали. Вскоре молодая жена лекаря понесла. Первенец, появившийся на свет уже в новом столетии, за неделю до зимнего солнцестояния. Христианское крещение (береженого Бог бережет), а уж после – разудалые пляски и вино рекой. В лице мальчика слились еврейские, иберийские и французские черты. Глаза – под ликующие звуки цимбал – все еще таинственно сливались с Космосом. И в мгновение ока возведенный в сердце

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
мост между отцом и сыном...

На этом мосту уже прошло десять лет. Постепенное угасание одного из них. Наконец, болезнь кифы, Петра или Пьера де Нотрдама. И во время агонии еще раз выхваченный образ дьявола: Инквизиция даже во Франции, слухачи в доме. Поп-кадильщик из монастыря Сен-Мартен, стерегущий у смертного одра. Однако в последнем взрыве гнева остались неодолимость и торжество – Адонаи. Вездесущее семя, запечатленное и брошенное в глаза вечности. Жизнь, промелькнувшая и прочувствованная в обмене взглядами между отцом и сыном. А дальше – неожиданно – пустота.

Казалось, слово еще витало в пространстве, когда Мишель, охваченный ужасом, освободился от чар. Однако он продолжал не отрываясь всматриваться в застывшие зрачки отца. С последним дыханием жизнь отлетела от усопшего, он освободился от земной суеты. Это было мгновение, похожее на Слово. Но сын понял, что это Слово, и в душе он пронесся через десятки, сотни лет, века и тысячелетия, прошедшие до его появления на свет.

И в то же время он понял кое-что другое. Судорожно сжавшая его шею рука матери подсказала ему: если клирик что-то заметит, он способен скрутить их в бараний рог!

Но аббат, снова набравшись сил, второпях угрожающе замахал кадилом. В своем бездушии к покойнику он утвердился подобно камню. В любой момент он мог найти повод извергнуть анафему. Но тут он неожиданно подчинился воле мальчика: католический священник втянул голову в плечи и сгорбился, ограничившись торопливо-монотонным чтением молитвы.

Когда Мишель, охваченный болью, вышел из дома и его внезапно поглотила ночная мгла, он сначала почувствовал, а потом увидел, что псы Господни исчезли. И в то же время заметил вспыхнувшую звезду и понял, что мистраль тоже издал последний вздох.

книга первая DANSE MACABRE[3] (1513–1528)

Башня Жона-лекаря

В 1513 году, когда Пьер де Нотрдам расстался в приморской провинции со своими земными делами и обрел вечный покой, на другом побережье во всем блеске давала буйные ростки жизнь, чреватая войной.

В Риме творились чудеса: из ничего возводились языческие храмы, чудовищные по своей величине. Пятнадцать столетий одних ядовитых испарений злобы к евреям и ненависти к тому, что полно жизни, столетий кровопролития, страданий, пыток, предательства, истребления народов и злодейских убийств, лжи, интриг, отрицания Бога, охоты за ведьмами, сатанинских заклинаний и фальсификации религиозных учений, пятнадцать столетий неслыханного богохульства собрал под своим куполом новый собор Святого Петра.

Папа Лев X, вампир из дома Медичи, чтобы финансировать строительство Собора, с помощью папского кнута заставил раскошелиться в первую очередь Германию. Между Рейном, Эльбой и Дунаем была устроена продажа индульгенций. Заботливые папские посланцы проникали в самые отдаленные римские города и вези, дабы в их сундуках радостно звенели золотые монеты. Крестьяне и горожане обирались до последней нитки. На голод, банкротство и смерть обрекал мнимый наместник Бога на земле слишком легковверный народ. Он сам пошатнул свой престол, поскольку было необходимо воздвигнуть новую Вавилонскую башню, на позолоту которой не хватало денег. Тех, кто противился новорожденной химере, папа предавал проклятию, и прежде всего гуманистов. Однако то, что Гуттен вырубил своим мечом, Мартин Лютер до него уже отшлифовал в своих Тезисах. Прошло целых четыре года, прежде чем Реформация поднялась против Рима, и восемь лет, пока горожане не ополчились как следует против духовенства.

В то время как церковь блуждала в дебрях теологии, по ту сторону Атлантики, в мире совершенно неизвестном Европе, сквозь непроходимые джунгли и болотные топи пробивалась иная жизнь. Васко Нуньес де Бальбоа – так звали испанского конкистадора. Он подготовил дорогу мастеру по массовым убийствам Писарро, вскоре последовавшему за ним, прокладывая тропу поперек Панамского перешейка. Змеи и лихорадка косили его обезумевших солдат на пути к Эльдorado. И все-таки отряд разнужданных и одичавших католических

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
разбойников достиг Тихого океана. Его девственные волны молотил закованный в латы прожженный бандит Бальбоа. Он водрузил крест на берегу, чтобы жажда власти и золота дала возможность Молоху опутать весь мир паутиной.

Так продолжалось, пока коварное встречное течение не перекинулось на старый континент. Уже после первого плавания Колумба новая зараза чеканным шагом прошла по испанскому побережью, а затем полонила всю страну. И теперь, чего не случилось даже в более поздние времена, сифилис, занесенный из Центральной Америки, свирепо набросился на свои жертвы. Крысиными зубами он рвал человеческие тела. Никакое покаяние не спасало от невидимой кары; ни индульгенции, ни молитвы не способны были призвать на помощь Бога. И уже вскоре ангел мести в равной мере поражал и потаскуна и папу.

В 1513 году, когда наполовину осиротевший Мишель вошел в башню Жон-лекаря, в его алхимической кухне клубились серные пары тинктуры, с помощью которой сифилитики из Сен-Реми и его окрестностей тщетно надеялись смягчить свои муки.

* * *

Каменная громада – фундамент и все этажи, доверху выложенные в духе готики времен Каролингов, – находилась за городской чертой Сен-Реми, в холмистой и заброшенной местности. Жон-лекарь водворился здесь после того, как в 1508 году вторично остался вдовцом. Укрывшийся в каменной оболочке древних циклопических стен, он все больше и больше приобретал славу чудака, хотя его медицинская сноровка по-прежнему пользовалась спросом. Но с тех пор, как он стал принимать у себя внука, жизнь в образе Мишеля еще раз вызвала его на поединок.

– Сын мой, – обратился семидесятилетний старец к своему питомцу, когда в грушевидной каменной печи пофыркивало пламя, а за узкими оконными щелями бушевал зимний ливень: – Сын мой, обучаясь дальше, запомни одну вещь: не только экстракты облегчают болезнь. Зачастую для исцеления достаточно коснуться больного милосердной дланью врача.

Оробевший Мишель придвинулся к великану поближе. Слово «сын» ударило его, будто обухом по голове. В эти последние месяцы он слишком часто ощущал, как пустота, раскрывшаяся в его душе после смерти отца, снова завладевала им, но уже с примесью какого-то тепла. словно то, что было внезапно разрублено, соединилось и снова стало его опорой, поскольку то, что воспринималось как рана с рваными краями, вдруг в бешеном потоке ринулось в провал сердечной муки. Ибо Жон-лекарь, милосердный не только в качестве врача, мог воскресить Мишеля одним-единственным добрым словом. Именно таким образом Адоиаи восстановил обновленную плоть и кровь в мальчике и старике.

Конечно, десятилетний Мишель словами не мог выразить своего чувства. Но когда он прижался к деду плечом, чашу его души переполнила последняя капля. Мишель воскликнул:

– Если я вырасту большой, то стану таким же хорошим врачом, как ты.. и мой отец! – Он повернулся и продолжил: – Скажи, дед, можно мне будет пойти утром с тобой к больному?

Патриарх слегка задумался, скорее всего (как инстинктивно почуял это внук) приличия ради. Наконец он ответил:

– Если для тебя это и в самом деле важно, сын мой, мне радостно это слышать. А сейчас позаботься о кузнечных мехах! Заставь эфирный элемент бурлить в огне, чтобы Дракон встал на дыбы!

Алхимический образ, которым воспользовался Жон-лекарь, надолго врезался в память мальчика, когда он изо всех сил нажимал на неструганую рукоятку мехов. Почему воздух, то есть пустота, в сущности, заставляет вздуться пламя? Что скрыто за этой предполагаемой пустотой? Почему гаснет свеча, если на нее подуть, а не пламя, напоминающее бурные порывы мистралья?

Ускоряя движение рукоятки и приходя в ярость при нажиме на рычаг, мальчик не находил ответа, сколько ни ломал себе голову. Но именно это казалось бесконечным волшебством, в тайны которого Жон-лекарь намеревался посвятить своего ученика. Мишелю необходимо было встретиться с необъяснимым явлением, пока еще непонятным ему, чтобы в нем проснулась жажда знания. Тощий как

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
цыпленок, этот сорванец с такими невероятно чистыми, но в то же время загадочными глазами смело принял бой, крепко вцепившись в скрытую сердцевину, готовую расколоться. И тогда к нему внезапно возвращалась сосредоточенность, наполненная мучительными вопросами. Спасительная природа предъявляла свои права, и Мишель уходил в себя, не отвлекаясь на разглядывание волшебной пещеры, вид которой так поразил его с первого раза.

Шершавые, низкие каменные колонны, сумеречные ниши, темные дубовые перегородки оплели пространство. Покрытая пылью паутина и сверкающие колбы находились в ближайшем соседстве. Целая батарея стеклянных сосудов возле окна, вероятно, была убрана за ненужностью: в них ничего не было, кроме земли. Но Мишель уже знал, что на самом деле это был важный элемент, такой же многоликий и многогранный, как человеческие дела по ту сторону городской стены. Светлые минеральные песчинки, спекшиеся в кроваво-ржавую массу. И рядом перегной, черный как уголь. В одном сосуде – смоченный или покрытый пылью, в другом – комковатый. Был даже навоз. Лишенная запаха первоматерия здесь, полная чада и зловония там. Но прежде всего важен общий принцип, как объяснил ему Жон-лекарь; в итоге купность мира разбилась вдребезги единственной силой – размылась водой, треснула, обуглилась и превратилась в порошок.

Сплетенные сканью, лишенные резкого аромата, соседствовали друг с другом пучки растений, уложенные под высокими сводами, почки, цветы, листья и травы. Все это казалось Мишель высохшим и погибшим, но на самом деле все это дышало жизнью, а не смертью. Осознав это, он вдруг вздохнул с внезапным облегчением и нашел мужество взяться, восторгаясь собственным риском, за чудовище, как ни в чем не бывало расположившееся на одном из специально сконструированных столов. То была туша крокодила – когтистый клубок в стеклянном сосуде. Рядом – гнездо с яйцами дракона в жидком известковом растворе. Разъеденный кислотой череп с оскаленными зубами – мертвая обезьянья голова. Мозги, отливающие зеленью в спиртовом растворе, свернутые, как черви, в своей страшной обнаженности. Над ними наискосок – кожаная лапа из Египта, протертая ветрами многих тысячелетий. Невольно внутренний взор Мишеля уловил очертания остроугольного храма мертвых: всего несколько дней назад он разглядывал эту гравюру в одном из фолиантов, рядами нагроможденных на полках, похожих на узкие коленчатые переулки. Но прежде чем мысленный взор сумел вобрать в себя не сразу, не вдруг проступающие подробности очередного видения, громкий настойчивый призыв Жона-лекаря вернул его на землю:

– Не забудь про кузнечный мех, сын мой! Еще немного, и мы уже у цели!

И десятилетний мальчик старался изо всех сил, снова пытаясь помочь старику, пока наконец из медного змеевика не стал капать дистиллят, превратившийся позже в тоненькую струйку. Когда колба начала наполняться и лавандовая эссенция, необходимая врачу к завтрашнему дню, заполнила посудину, Мишель услышал:

– Этим лечат печень, селезенку и желудок! Даже мочу, задержавшуюся в организме, выгоняй агенцином. То же самое помогает и женщинам, когда их мучают родовые схватки, а плод не проходит. Заруби себе на носу, малыш! Я тебя снова спрошу об этом!

Мишель с серьезным видом кивнул головой, но тут же вышел из комнаты, поскольку дождь на улице прекратился.

Теплый сухой ветер с юга гнал облака над песчаными косами. Их расплывшиеся светлые кромки, казалось, сразу же вступили в веселый разговор с тугим морским дыханием. Мишель на бегу вдыхал возбуждающий аромат влажных сосен. Он взбегал на косягор, покрытый узловатыми корнями, пока не достиг развалин Гланума, обнаруженных им и дедом совсем недавно за башней.

Прижавшиеся друг к другу домики, сеть переулков. Под ними в бесконечной глубине раскинулся Сен-Реми. Карликовый мир, открытый ему и только ему одному. Потом, еще дальше, между людской суетой и его собственным одиночеством, отдающим хвоей, – вереница крепостей, каменное чрево, башня Жона-лекаря.

Мишель в испуге затаил дыхание, едва подумал о том, что когда-то эти древние стены принадлежали не кому-нибудь, а королю иерусалимскому. Стихии Давида и Соломона – темные, запретные для Мишеля мистерии, казалось,

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
пропитали серые тесные камни. Слово невидимо протянулась пуповина отсюда к Палестине. Простерлось из глубокой старины и снова свернувшееся в клубок нечто такое, чего мальчик не мог понять умом.

Но тем не менее Мишель и в другом месте предвидел ураган времени и рухнувшие храмы. Виною тому был стены, издавна находившиеся во владении Жона-лекаря. Загадочную роль играл неизмеримый след, оставленный окаменевшим экстрактом столетий в глубочайшей сердцевине башни Жона-лекаря.

Он был утомлен подъемом и с трудом перевел дух. И вдруг в мозгу пронеслись обрывки картин. Раскрашенная нагота земли – известковой, красной, первобытной; он видел танцы, прыжки внутри вертепа. Набрякший уд колдуна, готовый взорваться от страсти. Плоть волшебных грибов, дарованных взвихренными небесами. Мякоть широко распахнутых бедер, открывших в недрах лона маточный зев. Зубры, олени, кони, выписанные на камне. Вскрик девственницы от боли и следом – ее восторг. Роскошь пастбищ земных в промежке дельты и моря. Диковинное изобилие и вечная фортуна в охоте. Но следом лютые холода; и бронзу оттеснило железо.

На вертеп, на живопись в камне давила своей тяжестью сторожевая башня Рима. Юпитер, Юнона, но прежде всего бог войны Марс. *Senatus Populusque Romanus*. [4] За высоким палисадом рождались налоговые доезжалы и заплечных дел мастера. Все жаднее – вопреки наступившей Новой Эре – высасывали золото из жил Галлии. Однако уже тогда на валу нынешней лагерной когорты был вырублен камень, странный и враждебный Риму: еще не осмысленный христианский знак Рыбы. Недолговечный мирный символ стал неузнаваемо изменяться, когда куранты Новой Эры после трех полных оборотов часовых стрелок пробили тринадцать часов. Чуть позже вестготская конница – на закате империи – вошла в древние стены Рима. И тогда же возникла арианская брешь. Не раньше, чем франкские мечи возродили католичество, алтарный камень превратили в попираемый стопами дверной порог. В дальнейшем последовали основательные застройки, уничтожившие всюду ароматы лаванды и пиний, пролетавшие над башней Жона-лекаря в новом тысячелетии, по-барски кичливые, всегда штурмовавшие небо, вторгшиеся в сердце французского королевства, вырубавшие крестообразные бойницы и насаживавшие лапчатые зубцы каменной кладки на стенах крепостей. Носители креста, они даже в древнем вертепе оставили свои зарубки – застенки и темницы. Падение Гранады – пороховой погреб, подобный нарыву в кишке у страдающего запором. За орудийным грохотом фальсифицируются времена названного короля иерусалимского. Мишель осознал сразу, что архаика извращается в анахронизме. Шутовство, бесконечно чуждое Иерусалаиму, когда древние стены оклеивались фальшивыми гербами, тщательная подделанность под античность. Но последним обитателем был тот, чье семейство – пусть и христианское – на самом деле породнилось с Сионом: отшельник, супостат, алхимик Жон-лекарь.

В этой точке мировой кругооборот замкнулся. Непостижимо, но реально. Полтора тысячелетия принуждения и насилия. Задохнувшийся мальчик увидел все это, когда наконец истинная человечность все-таки вернулась на круги своя...

Трясущийся, словно в эпилептическом припадке, Мишель Нотрдам в наступившем вечернем сумраке пришел в себя. Отталкивающее и в то же время возбуждающее соблазнительное эхо времени вызвало в нем дрожь и озноб, лицо покрылось капельками пота. Второй раз в его такой хрупкой жизни вихрь воскрешенного прошлого захватил его врасплох. Мальчик в восторге ринулся в долину, а в душе его как будто продолжал раздаваться звон. Лишь перед башенным порталом, где земля между конюшней и дровяным складом оставалась грязной и вдруг стала по-домашнему уютной, с замедленным ритмом бега пошло на убыль и возбуждение Мишеля.

Наутро, наполовину предвкушая радость, наполовину испытывая подавленность, Мишель съезжился на облучке повозки; сивый камарганец, уроженец здешних мест, тронул впритруску и взял дорогу на Кавайон. Мимо проплывали убранные пашни, плантации обнаженных олив. Под резкими порывами ветра склонялись пинии. В этот ледяной зимний день земля обезлюдела. Навстречу попалась только крестьянка: у моста через Дюранс дряхлая старуха, тащившая за собой корбочатую тележку, посторонилась, чтобы уступить дорогу. Река, приняв грязно-бурый оттенок, мчала свои воды в сторону Авиньона. Когда резвый камарганец ступил на дощатый мост, показалось, что вода достает уже почти до балок. На другом берегу в невзрачном домике таможни лежал пьяный Жан Конфлан.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Мишель, стоявший за спиной у деда, протиснулся поближе к койке ветерана. По дороге Жон-лекарь рассказал внуку, что когда-то Конфлан воевал под знаменем короля, и Мишель вдруг почувствовал, что от такой славы как будто больше ничего не осталось, кроме резкого козлиного запаха и убого прикрытой нищеты. И теперь это неожиданно напугало его. Как простодушный младенец, искал он защиты у деда и вдруг расслабился, когда понял, что таможенник не обратил на него никакого внимания. Но Жан Конфлан под руками лекаря, ощупывавшего его, вдруг начал жалобно стонать и с хрипом выдохнул из себя, что ночью он впустую пытался сходить на двор по малой нужде, но навозная куча так и осталась нетронутой. Жон-лекарь кивнул, хлопоча над замком своей сумки, но затем обернулся, так и не открыв ее, и сказал своему ученику:

– Ну, Мишель, может быть, ты припомнишь, какой урок я тебе вчера преподавал?

Результат превзошел все ожидания. Едва в голове мальчика проснулась первая мысль, робость его как рукой сняло. Ему почудилось, что он снова находится в башне деда, снова слышит, как бурлит дистиллят и наполняется колба. Представил, что видит ее, и тогда у него вырвалось:

– Эссенция лаванды! Этим лечат печень, селезенку и желудок! Даже мочу выгоняют агенцином! То же самое помогает женщинам, если их мучают родовые схватки, а плод не проходит...

От изумления зрачки лекаря расширились: его внук повторил наставление слово в слово. В нем проснулась гордость деда. Но прежде чем дать волю этому чувству, он услышал смех Мишеля. Малыш добавил:

– Мы, конечно, не берем в расчет того, что Конфлан собирается рожать...

Он замолк, устыдившись собственной дерзости, и покраснел, обратив при этом острый недетский взгляд на больного. Вид тронутых желтизной глазных яблок, крупные поры, казалось, запечатлелись в его мозгу, и тогда из Мишеля снова выплеснулось – это был заключительный диагноз:

– Если Конфлан не может регулярно мочиться, то причина этого прежде всего в печени. Пьянство заставляет ее разбухать как губку. Соки больше не могут выделяться наружу; скорее всего они накапливаются в теле, осаждаются в ногах. – Мишель перевел дыхание. Совершенно отчетливо он увидел перед собой как бы все внутреннее строение тела. – Струпья, – забормотал он, – известковые отложения, винный камень, как галька в речном русле. И гнилая жидкость стекает дальше вниз, как бы смешиваясь с телом... – Вдруг он снова пришел в себя и со странной рассеянностью заключил: – Эссенция лаванды принесет Конфлану облегчение. И очень скоро. Но даже она не поможет, если он будет продолжать пить. Вино для него яд, оно заставит его напоследок лопнуть, как сгнивший плод.

Он замолчал и стремглав выскочил из домика, слыша вдогонку крики больного ветерана. На воле, под ледяным ветром, Мишель рванулся к повозке, к сивому жеребцу и спрятался головой в его косматой гриве. Чувствуя здоровый и спокойный ток крови и слыша тяжелые вздохи камарганца, он вообще больше не мог понять, что случилось с ним в этой неприглядной лачуге. Он чувствовал только стыд, жалость и замешательство. «Почему я так сказал? – с ужасом подумал он. – Почему не пожалел больного! Но он все-таки и без меня наполовину мертв». Однако последняя фраза получила беспощадный ответ. Мишель де Нотрдам в этот миг усваивал, что сострадание может быть не в ладах с желанием помочь, и в итоге получилось так, что он принялся рыдать, сотрясаясь все сильнее, почти до судорог.

Наконец-то Жон-лекарь, крепко обхватив его, высоко поднял и спрятал под своей шубой. Трясущая колымага тронулась в обратный путь, толчками подбрасывая его с каждым шагом камарганца, отдаляя его от взлета и падения в познании, пока наконец, уже на другом берегу Дюранса, он не услышал, как Жон-лекарь произнес:

– Я не смог бы сделать это лучше, чем ты, сын мой! Больному иногда следует дать словесную плюху, чтобы вправить ему мозги. Рискнул бы поступить с Конфланом я так же? Но ты это сделал, и теперь он знает, что эссенция лаванды облегчит ему боли. Отныне все зависит от него: выполнит ли он указание своего врача... Последние слова Жон-лекарь заключил тычком локтем – мужским жестом, выражавшим симпатию и похвалу. Мишель понял это инстинктивно, вдруг ощутив бесконечное облегчение оттого, что Жон-лекарь

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org похвалил его еще и за точный диагноз и отличную память. И пока сивый жеребец объезжал очередную ветхую лачугу, мальчик вспомнил о другом, что он усвоил в башне, и попросил деда:

– Если бы мне раз-другой еще увидеть Жана Конфлана, чтобы он только не был так одинок...

– Уж не думаешь ли ты, что он подпустит тебя к себе, после того как ты прочел ему такую мораль? – пошутил дед.

– Да я просто хочу попробовать, – возразил Мишель. – Не ты ли сам сказал, что милосердная рука врача часто помогает больше, чем агенцин? Но ты ведь говорил не о настоящей руке, правда? Ты что-то еще другое имел в виду, я знаю!

В ответ Жон-лекарь не произнес ни слова. Большой, сильной рукой он погладил мальчика по щеке. Собственно, вот так и случилось, что Мишель де Нотрдам нашел себе первого пациента, за которым долго ухаживал. В конце зимы, а потом весной и летом он не боялся ехать к Дюрансу, и, когда мальчик бывал у Конфлана, тот, прежде напивавшийся в стельку, к бутылке не притрагивался и в конце концов полностью отказался от выпивки. Но если после годового воздержания его поддразнивал прежний собутыльник, ветеран имел привычку клясться:

– Ты не видел глаза Жонова внука! Что-то святое, да нет, другое, а не то, что мнится попам. Каждый раз я твержу, что был бы последним сукиным сыном, если бы воспротивился ему, хоть тогда, в самом начале, по своей тупости я еще брыкался...

И через три года пошла слава о тринадцатилетнем целителе. В то самое время, когда в Новом Свете испанец Диас де Солист открыл и исследовал залив Ла-Плата в устье Параны, когда германский император Максимилиан I пытался пойти на мировую с ягеллонами, а король Франциск I, разгромив в битве при Мариньяно наемников герцога Сфорца, занял Милан, дряхлеющий Жон-лекарь все отчетливее осознал, что его внук мог бы стать талантливым медиком, стоило лишь открыть ему дорогу к врачебной карьере. Вечерами в стенах башни, когда в камине потрескивали дрова, Жон-лекарь все чаще заводил разговор об авиньонском университете. Он рассказывал о своем обучении, когда в былые времена занимался в тени папского дворца; вспоминал друзей из тех, кто отошел в мир иной, и тех, кто теперь преподавал в столь почтенном заведении. Жон-лекарь не раз уверял, что родовые корни Мишеля по материнской линии частично идут из Ронской твердыни: еще теперь там жили видные родственники, к примеру тетка Мишеля Маргарита, вышедшая замуж за талантливого художника.

Но не только с этой точки зрения занимался патриарх планами на будущее для своего внука. И в алхимической лаборатории, и в больничных делах Жон-лекарь все больше и больше стал опекать внука и в то же время больше требовать с него. Сидя перед нильским крокодилом, к которому Мишель уже давно привык, старец и юноша вместе читали по складам итальянские, греческие, арабские и даже древнееврейские книги. Постепенно Мишель стал понимать Галена, Гиппократ, однако дед не боялся шлифовать разум своего внука и на замысловатой премудрости Талмуда. Мальчик, а это Жон-лекарь часто повторял про себя, честно выдержал духовную борьбу до конца. Его наставник всегда изумлялся феноменальной памяти Мишеля, но уже начинал догадываться о его поразительных способностях в алхимии и эксперименте, хотя внук, в сущности, еще не вышел из детского возраста. Тем не менее мальчишка чувствовал подводные рифы и ловушки ложной премудрости в черной магии, изученные мудрым и осторожным мастером, размышлявшим над подлинным зерном текста и отделявшим это зерно от мякины. В частых жарких спорах с Жон-лекарем Мишель был способен вывести на чистую воду надуманную проблему. У него порою получались такие химические соединения, к которым старик не мог подобраться десятилетиями, сколько ни бился над разрешением загадки. Но если Жон-лекарь спрашивал, как ему удалось напасть на верный след, воспитанник начинал нести сплошную ахинею. То, что, по сути, занимало Мишеля – вид яростно бурлящего дистиллята, – сливалось с Адонаи и тем, что стало ключом к переживанию, когда-то испытанному им вне стен башни. То самое, чего Мишель еще не умел облечь в слова.

Он давал агенцин страдающим недугом, применяя его с инстинктивно выработанным умением. Чем настойчивее занимался он науками день ото дня,

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
тем интенсивнее и изящнее вскрывал суть явлений. Ему казалось, что сосуды смыкались подобно рекам и ручьям. Кости перед его мысленным взором размыкались как хрупкая горная порода, он проникал в любую клеточку тела, в любой орган. И в это время он чувствовал, как кровь шумно пульсирует в мозгу и в самой середине его тела происходят мягкие перебои крови. Пророческое и разумное сливалось в одно целое, и тогда он ставил свой диагноз – чаще всего удивительно точный. Жон-лекарь каждый раз признавал это в качестве врача, исходя из своего большого опыта. Делал он это безо всякого чувства зависти и в то же время с каким-то душевным испугом: чем дальше внук шел своим путем, тем непонятней становился его наставнику мощный процесс созревания, ярость духовной грозы в до сих пор еще не окрепшем тельце подростка.

Временами Жон-лекарь даже страдал от ощущения, что под влиянием внука вещи сходятся в своей противоположности и несовместимости. Прочная картина мира, установившаяся в сердце семидесятилетнего старца, казалось, внезапно разлеталась вдребезги. И под напором таких духовных перекосов любая, более мелкая, чем у Жона-лекаря, душа могла бы превратиться в ничтожную, завистливую и циничную душонку. Не так все было с Жон-лекарем: душа его продолжала оставаться мягкой и эластичной в общении с внуком, которого так трудно было понять. К тому же Мишеля зачастую обуревала скорбь. Обоих – старика и подростка – связывали общая тяга к познанию, невыносимая жажда сострадания и в то же время самобичевание сверх всякой меры. И это объединяло их даже в периоды взаимного отчуждения.

Тем не менее сострадание Жона-лекаря вступало в конфликт с его десятилетним недугом – подагрой. Зачастую это настолько мучило душу внука, неокрепшую и по-детски восприимчивую, что страдания Мишеля и особенно неумелые его попытки эти страдания скрыть от посторонних мучили деда похлеще недуга. Внук, которому исполнилось пятнадцать лет, оказался способен в полной мере наблюдать человеческие муки в их необъятной безмерности, с каждым разом ощущая себя все более и более причастным к бездонному космическому холоду. Причиной этого чувства были встречи с людьми, с которыми он сталкивался ежедневно. Женщины в убогих лачугах, больные раком груди... Ребенок, растерзанный волчьими клыками... В другом доме – огромный, размером с голову новорожденного младенца, нарыв у больного, принявший багровый оттенок под кожей... Дворянин за каменными стенами дворца, разъеденный сифилисом... Супруга, обрюхаченная его ядовитым удом... Охотник, пропоротый оленьими рогами... Черви в человеческих ранах... Крепостные конюхи, которых – вопреки обычаю католического безвременья – посещали Жон-лекарь и Мишель: больные рахитом, отравленные наркотиком, задохнувшиеся от чрезмерной слизи в легких, пораженные гангреной и павшие жертвой примитивных борон и топоров... Выпачканные в собственных испражнениях больные дизентерией или тифом, из которых вместе с кровавой грязью неудержимо вытекала и жизнь... Печень, разорванная от проклятого последнего глотка сивухи... Кровоточащий желудок... Сердце, внезапно пораженное каталепсией...

В такие минуты Мишель, казалось, сам пребывал в состоянии, близком к каталепсии. Словно в сетях запутывались его логика и способность размышлять, и чем больше он пытался выбраться из этих тенет, тем хуже становилась стальная хватка невидимой паутины. Он мог наблюдать, как разрывается чужое сердце, даже анализировать происходящее, но на пути вставала эта проклятая преграда – железная сеть. Тогда начинался скрежет зубовой из-за этой ловушки, которую он хотел перегрызть. В таком предельном напряжении из его души вырывался мучительный крик, и, несмотря на свое прозрение, он ничем не мог себе помочь, как не могли этого сделать и остальные, если бы захотели облегчать его боль. Словно между его страстной жаждой жизни и реальностью были воздвигнуты горные утесы. В такие часы ему казалось, что Адонай издевательски хохочет над ним, и тогда Мишель спасался бегством, мчался как безеный в глухие заросли. Будучи в таком состоянии, он с нетерпением ждал, когда снова забушует мистраль, жаждал очищающего шквала, сметающего все на своем пути, – но ни разу в эти годы природная буря не совпала с его душевной бурей. Словно в насмешку взметались в пустоте зазубренные мечи и рассекали пропасть еще глубже. Тогда сквозь корявый подлесок Мишель мчал дальше.

Под тяжестью (так казалось) небес из него выходили последние остатки сил, а руины, по которым карабкался Мишель, вбирали в себя, на манер губки, его душевную ярость.

Когда он достигал предела, его каждый раз тянуло в долину, все равно на

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
какой берег реки. Там он заставляя себя броситься в воду и не единожды бывал счастлив в прохладной упругости струй, отчасти напомилавших мистраль. Если же он не испытывал счастья, тогда отдавался на волю волн, – до полного изнеможения. Когда он доводил себя до такого состояния, то выходил из воды и снова возвращался к башне Жона-лекаря. Как само собой разумеющееся, принимал он опыт старика, который сделался самым близким ему человеком, а жизненный опыт и профессиональная прозорливость которого служили для Мишеля надежными критериями; и он уходил с головой в книги и эксперименты, и делал это весьма увлеченно и неистово, норовя проникнуть в логику магических понятий. И наряду с этим в нем росло желание попасть в авиньонский университет: собственно говоря, именно оттуда начинала сверкать единственная искорка надежды.

Жон-лекарь уже давно загорелся заветным желанием устроить внука в тамошний университет; он мечтал от править его туда сам. Старик даже установил сроки приема – день рождения Мишеля. Но прежде чем наступил 1518 год, судьба снова оскалилась в циничной ухмылке. Когда воспитанник Жона-лекаря после бессонной ночи, проведенной в алхимической лаборатории, ступил на верхний этаж башни, он нашел старца совершенно бездвижным. Сердце великодушного и чудаковатого патриарха внезапно перестало биться.

Авиньон

Мать Мишеля гладила в рассеянности гриву сивого жеребца рукою, покрытой мелкой сетью прожилков. В последние годы между ней и ее первенцем связь ослабла. Чувствами и мыслями растущего мальчика завладел Жон-лекарь. Мадлен, достаточно требовательная к остальным четырем сыновьям и дочке, приняла это тихо и смиренно. И все-таки сейчас, перед окончательной разлукой со старшим сыном, у нее помимо воли стремительно вырвалось:

– Ты бы еще мог хорошо пожить в Сен-Реми год-другой! Стоит ли так торопиться в Авиньон? Ей-Богу, не стоит! Почему ты не попросил аббата из Сен-Мартена? Он же тебе предлагал место в латинской школе, а ты отказался! Вместо этого, – она всхлипнула, как тогда, у постели умиравшего мужа, – наследство, оставленное тебе моим отцом, ты увозишь на чужбину!

Мишель де Нотрдам почувствовал себя после этих слов еще более неуютно; он покрепче устроился в седле и почти грубо ответил:

– Будь жив дедушка, я бы уже в прошлом декабре был в Авиньоне, сразу же после дня своего рождения. Так было решено! И я теперь исполняю то, что он мне завещал. Это было его желание и мое тоже! Именно из этих соображений прежде всего дедушка завещал мне деньги, книга и своего сивка. И еще – за месяц до его кончины мне уже была приготовлена комната у тетушки Маргариты. Да, ну и, кроме того, ведь Авиньон не за горами. Всего-то два дня пути...

– И несмотря на это, – охрипшим голосом настаивала вдова, – не стоило так быстро уезжать!

– Я же приеду на каникулы, – заверил Мишель. Это прозвучало как вполне разумный аргумент. Понятливый жеребец замер словно изваяние. Мишель спешился, мать и сын крепко обняли друг друга. И только когда Мишель почувствовал, что мать примирилась с отъездом, он осторожно высвободился из объятий, прыжком снова устроился в седле, и камарганец бодро направился со двора. Но позже ударом шенкелей он заставил жеребца пуститься так стремительно, что дорожный мешок с книгами и прочим скарбом, притороченный к седлу, принялся елозить на крупе лошади.

Ветер сильной, упругой волной ударял мальчику в лицо, раздувая одежду. Словно во сне он прервал рысь камарганца, даже выпустил поводья из рук и уставился на башню, к которой его подсознательно потянуло напоследок. Мишель вспомнил о том, как проносили гроб через портал. Как поблескивало лакированное дерево, влажное, почерневшее под осенним небом. Припомнилось и то, как на погосте со стуком комья земли падали в могилу. Прощальные цветы, капли святой воды, крест с острыми краями, водруженный на каменной плите. Торопливое предложение аббата касательно церковной латинской школы с ее прилипчивой схоластикой. И его, Мишеля, внешне пристойный, но презрительный отказ.

Потом официальное посещение нотариуса; завещание Жона-лекаря; бумага, скрепленная сургучной печатью... Башню за неделю растащили и мерзко обобрали.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Одежду, мебель и кухонную утварь отдали старьевщику. Алхимические приборы тайком зарыли в землю. (Инквизиция, как и прежде, подсылала своих соглядатаев к родственникам умершего.) Зародыши, которые Жон-лекарь с маниакальным упорством начал бальзамировать в последние годы, ночью увезли в Фонтенде-Воклюз...

И вот ничего не осталось, кроме ветра, гулявшего в каменных стенах, и пушистых холмов снега под зимним небом... Все стало чужим... В глубине по-мужски созревавший, с ломким голосом, с прыщеватым лбом – Мишель... Наконец ранним летом 1519 года весточка из Авиньона о приеме в университет.

После того как Мишель отдал последнюю дань памяти Патриарха, он снова ударил шенкелями, и сивый жеребец, неспешной рысцей накручивая на копыта дорожную ленту пространства, поскакал.

* * *

Мишель навалился плечом, и створки ворот со скрипом раскрылись, жеребец внезапно прянул, рванув повод из рук. Мишель увидел скелет: сверкающее лезвие косы, длинные оскалившиеся зубы... Мертвой хваткой скелет обхватил коготку.

Мишель окаменел, по его спине поползли мурашки. Ему показалось, что хохот вырывается из глотки скелета. Но сразу же ему навстречу вышел из-за натянутого на подрамник холста человек в запятнанной красками блузе, со всклокоченной бородой. Он размахивал бутылкой с красным вином и кричал:

– Ежели тебе хочется христарадничать, вали отсюда! Ни гроша не заполучить у Анатоля, будь ты семи пядей во лбу. А то эвон что творится – авиньонские живописцы перебиваются с петельки на пуговку и страдают от гнусных нравов, однажды введенных здесь папами римскими. Даже эта кислятина в моей руке и та куплена в кредит!

После такой тирады порядком захмелевший мужчина присосался к бутылке, с бульканьем впуская вино в горло, поперхнулся, чуть погодя рывкнул:

– Что?! Ты еще здесь?! Разрази меня гром. А ну хватай ноги в руки, иначе кликну парней – они у меня горлодеры и вышибалы что надо!

Но прежде чем он успел перейти от слов к делу, Мишель объяснил, кто он и зачем прибыл. Неожиданно перед ними предстала ладно сбитая, со всех сторон пышная матрона. Не успел юноша оглянуться, как она уже заключила его в объятия. Когда первый приступ радости миновал, она обратилась к мужу:

– Ты что, последние остатки мозгов уже пропил? Не узнал свою собственную родню?! Ослеп, что ли, болван! Разуй глаза, он же вылитая копия сестрицы Мадлен. Это Мишель, сын Пьера и любимый внук старого доброго Жона-лекаря!

– Вот как? – удивленно протянул художник, однако жена, не удостоив его ответом, повернулась к Мишелю.

– Сыночек, наконец-то! Ты даже не представляешь, как мы ожидали тебя! Выглядишь что надо! Слушай, как только Анатолий протрезвеет, он напишет твой портрет. Ты всем авиньонским девчонкам вскружишь голову, ей-Богу!

Вдоволь насладившись вспыхнувшим на щеках Мишеля румянцем, она обернулась, схватила за рукав смущенно улыбавшегося супруга и заключила:

– Та-ак, а теперь извинись перед нашим гостем, бестолочь!

– Разве знаешь, кто вдруг придет... – пробормотал художник. – Тут имеет смысл сначала всегда быть осторожным. А если выяснится, что произошла ошибка – тем лучше! – Вслед за этим Анатолий обнял племянника, протянул ему бутылку и потребовал: – Выпей капельку! Для хорошего аппетита, покуда Маргарита занимается стиркой. Да ты не трус, малыш! Перед этим не трус! – он указал на холст с пляшущим скелетом. – Взгляни-ка, бряцающий костями молодец тоже знает, что такое наслаждаться жизнью. Держись крепче. Потому что члены муниципалитета так ценят этот прекрасный город, давший мне недавно заказ на картину. Прочисти глотку, мой юный друг! А после сознайся, что у тебя на душе.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Мишель, у которого от долгой езды пересохло в горле, согласился. Бутылка перешла из рук в руки. И будущий студент, в то время как дядя рассматривал его, убедился, что вино достаточно изысканное даже для дворянского стола.

* * *

Попойка, в которой приняли участие не только родственники, а также и все соседи квартала, где жили художники, была шумной и веселой. На следующий день Мишель отправился в университет.

Он прошел вдоль серых крепостных стен, выложенных из тесаного камня, затем по внутреннему бордюру крепости, выстланному толстыми досками. Около моста Сен-Бенез, перекинутого со времен Крестовых походов через Рону, взгляду открылся вид на устье Дюранса. Авиньон расположился под двойной защитой обеих рек. На полуострове причудливо раскинулся лабиринт патрицианских дворов и аристократических дворцов. Башни замков и храмов устремлялись в небо. Между ними расположились во множестве фасады, эркеры и фронтоны. Бесконечные ряды домов горожан и домов ремесленников были разбросаны в городском чреве. От зданий, где жили ремесленники, исходила вонь. Гнилостный запах шел от дубилен, сладковатый и приперченный – от мясных лавок, ароматный и бродильный – из хлебопекарен, где находились печи и корыта с опарой. Красильни источали тонкое благоухание, кузницы – дымный дух. С чадом смешался многообразный шум – звяканье железа, стук матриц печатных машин, скрежет точильного камня, хлопанье тканей, стук валяльных станков и мельничных жерновов, визг пилы. Хриплые призывы торговцев, возниц или просто споривших меж собой горожан. Приплясывая, Мишель проталкивался через весь этот гвалт. Он вдруг увидел прямо перед собой застывший половину неба папский дворец, возвышавшийся над всем этим вавилонским столпотворением.

На вымощенной бульжником площади высились полукруглые, почти фаллической формы порталы и окна. Сверху, как на укрепленной стене замка, угрожающе застыли каменные зубцы. Над створами ворот возвышалась башня. Раздвоенным лезвием вытянулись за ней две балки с колоколами. Еще дальше громоздкой и тяжеловесной колодой возвышался донжон. Дворец буквально был переполнен бойницами и защитными выступами. Презрение к человеку и жажда власти словно ввелись в его каменные мускулы. Это было первое, что ощутил юноша. И тогда во внезапном озарении, мысленным взглядом проник он сквозь стены и рассмотрел то, что скрывалось в недрах клерикальной крепости. Он испытал ужас, вызванный мрачностью этого по сути тюремного застенка. Он увидел, как стекает кровь по стенам, услышал хруст костей... Он разглядел рты, десятилетия и столетия подряд разрывавшиеся в немом вопле; сквозь эти муки узрел он заплочных дел мастеров, монахов, прелатов, каноников, епископов. И прежде всего пап – их было семеро в период Авиньонского пленения. Мишелю де Нотрдаму сдавило горло; борясь с подступившей тошнотой, он вырвался из объятий напасти, схватил первого встречного за полу сюртука и торопливо спросил, где расположено здание факультета свободных искусств.

– Свободных? – переспросил горожанин.

Факультет оказался скрыт в тени папского дворца, но выглядел так, словно оба они – папская крепость и факультет свободных искусств – находятся в двух разных измерениях. Мишеля поразила совершенно иная, более свободная атмосфера. Жизнерадостными красками отличались лихие костюмы и береты здешних студентов, причем то было их будничное платье. И Мишель вдруг почувствовал себя спокойно и легко, как дома. В лекционном зале он внимал, смотрел во все глаза на то, что ему и остальным студентам преподносилось с кафедры. Когда доцент закончил лекцию, новичка вызвали на прием к ректору.

– Прежде всего надлежит освоить *trivium*, – объяснил ему ректор. – Грамматика, риторика, логика. Это условия для любых научных занятий. Если ты чувствуешь себя в этих дисциплинах как рыба в воде, тогда тебе должно обратиться к высшим искусствам, каковыми являются арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Уже в античности, с ее жаждой знаний, эти семь искусств представляли собой венец борьбы за познание, за прекрасное. Но сейчас, друг мой, позволь тебя слегка прощупать! Прежде чем ввести тебя в класс, мне следует узнать, как тебя подготовили в Сен-Реми...

И Мишель бесстрашно принял бой. Старый Жон-лекарь заложил в него основу. От латыни учитель и ученик перешли к греческому. Мишель вызвал удивление, когда сумел привести несколько фраз даже на арабском языке.

– Это тебе весьма пригодится, если ты в дальнейшем пожелаешь овладеть профессией врача, – добавил ректор. – По крайней мере здесь, во французском королевстве. Разумеется, окажись ты по другую сторону Пиренеев, в Испании, тебя тотчас взяла бы в оборот Инквизиция! – Он почувствовал, как студент насторожился, и тактично перевел разговор в другое русло. – Во всяком случае, сегодня ты отличился. Считаю тебя годным для второго семестра. Стало быть, перескочишь начальный класс, сэкономить уйму времени. Учись прилежно и тогда за год получишь степень бакалавра.

* * *

До следующего лета Мишель с усердием постигал науку. Каждое утро, за исключением церковных праздников, вольготная атмосфера нового жилища сменялась духовной, высокоинтеллектуальной атмосферой факультета свободных искусств. В берете, увенчанном пером, Мишель вскоре уже ничем не отличался от остальных студентов. У него появились друзья, равно как и завистники. Как-то он завел диспут, после чего неожиданно для себя прослыл хитрой лисой, таким хватом, который за словом в карман не полезет. Воспоминания о Сен-Реми посещали его все реже и реже. В каникулы, выпавшие на Рождество, пробыв несколько дней дома, он вскоре тронулся в обратный путь, в Авиньон. А в следующий семестр (Мишелю уже исполнилось шестнадцать лет) в тени папского дворца он постиг силу женского соблазна...

Анатоль не раз с ухмылкой упоминал о питейных соблазнах в «Рыжей Слонихе». Мишель, к тому времени отрастивший редкие усики, и сам прежде слышал от своих друзей много комплиментарных слов в адрес веселого заведения. Наконец мартовским вечером, когда в долине Роны повеял южный ветер, Мишель, уже изрядно к тому времени нагруженный дармовым вином художника, направился-таки в знаменитую таверну.

На полпути между мостом Сен-Бенез и церковью висела трактирная вывеска, на которой было изображено толстое, неопределенного облика животное с удивительно большим хоботом. Внутри, на трактирном престоле, возможно, еще более объемистая, чем животное на вывеске, восседала трактирщица, она же и хозяйка борделя, – рыжеволосая Северина, пышная красота которой сделала таверну знаменитой на весь Авиньон.

Когда обладатель свободных искусств пробивал себе путь сквозь трактирную давку, он сталкивался с пьяными, шарахался от полуголых задов трактирных служанок. Рыжая Слониха как раз занималась подсчетом выручки. Проходя она выкрикивала посетителям стоимость выпитого ими вина, съеденных омаров и зайцев, делала щедрую скидку то одному, то другому из постоянных клиентов. Вдруг она обратилась к девушке, работавшей тут за плату и получившей от своего наглого (к тому времени безнадежно упорхнувшего) любовника вместо заслуженной награды увесистую оплеуху:

– Зачем ты связывалась с этим подонком из Марселя? – с осуждением спросила она свою малютку. – Когда-нибудь ты поймешь, что для таких скотов ноги лучше не расставлять! Опыта жизни, киска, – вот чего тебе не хватает. Было бы лучше, если бы ты прихватила с собой какого-нибудь отца семейства. Не заплати он, ты всегда могла бы пригрозить ему, что вздернешь его. Ты из тех, у кого молоко еще на губах не обсохло. Кто не хитер на выдумку и потому честно платит добром за добро, тот, как известно, щеголяет по жизни с голой задницей.

Рыжая Слониха прервала свой монолог, так как высмотрела протиснувшегося тем временем к креслу, достойному стать тронем для Гаргантюа, Мишеля. Она одарила студента улыбкой, толкнула локтем свою малютку и шепнула ей:

– Почему бы тебе не развлечься во-о-он с тем парнем? Суший молокосос, право слово. Никакой грязной мысли в глазах. Ну-ка, давай, Бернадетта! В отместку прежнему твоему негодяю ты с этим ангелочком испытаешь блаженство! Клянись тебе, я чую это своей дыркой!

И прежде чем Мишель успел опомниться, девушка уже обхватила его шею руками. Хозяйка борделя поставила на стол дармовой кувшин вина, поскольку студент, как она знала, был суший ягненок и требовал некоторой обработки. Нежная Бернадетта разлила розовое вино, а чуть позже настояла на том, чтобы Мишель перешел от слов к делу. Невероятно сладостными были прикосновения ловких рук Бернадетты, с нежной, как у оливы, кожей. После того как она незаметно

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
для юноши убедилась, что серебра у Мишеля достаточно, ее рука шустро заползла студенту в штаны. Шестнадцатилетний юнец вмиг отбросил последние сомнения, еще одолевавшие его. Под одобрительные возгласы завсегдаев таверны он последовал за прелестницей.

Закуток под крышей находился в глубине улочки. Покачиваясь, Мишель поднялся по крутой лестнице на чердак. При свете коптящей плиты едва он увидел ветхую и нищую каморку, в нем проснулась жалость. Но уже через мгновение чувство это исчезло, поскольку малышка вывалила из рубашки сочные груди. После того как смуглянка искусными губами и языком сняла Мишелю первое напряжение, она разъяснила ему:

– Теперь ты готов для верховой езды, и думаю, это будет прекрасно для нас обоих, если только ты будешь думать о том, что любовную нежность следует испытать от начала и до конца.

Так дивная Бернадетта дала понять, что рассчитывает, кроме всего прочего, также на некоторую взаимность. Студент с огромным пылом тут же перешел к действию. Остаток ночи он и его подружка в полной мере посвятили любовным играм. Под утро, когда наступило время занятий на факультете, возник небольшой спор, ибо Бернадетта отказалась принять заслуженную награду от Мишеля, причитавшуюся ей за любовь:

– Если мне было так же хорошо, как и тебе, я готова каждый раз сходить с ума бесплатно!

Не хотелось выглядеть пройдохой, и потому Мишель не позволил себе уйти от малышки с оливковой кожей, не заплатив. Тем более что нищенская обстановка каморки бросалась в глаза поутру еще больше. Наконец студент уговорил – таки Бернадетту взять пару серебряных монет.

– Но только беру их у тебя из чистой дружбы!

Страсть еще раз захлестнула обоих, а позднее в то утро Мишель получил головомойку от профессора за то, что опоздал на занятия.

Впоследствии молодые люди взяли за правило проводить свой досуг более размеренно. После обеда Мишель и Бернадетта, рука об руку, бродили вдоль берега Роны или Дюранса, пока страсть не загоняла их в заросли шепотливого камыша. Тогда они бросались в объятия друг друга. И на фоне колосьев, сквозь чад страсти Мишель видел, как трясутся наливные груди смуглянки. Они предавались любви во множестве мест: в заброшенной пастушьей хижине, в оливковой роще, – каждый раз открывая для себя новые удовольствия. И было им сладко и хорошо. Студент не опасался, что в общедоступном саду Бернадетты может вдруг появиться еще один садовник.

– Окстись! – заверяла его подружка. – Только один раз в жизни можно найти такого, как ты! Едва я взгляну в твои глаза, как у меня все делается влажным и подкашиваются колени! А то, что я ходила по рукам, так ведь это от нищеты и отчаяния, верь мне! Прежде я просто не видела другого выхода. Будучи дочерью священника, я не имела мужчин, а когда мама скончалась, это был сплошной мрак... Но теперь у меня есть ты, и если ты любишь меня, мне нечего бояться. Я умею шить, а старая Дорифора хочет взять меня к себе в ученицы. Так она мне обещала. Вот увидишь, я получу заказ от какой-нибудь богатой дамы, и уж тогда...

Так, основанный на плотских радостях, окреп союз между ними. Союз навеки (считал наивный Мишель).

Когда поздняя весна плавно перешла в лето, Бернадетта переехала к старой Дорифоре. Убогая каморка, где все началось, канула в вечность, как, впрочем, и таверна Рыжей Слонихи, куда Бернадетта больше никогда не заходила.

Молодые люди встречались под открытым небом или под заброшенной кровлей, любовь сплетала их каждый раз по-новому... С тех пор как Мишель узнал про прежнюю жизнь Бернадетты, а она – про его жизнь, что-то более глубокое, чем просто любовное чувство, появилось у них. Ведь оба остались сиротами, хотя каждый осиротел по-своему; они, как взрослые дети, находили друг в друге спасительную поддержку. Эта поддержка делала их сильными, несмотря ни на что. Косматая Дорифора щедро платила Бернадетте; Анатолий и Маргарита тоже

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
все больше проявляли заботы о Мишеле, которому подчас казалось, что они относятся к нему как к сыну. Им пришлось смириться с тем, что в его жизни появилась женщина. Маргарита по-матерински осторожно выпрашивала Мишеля о ней, а художник отпускал на сей счет шутки – фривольные, но вполне добродушные.

Мишель де Нотрдам первенствовал на факультете. Его хвалили друзья, и, даже когда в часы занятий он проводил время не в аудитории, но со своей смуглянкой, ему уже не приходилось выслушивать нравоучений от своих наставников. Вскоре он стал студентом третьего семестра, и, когда наступило нестерпимо жаркое лето 1520 года, готовился получить диплом бакалавра. Но вот в середине августа, как гром среди ясного неба, на Авиньон свалилась страшная беда. Мир шестнадцатилетнего школяра вдруг разлетелся на куски, и с ним разбились вдребезги миры других людей – Маргариты, Анатоля, Бернадетты...

Зима в Пиренеях

На Авиньон и остальные города обрушилась чума. Начавшись в Гавани, моровая язва проникла в город, крысиными зубами прогрызая крепостные стены. Еще вечером Авиньон смеялся, плясал и кутил. Сейчас в сером сумраке рассвета из каменных домов вырывались предсмертные хриплые стоны...

Стонали во все стороны колокола. Им вторила тревожная барабанная дробь. На городских стенах палили из мушкетов и пушек. Все выше к небу несся оглушительный грохот, больше напоминавший агонию множества обезумевших зверей. Богатая знать и голь пережатая, – все собирали на перекрестках и площадях то, что еще могло гореть, чтобы гигантские костры очистили воздух от чумной заразы. Треск полыхающих пирамид смешивался с предсмертными хрипами. И все-таки суетными и до смешного жалкими оказывались человеческие усилия в борьбе со смертоносной заразой.

Такой же тщетой были полны проповеди священников, разражавшихся предсказаниями перед полыхающими алтарями – а таких в Авиньоне насчитывались сотни. Молитвы, угрозы, обещания, проклятья, изрыгаемые святыми отцами, обильно низвергались в людские толпы. Люди были стиснуты в один клубок, давили друг друга; в глазах у каждого застыло безумие, которое с каждой минутой все больше завладевало душами. Оказались выброшены дароносицы из святых ковчегов, статуи святых сброшены с пьедесталов; под общий рев толпы растащены были реликвии из склепов. На перекрестках, где пылали костры, и на площадях людские потоки столкнулись друг с другом, сплелись в один клубок, и, как в боевой схватке, люди начали избивать друг друга, зверея от отчаяния. Разбивались носы, крушились ребра, кровь заливала мостовые, в сточных канавах захлебывались грязью жертвы побоища... Рассекая человеческий поток, яростно нахлестывая лошадей, неслись всадники. Сабельные удары, пинки сапогами... Патриций в седле боевого коня. Пена из человеческой пасти. Следом повозка с драгоценным скарбом. Женщины и дети, сваленные в кучу на повозках, как куклы. Следы смерти тянулись от площади Пляс-де-Лорлож до моста Сен-Бенез. Вслед за обезумевшими городскими советниками, ослепнув от дикой ярости, к мосту устремились толпы беженцев. Жители Авиньона, напротив, искали спасения в собственных домах, заколотив досками окна и двери, громоздя вокруг своего жилья баррикады.

Страшный людской круговорот захватил Мишеля де Нотрдама на пути от квартала художников к университету. Он почувствовал, как в сердце что-то трижды разорвалось; он не в силах был мириться с тем, что дорога раздвоилась таким образом, что по одной его тащила толпа обезумевших беженцев, по другой ему хотелось вернуться к Анатолю и Маргарите. И о Бернадетте болело сердце. Повсюду стоял рев дерущихся, хрипы умирающих, железный лязг, во множестве мест бесновались языки пламени, сопровождаемые тревожной дробью барабанов... Он в инстинктивном порыве бросился бежать, как испуганный зверь, и через минуту (или вечность) нутро принялась терзать некая сила, понуждавшая его нарушить союз с Богом. В конечном итоге изможденный Мишель вновь очутился перед приземистым домиком старой Дорифоры.

В сточной канаве переливались всеми цветами радуги отбросы. Торопившийся Мишель поскользнулся, упал, ударившись о каменную стену, снова вскочил, рванул дверь и увидел свою возлюбленную. Она лежала, скорчившись; молодое тело распласталось в зловонной гнойной грязи. Мишеля вырвало. Он закричал и стал задыхаться; он умолял девушку простить его и, не получив ответа, наконец понял, что означает эта желтовато-розовая окоченелость

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
неестественно расширенных глаз. Он понял, что потерял свою любовь навсегда. Его наполнили ужас и отвращение. Из тела, когда-то пронизанного радостью жизни, выползали скользкие черви. Один-единственный беспощадный удар судьбы – и красота обратилась уродством.

На грязной улице Мишель пришел в себя. Его мучил стыд; то был первый такого рода опыт, ему еще ни разу не приходилось накрывать мертвое тело. По крайней мере, это самое малое, что можно было сделать для той женщины. Мучась угрызениями совести, он приказывал себе вернуться, но оказывался не в силах сделать это. Опять его засосал страшный людской омут, и когда наконец Мишель снова вырвался на поверхность, очнулся, то вдруг понял, что стучит в ворота того квартала, где жили художники. В следующий момент ворота со скрипом открылись, и Мишель показалось, что он видит смерть. На деле это оказался Анатолий, вышедший из полумрака навстречу племяннику. Художник был пьян, он тащил за собой тяжело нагруженного мула, и на них было жалко смотреть. В другой руке Анатолий сжимал топор.

– Прочь с дороги! – заорал он, не узнав племянника, и взмахнул топором. У Мишеля волосы встали дыбом, он отвел руку художника и рывкнул:

– Ты что, совсем спятил?! Это же я!

Но вдруг появилась Маргарита и стала разнимать ополоумевших, дрожавших, миглом вспотевших мужчин. Одного она обхватила руками, другого отстранила. Мишель услышал, как она сказала:

– Это же чудо, что мы снова вместе! Слава Тебе, Господи! А теперь скорее отправляемся отсюда. Прочь из города! Идем на север, в Оранж, в Боллен, если нужно, мы дойдем и до Монтлимара!..

Гнев в глазах ее супруга угас.

– Конечно! – тяжело выдохнул он. – Спасение только там! Айда, парень! Помоги мне с мулом! Нет, лучше, если ты приведешь своего жеребца. И поживей, Мишель!

Но Мишель внезапно застыл на месте как вкопанный, и только резкий крик и тумак Маргариты заставил его прийти в себя.

– Только не на север! – хрипло выкрикнул он не своим голосом. – Крысы..

Что-то еще просилось из памяти наружу, – но тут яростная человеческая масса, несшаяся по улице, прижала его к потемневшим воротам, и Мишель ничего не оставалось, как вцепиться руками в камень и ждать, когда буйный поток минует его. Когда дым от противочумных костров рассеялся, Мишель обнаружил, что Анатолий со своим мулом и Маргарита исчезли: людская лавина поглотила их и увлекла за собой. Мишель не стал заниматься их поисками. Он нырнул в дом, добрался до своей комнаты, вытащил из-под соломенного матраца кошелек с деньгами, завешанными еще Жоном-лекарем. Затем юноша отправился в конюшню, оседлал камарганца и тронулся в путь без всякой поклажи. Мишель де Нотрдам пробирался через охваченный безумием город на юг, следуя исключительно голосу инстинкта. На окраине Авиньона никто ворота уже не охранял, да и на крепостном валу не видно было ни души. Конь трусил в сторону Тараскона, и Мишель продолжал прищипывать его, пока не обессилел от езды. Его потянуло ближе к Роне, и едва он спешился, как тотчас же потерял сознание.

Он пришел в себя только на следующее утро. И с удивлением обнаружил, как у него засосало под ложечкой. Неподалеку мирно пасся камарганец. Память мало-помалу возвращалась. Прежде чем он сумел припомнить, что произошло с ним вчера, в глаза бросилось, что жеребец стал взбрыкивать на месте. Тут же он услышал смех, которому вторил другой голос. Мишель вскочил на ноги, всмотрелся в туман, поднимавшийся над рекой, и окончательно пришел в себя, увидев, как из белой пелены вынырнули два всадника. Пошатываясь, он направился им навстречу, прибавил шаг, затем пустился бежать и, подскочив к лошадям, обеими руками схватил их под уздцы. Он узнал всадников. Это были авиньонские студенты Бастиан и Жорж, заканчивавшие последний семестр на факультете. Как и тысячи других жителей, они бежали из города и остановились на ночлег за версту от Мишеля. Они также были рады, что в их полку прибыло.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
– Францию охватила паника, вскоре начнется анархия, – сказал темноглазый, с остроконечной бородкой Жорж. Мишель показалось, что в его лице все еще таился испуг. – Зараза непременно докатится до Валенса и даже до Лиона. По прежним эпидемиям известно, как беспощадно обрушивалась чума. Что толку запираť городские ворота, а беженцев встречать огнем. Чумной демон только потешается, его ничто не остановит. В речной пойме, в испарениях и жарком зное – везде он мастер своего дела. Все, кто бежит на север, перемерут как мухи, им нет спасения, как пить дать. То, что произошло в Авиньоне, повторится стократно в иных местностях. Я уже объяснял Бастиану и тебе скажу, Мишель: единственный выход – это уматывать на юго-запад. Вдоль побережья, и как можно быстрее, насколько способны наши клячи. А затем еще дальше, в Пиренеи, насколько хватит сил. Прочь из пекла. Только тогда у нас появится шанс. Уж я это знаю, поскольку родом я из Каркассона, из тех, кто во время чумы бежал и выжил...

– Думаю, стоит попытаться, – произнес Бастиан, увалень из Тулона. – Нотрдам, а что ты думаешь о предложении Жоржа?

Мишель, охваченный дрожью, долго молчал, прежде чем дать ответ. У него перед глазами снова и снова всплывало распавшееся от чумной скверны тело Бернадетты. Он пытался освободиться от страшного воспоминания. Наконец ему удалось это. И сам собою в это мгновение у него вырвался ответ:

– Другого пути и быть не может!

– Значит, решено, – ответил Бастиан, а Жорж кивнул головой.

Наспех перекусив, они поскакали кратчайшей дорогой к морю. Мишель, несмотря на зверский голод, испытанный им раньше, едва притронулся к еде. Разговаривая с друзьями, он прислушивался к своему внутреннему голосу, который настаивал: «Только в Пиренеи скачи, только туда! Но, поднявшись в горы как люди, вы вернетесь как звери!..»

* * *

Тараскон. Именно там, на мосту, они услышали колокольный звон, доносившийся из-за городских стен и возвещавший о моровой язве. Потом Бокер, Сен-Жиль и Эг-Морт. Лишь в солончаках Камарганской долины страх немного отпустил. Сквозь болотные топи, мимо разбросанных вдали конских табунов взяли они направление на Монпелье. Но все-таки они обошли и этот город, этот рассадник чумной заразы. Затем стремглав пронеслись по мосту в направлении Сета. Ветер подгонял их в сторону Анда. Еще раз встретилась на пути болотная трясина, и вот уже они понеслись напрямиком к Нарбонну. Прошла целая неделя с тех пор, как они вырвались из авиньонского ада, но молва о моровой язве проникла уже и сюда. А затем они повернули на юг, в Руссильон. Снова скачка, на сей раз мимо аббатства в Фонфруаде. Ледяной ветер с гор заставлял их сбавлять скорость. К тому же часто приходилось взбираться по крутым горным тропам. Лошади все чаще спотыкались, скользили по камням. Однако Жорж безжалостно подгонял друзей, пока все они не достигли Коль-де-Пюиморены, расположенной почти на высоте двух тысяч метров над уровнем моря.

– В той стороне, – сказал Жорж и показал на запад, – расположена Андорра. Можно было бы укрыться и там, но, что всего вероятнее, начнутся трудности из-за ищеек архиепископа Андоррского, стоящего на защите княжества. Еще в прежние времена святой отец выдворял отсюда беженцев, пытавшихся найти защиту за каменными стенами Зео-де-Ургеля. В каждом французе он подозревал шпиона Франциска Первого, которому завидовал. Итак, предлагаю здесь, в глухомани, попытаться найти кров у пастухов.

– Меня это устраивает, поскольку я чертовски устал, – ответил Бастиан. – Я себя чувствую так, будто растер жопу до костей. Сейчас мне ничего не хочется. И плевать, кто именно встретит здесь меня, – архиепископ или ядреная шлюха.

– Но жизнь здесь, в горах, суровой, чем ты думаешь! – предупредил Жорж.

– У нас отличный запас, – заметил Мишель, похлопывая себя по кошельку на поясе.

– Это так, – ответил бородач. – Но нам нужно узнать, где бы остановиться на

Подгоняемые свежим вечерним ветром, они погнали лошадей дальше и еще до полуночи, следуя тропой, петлявшей среди каменных нагромождений, рассчитывали найти хоть какое-нибудь пристанище. После того как всадники миновали валуны, снесенные сюда ледником, и проехали еще немного, им пришлось пережить горькое разочарование. Две лачуги, обнаруженные здесь, оказались нежилыми. Никаких признаков жизни вокруг, кроме едкого запаха волчьего помета около входа в полуразрушенное жильё. Неожиданно Мишель ощутил во всем теле дрожь, охватившую его, как и тогда, после встречи с Бастианом и Жоржем. Путники заняли ближайшую развалюху и забылись беспокойным сном.

На следующий день они проехали еще в направлении Андорры – под удручающее коллективное бурчание животов. Вокруг не видно было ни единой души, только каменные утесы, поросшие скудным мхом и жестким кустарником, и медленно паривший над их головами охочий до падали коршун. Но вот наконец встретилась деревушка – пять-шесть убогих лачуг над обрывом у горного ручья, похоже, весьма опасного во время бурного разлива. Вблизи покосившегося дощатого креста расположилась часовенка. Из нее вышел священник в потрепанной рясе, выглядевший как разбойник с большой дороги. Остальные поселяне Богом забытой деревушки глядели на путников во все глаза.

Священник был обеспокоен. После того как он услышал, откуда прибыли всадники и что произошло в Авиньоне, ему пришлось поверить, что не иначе как сам дьявол завладел миром, если даже в святом месте – в Авиньоне – ничто не устояло перед ним! О том, что напасти больше исходят от самих людей, чем от бесовских козней, от людских пороков, от проклятых Богом грешников, священник не подумал.

И, разумеется, прибывшие молокососы тоже кутили, мошенничали, лгали и, что важнее всего, распутничали, покуда на них не обрушился бич Божий! А сейчас они имели наглость принести заразу еще и сюда, в этот девственный горный приют. Зато он, Божий проповедник, знает, как этому помешать! Ему здесь доверены Господом агнцы и их души, и он не потерпит того, чтобы его прихожане были сожраны дикими волками. Святой отец приказал путникам ехать немедленно вон из села.

– Берите ноги в руки, в любом случае, даже если это и противно христианину, я спущу на вас собак!

Три приятеля решили последовать совету священника, обратившегося к ним. Но вместо того чтобы с католическим смирением подчиниться и податься в дикие заросли, старшие однокашники обменялись быстрым взглядом с Мишелю, и, когда тот кивнул головой, Жорж с достоинством в голосе возвестил:

– Целиком и полностью согласен с вашей точкой зрения на этот погрязший в мерзости и грехе земной мир, ваше преподобие! И даже считаю, что триединный Господь оставил лишь малую толику времени, прежде чем по причине ужаснейших грехов подлых мерзавцев обрушить более страшные, чем моровая язва, кары! Тем не менее, что касается нас, – тут он перекрестился, – думаю, Всемогущий обошелся с нами чуть милостивее, ибо на каменистую стезю богомольца он поставил нас не с пустыми карманами. А это свидетельствует, как мне кажется, о Его милости...

– Стало быть, у вас серебро или даже золото?! – вдруг деловито поинтересовался святой отец.

– Больше желтого, чем белого металла! – заверил его Жорж. – А чтобы вы могли убедиться в истинности моих слов, возможно, вы примете небольшой подарок!

С этими словами каркассонец подмигнул Мишелю де Нотрдаму; Мишель расстегнул кошелек, вытащил несколько монет и протянул их Священнику.

– Разумеется, я знал, – уверил провозвестник Божий, попробовав монеты на зуб, – что вы – благочестивые паломники, да пребудет с вами благоволение Господне!

Он в мгновение ока спрятал награду за свое милосердие, затем пронзительным

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
свистом огласил деревушку, и в следующий момент авиньонские беглецы увидели, как их окружило все население. За трех студентов начался в буквальном смысле бой, и, прежде чем солнце продвинулось на ширину ладони, им была приготовлена каморка в самой маленькой лачуге, где жила клыкастая вдова. Она, как объявил священник, позаботится как можно лучше о гостях.

* * *

Милосердие пиренейских крестьян и их духовного пастыря истончилось к середине ноября, когда подошли к концу денежные запасы Мишеля, Бастиана и Жоржа. Ведь поистине баснословные цены были установлены буквально на каждый глоток козьего молока, каждый кусок хлеба из отрубей. Крышу вдовьей лачуги за ту плату, которую они внесли, можно было бы семь раз перекрыть. Но большинство денег доставалось священнику, у которого они обязаны были заказывать требы на помин несчастных авиньонских душ. Святой отец сделал невозможным их своевременный побег. Поскольку он подозревал об их намерениях, ему приходилось постоянно заводить разговор о разбойниках, волках, медведях, но прежде всего – об ищейках архиепископа Андоррского. Когда же у студентов в карманах только ветер гулял, ему ничего больше не оставалось, как благословить их на отъезд. На лошадях, выглядевших такими же исхудавшими и замученными, как и седоки, студенты тронулись в путь, и вскоре над их поникшими головами вновь кружили стервятники.

– Если бы меня кто-нибудь сейчас спросил, куда нужно ехать далее, – пробормотал светловолосый Бастиан, – я бы не смог ответить.

Жорж обернулся к Мишелю:

– Может быть, ты знаешь?

– Нет, – пробурчал Мишель голосом, прозвучавшим так, словно это не он исторг из горла ответ. Его иудейские глаза сверкнули черным огнем, лицо ожесточилось, и было похоже, что Мишель впредь решил избегать общества своих друзей.

Внезапно им овладел тот самый ужас, который за прошедшие месяцы он испытал дважды. Снова Мишель услышал потусторонний громкий голос и почувствовал дрожь в сердце. В третий раз с тех пор, как он бежал из Авиньона, появилось ощущение как если бы он проваливался в пропасть, в засасывающую бездну. Образ раздвоился в его мозгу: человеческое лицо пол гулкими ударами неожиданно перекошилось и стало мордой волка. Тогда он прохрипел еще раз:

– Нет!

– Ладно уж! – не поняв, что происходит в душе Мишеля, грубо ответил Бастиан и затем обратился к Жоржу: – Стало быть, на этого парня мы теперь рассчитывать не можем. Ты подскажешь, что делать дальше?

Жорж не заставил себя ждать.

– А брошенные лачуги, а волчью вонь вы не забыли? – спросил он. – Единственное, что нам теперь осталось! Там у нас, по крайней мере, будет крыша над головой, если вскоре начнутся снегопады!

«А жратва...» – хотел было спросить Бастиан, но сдержался, так как перехватил исполненный жуткой ярости а вместе с тем страшной тревоги взгляд Мишеля. Посему он пришпорил коня, и тот как сумасшедший ринулся вперед.

Как и прежде, они увидели две лачуги. Только, казалось им, осели ниже дырявые крыши под дыханием ветра. По-прежнему оставался едкий запах волчьего помета. Когда они спешили, то обнаружили даже свежий помет.

– Может статься, эти зверюги нагрянут к нам, когда мы заснем, – пробурчал Бастиан.

– Мы их выгоним отсюда, – заверил Жорж. – Живо за дело! Еще до вечера мы должны залатать крышу и собрать побольше дров, чтобы спать при свете костра.

К сумеркам все было закончено. Бастиан работал не разгибая спины и усерднее, чем оба других. Ни единой жалобы не сорвалось с уст Мишеля де

Нотрадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Нотрадама. Ему все еще припоминалось страшное видение. Вдобавок он почувствовал, когда был загнан в голую нищету, что в нем вновь пробуждается настоящее отчаяние, как это случилось в Авиньоне, – а из этого распада жизни вырастает другой, целостный мир. За ледяным горизонтом трижды прозвучал горный зов; казалось, что этот призывный плач звучал все ближе и ближе, таясь в волчьей хижине и в душе самую Мишеля. Он с радостью рассказал бы Жоржу и Бастиану об этом несказанном зове, но не мог и, больше того, даже не хотел. И это, в его одиночестве, было самым худшим, намного хуже голода и холода.

Тем не менее против голода нашлись остатки хлеба в сумке Жоржа, притороченной к седлу; против холода пришел на помощь жар огня, разведенного ими в закопченном очаге возле двери. И даже лошади, которых они не рискнули оставить под открытым небом, находились тут же, в хижине, и их большие тела излучали дополнительное тепло. Под их мирное похрапывание заснули сначала Жорж, а потом Бастиан. И когда низко над горизонтом появилась луна, окруженная радужным венцом, сомкнул глаза и Мишель. Но сразу же открыл их опять: кто-то царапался в перекошенную деревянную решетку в оконном проеме. С крыши доносились звуки шагов и лязг зубов. Один волк, опаленный огнем, умчался прочь.

Испуганные, полусонные и ошалелые, парни вскочили на ноги. В следующее мгновение они увидели ржущих, встающих на дыбы лошадей, сопротивлявшихся волчьей стае. Жорж шатался, освещаемый блеском искр; Бастиан крепко хватался за натянутые поводья и конские гривы, рыча что-то нечленораздельное. Мишель также бросился на хищников, чувствуя, что им завладела жажда убийства. Это было эхо смерти, которую он сам в недалеком прошлом должен был пережить. Он сунул руку в огонь, схватил огромную пылающую головешку и бросился в ночь, навстречу волчьей стае. Оба его друга в этот момент защищали от стаи хищников находившихся в хижине лошадей. Мишель гнал врага перед собой, охотясь сначала в каменистой долине, потом под крышами лачуг, и, обуреваемый мстостью, прикончил последнего волка, всадив зашипевшую головешку в волчью глотку. И когда он понял, что доконал зверя, в ночи раздался его торжествующий победный крик. Мишель рухнул на волчий труп и больше ничего не помнил.

– Я бы не поверил, если б не видел своими глазами! – пробормотал наутро Бастиан. – Ты разогнал всю стаю в одиночку.

Жорж, руки и лицо которого покрылись волдырями от ожогов, добавил:

– Надеюсь, эти зверюги теперь оставят нас в покое благодаря неистовству нашего Роландо! И потому охотно смиряюсь с рубцами, которые нанес самому себе. – Он осклабился, затем снова стал серьезным и заботливо осведомился: – А что у тебя, Мишель? Ты так долго был без сознания. Сможешь ты теперь встать на ноги?

Мишель попытался; шатаясь, поднялся он во весь рост, превозмог слабость, как бы освобождаясь от жуткого кошмарного сна, осмотрел хижину, долину, каменные утесы с таким выражением лица, словно узрел все это впервые. Точно таким же образом он оглядел друзей. Лишь к полудню освободился Мишель от витания в облаках. А позже с алчно раздутыми ноздрями он приблизился к очагу, на котором шипело жаркое. Жорж и Бастиан, подгоняемые голодом, не позволили разлагаться волчьим трупам.

– Ты не ответил, когда мы тебя спросили, – пробурчал Бастиан. – Но мы надеемся, что тебе это понравится.

Мишель Нотрадам и на сей раз промолчал. Но чуть позже он впился в кусок волчатины. Он вдруг ощутил в себе такой натиск звериного желания выжить, какого никогда прежде не испытывал в своей жизни.

* * *

Стремясь выжить во что бы то ни стало, друзья и не заметили, как закончился год. Уже вскоре после страшной трапезы над Коль-де-Пюимореной начались обильные снегопады. Каменная громада сбоку от тропинки превратилась в ледяной скелет. Трех отшельников больше не утешала мысль о том, что волки исчезли. Вместо волчьих клыков их терзал – и не менее свирепо – лютый мороз. К тому же все острее давал о себе знать голод.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
В старом ржавом котелке варили они мох и лишайник, а также твердые куски корешков. Тот же корм, что они давали лошадям, тоже шел им в харч. Вскоре кровь уже не согревала их тела. Часто кто-нибудь из них сидел, скорчившись, измученный коликами, судорогами в желудке и лихорадочным бурчанием в кишках. Снова и снова ночами раздавались выкрики, голоса надежды:

– Бежим отсюда! В долину! Домой, во Францию! Чума?! Срать я на нее хотел! Давно пора смываться, именно теперь, зимой!..

– Дурачье, дороги завалены! Кругом ледяной затор! Зверюг поблизости больше нет, но ведь их полно где-нибудь еще! К тому же лавины! А наши клячи?! Да они подохнут на другой же день!..

И друзьями снова овладевало отчаяние. Они ненадолго погружались в обморочный сон, уводивший их от реального положения вещей, но, к сожалению, за всяким забытием следовало пробуждение.

Следующий удар они получили в середине декабря: в тот день из-за вершин выглянул солнечный диск и друзья вывели коней под открытое небо. Из глубины ледяного стекла вдруг раздался грохот. Сухой сосновый ствол, покрытый игольчатой ледяной коркой, вдруг рухнул в пропасть, задев в падении вороного коня Жоржа. Животное от страха рванулось вперед. Не проскакав и двадцати шагов среди скалистых обломков, вороной рухнул на землю со сломанной задней ногой и застонал от боли, вынудив хозяина кинжалом перерезать коню сонную артерию.

– Мясо! – заорали они вдруг и принялись плясать перед издыхающим животным. Позади, прижав уши, испуганно застыли другие лошади. Вороной еще был теплым, когда в его тело вонзились клинки. Изголодавшиеся парни разделали на части труп лошади и стали пожирать сырые филейные ломти. Потом с туго набитыми животами они разрезали на куски всю тушу животного. Часть разделанной конины они повесили над дымящимся очагом, другую закопали в яме, наскоро вырытой во льду, прикрыв сверху обломками камней. А когда снова принялись поглощать мясо, то непроизвольно коснулись в сторону камарганца и притомчивой клячи Бастиана. Нежданно-негаданно воля к жизни опять взяла свое. Зарезать коня – еще несколько часов назад они не отважились бы на такое. Долгое совместное житье-бытье, память о том, как кони и люди выручали друг друга, особенно в случае с Мишелем и сивым камарганцем, – у них все это время даже мысли не было поднять руку на беззащитное существо. Но теперь, когда табу было нарушено, они смотрели на животных только лишь как на годное в пищу мясо. Бастиан первым выразил это вслух:

– Не случись рядом волков, медведей или какой заразы, мы смогли бы продержаться тут до весны! Как это мы не додумались раньше?!

Конина на зубах в ночь под Рождество и на Новый, 1521 год. Конечно, они только приблизительно могли догадываться о времени, поскольку в своей лачуге дичали все больше и больше. Тем не менее, когда Жорж прикончил камарганца, то была знаменательная веха. Семнадцатилетний Мишель, когда его друг закалывал жеребца, завещанного ему когда-то Жоном-лекарем, безмолвно заплакал, чувствуя в себе раздвоение между пробудившейся волчьей алчностью и болью за любимца. С жадностью глотая куски мяса, Мишель пережил обморочное состояние.

Сивка-камарганец был меньше вороного, кожа да кости. И трое друзей заново стали править кинжалы, едва только наступил февраль. Бастиан сам вызвался пронзить шею своей клячи. Животное, вероятно, давно уже болело; когда была разделана туша, омерзительно скользкая печень убитой клячи подтвердила догадку. В легких оказались черви, на теле язвы, так что мясникам ничего не оставалось, как зарыть насквозь прогнившую тушу.

Снова в течение недели они перебивались лишайниками, мхом и кусками корней. Но тоска по мясной пище была неодолимой, и они испытывали мучительную боль от животных приступов голода. Не сговариваясь, они все время смотрели в ту сторону, откуда дул ветер, туда, где они жили до ноября. Сглотнув слюну и затянув потуже пояса, они в конце концов пустились в путь-дорогу. К домам троюбка приятелей подобралась при свете яркого месяца; они нашли дверь в хлев и бросились на теплый животный запах, на блазнящий аромат своих жертв, орудуя клинками и цепями. Крестьяне, почуяв опасность, набросились на недавних гостей, так ловко ими обобранных, и отделали их так, что Боже мой..

Наутро они оказались в незнакомом месте. Вид их был ужасен: у Бастиана были выбиты зубы; у Жоржа из раны на плече струилась кровь; только Мишель остался более или менее невредим, однако и у него сводило желудок от зверского голода после неудачного ночного нападения на деревню. Снова они сглатывали тягучую слюну, зверея на ветру. И тогда в душе Мишеля раздался вопль: он учуял запах шерсти и мяса, закричал и повел друзей в Андорру.

...Они ковыляли по обледелым тропам уже несколько часов, пока наконец не набрали на загон, расположенный в узком разлоге. Там же находился амбар. Из хижины к небу поднимались клубы дыма. За жердяной изгородью толклась овечья отара. Учув присутствие чужаков, на них набросились псы, но друзья в два счета разделались с ними. Пастух в дубленой шубе неуклюже припустил подобру-поздорову в сторону гор, но Жорж и Бастиан в три прыжка настигли его и сбили с ног. Мишель де Нотрдам в это время уже успел заколоть овцу. Из вспоротой сонной артерии в него горячей струей брызнула кровь. Погрузив свои губы в рану, он сосал и чавкал, пока в звериной алчности, помноженной на ярость вампира, не впал в беспамятство и не рухнул на овечью тушу.

В хижине пастуха друзья взялись за дело. Пастух, наполовину раздетый и связанный, находился тут же. Жорж, присвоив себе его дубленку, нахохлившись, сидел на корточках перед огнем и жарил мясо, одновременно вцепившись в кусок сыра и уписывая его так, что у него трещало за ушами. Позади него сидел Бастиан, уже успевший набить себе брюхо и хныкавший от боли, как малое дитя. Очнувшись от обморока, Мишель тоже набросился на сыр, покрытый желтой коркой; он, не прожевывая, заглатывал куски. Его стало тошнить, но он не выбежал из лачуги, а лишь пересек комнату и прямо с порога изверг съеденное, после чего снова впился зубами в податливую мякоть сыра. На сей раз его не вырвало; переварил его желудок и мясо, а когда позывы снова потянули на двор, жалобные просьбы пастуха заставили его отойти подальше от лачуги.

Они обращались с пастухом как со зверем. Беспомощный и связанный, он вынужден был сидеть в собачьей конуре. Ему не позволяли выйти из нее, даже чтобы справиться нужду. Только смрад, а не сострадание вынудили их выпустать свою жертву из зловонного заточения. Но даже между самими друзьями были разрушены все человеческие связи: они больше не вели бесед друг с другом, как прежде. Никто не впадал в ярость, никто не погружался в фантазии. Ничто, кроме стремления удовлетворить свой животный голод, не интересовало их, когда-то изучавших в университете семь свободных искусств. Каждый замкнулся в окаменевшем панцире времени.

* * *

Все свелось к элементарной альтернативе; ужас вырывался из души сквозь хваткие зубы, терзавшие мясо. Заново вселял страх труп Бернадетты; перед глазами вставали гнойные нарывы на теле любимой, и сквозь этот гной прорывалось лицо Жона-лекаря, исполненное жизни, добра и мудрости. Но и в его чертах уже был намек на распад и угасание, на возвращение в прах того, что из праха вышло. Гроб, черви, гниль под землей... Бесплодная, продуваемая насквозь ветром прошлого башня. Мишель пытался вырваться из этой предательской пелены, но прошлое властно вторгалось к нему. И опять смерть с ароматом ладана поднималась из кадила. Вокруг дома сновали инквизиторы-пронеры, как гиены в ожидании падали... Едва достигший десятилетнего возраста, мальчик потрясенно стоял в знаке Алефа Адонаи... И такая трепетная, такая беззащитная рука матери... С чудодейственной силой вбирал он в себя несказанное имя Бога, этот дарованный ему защитный покров... А позже, когда время с грохотом покатило вперед, наполнившись ненавистью, вера мальчика перешла в свою противоположность. Безжалостно был вырван из сердца Творец всего сущего Адонаи, и трижды гвозди пронзили беззащитную душу Мишеля. Трижды за семь лет! Три и семь. Священные числа древности. Земля, Луна, Солнце и остальные планеты, вошедшие в семерку. Три бога и семь таинств в христианстве. Более древнее, более почтенное и более мудрое Пятикнижие Моисея и две каменные скрижали с законами, продиктованными ему Богом... Тройной пожар, тройное падение Иерусалаима...

От веры в Бога до ненависти к Богу... Словно кощунственные мосты, надолго застыли в мантии черной магии проклятые числа... Трижды являлось ему лицо смерти за прошедшие и запечатленные в его душе семь лет. И третий ужас порождал отныне распад, падение, люциферовский круговорот за спиной любой

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
цивилизации... Перевертышем барахтался семнадцатилетний Мишель в пиренейских
снегах, исхлестанный в обезбоженности и ожесточении... Потому-то и сам он
обрел клыкастую морду зверя, что человек человеку – волк... Потому-то в самом
последнем трезвучии была порвана самая последняя связь с Богом.

И оттого больше ни разу не пролетала искра сочувствия между ним, Жоржем и
Бастианом.

Они оказались не нужны друг другу, чужаки, вечно далекие каждому из троих,
точно так же, как не нужен был им всем и жестоко истязаемый, заляпанный
собственными испражнениями пастух. Но самую сердцевину самой отвратительной
и подлейшей сути довелось изведать именно ему – Мишелю де Нотрдаму. Более
падший, чем трое остальных, – ТРОЕ. Именно поэтому его падение было еще
страшнее. Страшнее В СЕМЬ РАЗ. То было падение в зловонную трясиину, хотя
когда-то его – именно его! – вознесло к звездам.

И были рыдание, стон и скрежет зубовой из-за того, что он владел
божественно-сатанинским знанием, из-за того, что дух его подвергся распаду
под яркими лучами солнца. С тех пор, как он проник в самую суть своей
подлости, ярости и скорби, его жизнь затянулась узлом, разрубить который
было невозможно. Но в то же самое время острый, как лезвие серпа, солнечный
луч завершил свою жатву, разрубил в его душе мертвую петлю, снова расколол
затвердевшую свиль его сердца.

Цифры его жизни – семерка и десятка – размыкались и отделялись друг от
друга, как вода от суши... Планеты как бы бурлили в алхимической реторте,
разбивались вдребезги, разворачивались веером на орбитах космического
первоначала... Две цепи выковывались во Вселенной – одна в семь звеньев,
другая – в десять. Кровь, боль, гной в кратчайшей цепи, – из другой же
отныне прорывался горный свет. Соединенный десятикратно на своих орбитах,
плыл хоровод планет в промежутке двух вечностей. Десять светил –
совершенное число – замкнул в целокупности и невыразимой красоте Адонай... И
в зорком космическом проникновении в сердцевину мира к Мишелю де Нотрдаму
пришло освобождение.

Лик Бернадетты воскрес в своем обаянии и нежности. Мишель снова поверил в
то, что видит, как исцеляется Жон-лекарь в своей башне. Поток человеческой
любви и деятельного сострадания струился из глаз Пьера де Нотрдама.
Свирепый волк был укрощен в своей жажде разрывать и убивать другую тварь,
умолк предсмертный хрип собак, и вышел на свободу невинный пастух. Его
отара как будто снова собралась в загоне. Засохшая корка крови и дерьма
спала с тел Жоржа и Бастиана, как и с Мишеля. И все это вызвал
десятикратный планетный круг. Жалкая семерка и смертоносная тройка слились
в неподдельном единстве, единстве, единстве, единстве, един...

Внезапно Космос снова стал прозрачным, он нес жизнь. Исхлестаны были
отчаявшиеся в бездонной пучине души, чтобы в конце концов взлететь к свету
выше, чем прежде. Свершилось предсказание, услышанное Мишелем после бегства
из Авиньона: «Вы уйдете в горы как люди, а вернетесь как звери!» Но отныне
манила долина, ведь, несмотря ни на что, она называлась долиной добра и
милосердия. Именно из открытия в себе звериного начала и произошло
название. Когда Мишель почувствовал и осознал это, он после многомесячной
агонии снова стал самим собой. В окно хижины он увидел, что снег начал
таять, и снова заметил очеловеченные глаза Бастиана и Жоржа.

Своих друзей, своих духовных братьев, он пылко обнял. Сверкающая искра
взметнулась и стала расти... Они втроем освободили от пут пастуха. И хотя он
сразу припустил к горам, но вскоре остановился на косогоре и с опаской
оглянулся. И студенты почувствовали: это к добру! Из непонятных ему самому
соображений пастух простил их, и они направились в долину, шагая по
труднопроходимым и опасным тропам.

Мало-помалу в душах зарубцовывались раны, отступал ужас перед призраками и
тьмой кромешной, и все совершенное ими предстало перед их взором как
сплошной кошмарный сон. В первой же французской деревушке, где они нашли
бесплатный приют, Мишель де Нотрдам прошептал над кружкой вина:

– Лекции на факультете... Все говорит мне о том, что я начинаю заново... В
Авиньоне меня ждет диплом бакалавра. Я не успокоюсь, пока диплом не будет у
меня в руках. Дальше путь свободен, мне надлежит отдаться медицине. Я буду
врачом! Сильнее, чем прежде, хочу этого, и ничего больше.

Жорж и Бастиан кивали головами, погруженные в собственные воспоминания и мечты. И на следующее утро трое просветленных людей зашагали на северо-восток.

Монпелье

Ободранный, изуродованный следами нарывов и шрамов темноглазый Мишель светлым апрельским днем вошел в Сен-Реми. Следуя внезапно возникшей тоске по дому и чувству угрызения совести, он расстался на скрещении дорог у Тараскона со своими друзьями. Мать схватила его на кухне в объятия и закричала:

– Боже мой, ты жив! И я могу тебя обнять?!

Склонив голову на его плечо, она зарыдала. С тех пор как они виделись последний раз, Мишель стал на голову выше матери. Он ждал, пока она выплачется и выговорится, а затем задал вопрос, мучивший его на пути от Пиренеев:

– Слава Богу, чума тебя пощадила! Но что сделалось с братьями и сестренкой? С остальной родней? Слышно что-нибудь о Маргарите и Анатоле?

– Чума... – пробормотала вдова. – До поздней осени она господствовала здесь. Колокола звонили день и ночь, пока болезнь не забрала и звонаря. Мы слышали это в Кавальоне. Я бежала туда с детьми. Там мы все это пережили и переждали, за что и должны быть благодарны Всевышнему. Нам так не хватало тебя, самого старшего! Это тебе подтвердят братья и сестра, когда вечером вернутся с поля.

– Они гнут спины на дядюшку Рауля?! – вырвалось у Мишеля. – Все, даже малышня?

– У него не хватает рабочих рук! Треть его людей прибрала чума! – пожаловалась Мадлен. – Но это еще не все, сынок! Наберись мужества! Еще хуже дела в Авиньоне... – Снова начались рыдания, вдова начала сморкаться, потом сообщила: – Прошел почти год с тех пор, как моя сестра и ее муж пропали без вести! Больше нет никаких сомнений! Лежат где-нибудь в общей безымянной могиле. Или зарыты на живодерне! – Снова начались истеричные жалобы, обращенные к первенцу. Резче и отчаянней она заголосила: – А я-то думала, что ты умер. Мишель, где ты был? Выглядишь ты ужасно! Должно быть, прошел через круги ада! Я сердцем чую...

Казалось, Мишель не слышал последних слов матери. Его занимала другая мысль. Он еще раз увидел Dance macabre под стенами папского дворца. Анатолий и Маргарита, несущиеся между павшими телами, разорванными в клочья косою смерти и обнаженными в мгновение ока. От непристойного их вида звенело, казалось, само небо. Мишель едва не позволил себе бежать за ними, но сильнее оказалось желание попасть в Коль-де-Пюиморену. В прозрачной тени собственной Голгофы обрел он способность примиряться с неизбежным, а ужасу перед смертью противопоставлять человеческое сердце. В то же время он вспомнил о ее вопросе.

– Прости, я словно сошел с ума от страха! – пробормотал он. – Когда раздался похоронный звон, я совсем лишился рассудка! Видел, как бежали Маргарита и Анатолий, и тогда...

Обессилевший Мишель рассказал матери, по крайней мере, все то, что он мог облечь в слова. И она понимала его, верила ему и впредь была готова нести свой крест. Когда он замолчал, Мадлен продолжала подсовывать ему куски хлеба и должна была поддерживать его, пока он не добрался до опочивальни.

В следующую неделю Мишель позволил себе расслабиться. Полдня он проводил на кухне, сидя перед полыхавшими поленьями, уставясь на огонь. Изредка он появлялся на поле дядюшки Рауля, среди своих братьев и сестренки, и заново открывал для себя запахи земли. Как-то он вышел к башне Жона-лекаря и увидел стаю галок, круживших над осиротелыми стенами. Наконец он понял, что неизбежность вступает в свои права: ему захотелось в Авиньон.

Мадлен чувствовала, что сына ей дома не удержать. Она только спросила его:

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
– Как ты собираешься жить? Наверное, следовало бы снова поселиться в квартале художников, но...

– Там или в другом месте, – неопределенно ответил Мишель. – В любом случае я сообщу тебе. Для меня сейчас важно только одно – возобновить занятия. К тому же мне нужен диплом бакалавра, который не удалось получить прошлым летом.

– Это будет твое первое ученое звание, – произнесла вдова. – Будь живы твой и мой отец, они бы устроили тебе роскошный праздник. Но в такое-то время...

Она внезапно смолкла. В усталых глазах стояли слезы. Но на следующее утро, когда ее сын собрался в путь, она держалась стойко, и только когда худощавая фигура Мишеля исчезла из виду, заплакала и вернулась в дом.

* * *

Дом на развилке Роны и Дюранса показался Мишелю ужасающе чужим. Запачканный, обезображенный и обезлюдивший, предстал он перед юношей. С управляющим Мишель обменялся ничего не значащими любезностями. Наскоро сложив все, что здесь ему принадлежало, с мешком, набитым книгами, и с другой котомкой, в которую уложил грязное белье, направился он к факультету. В улочках, когда-то бурливших жизнью, все вымерло. Нельзя было смотреть без боли и на сам университет. Место трех студентов занимал один. В лекционной зале почти не было видно молодежи. Декан факультета уставился на Мишеля как на призрак, пришедший из другого мира. Не без труда получил юноша диплом бакалавра.

Мать дала ему денег только на еду. В таверне за стаканом кислого вина он прислушивался к тому, что говорили посетители. Узнал он и про то, что бурса закрыта, а все меценаты или приказали долго жить, или подались на все четыре стороны из Авиньона. И что, стало быть, в настоящее время ни одному студенту нельзя попытаться счастья в здешнем университете. Если здесь вообще кто-то задержался, так лишь уроженцы города или те, кто не имел средств, чтобы начать с нуля в другом месте. А когда Мишель, не привлекая чужого внимания, осведомился о Жорже и Бастиане, то узнал – разумеется, после посещения других трактиров – о том, что оба появились неделю тому назад в здешних краях в ободранном платье, но через несколько дней скрылись неведомо куда. Так Мишель потерял даже последнюю надежду на возможность обосноваться в новом месте. Но тут трактирщик, рядом с которым устроился Мишель, дал ему совет:

– Коль у тебя еще звенит монета в мошне, дуй в Монпелье! В тамошней ученой берлоге собрались нынче все, кто спасся от чумы. По крайней мере, это относится к профессорам и студентам, не успевшим дать деру в Париж. Ты же знаешь, Нотрдам, ученая слава Монпелье всегда утирала нос Парижскому университету!

Дня два Мишель обдумывал все за и против, терпеливо снося толчею в таверне, и наконец решил последовать совету трактирщика. Ранним майским утром он снова очутился на улице, по которой почти год назад мчалась лавина обезумевших беженцев. Но на этот раз, в отличие от прежнего бегства, он точно знал, куда направляет свои стопы.

* * *

В середине мая он приехал в Люнель, духовную приходскую Монпелье. Пьяный поэт, которого Мишель встретил в первом же кабаке, одержимый бесом словоохотливости, разъяснил ему:

– Люнель, да будет тебе известно, процветает уже несколько столетий. Началось это с Первого крестового похода – именно потому, что здесь, в Лангедоке, не желали связываться с кровопийцами в латах и священнических рясах. В то время, стало быть, как мясники грузились на суда, местные катары держались дружелюбно с евреями, жили с ними дверь в дверь, а поскольку они пользовались в былые времена большим влиянием в Лангедоке, иудейская диаспора в 1110 году по закону сделалась равноправной со всеми. – Поэт выпил и в раздумчивости продолжал: – Для приверженцев иудейской доктрины это было, разумеется, великим благом, поскольку в католические времена регулярно на Пасху их при всем честном народе колошматили по чьей зря, а в иные праздники забрасывали камнями или даже потчевали более

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
гнусным манером. Но катары сделали так, чтобы иудеи могли жить по-людски. И тогда в Лангедоке наступила пора расцвета, какой раньше невозможно было представить. Повсюду в стране, и прежде всего в Люнеле, благодаря свободному веянию иудейского духа возникли знаменитые школы, из которых вышли, наряду с замечательными раввинами и талмудистами, также и несравненные мастера врачебного искусства. Это были именно те медики, которые прославили Лангедок, и особенно Люнель, на всю Европу. Наряду с евреями эти ученые мужи во благо ближним использовали греческие, римские и арабские знания. Можешь быть уверен, что все в мире устроилось бы как нельзя лучше, если бы христианам достало ума жить в согласии со своими еврейскими соседями. Но там, где укоренился крест, всегда оказывался и Молох. В конце концов в Люнеле и во всем Лангедоке случилось так, что плодоносная олива иудаизма оказалась срублена топором. Прежде всего истребили катаров. Потом в 1306 году беда постигла и евреев, а те из них, кто не погиб под католическими мечами, спаслись на чужбине. Король Филипп Красивый – сущий кровопийца с сердцем дьявола – по настоянию римской церкви издал декрет, которым подписал смертный приговор не только евреям. – Поэт одним махом опорожнил кружку вина, а потом, ослабившись на Распятие, висевшее в углу кабака, продолжил: – Город превратился в гнездо стяжателей и попов. Вот куда тебя угораздило забрести, дружище! Потому что религия основана на духе, а теология – на человеческой любви! Все, что удалось спасти, что сохранилось от бывшего величия Люнеля, находится неподалеку – в Монпелье! Поскольку иудаизм, несмотря на все гонения, смог выжить, он вскоре после проклятого правления Филиппа Красивого расцвел заново. И только поэтому город у моря назвал своим именем один из выдающихся университетов Европы! Потому что евреи, тайные катары и мусульмане, а заодно и духовно свободные люди, все вместе встали на его защиту. И ты, бакалавр, охочий до науки, никогда не должен забывать про это, если тебе в скором времени придется сидеть там. И еще один совет – как можно скорее отваливай в Монпелье, ибо только дурак довольствуется чаркой вина в Люнеле, если можно хорошо устроиться в бурсе величайшего университета Франции! Конечно, раньше, во времена катаров и иудеев, все было бы наоборот, но мне об этом лучше теперь заткнуться. Во всяком случае, теперь ты знаком с историей Люнеля и знаешь немного из прошлого Монпелье. Ежели ты не возражаешь, я мог бы пойти с тобой. Знаешь, поэма, которую я собирался продать одному из клириков в здешнем разоренном гнезде – если я верно рассуждаю, – слишком хороша для местных тупиц. Кроме того, мне надо будет расплатиться после своей пьянки. Во всяком случае, есть надежда, что трактирщик в этом отношении сохранил еще в душе последние остатки старого *genius loci*, [5] давшего мне приют.

Мишель де Нотрдам был только рад взять в спутники нового знакомца, хотя у него и возникли опасения, что для расчета с трактирщиком, возможно, придется исполнять роль мелкого служки, прежде чем владелец кабака освободит их от уплаты. Но выяснилось, что трактирщик был истинным поклонником поэтического искусства, поскольку с удовольствием принял слушать поэму Франсуа Рабле (так назвался автор). Трактирщик даже выставил от себя кувшин вина: щедрость эта, однако, была основана на том, что в своем обьемистом поэтическом произведении Рабле благодарил трактирщика за великодушие, говорил об эресе и еще больше о кутежах и поголовном пьянстве. Бакалавр и поэт отправились в Монпелье только утром. Рабле, который был старше Мишеля на девять лет, оказался просто незаменим, поскольку был, к удивлению Мишеля, еще теологом и философом. Поэт показал кафедральный собор с чудовищным каменным навесом перед порталом и предупредил Мишеля о кознях монахов в расположенном поблизости монастыре, где размещался также и медицинский факультет.

– Им просто нейдет, когда в целях научного исследования идет вскрытие трупов! Посему они уже не раз устраивали заваруху и даже пытались натравить на ректора Инквизицию, хотя факультет имеет скрепленное печатью его королевского величества право получать трупы. Другое дело, если тебе когда-нибудь вздумается заняться трупами, взятыми с погоста. Вот уж тогда ты должен быть хитрым как лиса! Если служители Господни кого-нибудь застукают за таким делом, тогда берегись!

Франсуа проводил Мишеля в монастырь и показал ему там канцелярию директора. Во второй половине дня он же проводил Мишеля в бурсу, расположившуюся возле кафедрального собора. Поэт, теолог и философ, единый в трех лицах, привел Нотрдама в свою чердачную каморку и предоставил новоиспеченному студенту вторую кровать.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
– Через пару дней, – сообщил Рабле, – ты будешь полноправным владельцем этого чулана, ибо я сматываю удочки в Монпелье, а может быть, даже махну в Италию. Но прежде я познакомлю тебя со стариком Гризоном. Возможно, он что-нибудь сумеет подкинуть, поелику у тебя воистину карманная чахотка.

Больше Рабле ничего полезного не сообщил. В обществе своего нового знакомого он до отвала набил свое брюхо в трапезной зале и с новыми силами принялся декламировать стихи. Вся компания восторженных поклонников муз – среди них и весьма разгоряченный Бахусом Мишель – хмельной толпой потащилась затем на чердак к Рабле.

В следующий вечер, после того как Нотрдам отслушал первые лекции, поэт сдержал свое обещание и привел его в расположенный неподалеку от городских ворот дом Гризона. В передней с двумя полукруглыми оконными арками на стеллажах стояли фолианты и рукописи. Антикварные издания перемежались с современными.

– Позже ты сможешь их прочитать! – сказал Рабле своему спутнику и повел его в заднюю комнату. Между корректурами, висевшими, словно белье, на растянутых веревках, восседал печатник, издатель и книготорговец в окружении своих единомышленников.

Гризон напоминал седобородого лешего, которому, должно быть, стукнуло далеко за шестьдесят, но чьи глаза по-прежнему оставались удивленно зоркими и ясными, как в дни его молодости. С печатного свитка, набранного арабским алфавитом, он довольно свободно переводил на латынь. Увидев вошедших гостей и заметив поэта, он подпрыгнул на месте, обнял Рабле и воскликнул:

– Как хорошо, что ты снова в городе! Видно, поповская кислятина в Люнеле доняла тебя оскоминой. Я же советовал тебе не пытаться счастья у брюзги монсеньора.

– Ну, к несчастью, святой отец не получил удовольствия от моей поэмы, – признался франсуа. – Хотя она и нашла достойный прием в таверне, где я познакомился с Мишелем. Познакомьтесь. Он из Авиньона, хочет теперь попытать счастья на здешнем медицинском факультете. И уж поверь, он гораздо умнее многих. Может быть, он и тебе пригодится, Гризон? Правда, вот только денег у него куры не клюют, понеже кошелек купить не на что.

– Ну что ж, я мог бы кое-чем помочь, но только лишь после проверки его эрудиции, – ответил седобородый старец, тут же снял с веревки лист корректуры, вручил его Мишелю: – Просмотри-ка, может, сумеешь обнаружить грамматические ошибки. Это текст Теренция, который я издаю на французском, поскольку мне кажется, что его тонкий юмор весьма ложится на наш язык. Это развлечет тебя, сын мой.

Мишель согласился. Спустя час он выполнил задание, причем смог доказать на деле, что в тексте имелись слабые места.

– Ну, что я вам сказал? – возликовал Рабле. – Не парень, а золото. И тебе, Гризон, он обойдется всего-то ничего, если ты дашь ему шанс!

– Считаю, ты получил шанс, – обратился книготорговец к Мишелю. – Для меня лучше, если бы ты появлялся здесь в будни часа на два. За это я стану платить тебе. Сверх того, можешь пользоваться любыми книгами из моей библиотеки для своих занятий.

Бакалавр должен был признаться перед Гризоном, что своим удачным началом в Монпелье он прежде всего обязан поэту, который, как он ранее сказал Мишелю, через несколько дней исчез из города и в течение многих лет не появлялся у подножия Севенны. Его место в кругу местных любителей литературы занял Мишель де Нотрдам.

* * *

Ему пришлось по душе прочитанные у Гризона Теренций, Платон, Аристотель, как, впрочем, и Вергилий, Цицерон, Катулл. Познал он и произведения Леонардо да Винчи, Коперника, Боккаччо, Вийона. От дома Гризона к университету протянулась этакая духовная тропинка. Открывая заново Галена и Гиппократ, Мишель изучил их глубже; погрузился он с головой также в изучение иудейской и арабской медицины. Горизонты его расширились.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Нострадамус (названный так по тогдашней моде латинизировать европейские имена) исповедовал еретические теории, взрывавшие сами, казалось, стены лекционной залы.

Во времена господства схоластики было бы невозможно бродяжничать по городам и весям в кругу студенческой оравы, с ботаническим саком на бедре, с пучком растений в руке. Но теперь, когда клерикальный струп хотя бы частично отлетел со здоровой плоти гуманизма, для Нострадамуса и его друзей открылись новые точки отсчета в познании мира. Не долго царствовали в медицине поклонявшиеся идолам или пережиткам магии; после тысячелетней тьмы, после десяти столетий изуверского мракобесия снова вошли в силу целебные начала, освещенные Божьим светом.

Как и в детские годы, мир для восемнадцатилетнего Мишеля наполнился ароматом лаванды; запахи тимьяна, шалфея, арники, майорана, десятков и сотен других растений смешались и наполнили собой процесс познания мира. Он смаковал вслух названия, данные еврейскими в мавританскими мудрецами цветам, травам, корням, угольной пыли, перегнойной мякоти, хрусткому ракушечнику и твердому голышу. И порою, когда он мысленно окунался в мир флоры, в волны солнечного тепла, Мишелю казалось, что он видит некую спираль, уходящую сквозь земную мироколицу в бесконечно далекое излучие Вселенной.

Каждый раз возвращалась эта пружинистая волна в раковину Монпелье, в суровые, но не скованные дисциплинарным канонм стены факультета. С противоречивым чувством переживал он гармонические колебания природы и дисгармонию недуга, вызванную душевным и телесным пленением. В темницу немочи были загнаны многие люди. Понимая, что медицина вышла далеко за пределы изучения собственно симптомов болезни, он все ближе подбирался к скрытой сердцевине проблемы. Нотрдам чувствовал, что рак, туберкулез, прободение желудка, камни в печени вполне могли быть результатом ложно понимаемой философии. И тогда с исписанными черновиками он вырывался из лекционной залы и шел в покосившийся дом Гризона, где продолжал свое учение в более универсальном плане. Окружавшие его повсюду крики, стоны, нищета все настойчивее подводили к всеохватывающему решению.

В эти годы фортуна была к нему благорасположена, испытывал он и поражения. На факультете его считали одним из наиболее смысленых, даровитых и любознательных студентов. Успех, славу, блестящую карьеру пророчили ему многие преподаватели. Нострадамус в ответ только посмеивался, чувствуя себя неловко от чрезмерных похвал. Он не рвался к богатству и власти, а чем глубже погружался в тайны Вселенной, тем более чуждым и призрачным становился для него так называемый внешний мир. Только походя, краем глаза замечал он буйство, лихорадку, крики так называемой большой политики в четыре года обучения. Политика его раздражала, хотя навзрыдный визг той эпохи позднейшие историки отмечали как явление огромной важности.

* * *

Под натиском турок Европа потеряла Белград. И произошло это ранее, чем на папский престол взошел Адриан VI. Почти одновременно султан Селим I завоевал Египет. В тот же год страшную бойню европейцы устроили в Новом Свете. Эрнандо Кортес, назначенный наместником Мексики, захватил столицу ацтеков Теночтитлан. Рева имена своих кумиров и святых, испанские воины Христовы учинили кровавую расправу. В пароксизме жажды золота, охватившем католических ратников, оказалось разграблено и уничтожено целое индейское государство.

Отправлялись за золотом и в Вормс, где обвиненный в ереси Мартин Лютер выступил против ватиканских торговцев индульгенциями и против католической трактовки евангельских текстов. В имперском сейме мужественный реформатор боролся против клерикального безумия, а стало быть, и против находившегося под папским каблуком молодого императора Карла V. Вислогубый пьяница объявил Лютера гражданином вне закона, и монах едва успел унести ноги в Вартбург, под защиту рыцарей Саксонского княжества. Император просто-таки рассвирепел. Так называемый Вормский эдикт, узаконивший сожжение всех произведений Лютера, не дал никаких существенных результатов. В тот год, когда у Адриана VI раздуло желчный пузырь (лопнувший в следующем, 1523 году), Габсбург напал на французского короля Франциска I, которого не считал способным к сопротивлению.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
В то самое время, когда помазанники Божии спорили между собой относительно раздела Наварры, Неаполя, Милана и Бургундии, рыцарские трубы Гуттена и Зикингена в Германии протрубили священный поход против Рима. Вскоре к антиклерикальным отрядам присоединились мелкопоместные дворяне. Вооруженные тесаками борцы за свободу духа бросались на крепость архиепископа Трирского, более подкованного в ратном деле. При штурме его крепости под пушечными ядрами погиб Зикинген, в швейцарском изгнании немного позднее скончался Гуттен.

Но искорка, брошенная мятежом, вспыхнула огненным ураганом. Избранный на шведский трон Густав Ваза, выходец из крестьян, призвал к более грозным битвам. Это избрание воодушевило германских холопов, поднявших знамена и штандарты с изображением крестьянского башмака, ставшего политическим символом в Крестьянской войне. В Швабии, Эльзасе, во Франкфурте и Тюрингии крестьяне объединились и потребовали возвращения прав, украденных у них феодальным дворянством и церковным клиром. Когда спесивые короли и папский двор встали на дыбы, над крышами их замков, церковных и монастырских поместий взвился красный петух, и крестьянское восстание, прежде чем оно было подавлено союзом трона и алтаря, перекинулось во Францию.

Мишель де Нотрдам, правда, смутно почуял приближавшуюся грозу летом 1524 года.

* * *

Рабле за несколько лет до того сказал: если студенты-медики хотят постигнуть науку о взаимосвязях органического мира, то должны учиться скальпелем вскрывать трупы. Но рясы из монастыря Сен-Пьер следили за ними неотступно, как стоглазый Аргус. И как коршуны стояли монахи на страже кафедрального погоста, равно как и других захоронений, расположенных подальше от университета. Только в монастыре Сен-Бениоль перед воротами, ведущими в Ним, они могли набраться опыта.

– Нам нужно пробраться туда во что бы то ни стало, – предложил Нострадамус друзьям, собравшимся в его каморке. – И еще надо обратить внимание на то, чтобы облюбованная могила была свежей! Не только потому, что с полусгнившим трупом нечего делать, но и потому, что свежая земля более рыхлая...

– Нужно рассчитать все как следует, – добавил один из заговорщиков. – Даже если мы мигом раскапываем могилу и получаем труп, этого мало. Куда мы его денем? Через час или два попы в любом случае засекут, что птичка упорхнула, и тогда (голову даю на отсечение) розыск начнут прежде всего на факультете!

– Точно! – подтвердил докторант, примостившийся рядом с Мишелем на краю кровати. – Мы ведь не можем вернуться в город с трупом. Нужно будет отправляться в сторону холмов Жиньяка. Я знаю там один заброшенный амбар. Он вполне подойдет для нашего плана.

– Тогда по рукам! – воскликнул Мишель, выглядевший увереннее и хладнокровнее, чем был на самом деле. – Нам лишь следует обговорить, что будет делать каждый из нас. До следующей недели все уточнить и подготовить.

Через восемь дней, ночью, когда в небе показался тонкий серп луны, студенты перелезли через стену монастыря. Они без труда добрались до кладбища Сен-Бениоль, где накануне был похоронен пекарь Жак Перлюз. Двое студентов остались стоять на стреме у дороги, тогда как остальные взялись за лопаты и кирки. Не прошло и часа, как они добрались до сосновых досок гроба. Мишель и докторант тут же спрыгнули в яму, подняли крышку и взялись за тело покойника. Сладковатый трупный запах смешивался с резким запахом сивухи: похитители трупов для храбрости распечатали бутылку. Нужно было поднять труп вверх и завернуть в приготовленную загодя мешковину.

Они быстро засыпали могилу, а завернутого в холстину покойника потащили к двухколесной тележке, спрятанной в кустарнике неподалеку от кладбища. Тут студенты снова подкрепились вином и до наступления рассвета были уже возле знакомого амбара, расположенного в трех-четырёх верстах от города. Пока все шло как нельзя лучше. Они не считали, что поступают кощунственно: ими двигала жажда знания.

Жестоким и страшным выглядело вскрытие трупа. Все то, что прежде изучалось лишь в теории, что выглядело хрупким книжным знанием, вдруг обрело иные

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
контуры. Преодолев первый приступ отвращения, Мишель пришел в себя и внезапно вспомнил, как из мальчика превратился в мужчину. Пройдя скальпелем сквозь ткань легкого, он обнаружил под свернувшейся кровавой коркой туберкулы, гнившие еще при жизни пекаря. Точным движением введя нож в разомкнутый порез, дышащий при колеблющемся мерцании факелов, Нотрдам еще глубже погрузился в ярость, преисполненную жизни, так мощно и неукротимо бушевавшей в нем. И хотя голова раскалывалась от хмеля и осознания того, что он нарушил церковный запрет, он все глубже и глубже проникал в ткани мертвеца. Мишель был в опьянении, в этаким просветленном бреде. Кромсая мертвую ткань, рука работала так уверенно, словно мускулы приводила в движение неодолимая сила. От легких Нотрдам перешел к сердцу, печени, селезенке и почкам. Он отбросил отвращение как помеху; только одно шло в счет – приобретение глубочайшего медицинского знания. И внезапно понял Мишель, что работает в полном одиночестве. Его друзья стояли рядом. Его торопливый шепот, его метафорически образные фразы в медицинском оформлении звучали для них как откровение. Наполненное факельным дымом пространство и время расступились перед ними, и они неслись и взмывали в этой бесконечности...

Но в этот светлый познавательный восторг ворвались рев, ругань, проклятия. Прозвучал выстрел. Монахи напали на след студентов, несмотря на осторожность последних. Объединившись со стражами порядка, монахи набросились на Мишеля и его друзей, которые защищались, в испуге и замешательстве, как могли. Рукопашная была короткой. Связанных и до крови избитых студентов вывели из амбара. Задыхаясь от ярости, монахи завернули труп в оскверненную холстину; тележка с грохотом покатила назад в Монпелье, и снова ее тащили по холмам студенты, как тягловая скотина.

Темница под монастырем Сен-Пьер, кандалы, крысы... Смерд из-за отсутствия нужника... Вскоре после того, как лето нависло над городом и придавило его жарким зноем, появились вши, а вслед за ними – чесотка. Все меньше доставалось узникам протухшей воды и заплесневелого хлеба. И все время над ними висело грозное обвинение Святой Канцелярии, сиречь Инквизиции. Как-то к ним пришел один из адвокатов, назначенных университетом; он больше упрекал их, чем хотел помочь.

– Перед трибуналом должны предстать не мы, а попы! – воскликнул в ответ на слова адвоката Мишель. – Они делают вид, будто хотят жить по-людски, но сами же гноят людей в застенке!

– Это приведет тебя на костер! – тяжело дыша, произнес докторант.

– Да срать я на них хотел! – парировал Мишель.

После этого он вновь предался размышлениям, а его тело, покрытое затверделой коркой грязи, все глубже пропитывалось затхлостью каменных стен и, казалось, превращалось в камень. В мозгу все чаще мелькали обрывочные видения.

Так же, как тогда, перед мертвым телом пекаря, в сознании Мишеля возникла сверкающая рама, сплелись стальные тенета, и в этой паутинной скани снова оказались Пьер де Нотрдам, Адонаи, Жон-лекарь, Авиньон, волчьи морды в Пиренеях, пастух, падение и воскрешение... Папский город лопнул, как гнойный нарыв, разбрызгивая липучую отраву вокруг себя – от одного края неба до другого. В этот момент со скрипом открылись тюремные ворота. Был сентябрь 1524 года.

В темницу вошли стражи порядка, зажав в руках молотки и клещи. С израненных тел со звоном упали на пол цепи. Еле держась на ногах, щурясь при свете коптящих факелов, Мишель де Нотрдам уставился на официальную бумагу, в которой магистрат обещал ему и другим студентам помилование, в случае если они в качестве врачей примут участие в борьбе с чумой, снова обрушившейся на Прованс и Лангедок.

Шествие бичующихся

Еще раз истекли гноем черные времена, когда в 1520 году началось повальное бегство, а всеобщая истерика обратилась на людскую плоть. После того как Нострадамус начал работать в больнице, по улочкам Монпелье покатился поток первых бичующихся.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Шествие возглавлял священник, обнаженный до пояса. Он обалдело выкрикивал обрывки литаний в благом порыве и непрерывно хлестал себя кожаным ремнем, усаженным по кромке железными зубцами, хлестал по спине и бокам. Вперемежку он мучил членов своей семьи. В сакральной ярости он наносил удары; крик и стон смешивались с призывами к Богу и святым. По его кровавому следу ступала толпа: женщины, мужчины, старики и старухи, подростки и даже дети. Голь перекатная, ремесленный люд, патрицианская элита, совсем как в Авиньоне. Все переплелось в диком месиве. Бичующиеся ритмично поднимали ремни и сладострастно избивали себя и других. Поток бичующихся заполнил площадь перед кафедральным собором Сен-Пьер, выхватывая из домов, кабаков и храмов все новые жертвы. Сквозь больничное окно Мишель увидел, как перед фасадом собора многоголовый Дракон заплясал и закружился – все быстрее и страшнее – в своей смертоносной ярости. Хлещущие пропитанные кровью ремни засвистели как молотильные цепи, обрушившись, подобно урагану, на толпу. Падали первые жертвы, погибшие уже не от чумной заразы. Молох несясь дальше и в своей пляске топтал беспомощные тела, с хрустом ломая им кости. Криком извошел в больнице Мишель де Нотрдам, избегший темницы и вернувшийся только для того, чтобы оказаться в другом застенке, более страшном.

С лицом, залитым слезами, несмотря ни на что, продолжал он исполнять свой долг, пытаясь облегчить боль всем хворым, умыть, помочь, насколько он мог это сделать. Но на улицах бушевали бичующиеся, и нигде не было видно властей, которые могли бы принять решительные меры и положить конец всеобщему безумию. Монпелье прежде был городом науки и искусства. Дух, когда-то витавший здесь, светил всей Франции и даже Европе. Однако теперь люди лишились самой последней человеческой основы и воистину сорвались в бездну.

Только к ночи прекратились крики и свист бичей: бичующиеся направились в Ним. На площади остались лежать скрюченные тела, и Мишель, приведя мысли в порядок, заметил, что у него под руками тоже ничего не осталось, кроме мертвых тел.

В следующие недели и месяцы трупы сбрасывали в общие могилы. Еще неизвестно было число жертв, и никто из погибших не был записан в церковные книги. Город почти обезлюдел. Все дальше распространялась агония. От Монпелье до Нима, до Авиньона и Марселя тянулись в страшной пляске бичующиеся. Все новые потоки вливались в это шествие – бичующиеся волной катили дальше. Этот ужас дошел до Валенса. Лиона и Парижа – ужас, не поддающийся описанию.

С сентября по октябрь на одном таком островке обосновался Мишель. Обмывал, поил и кормил больных и хворых, вытирал им слюнявые рты и обмывал загаженные бедра. Снова и снова цеплялся вместе с ними за соломинку надежды. И вновь видел, как назревают гнойные желваки, лопаются и истекают желтой заразой. И не умевший им помочь голыми руками, в нем умирал человек – и так без конца все дни и ночи.

Зачастую Нострадамус уже больше ничего не хотел, кроме одного, – хотел умереть, чтобы прервать мысль и сострадание. Он думал о яде, о кинжале, о быстром конце, однако снова вырывался из этого замкнутого круга – кто-то, безмянный и безликий, словно удерживал его от этого последнего шага. И он не был готов свести счеты с жизнью. Его человечность была сильнее, чем его отчаяние. И заново утверждалось что-то иное, несказанное и не видимое простым глазом. Какая-то незримая сила оберегала его от чумной заразы: позднее он увидел в этом скрытый смысл.

Мишель работал, мучился, сомневался и надеялся до ноября одолеть недуг, сразивший Монпелье. Внезапно чумная зараза отступила. Первый раз за все последние месяцы в больнице не раздалось за ночь ни одного предсмертного хрипа; напротив, стоны стихли, больные на койках дышали свободнее, почти как здоровые люди. У последней койки, где лежал больной, которого Мишель спас от смерти, Нотрдам рухнул на пол. Глубокий обморок милостиво стер в его памяти воспоминания о двухмесячной пытке. И потом, после физического и душевного прозрения, еще острее в его сознании закрепился вид прогнившего города.

Он видел Авиньон, пораженный чумой, но здесь это было несравненно страшнее: из Авиньона ему удалось ускользнуть, а здесь, в Монпелье, он вынужден был остаться. И как только он смирился с неизбежным, то начал отдавать всего себя искоренению заразы.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
В любом пустом окне, в любой зиявшей арке ворот мерещились ему лица, безвозвратно ушедшие в никуда. На каждой мостовой, в канавах – повсюду ему чудилась кровь, пролитая бичующимися. И осенний ураган, все хлеставший над побережьем, приносил с собою щелканье и треск ремней, вызывал бешеную ярость, прямо-таки ужас перед временем (на самом деле – перед вечностью). Это была неслыханная издевка: город, вероятно, только и выжил, пораженный в самую сердцевину чумной заразой, чтобы лишить разума человека и врача. Десятки, сотни и тысячи людей исчезли, унесенные моровой язвой. Как совершенно уж никчемную мякину или дерьмо, унесла смерть эти жизни. Чума и бичеватели собрали страшный урожай. Они одержали победу, а он сам – хоть и сумел выжить – потерпел поражение. Целый день Нотрдам бродил по улицам Монпелье, выглядевшим как после черной вакханалии, и боль терзала его. И как раньше он проклинал смерть, так теперь слал проклятия своей прозорливости. Он набрел на осиротевший кабак, шатаясь, спустился в подвал и внезапно с хохотом выдернул пробку из ближайшей бочки.

Первая кружка вина почему-то отдавала привкусом крови, но уже вторая милосердно сняла поднявшуюся к горлу тошноту. В желудке разлилось умиротворяющее тепло. Мир отступил назад в трепетном мареве, тусклая пелена спустилась на его мысли, отделив от реальности. Третью кружку он уже вовсю смаковал и посасывал, как младенец материнское молоко. Шаг за шагом Мишель отключался; вскоре он уже забыл про Монпелье, не зная даже, день или ночь на улице. Каменные своды растворились в туманном кружеве, и только извинь [6] соединяла его с жизнью.

Сознание плутало в хмельном гуле. Последняя мысль мелькнула в голове, прежде чем сомкнулась тьма: что он теперь спасен, поскольку больше не способен ничего вспомнить. И тогда ночь распластала над ним свои крыла...

Пробуждение и лихорадочное возвращение в мир было ужасно. Ледяной, кисловатый винный перегар, боль, отвращение. Тошнота. Едва он поднялся, из глотки под ноги брызнула горькая струя. Колющая боль и спазмы в желудке заставили его подумать о горловом кровотечении. Но едва боль стихла, Мишель ощупью нашел кружку, выдернул пробку из бочки и заново принялся накачивать себя. Только одно желание, одна жажда – снова погрузиться в спасительную завесу тумана. Когда же тошнота снова подкатила к горлу, он выbleвал струю, а с нею и оставшиеся мысли, после чего полностью вышел в алкогольный астрал...

Дни и ночи шли чередой в бессознательном оцепенении. В конце концов наступил такой момент, когда после пробуждения и значительной порции вина сухой горловой спазм не исчез. Бочку он оставил открытой, а сил заткнуть ее у него не было. Разбитый телом и душой, Нотрдам пытался заткнуть отверстие бочки хоть чем-нибудь. Он задыхался, поминал черта, он скреб бочку и барабанил по ней, наконец в изнеможении рухнул на пол. И на этот раз потерял сознание не от вина, а от того, что отравленные клетки мозга задыхались без кислорода.

С раскальвающимся черепом, шатаясь, он встал на ноги и устоял на себя, покрытого грязью и блевотиной. Его тело набухло и заживо разлагалось. Под ногами шмыгали крысы, десятки острозубых тварей сосали, чавкали, задыхались и извергали снова все, что поглощали. Они барахтались в этом дьявольском всемирном потоке, и на кипучих гребнях гноя плясали бичующиеся, драконовы исчадия. Нострадамус от боли закричал, и никакого облегчения не почувствовал он после крика.

Последняя борьба с самим собой, что-то вырвалось на все стороны Вселенной... Вслед за этим исчезли стужа, тьма кромешная, страшная бездна, потусторонний ужас. Внезапная остановка в предчувствии нового тепла, воскрешающий луч света... Две руки, мягкие, как олива, поддерживали его... Десять божественно женственных пальцев подхватили его, укрыли от сглаза, омыли, укутали, соединили черепки разбитого сосуда, исцелили. Исчезли бичеватели, крысы, гнойное море. Тело – невредимое снаружи – лежало, скорчившись, на испачканных каменных плитах. Из безмолвия вопившей безбрежности душа его возвратилась в тело. Когда Мишель де Нотрдам пришел в себя и раскрыл глаза, он был надежно защищен женскими руками.

Не богиня, но бедная изможденная женщина, одна из тех, на чьем лице, как и на лице Мишеля, страдание оставило немало морщин. Такой необыкновенно близкой показалась ему женщина, как будто он прошел с ней, рука об руку, сквозь тысячу ночей. Он еще этого не осознал; она прижала его к своей

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
грудь, не обращая внимания на грязь, и произнесла:

– Как долго я тебя искала! И какой ценой нашла! Ты спас мне жизнь. Я поняла это, когда в тот день чума отступила и я очнулась у тебя на руках...

Женщина преподнесла ему неслыханный дар. По крайней мере, спасенная человеческая жизнь должна была служить Нострадамусу оправданием, и это искупало все остальное! Все имело свой смысл. Семя жизни одолело трясину, потому что из отчаявшейся человеческой воли к жизни вырос в конце концов плодоносящий ствол. Теперь произошло что-то напоминавшее пиренейскую зиму. Он не был отвергнут и в этот раз. После глубочайшего ужаса он снова обрел почву под ногами, поскольку это была настоящая жизнь, поддерживавшая его своими обнаженными руками. И хотя его еще трясло после жуткой горячки и видений, он нашел в себе силы прошептать:

– Ты сказала, что я помог тебе? Я верю... но теперь помоги мне! Уведи меня отсюда...

Белокурая женщина кивнула головой. Она не стыдилась поддержать ближнего своего в падении и помочь ему начать все сначала. В доме женщины, потерявшей во время чумы мужа, троих детей и грудного младенца, Мишель обрел покой. Бенедикта – так звали хозяйку – обмыла его и накормила. Она сидела рядом с ним и гладила его руку, пока Нотрдам не погрузился в глубокий спасительный сон. На следующий день, когда почувствовала, что лихорадка отпустила его, она легла рядом с ним: на ее груди Мишель нашел тепло, в ее лоне – тягу к жизни.

Наутро он отважился выйти на улицу; дойдя до площади, утвердился в реальности всего происшедшего, в том, как глубоко поразила чумная зараза город, и вновь принялся помогать, насколько хватало сил, больным и умирающим. Мало-помалу в Монпелье стали просачиваться слухи о том, что Сен-Реми на этот раз чума обошла стороной. В университете, наоборот, ничего утешительного ему не сообщили, кроме того, что о возобновлении занятий не может быть и речи. Но что если у него есть желание работать в качестве врача, тогда он может отправиться на запад или на север, где все еще бушует зараза. Нечто подобное предложил ему обдумать и спасшийся старый Гризон. Бенедикта предложила другое:

– Ты бы мог навсегда остаться в моем доме, – сказала она после его дня рождения, когда Мишелю исполнился двадцать один год, под Рождество. – Мы вместе могли бы попытаться начать жизнь заново, ты я я...

В первый момент Нотрдам готов был согласиться. Памятуя о том, что она сделала для него, он даже поторопился ответить «да». Но позже подумал, что снова придется видеть бичующихся, вдыхать вонь гнойных нарывов. В мыслях он снова и снова возвращался в больницу и там опять держал на руках белокурую женщину. Хорошенько подумав, Мишель притянул женщину к себе и ответил:

– Ты мне нужна! Я знаю, что ты меня любишь, и прошу тебя – не удерживай меня!

Потерявшая детей вдова, возможно, и без того уже обо всем догадывалась.

– Когда? – спросила она.

– Утром, – тихим голосом ответил Мишель.

Она еще раз приняла его в свое жаркое лоно и вернула ему свободу, которая должна была стать для него новым испытанием.

* * *

В первый год своего долгого странствия Мишель чуть было не попал в беду. Едва чумная зараза угасла в Монпелье, как с новой силой вспыхнула в заболоченных краях морского побережья. И опять были предсмертные хрипы, щелканье бичей. Ярость его была сильнее страха перед чумой.

– Безумцы! – обратился он к бичующимся. – Думаете, что таким способом вы избавляете мир от страданий?! Образумьтесь, глупцы! Помогите врачам в больницах! Очистите больных! Только так вы сотворите богоугодное дело. Кумира, которому вы молитесь, не существует! Поймите это! А если уж вы не

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
горазды на такое, тогда эту истину в вашу тупую башку втемяшат дубиной!

Он метал громы и молнии, стараясь удержать богохульствующую толпу, пока она готовилась наброситься на него. Но прежде чем начаться настоящей свалке, Мишель почувствовал, как его обхватили чьи-то руки, и великан, сграбаставший его в охапку, потащил его прочь и, толкнув в сводчатые ворота, поволок наверх по узкой крутой лестнице. На крытом балкончике он представился городским врачом Нарбонна Клодом Жироном.

– Я рад, – продолжал он, – что небо послало именно тебя! Ведь ты выступил против суеверия, даже если и поступил несколько легкомысленно. Еще одно или два мудрых изречения с твоей стороны, и тебя бы разорвали в клочки. Прости мне мое вмешательство! Думаю, ты слишком хорош, чтобы твой труп бросили в сточную канаву! Ты, случайно, не с того же факультета, что и я?

После того как Мишель поблагодарил его и представился, Жирон предложил ему работать у него фельдшером. Мишель предложение принял. В конце концов, он только для этого и приехал в Нарбонн. После того как с городским врачом они пришли к единодушному решению, Мишель вернулся к теме бичующихся.

– Худо ли, бедно, но мы могли бы нашими врачебными средствами бороться против заразы, – сказал он. – Но что делать с этими одержимыми? Напасть пострашнее чумы. Они противятся любым разумным мерам! Чума для них – бич Божий, и кто этого не принимает, тот вечный грешник и гореть тому в геенне огненной. А потому необходимо выступать не только против чумы, но и быть беспощадными с идолопоклонниками!..

– Выпьем за это, – ответил великан. – Могу добавить, что в этом отношении я уже прозондировал в магистрате. – Он наполнил вином два бокала. – Что ответит ратуша – бабушка надвое сказала. Гуманисты и просветители выступают против попов. Но если ты сделаешь там доклад, если ты, Мишель, будешь способен их расшевелить, у нас появится шанс! Хотя, вероятно, клирики так и не возьмутся за ум. Но ведь есть еще в магистрате и начальство городской общины, а эти цеховые мастера полностью еще не оболванены, только лишь сбиты с толку.

– По-моему, сильнее всего чума свирепствует именно там, где бичующиеся, – заметил Нотрдам. – Я чую это. Слюна, попавшая в открытую рану, – вот в чем опасность заражения! Интуиция подсказывает мне, что именно это идет в корм Молоху!

– И я думал о том, что ты точно определил и чего я так отчаянно искал, – задумчиво ответил Жирон.

Мишель де Нотрдам снова погрузился в больничный ужас, опять начал борьбу почти с пустыми руками, и, как прежде, один за другим на его глазах умирали больные в муках и отчаянии. Все-таки после трех-четырёх страшных ночей был создан городской совет. Его созвали по настоянию Жирона. Они с Мишелем силой пробивали себе путь сквозь неистовствовавшие толпы бичующихся. Казалось, весь город был охвачен безумием. Точно так же безумие и смерть наложили свою лапу и на залу, где заседали члены совета, – она была полупустой. Когда Мишель и Жирон поднялись на подмости, стоило большого труда заставить себя выслушать. Хладнокровие сохраняли только гуманисты, получившие светское образование. Но остальные – и прежде всего клерикалы – бранились, издевались и посылали проклятия. Вместе с врачами в залу проникли несколько бичующихся.

Но после выступления Жирона Мишель почувствовал, что все-таки он способен овладеть вниманием собравшихся. Он начал говорить. Слова сами слетали с его уст. Пророческие картины вставали перед залой, и слушатели содрогались в испуге. Он рассказывал о последствиях безумия, предсказывал повальное бегство и живо изображал ужас чумной заразы, вдвое превосходивший самые страшные напасти. Он рисовал перед членами магистрата адские картины. Мишель не повергал испуганных слушателей в отчаяние, но искусно предоставлял им право выбора при возведении мостов надежды. Он изложил им, теперь уже в более спокойном тоне и более понятно, свой план. Последующее голосование стало победой: подавляющим большинством голосов совет решил, не откладывая дела в долгий ящик, изгнать бичующихся из Нарбонна. Те из них, что находились в зале, были отведены в тюрьму. Было решено мобилизовать стражу против остальных изуверов. Жирон и Нотрдам развязали себе тем самым руки, чтобы начать бороться с моровой язвой.

В Нарбонне завязалась схватка, какой еще не видывали в Провансе и Севанне. Наряду с имевшимися больницами Мишель и Клод подготовили другие помещения для больных. Едва на коже появлялись первые признаки заражения, людей направляли туда. Дома, в которых смерть уже нанесла первые удары, очищались городскими служками. Кровати, одежда и даже мебель вывозились за пределы городских стен. Под угрозой жестокого наказания магистрат запретил выбрасывать рядом с колодцами любые отбросы. В больницах снова стало вдоволь воды. Больные ежедневно обмывались. Не делалось в этом отношении исключения даже для смертельно больных. Городской врач и его помощник в равной мере следовали как теории, так и своему чутью. И хотя число зараженных чумой не убавилось, но все-таки и не увеличивалось – одно это уже могло считаться победой в сравнении с положением в тех городах, где свирепствовала чума.

К началу весны Нострадамус снова выбился из сил. День и ночь слились для него. В конце концов он уже не разбирал, что ест и пьет. Ничего больше не существовало, кроме больных и его ярости против чумы. Лишь в начале апреля чума стала отступать.

Мишель, прошедший через ад, рухнул на кровать. Он проспал двадцать четыре часа подряд, после чего с жадностью набросился на еду, осушил бутылку вина, но на этот раз не сделался настолько пьян, чтобы потерять сознание. Он разыскал Жирона, и на балкончике они подвели итоги.

Клод настаивал на том, чтобы завести книгу с подробным учетом каждого случая заболевания, каждого летального исхода. И когда они подытожили колонки цифр, городского врача и его друга еще раз охватил ужас. Сотне жертв чумной заразы противостояла только горсточка тех, кто сумел выжить. Врачи боролись за жизнь из последних сил и почти ничего не добились. Вопреки их усилиям, несмотря на новые методы борьбы с эпидемией, снова и снова приходилось рыть общие могилы. Мишелю это напомнило то, что он пережил в Монпелье, когда увидел, как Жирон дрожащей рукой схватился за бутылку сивухи. В то же самое время в душе возник образ Бенедикты, и в это же мгновение возникло видение. Из ее лика, единственно спасенного в Монпелье, выплыли другие лица, числом больше дюжины, те самые, что выжили в Нарбонне и приходили благодарить за исцеление. Душа ясновидца окрепла. Нострадамус взял из рук друга бутылку, поставил ее на место и сказал ошарашенному Клоду:

– Мы все-таки кое-чего добились, и я объясню почему...

Узнав, что случилось в Монпелье, Жирон обрел надежду. Оказывается, за время чумной заразы из их больницы выписались двенадцать человек, тогда как в других городах – ни одного.

– Это значит, что мы были на правильном пути, – облегченно вздохнул великан. – Спасибо тебе, Мишель!

– Мы начали и станем продолжать, – ответил Нострадамус.

* * *

Они продолжали весь 1525 год и добрую половину следующего года. В долине между Нарбонном и Каркассоном, где постоянно вспыхивали очаги эпидемии, они снова принялись за дело. Оба вступили в бой против бичующихся, против гигиенических нарушений в деревнях и против возмутительных обычаев захоронения. Снова и снова им противостояли фанатики и клир. Но случалось встречать и благоразумных людей. Кто-нибудь из гуманистов иногда им помогал, – таким, например, образом Клод и Мишель в то время получали свежие трупы.

Ни один священник или монах не напал на их след. Когда перед ними лежало вскрытое тело, Мишель снова ощущал ту безусловную уверенность, с какой он работал в амбаре на Жиньяке. Едва он вводил нож в тело, у него появлялась редкостная твердость движений. Он предполагал, что исследования помогут разгадать мучившие его загадки. Он мог понять в отдельности каждый орган, опухоль или желвак, но это было не совсем то, что искал Мишель. Порою к нему приходила только интуитивная догадка, буквально на какую-то долю секунды, но затем он снова безнадежно запутывался в тонких сетях паутины и с болью переживал поражение.

Это были вскрытия, производимые тайно от всех. Летом 1526 года наступил момент, когда Мишель почувствовал, что больше не может оставаться в Нарбонне. Вместе с другом они прошли мучительный путь, но теперь он уперся в границу. Жирон помогал ему чем только мог, точно так же, как и он Жирону. Вместе они расширяли границы своих знаний. Но теперь и этого было уже недостаточно для Мишеля. Фронт переместился, война продолжалась: из Тулузы приходили кошмарные вести, и в августе Нострадамус отправился туда.

* * *

Великан дал ему сопроводительное письмо, но даже без этой бумаги тулузский магистрат принял бы его с распростертыми объятиями. Врачи и фельдшеры нужны были теперь как никогда. Чума требовала от высокообразованных людей не менее жертв, чем от дворянства, горожан и крестьян. Чиновники ратуши согласились расплачиваться золотом, когда Мишель стал наводить порядок в неразберихе служебных помещений. Ему сразу же предоставили роскошные апартаменты рядом с базиликой Сен-Сернен. Снова он работал из последних сил, днем и ночью борясь с моровой язвой. Больничная вонь и предсмертные хрипы – из этого состояла его жизнь. И если удавалось вырвать из лап смерти хоть одного больного, он был рад и этому.

Так прошли сентябрь, октябрь и начало ноября. По крайней мере, на сей раз ему не пришлось вступать в схватку с бичующимися. Едва один из безумцев появился в Тулузе, как магистрат сразу же посадил его за решетку. А в декабре 1526-го эпидемия внезапно пошла на убыль. С болью в душе Мишель попытался подсчитать соотношение умерших и выживших, но у него уже не оставалось ни физических, ни душевных сил. От Гаронны он отправился к Мюре, затем дальше, к Карбонне. У реки, несшейся в зимнем тумане, мучавшие его мысли сами исчезали как туман. Сапоги погружались то в гальку, то в илстые наносы, но он не замечал этого.

В течение недели он пробирался вдоль отрогов Пиренеев и едва ощущал холод. Наконец выше Карбонны он набрел на какой-то мрачный притон, расположившийся у черта на куличках, и зашел, чтобы как следует выпить. Предостерегающее воспоминание о Монпелье и Бенедикте заставило его быть бдительным, но ему сразу стало ясно, что на сей раз он находится в безопасности. Его понесло и закачало хмельным потоком в обществе пастухов и горцев, под защитой басовитых парней, и слыхом не слыхавших о том, что такое чума. Между тем он все время тянулся к долговому и отрешенному созерцанию и, стоя на месте, всматривался в южную сторону, где за горизонтом лежала Андорра. Память вернула его в то время, когда, при первом взрыве чумной заразы, он зимовал в горах.

Внезапно ему было явлено видение. В тумане, вдруг ставшем прозрачно ясным и повисшем над землей, он увидел огромную гору, сложенную из валунов, победоносно вздымавшуюся в своей дикой нетронутости над долиной. Внизу громко – как ему показалось – прозвучало имя, однако эхо не было оглушающим, скорее наоборот, оно звучало так, как будто шевелил губами Адонай. Восторг и разочарование сплелись в душе. Из ускользавшего видения снова прозвучал голос. Удивительно знакомой показалась ему интонация, и совершенно отчетливо он услышал: «Лавеланет...»

Слово ничего не говорило ему и тем не менее притягивало к себе. Когда он вернулся в гостиницу, то знал, что Лавеланет ему не встретится на пути, наоборот, он еще год проведет в скитаниях. И он смирился с этим знанием и забыл видение и само слово. После этого он не стал задерживаться у предгорий. Его снова потянуло в те края, где даже после исчезнувшей заразы его ждало много дел. Он остался работать в городе до следующей весны.

* * *

Когда были получены новые сообщения о чуме, он отправился в низовья Гаронны, влекомый своим вечным состраданием врача. На пути в Кастельсаррасен он обнаружил следы бичующихся. Опустевшие усадьбы и деревушки свидетельствовали о том, что те побывали уже и здесь.

Наконец вдали показался Кастельсаррасен, где чума уже всю бродила в крови горожан. На сей раз Мишель испытал ужас ни с чем не сравнимый. Перед обшей могилой, вырытой в болотистой почве, собрались бичующиеся, охваченные массовым психозом; собрались и предались соитию. Под звон колоколов

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
предавались они свальному греху. Мишель де Нотрдам испытал такое чувство, словно провалился в преисподнюю. Ярость вытеснила все остальные человеческие эмоции. Он выхватил шпагу, пустил коня, но прежде чем он достиг толпы, стражники и горожане, выскочившие из ложины, бросились на бичующихся. Они разом покончили с несколькими из них. Остальные изуверы с воплями бросились к камышовым зарослям, в самую трясиину. Вой, выстрелы мушкетов, щелканье арбалетов привели Нострадамуса в чувство: он соскользнул с седла, бросил шпагу и, дрожа, уткнулся в гриву коня. Сейчас в нем остались только боль и презрение. Презрение к бичующимся и их убийцам, но больше всего – к самому себе.

– Люди ничего не стоят!.. – шептал он, уткнувшись в конскую гриву. Его трясло как в лихорадке.

Вложив шпагу в ножны, вскочил в седло и помчал в камыши. Галопом летел конь сквозь хлещущий трескучий камыш, откуда раздавались стоны. У подножия горной цепи он прищпоривал коня, пока животное не стало спотыкаться. Только тогда он пришел в себя.

Мишель заботливо обтер взмыленного коня, потом пустил его шагом и вернулся в город. За городскими стенами он пробыл до лета 1527 года и ничего не потребовал взамен. Это был внутренний его порыв, поддержанный надеждой на воздаяние Божие.

* * *

Через Муассак Мишель с трудом добрался в Кагор, по пути оказывая помощь умирающим или умирив страдания больных. Поздняя осень застала его в Вильнев-сюр-Лоте; с первыми зимними дождями он прибыл в Ажан, на диво обойденный чумой. Конь Мишеля ступал по торцам торговой площади. Всадник обратил внимание на высокого мужчину, несколько возбужденного и пылливо рассматривавшего его. Но у Мишеля не было сил остановить коня, он не желал ни с кем разговаривать. И лошадь зашагала дальше, пока сама не остановилась перед входом в таверну. И тогда всадник взял в руки кружку вина и смог отпраздновать день своего рождения: ему исполнилось двадцать четыре года.

Две недели Мишель наслаждался покоем в Ажане, но уже в январе 1528 года отправился дальше. Ему рассказали, что в Марманде жил врач, знавший средство против чумы. Когда Нострадамус добрался туда, он вновь услышал щелканье бичей, а перед воротами опустевших домов увидел черные кресты. Врач оказался всего лишь знахарем, который не сумел спасти даже самого себя. Облатки из теста, завернутые в обрывки бумаги с библейскими текстами, – вот, пожалуй, и все, что он мог предложить людям. И больные умирали. Сам он тоже отошел в мир иной.

Его место занял Нотрдам. Начало следующего года прошло в новом бессмысленном издевательстве бичующихся. Затем, когда Мишель услышал, что чума разбушевалась в Бордо, он снова оседлал коня и, влекомый желанием и охотой к перемене мест, отправился через дельту Жиронды к берегам Атлантики.

Книга вторая МОНСЕГЮР (1529–1546)

Роза и Крест

Прошедшим летом во Франции был издан королевский декрет, запрещающий бесчинства бичующихся. Более того, Париж наконец озаботился, чтобы борьба с чумой велась широким фронтом. Однако, несмотря на все меры, люди в Бордо продолжали умирать до поздней осени 1528 года, и лишь затем эпидемия пошла на убыль. Из других городов также поступали известия об ослаблении чумы. Зимой эпидемия вообще прекратилась. С чистой совестью Мишель уже мог уехать на Рождество, однако набрался терпения и прожил в Бордо еще несколько месяцев. Меньше всего его соблазнял заработок. Он хотел в кругу врачей и фельдшеров осмыслить теоретические результаты борьбы с чумой.

Медики собирались вместе, уставшие и в то же время возбужденные. С Клодом Жироном Мишель обсуждал общие аспекты болезни и таким образом получал возможность сделать более разносторонней свою врачебную практику. В итоге у него возникла уверенность, что он вполне созрел для получения докторского диплома. С болью в душе он снова вспомнил о Монпелье. Мишель оставался лишь несколько дней под сенью собора Сент-Андре, затем собрался и поскакал на

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org восток. «Еще месяц, – размышлял всадник, – и я снова вдохну аромат, доносимый ветром из Камарга, опять увижу Сен-Реми, маму, сестренку и братьев. Узнаю, как обстоят дела в Монпелье, чем занят старик Гризон... и Бенедикта. Еще год, самое большее два года, – мысленно взвешивал он, ритмично покачиваясь в седле, – и мне наверняка присвоят докторскую степень. Получу это звание, загляну к друзьям по факультету. По крайней мере в этом отношении мне воздастся за пережитый ужас. У меня немало золота и серебра – больше, чем нужно. Можно теперь обзавестись собственным домом и не думать об устройстве в бурсе...» И вдруг в мыслях он вернулся к Франсуа Рабле и дал себе слово узнать, что произошло с поэтом.

Занятый такими мыслями, к вечеру он добрался до рыночной площади Турна. Войдя в таверну и потребовав на стол все, что можно было подать из кухни и погреба, Мишель устроил небольшое пиршество, затем бросил на стол кучу монет и крикнул трактирщику:

– Наполни моим друзьям кувшины и сам отведай с нами добрую чарку вина! Последним сукиным сыном будет тот, кто скаредничает, имея при себе золото! Други, за мое путешествие! За то, чтобы доброй была моя дорога! Знайте, я родом с Роны. И теперь, после долгих лет странствий, возвращаюсь на родину богачом!

Мужчины, находившиеся за длинным столом, подсади ближе, с любопытством начав приглядываться к нему. Трактирщик поспешил подать кувшины с вином. Вскоре пирушка была уже в полном разгаре. Новоявленные друзья с грубоватым добродушием хлопали Мишеля по плечу, а он принимал это как должное. Он опьянел не только от вина, но от возродившейся в душе жизнерадостности. Крестьяне, сборщики винограда, а равно и все прочие как будто испытывали аналогичные чувства. Без тоста не было выпито ни одной кружки. Все выше вздымались волны пиршества, все громче становилось веселье. Мишель, бахвалясь перед собутельниками, притянул к себе на колени служанку, и под общее одобрение участников пирушки его рука шустро скользнула за корсаж девушки. А ночью он наслаждался девушкой наверху, и кровать под ними отчаянно скрипела. Потому как, несмотря ни на что, жизнь была в них ключом.

Наутро, после пробуждения, Нострадамус жаждал похмелиться и принял лошадиную дозу вина, чтобы взбодриться и иметь силы скакать дальше. С головой, в которую, казалось, сами черти вбивали жареные гвозди, он поскакал к верховью Гаронны. Приблизительно на полпути между Турном и Лангоном, когда уже начало смеркаться, лошадь вдруг шарахнулась в сторону. Одновременно из подлеска выскочили мастера по чужим кошелькам. Одно или два лица показали Мишелю знакомыми. Вчера в таверне эти двое кутили за его счет, но вскоре исчезли. Должно быть, они скакали всю ночь, чтобы уведомить своих сообщников и здесь, в зарослях камыша, устроить засаду. Мгновенная догадка ударила в и без того уже раскалявавшуюся голову Мишеля, а уже в следующее мгновение он получил удар дубиной по бедру.

– Подонки! – взревел он, выхватил шпагу и яростно начал защищаться. Ему удалось достать клинком одного из грабителей, но трое других молодцов ухватили его за ноги, а коня за гриву. Мишель рухнул на землю, потерял шпагу, больно ударился головой о гальку, покрытую глиной, и, задыхаясь от гнева, почувствовал на губах вкус собственной крови. Тут же на него обрушился град ударов. Обессиленный, он попытался хоть как-то прикрывать от ударов голову. Кто-то ударил его сапогом в висок. Застлала глаза чернота, и погасла последняя искра сознания.

Он очнулся, когда в небе стояла луна, окруженная радужным ореолом. Казалось, она мерно раскачивается из стороны в сторону. Мишель лежал в омерзительной луже извержений. Едва извержения были распознаны, как его стошнило еще раз. Он поднялся, еле держась на ногах. Тело пронизывала боль, одежда была сплошь залита кровью. Не было ни одного живого места, которое бы не кричало от боли. Прошло несколько времени, прежде чем он сумел осознать подлинные размеры катастрофы. Коня угнали, а вместе с конем исчезло и все имущество, включая и кошелек с деньгами. Из его горла хрипло вырвалась брань. Вместе с деньгами исчезли и все выношенные планы на будущее. Настоящее сделалось вдруг ужасным. Он вернется в Монпелье как нищий, в случае если он вообще сумеет осилить дорогу. Ведь добираться нужно будет на своих двоих. Он буквально зарыдал от отчаяния. Только когда рассвело, Мишель нашел в себе силы отправиться в Лангон. С каждым шагом он проклинал себя за то, каким кичливым идиотом показал себя в Турне.

* * *

В Лангоне знакомый врач сердечно встретил его в своем доме, когда Мишель, голодный и холодный, появился поздним вечером. Он промыл и перевязал раны, а в заключение предложил:

– Если хочешь, я сообщу в Турн и Бордо. Именно для Жиронды ты хорошо потрудишься. Магистрат обязан выслать погоню за бандитами. То же самое можно потребовать от властей в Турне.

– Ты думаешь, необходимо это предпринять? – вполголоса спросил Нострадамус.
– Мужики, которых я опознал, давным-давно дали стрелкача в горы. Они не настолько глупы, чтобы оставаться здесь. Остальные могли затаиться... – Мишель пожал плечами и замолк.

– Попытка не пытка! – настаивал врач. – Ты и без того не сможешь двигаться, пока раны мало-мальски не заживут.

– Согласен, – ответил Мишель.

Но поиски грабителей остались бесплодными. Спустя две недели даже лангонский врач признал, что слишком доверял королевскому правосудию. Мишель же, напротив, предполагал подобный исход с самого начала и волей-неволей вынужден был смириться со своей судьбой.

– Если ты мне одолжишь пару монет, я могу продолжить путь, – признался он в середине мая своему доброму самаритянину.

И хотя врач сам перебивался с хлеба на воду, но за деньгу чрезмерно не держался. Он вручил молодому коллеге столько серебра, чтобы тот мог, по меньшей мере, продержаться еще две-три недели. Денег хватило до Муассака, лежавшего на полпути между Бордо и побережьем Средиземноморья. В первой половине июня он появился в городе, изможденный и оборванный донельзя. Присев отдохнуть перед одной церковью, он вытянул вперед руку. Следовавшие на литургию прихожане стали присматриваться к нему. А чуть позже местные нищие, буравившие поначалу его злыми глазами, не желали терпеть конкурента. Вынужденный скрыться, Мишель вспомнил о своей шпаге: после воровского нападения он нашел ее в грязи со сломанным клинком – и продал шпагу кузнецу за бесценок. Совершенно безоружный, с этой нищенской выручкой он добрался до Гризоля. Через три дня, полуголодный, дошел он до Тулузы.

Здесь он получил возможность добрым словом помянуть ратушу. Магистрат согласился помочь ему, но не за хорошие глаза. В такой же больнице, в какой он однажды сражался с чумой, Мишель должен был ухаживать за больными, страдающими дизентерией и воспалением легких, чтобы оплатить комнату и харчи.

Лето подходило к концу. На сей раз о роскошном жилище, предоставленном ему однажды рядом с базиликой Сен-Сернен, Мишелю приходилось только мечтать. Ютился он в чердачной каморке ветхого дома, однако ему удалось все же накопить достаточно денег, чтобы пробраться в Монпелье. Горы уже дышали осенним холодом, когда в начале ноября он вступил под своды своей студенческой залы. Вновь подумал Мишель о старом книгоиздателе Гризоне, нежно и любовно вспомнил о Бенедикте, но, когда попытался разыскать их, попытка не увенчалась успехом. И женщина, однажды принявшая его к себе, пропала без вести. Большинство соседей (они снова поселились там после чумы) даже не вспоминали о ней. В комнатах, где занимался раньше свежее испеченный бакалавр Нострадамус, расположился теперь торговец углем и лесом. Он же и сообщил Мишелю, что еще в 1527 году старик Гризон скончался, а сам торговец после его смерти приобрел в наследство этот небольшой клочок земли. Мишель попытался разыскать кого-нибудь из прежних знакомых старого Гризона, но и тут потерпел неудачу: одни умерли, другие уехали в чужие края. О Рабле, как и прежде, не было ни слуху ни духу.

Мишель занял старую каморку под чердаком после того, как записался докторантом, – университетский сотрудник бесплатно предоставил ему крышу над головой. Что касалось пропитания, то времена, как объяснил этот сотрудник, нынче пошли тощие и теперь меценаты уже давным-давно не кормят бурсацких постояльцев, как прежде. Когда же Мишель осведомился о других возможностях, сотрудник дал ему практический совет:

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
– Зайди в монастырь Сен-Пьер! Там у монахов тоже есть больница, причем им всегда нужны фельдшеры...

– Что?! Работать на рясы? Гнуть спину на старых врагов?! – вскипел Мишель.

Ему сразу припомнилось происшествие в Жиньяке, так живо, с такими подробностями, как будто все это случилось накануне. Немного спустя это понял и университетский служака; он ухмыльнулся и успокоил его:

– Все быльем поросло! Тогда ты в конце концов расправился с чумой, а твое помилование подписано в университетских актах. Пользуйся! Другого случая, так или иначе, в Монпелье не предвидится!

В справедливости этих слов Нострадамус смог убедиться буквально на следующий день. Хотя по своей настырности он и пытался устроиться в другом месте, но ему ничего не оставалось, как начать грызть кислое поповское яблоко. И тем довольней был монастырский казначей, давая Мишелю заработать на хлеб насущный. Вскоре раскрылась и причина такого альтруизма: Всевышнего сани и пуще всего для общего блага означенной богадельни больничные санитары обязаны были за кусок хлеба работать до седьмого пота.

Под сенью собора Сен-Пьер бакалавр и докторант служил своим ближним усердней и терпеливей, чем недавно в Тулузе. В то время как он переставлял продавленные кровати, делал перевязки, подтирал дерьмо и блевотину за больными, местные монахи жили в свое удовольствие. И покуда они шествовали на клирос с молитвенниками в гладких дланях, покуда обращались к Богу, Мишель ставил больным, у которых животы были вспучены как барабаны, клистиры и слушал, как бедолаги пускают тугие ветры. Как медик, он давно привык переносить это, но гораздо хуже обстояло дело с богатыми персонами, платившими за пребывание в больнице, – с мелкопоместными дворянами и крупными торговцами, содержавшимися в отдельном больничном флигеле. Они требовали от него и остальных санитаров, чтобы те прислуживали им круглые сутки. Получалось так, что одному Нострадамус должен был принести кувшин вина, другому – блюдо со свежими устрицами, третьи требовали от него врачебного совета. Для их болезней (чаще всего мнимых) он должен был называть вернейшие средства. Но самыми несносными оказывались те, кто пытался от нечего делать втянуть Мишеля в бесконечные теологические споры в духе казуистики.

Так Мишеля использовали для одной только грязной работы под церковной кровлей. И это казалось ему мстью за Жиньяк. Монахи держали своего образованного раба на двух кусках хлеба и нескольких глотках кислого вина. Благодаря такому рациону и такой работе у Мишеля ничего не получилось бы с дальнейшим академическим образованием, если бы в конце концов его терпение не лопнуло.

Это произошло весной 1530 года, после полугодовой службы в больнице, когда у него выпала возможность заглянуть в университет. В один из мартовских дней при виде монаха, попавшегося навстречу, Мишеля охватило такое бешенство, какого он никогда прежде не испытывал. На память пришли годы бескорыстного самопожертвования во время чумы, воспоминания о бандитских рожках между Турном и Лангоном. Дерьмом и побоями монахи вознаградили его за великодушие и добрые дела. И теперь, когда ему хотелось лишь практиковать в качестве доктора медицины на благо своим ближним, он попал в руки мастеров по чужим кошелькам, которым ничего не было нужно от Мишеля, кроме его жизни, его надежд, его служения ближним, – все это они жаждали выкрасть у него. И сейчас, когда монах хотел пройти мимо, когда Мишель увидел его отвислые щеки и учуял запах перегара, ярость захлестнула его.

– Ни за что! Дошло до тебя?! – заорал он на ошарашенного монаха. – Вопреки вам, болванам! Вопреки вашим мелким душонкам и вашему ничтожеству я пойду своей стезей! Вам не удержать меня. Ни вам, ни кому бы то ни было! Поищите другого, кто бы подленько держался за эту выморочную жизнь! На меня больше не рассчитывайте! Плевать мне на здешнюю службу и на вашу лживую хворь! Пойду в университет! Займусь наукой и буду доктором без вашего фальшивого сострадания, даже если мне придется положить зубы на полку!

Мишель схватил монаха за капюшон, затряс его и отхлестал по щекам, затем презрительно оттолкнул от себя и рассмеялся, словно освободившись от чего-то в душе. Прямоком он направился на медицинский факультет. У него желудок сводило от голода, но атмосфера учебной аудитории вызвала в нем

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
ощущение, похожее на чувство обретенной родины.

* * *

Он вновь приступил к регулярным занятиям, и призрак голода, преследовавший его до сих пор, исчез без всякого монашеского участия. Дело в том, что после нескольких недель, когда он еле-еле сводил концы с концами у своих друзей, Мишеля осенила спасительная идея.

У своего сокурсника он одолжил лошадь и на Пасху отправился в Сен-Реми. Через несколько лет снова сумел обнять свою мать, к тому времени уже сильно сдавшую – она постарела и ослабла. За ней ухаживала дочь, давно уже вышедшая замуж. Братья Мишеля разъехались кто куда, иные умерли от чумы. Но в доме еще находились несколько алхимических сосудов, покрывшихся пылью. С помощью Мадлен он упаковал реликты, приторочил к седлу мешок и через несколько дней был уже в Монпелье. Там, под крышей бурсы, он занялся изготовлением косметических мазей, даже выгонкой целебного агенцина. Удавалось сбывать все это более или менее быстро, поскольку Мишель продавал дешевле, чем прочие знахари. Выручка дала возможность оплатить последний учебный семестр. Конечно, приготовление мазей не было для него самоцелью. Как и прежде, он довольствовался своей каморкой, в которой обитал еще в 1521 году. Мишель занимался этим отнюдь не ради наживы, хотя и видел, что некоторые из тех, кто владел искусством черной магии, разъезжали по улицам Монпелье в двуконных экипажах.

Зато Нострадамус достиг теперь настоящей медицинской зрелости. Осенью 1531 года он сдал наконец экзамен на звание хирурга. В аудитории ему пришлось сделать операцию по удалению камней из мочевого пузыря, и благодаря самоотверженному уходу за пациентом все закончилось благополучно, что считалось тогда редкой удачей. Весной 1532 года он сдал экзамен по фармакологии, а осенью блистал на экзамене по анатомии. На Рождество ректор университета торжественно вручил ему диплом доктора, которого так упорно и терпеливо добивался Мишель.

Сначала удовлетворение подавляло иные чувства, но уже вскоре возобладало чувство, очень похожее на душевную усталость. За внешним лоском академических почестей Мишель вдруг острее, чем прежде, разглядел не передаваемое словами человеческое страдание. Что-то вновь потянуло его в дорогу, и он украдкой оставил город, надеясь встретиться с морем, с могучим дыханием Адонаи...

Когда его лоб почувствовал легкое дуновение ветра, летевшего поверх всего мирского, Мишель снял шляпу и, держа ее в руке, уходил все дальше и дальше вдоль побережья к Ниму; он шагал по мелкому песку, никогда не поддававшемуся вычислению и взвешиванию. Казалось, что из струй песка вырастает духовное крутогорье. Он думал, что услышал слово, донесенное из далекого прошлого. На горизонте под облаками, словно в мерцании блуждавшего света, повис замок, у которого не было названия. И когда силуэт замка поблек, на его месте – как предвестник – появился всадник.

Прошло двенадцать лет с тех пор, как Нострадамус видел его в последний раз, но он тут же узнал всадника. Более того, он не особенно даже удивился, что Франсуа Рабле вернулся именно в этот час. Поэт тоже не был ошеломлен, когда вдали заметил странника. Мягким движением он заставил коня перейти с шага на рысь и, широко улыбаясь, подъехал к своему бывшему питомцу.

Как будто что-то в их душах зазвучало и соединилось в момент встречи: две излучины жизни, далеко распавшиеся друг от друга и обретшие предопределенные вехи. Друзья обнялись. Рабле заявил:

– Ты стал мужчиной, Мишель, и выглядишь намного старше своих лет!

Нострадамус не стал возразить и минул головой. В этот момент, – словно в видении, – как никогда раньше, прошли его заблуждения, муки и сострадание, его борьба и падение, его упорство – упорство прежде всего. В это время, как в мгновении озарения, он увидел себя самого.

Рассмотрев лицо своего друга и обнаружив на нем морщины и шрамы, он ответил:

– А ты, верно, познал истину, это уж точно!

Франсуа изумленно взглянул на него, но затем рассмеялся и сказал:

– Об этом поговорим позже. – Только сейчас он заметил в руке Мишеля шляпу и осклабился. – Доктор!

– Но сегодня я свободен от работы, – уточнил Нострадамус и тоже рассмеялся.

– Но не свободен от вечного поиска, – возразил Рабле задумчиво. Но тут же в его глазах заиграл шальной бес. Он взглянул на север. – Люнель! – воскликнул он. – Ты не забыл про нашу самую первую встречу? Если сядешь сзади, на лошади мы мигом доберемся куда надо.

– Люнель... – с улыбкой повторил Мишель, после чего вороной помчал их в места, некогда знаменитые и давно уже покинутые ими.

Друзья разыскали старый кабачок. Даже хозяин оказался тот же самый, как и двенадцать лет назад. Засев после обеда, они проговорили весь вечер и всю ночь до следующего утра. Сначала о себе рассказывал Нострадамус, потом его сменил Рабле. Фактически его повествование вернулось на десятилетие назад, когда он жил и учился между Парижем и Римом. Несколько раз с выразительной интонацией упомянул он о парижском Тампле. И каждый раз Мишель испытывал душевное волнение.

Франсуа говорил об университете и бурлении духа во французской столице. Мало-помалу его рассказ перешел к Италии, речь его перемежалась скабрёзными фразами в адрес папского престола, он упоминал о ядах, кинжалах и интригах, о профанации истории и веры в немыслимых формах.

– Мощи святого Петра! – говорил Рабле. – На них молятся, как если бы то была настоящая святыня. Но апостол Петр никогда не был христианином!

Святотатственные речи благополучно тонули во всеобщей кабацкой круговерти. Окрыленный изрядной порцией вина, поэт произносил одну за другой богохульные сентенции. Рабле со вкусом и несомненным мастерством рассказчика говорил о том, как останавливался во Флоренции, Пизе и Венеции, как жил там под республиканскими флагами, и восхвалял духовную свободу, связанную с этими городами. Упомянул он и о Базеле на Рейне, где встречался с великим мыслителем Эразмом Роттердамским. Мишель был знаком с несколькими произведениями этого философа, но сейчас, после рассказов Рабле, тот представился прямо-таки воплощенным титаном. Свежеиспеченный доктор медицины затаил дыхание, когда Рабле наконец сделал еще один из географических и логических скачков. Он рассказал Нострадамусу, как после своей базельской поездки совершил путешествие от Венеции до Палестины, увидел Аккру, Тивериадское озеро, но прежде всего Иерусалим. Мишель невольно воспарил душой, когда это слово слетело с уст поэта. Но то, что Рабле успел рассказать во всех подробностях, привело Мишеля в ужас.

– Рвачество, убийства, отрицание Бога – вот строительные камни, из которых был возведен храм Велиала! – вопил изрядно хмельной Франсуа. – Обман и вранье, предательство, сплошная резня! Христианские церкви и мусульманские мечети отданы свиньям! Чумные нарывы на чистой земле! О святости даже и речи быть не может! Наоборот, иудаизм, отчаянно пытающийся выжить, погряз в дерьме! Сплошь одни только слуги дьявола и подстилки Сатаны! Послушай, Мишель, ни одна истина больше не выходит из Иерусалима. Впрочем, то же самое можно сказать и о Риме...

– Тогда где же она, истина? – воскликнул врач.

– Где? Я безнадежно искал ответ, – произнес Рабле. – Ради истины я пошел дальше, в пустыню, в Кумран. Название тебе ничего не говорит. Это место расположено у Мертвого моря, в кругу пещер. Там я встретил отшельника. Он не был ни иудеем, ни христианином, ни мусульманином – просто человек, старец...

Франсуа замолчал, словно чего-то испугался. В мозгу доктора медицины возникло много неотложных вопросов. Но добиться чего-нибудь мало-мальски вразумительного от Рабле было уже невозможно. Сраженный вином, он тотчас заснул.

* * *

Каким-то особенно нереальным казался период, когда зима 1533 года не спеша переходила в весну.

Весьма словоохотливый в таверне Люнеля, Рабле словно воды в рот набрал. И когда Нострадамус заводил разговор о Иерусалиме, Риме или таинственном Кумране, его друг неизменно отделялся шутками, переводил разговор на другую тему или предлагал прокатиться верхом. Они ехали вдоль побережья до Сета и Агда.

Как-то решили остановиться в Сен-Реми. Едва старая Мадлен, для которой такого рода приезд оказался целым событием, пришла в себя от радости, как Рабле снова увлек друга в дорогу.

Наконец на пару дней они остановились в Авиньоне. Там поэт небрежно рылся в книжных лавках, расположившихся под стенами папского дворца. Казалось, что в то же время он подглядывал за Мишелем, которого прогнал из Сен-Реми. Рабле начал подтрунивать над ним, однако Нострадамус, вспоминая о разочаровании матери, настаивал на том, чтобы вновь вернуться туда и побыть там подольше. Рабле убедился в необходимости поездки и, более того, сам сопровождал доктора медицины в лавандовую землю, расположенную между Роной и Дюрансом.

Вернувшись в Монпелье, поэт стал еще более задумчивым. Часто молчал часами, затем вдруг принимался мучить Мишеля вопросами о планах на будущее.

– Буду лечить и помогать, где только представится возможность, – отвечал в таких случаях Нострадамус.

Но сам еще не знал, останется на побережье или в другом месте. После относительно спокойных лет в нем как будто проснулась извечная потребность начинать все сначала. Но советов поэт ему не давал. Казалось, сорокалетний Рабле тоже страдал от душевного беспокойства.

Когда в очередной раз друзья выпивали в Люнеле, Франсуа начал бахвалиться своим произведением, которое задумал, шатаясь по белу свету. Оно, как выяснилось, даже было частично готово и даже переписано набело. Он пересказывал похождения Гаргантюа и его сына Пантагрюэля, зачитывал остроумные диалоги, которые казались еще талантливее из-за кабацкого шума и гама, окружавшего друзей.

Неслыханные импровизации Рабле настолько захватили Мишеля, что позднее, когда его друг был уже пьян как сапожник, Нострадамус вспомнил о другой пирушке, в таверне «У повешенной собаки». То, что прозвучало тогда в Рождество, подействовало на врача гораздо острее, чем все теперешние рассказы о выдуманных великанах. И сильнее прежнего захотел Мишель разобраться в рассказанном месяц назад. На следующее утро он снова задал вопрос о Кумране, старце и истине.

Еще не оправившийся от похмелья, Франсуа пристально взглянул на него, затем согласно кивнул головой и сказал:

– Давай еще разок съездим к морю! Там-то, под соленым ветром, ты все и узнаешь!

* * *

Они присели на остов лодки, наполовину погружившейся в песок. Шпангоуты и обшивка корпуса заметно покоробились от времени. Волны бились о берег, отступали и снова накатывали. Рабле долго всматривался в море, на восток, и наконец прошептал:

– Старец из Кумрана укоренился в вечности, как никто. Не был он ни иудеем, ни христианином, ни мусульманином, но тем не менее до конца прошел духовный путь. Искал в книгах, так же как и в сердцах людей. Искал в Торе, Евангелии и Коране, обнажая суть мысли с помощью интуиции, и наконец почти все отбросил, но здоровое ядро сохранил. И также сохранил полноту восприятия жизни. Разговаривал с раввинами и еврейскими рыбаками, с монахами и пилигримами. Скакал с сарацинскими воинами и кочевал с мусульманскими караванами. Встречался с преступником в роскошном одеянии и со святым в жалком рубище. Познал несказанную сущность, заключенную в чистых и

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
раскрытых человеческих глазах...

Рабле замолчал. Казалось, он борется с самим собой. Мишель не решился помешать ему. После долгой паузы поэт снова заговорил. Голос его теперь звучал громче:

– Старец завоевал Истину, заново открыл учение – то и другое простерлись в вечности. Вневременная Истина, которую Моисей проповедовал так же, как Иисус или Мохаммед. Каждый из них, как и безвестные мудрецы, которым несть числа, кружил вокруг единственной сердцевины и тем самым приносил на землю весть о милосердии, мире и человеческом взлете. Каждый в свое время и у своего народа. Трясине и адской пучине они снова и снова противопоставляли мятеж, а остроуму углу – овал... Эта несгибаемость...

Рабле прервал свой невнятный монолог, повернулся, и взгляд его, до сих пор созерцавший море, встретился со взглядом Нострадамуса. Мишель вздрогнул, с губ другого человека слетело это слово – «несгибаемость», его собственный бич и его собственная движущая сила.

В этих двух скрещенных взглядах родилась обоюдоострая истина. Друзья пришли в себя. Рабле кивнул головой и продолжал:

– Но человеческое учение, весть человека к человеку – единственная истина, пережитая душой, истина, существовавшая в настоящем, – она во все времена и во всех народах пробуждала в человеке скота! И эта скотина, этот Молох, находил безошибочное средство, чтобы снова затемнить и уничтожить истину. Если церкви всех религий начинали утолять собственную жажду власти, чистое слово в теологии приходило в упадок, а милосердие претворялось в ненависть. Под властью попов, которым было все равно, каким кумирам поклоняться, человечество было низвергнуто в пропасть, и до него уже не долетала музыка звезд. Вместо этого в крестовых походах и священных войнах человек убивал человека, пытал и вырезал себе подобных и вгонял отравленный клинок кинжала в собственную плоть! – Внезапно Рабле вскочил, подошел к волнистой кромке прибоя и воскликнул: – Нынче Рим называют великой блудницей! Христианство никогда не понимало евреев, мало того, всегда, с самого начала, римская церковь и не желала их понимать. Великого пастыря она низвергла до уровня идола на кресте и даже предала тех, кто был его истинным учеником. И прежде всего предала апостолов Петра и Иакова. Она сдавила мертвой хваткой всю Европу и проливала потоки крови, чтобы насытить жажду золота и власти. – Поэт погрозил кулаком в сторону востока и тут же снова закричал: – Но исламская вера ничуть не лучше! Когда, спустя пять веков после еврейского мудреца, пришел Мохаммед, у него не было иного стремления, кроме как повернуть растленное человечество к Иисусу и Моисею. После того как два учения – Ветхий и Новый Завет – стали блуждать впотьмах, он возжаждал снова влить обе струи старого вина в новые мехи. Но едва перешел в мир иной – вернулся к тому, кто его послал на землю, – как его приверженцы и самозванные последователи обнажили меч, рассекли его волю к единству на две половинки – на шиитов и суннитов, взаимно вырезали друг друга и не утихли в своей жажде крови, пока исламский зверь не вонзил клыки в христианского и не сделался таким же оборотнем. С тех пор Змей стиснул в своих кольцах Европу, Африку и Азию, от Испании на западе до Палестины и Константинополя на востоке. Двуглавый римско-арабский Змей.

Этот бич человечества был страшнее любой чумы. Вот чему учил меня старец из Кумрана после того, как я во время странствий сам уже дошел до этой истины и, пресытившись человеческой мерзостью, хотел наложить на себя руки. Потому что – как бы там ни было – я верую в Бога и предан Ему, хотя и не лицезрел Его. Но старец указал мне выход. Кротко вел он меня к источнику Моисея, Иисуса и Мохаммеда. Я многое понял у берега Мертвого моря. Снова, я верю, передо мной воссияет свет.

В то время как Нострадамус внимал, замороженный словами друга, Рабле достал странной формы амулет, который носил привязанным на шее за простой кожаный шнурок. Амулет походил на крест. Крест четыремя концами был вписан в окружность. На бронзовом кольце были вытиснены еврейские буквы.

Мишель разобрал надпись и прошептал:

– Адонаи!..

– Адонаи! – повторил Франсуа. – Это имя лежит в основе самого древнего и

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
вечно живого учения. Ты знаешь, что это слово всеобъемлюще. Это слово, и ты тоже знаешь, означает имя единственного Бога! – Поэт глубоко вздохнул и продолжал: – Видишь, как бесконечный круг ограничивает бесконечный Крест? Двуетный знак вытягивает свои концы на север, юг, восток и запад, что означает Инквизицию, ненависть к евреям, охоту за ведьмами и Крестовые походы. Но круг – бронзовая Роза – также объединяет в себе противоположные металлические концы, укрощая зло. Эта Роза – знак любви, знак истинного человечества. В ней – спасение человечества. Враждебная Кресту на Западе и полумесяцу – на Востоке, Роза объединяет Запад и Восток, хотя и замкнута на Кресте или вокруг кривой сабли – воинственного мусульманского символа, породившего знак полумесяца. Вот та весть, которую я мог и хотел принести тебе, друг мой! Это знак тайного общества. Во все времена оно выступало во имя добра, против зла. Этот знак – сам свет, блистающий во тьме кромешной. Многие из тех, кто был проклят церковью как еретик, были привержены ему. Мыслители, мечтатели, поэты и врачи – врачи, Мишель! – носили его – безразлично где: снаружи или в сердце своем. Он дан был Ордену Тамплиеров, дом которых возведен не из мертвого камня, но основан на жизнотворной воле. Однако – и ты это тоже должен знать – Орден был уничтожен в Париже два века назад. Конечно, в том старце, которого я встретил в Кумране, продолжал жить орденский несгибаемый дух. Он полностью искореняет зло, но не мечом и огнем, а совсем иначе. Снова и снова воскресает надежда, несгибаемость, вопреки Молоху, от столетия к столетию. И это ответ на то, чего мы с тобой оба искали, дружище! Это истина, ради которой ты, исхлестанный жизнью, так долго бродил по свету.

Нострадамус еще не все из сказанного поэтом понимал, но Розу и Крест взял в руки. Металл, казалось, пытался врасти в его кожу и плоть, он ощущал это каждой своей жилкой. Наконец он прошептал:

– Отныне я стану носить его в моем сердце, Франсуа! Повсюду, даже если я все еще никак не могу узнать своего предстоящего пути... – Нахмутив лоб, он замолчал. – Своего настоящего пути, кремнистого, ведущего к Адонаи...

Рабле молча взял амулет, еще раз долгим взглядом окинул море и наконец произнес:

– Одна тропинка сливается с другими в одну стезю. Тебе сегодня предстоит решить, куда последуют твои дух и тело. – И поэт добавил: – Лавеланет!

Скалигер

Еще в своем видении в декабре 1526 года нострадамус услышал слово «Лавеланет» и увидел названную местность.

Теперь, когда кони дружно свернули от Каркассона по каменистой тропе, Мишель наяву смог увидеть гору и крепость прямо перед собой. Горный конус вырос, казалось, из самой земной сердцевины. И в то же время он переливался сверкающими солнечными бликами. Оба каменных утеса в своем первобытном торжестве упирались в чистое лазурное небо. Мишелю почудилось, что до его ушей доходило чуть слышное гудение и пение. Он взнуздал коня. Руки непроизвольно сложились как при молитве.

Рабле молчал. Только когда его лошадь начала нетерпеливо приплясывать, он показал на долину внизу, где расположилась деревня, и объяснил:

– Это Лавеланет, охраняющий подъем к крепости. Оттуда мы могли бы быстро добраться до Монсегиора.

Нострадамус словно бы очнулся. Он повторил последнее слово из фразы Рабле, смакуя звучание, потом торопливо пришпорил коня, который рванулся, словно в битву, вниз по тропе, следуя за лошадей Рабле.

Всадники достигли Лавеланета в тот час, когда золотые краски полдня начали смешиваться с наступающими сумерками. Они въехали в деревню. Встреченные ими путники смотрели на пришельцев так, словно участвовали с ними в каком-то тайном действе. Был миг, когда Мишелю показалось, что он узнал пару глаз. Он сдержал коня, тот попытался встать на дыбы, но Мишель, заставив его скакать дальше, подумал о том, что все взаимосвязанно. И не только сегодня, но и в прошлом. Вот последние дома остались позади, и кони по косогору начали взбираться к подножию известкового горного конуса.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Мишель стрелой взлетел на гору. Крутые скалы с мощной силой вознесли к небу свои тела, поросшие зарослями колючего кустарника. Это была последняя преграда между всадниками и замком.

Друзья спешили и под уздцы повели лошадей по опасной крутой тропе. Взмокшие от пота, еле державшиеся на ногах, они выбрались на плато в тот самый миг, когда солнце скрылось за горизонтом и бросило последний красный отблеск на гребень горного хребта, на зубчатые стены и развалины замка. Ребра стен излучали потоки света, и казалось, что они раскалены. Но чудо быстро исчезло, и, несмотря на то, что была середина лета, над Монсегюром подул ледяной ветер. Какая-то странная печаль охватила Мишеля. Он услышал голос франсуа:

– Надо позаботиться о лошадях, развести костер! Поторапливайся, скоро ничего не будет видно.

– Видно... – пробормотал Нострадамус, и слово это непрерывно билось в его мозг, пока он, привязав коней, расседлывал их, а потом собирал дрова.

Расположились друзья возле развалин, под сводчатыми воротами. С наступлением ночи гигантская древняя стена как будто давила на них своим страшным безмолвием. Но вместе с тем языки пламени все жарче разгорались в безграничном и вечном отзвуке. Как будто в земле и над нею сталкивались друг с другом невидимые стихии. И поэт и врач ощущали это. Казалось, такое столкновение стихий заставляло их действовать в невыразимом согласии. Они почти не говорили. Только раза три один из них, как во сне, бросал полено в каменный круг, где полыхал огонь. Их все больше обволакивало и околдовывало своими чарами жаркое безмолвие, снимавшее с их душ коросту.

Но затем последовал удар по Монсегюру, отбросивший Мишеля одновременно во мглу и свет. Мишель пробился через пламя, разрушил границы, рассек камень. Он почувствовал, как раскололся мрак прошлого: время рванулось в обратном направлении на три столетия назад.

Змей облапил Лангедок. Его тлетворное дыхание изверглось на прекрасный край, который мог бы стать духовной вершиной обновленного мира.

В своем неистощимом богохульном порыве змееголовый Молох безжалостно хватал тех, кто был бескорыстен душой, кто от чистого сердца сделался старателем, взыскующим Града Божьего... Французский король и папа римский объединились против альбигойцев. Чтобы тьма пожрала свет, чтобы сохранить свою богохульную власть и черную славу, они призвали толпы людей к Крестовому походу. Католический зверь двинулся с севера и, оскалив зубы, принялся пожирать усадьбы, деревни и города, дух и мораль которых были на сто голов выше, нежели мораль и дух зачинщиков священной войны. По всему Лангедоку извивалось чешуйчатое тело змея, все вокруг затягивалось в его кольца, которые душили свободу и жизнь катаров. И погибло их много тысяч.

Нострадамус видел детей, стариков и женщин, лежащих в собственной крови... Он смотрел на решетки, на которых поджаривались огнем человеческие тела... Он заметил взмывшие вверх руки, сжавшие топоры и мечи. Связанные, болтались из стороны в сторону повешенные жертвы. Другие на основании приговора были посажены на кол, и остря, пронзив человека, выходили через шею. Тех, кто перед казнью был приговорен к пыткам, обнаженными заталкивали в камеры... Инквизиторы неслись от одного дома к другому... Там, где прежде победоносно воздвигалось христианское Распятие, разверзалась адская бездна... Папа продолжал шипеть со своего престола, чтобы ни один катар не остался в живых. Но после того как остальные «чистые» увидели дьявольский лик Сатаны, началось отчаянное сопротивление Риму и Парижу.

Несчастные окопались в городах, оставшихся в их руках, но даже каменные стены были бессильны против рассвирепевшего зверя. Нострадамус увидел, как пали Минерва, Сито, Альби, Лавор и, наконец, Тулуза. Те, кто не мог ускользнуть, кого не утопили в колодцах, не колесовали или не сожгли, в смятении спасались бегством в горы. У северного подножия Пиренеев, в отдаленных высоких крепостях катары искали последнее убежище.

Но Змей обложил их и там, как и прежде; церковь требовала полного их истребления. Король дал на это свое согласие, и теперь туда устремились чужеземные рыцари со всей Европы. Замки катаров, осажденные со всех сторон, обстреливали и брали штурмом. Здесь тоже никого не пощадили – ни мужчин, ни

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
женщин, ни детей.

Всего три города – Пейреперт, Кериб и Монсегюр – еще противостояли. Каждый раз натиск выдерживала только горстка наиболее отчаянных защитников. На их жизнь посягало многочисленное войско. Пейреперт был снесен с лица земли первым. Кериб немного позднее. Как предвестник Лавеланета, ниже расположился Монсегюр...

О, последняя надежда! Нострадамус ощущал это каждой клеточкой своей души, он плечом к плечу стоял рядом с теми, кто еще мог сопротивляться поздней зимой 1243–1244 годов на башне Монсегюра. Мишель сам голодал вместе с ними. Это их раны горели на его теле, он вместе с ними цеплялся за камни, он обращался с молитвами к Богу... Трескучий мороз пронизывал его до костей, в крепости давным-давно не было топлива, чтобы развести костры. Кончились съестные припасы, и даже воды так мало осталось в цистерне, что защитники перестали умываться, экономя таким образом последние капли. Изможденные, они все держались, и священник еще взывал к их мужеству, несмотря на то, что кольцо осады сжималось день ото дня.

Десять тысяч христиан собрались под стенами крепости, призывая Молоха на штурм Монсегюра, и Мишель, меч которого давно затупился, увидел, как все они глубже и глубже врубаются в лесную чашу. Их засеки приближались к стенам осажденного замка. Он в то же время слышал, как днем и ночью стонали каменные глыбы на бастionaх, жалобно скрипели крыши деревянных строений, как трещали камни и бревна на монастырском дворе под ударами снарядов вражеских катапульта. Снова и снова падали изуродованные человеческие тела на валу. Грохот слышался в глубине катакомб, в страшной темноте, где прятались женщины и дети. Мишель пережил страшнейший ужас за Монсегюр, перебивав и ребенком, и женщиной, и тяжелораненым последним защитником крепости. А затем настал день, когда толпы христиан – случилось это в марте 1244 года – протрубили сигнал к последнему, решительному штурму. Когда над стенными зубцами внезапно появились шлемы, мечи и топоры, кто-то ударил Мишеля клинком по голове, и свет померк в глазах, но тут же Мишель снова пробудился – к другой жизни.

Сейчас он стоял под стенами разрушенной крепости в группе приговоренных к смерти. Сюда пригнали еще около двухсот катаров. С циничной ухмылкой им был предложен выбор между обращением в католицизм или сожжением на костре. От «чистых» требовали, чтобы они были заодно с убийцами. Но они оставались непреклонны в своей вере, исходившей не из абстрактных знаний, а из света сердца и души. Никто не отрекся, никто не упал, таким образом, в адскую бездну. Еле держась на ногах, они двинулись к месту сожжения и запыли. И было 16 марта 1244 года от Рождества Христова. До казни они увидели вечность. Даже Мишель увидел и почувствовал ее дыхание. Троекратно – в теле мужчины, женщины и ребенка – восходил он на костер. Под восторженные вопли монахов и попов стражники со смехом подносили к хворосту факелы. Нострадамус вновь терял силы – и заново свет мерк в его глазах.

А с первым солнечным лучом, забрезжившим на зубчатой стене, он пришел в себя под сводчатыми воротами.

Он различил лицо Рабле, но ему в то же время показалось, что это было лицо другого человека. Через секунду перед ним возникли двое мужчин, и Нострадамус, теперь уже полностью прозревший, понял, что к нему и Франсуа присоединился кто-то третий. Глаза, которые, как он полагал, ему пришлось увидеть в Лавеланете, опять припомнились ему, но в тот момент воспоминание увело его в более далекое прошлое – к 1527 году, в Ажан.

В то время когда его лошадь плелась по рыночной площади, Мишель сам едва держался в седле от усталости. Он заметил огромного мужчину, чем-то воодушевленного, и на миг у Мишеля создалось впечатление, что удивительно ясные глаза незнакомца о чем-то хотят спросить. У него не хватало сил остановить лошадь, и он проехал мимо великана. Но сейчас он в третий раз увидел эти глаза, и снова не поинтересовался, откуда взялся незнакомец. Его появление было связано с Монсегюром, с броском в прошлое, с видением. Лицо незнакомца он трижды видел на костре, и оно предстало перед ним как его собственное раздвоенное лицо. Душа этого человека – как бы вне времени – казалась его собственной душой. Когда Нострадамус подумал об этом, раздался дружный смех. Рабле тут же представил ему пришельца:

– Юлий Цезарь де л'Эскаль!

– Или проще – Скалигер, – сказал тот. Он был приблизительно одних лет с Рабле. Протянув Мишелю руку, Скалигер добавил:

– Я был бы рад уже вчера встретиться с вами в моем доме. Но прежде ты должен был войти в Монсегюр, чтобы сдать экзамен...

– Экзамен?! – Мишель лишился дара речи. Но едва он успел произнести слово, как Рабле ему все объяснил:

– Ты разговаривал, когда тебе явилось видение. Невозможно забыть того, что ты живописал во время своего пребывания в ином измерении. – Франсуа подошел ближе, успокаивающе взяв Мишеля за руку и продолжал: – Да! Даже Скалигер был свидетелем этого. Я знал, что он здесь, в горах, проводит летнее время, а посему ничего не стоило оповестить его о нашем пребывании здесь. Юлий ожидал нас внизу, в деревне, а потом незаметно последовал за нами в горы. В тот момент, когда у тебя открылся третий глаз, он был уже у костра! Ты разделил свое озарение не только с розенкрейцером, но даже с катаром. В Юлии Цезаре де л'Эскале живет семья священника, сожженного на костре три века назад!

– Всеми правдами и неправдами церковь пыталась уничтожить нас! – вступил в разговор Скалигер. – Но это ей ни разу не удалось! Несмотря на все преследования, находились избранные, которые охраняли Истину и Учение, как и память о падении Монсегюра. В наших сердцах и спрятанных книгах записаны эти факты. Поскольку и поднесь довлеют свинцовым гнетом мрачные столетия над Европой, только эти книги должны стать отражением того, что происходило! Но ты, Нострадамус, сам нашел выход из этого мрака. Все картины, все события, увиденные тобой в душе, заключены в тех трудах, о которых я тебе сообщил.

Сказав это, Скалигер обнял его. Это произошло само собой, и Мишель почувствовал близость старшего и мудрого брата, которого он ждал всю жизнь.

– Я знал, что вы найдете друг друга, – сказал Рабле. – Я понял это, когда ты, Мишель, у моря задал мне вопрос, помнишь? Здесь в лице де л'Эскаля стоит твой новый учитель. В то время как ты преодолеваешь следующую ступень, он – твоя цель. В нем заключено все, с тех пор как мы в первый раз встретились в Люнеле – тогда я сам не подозревал об этом и помогал тебе из одного чувства симпатии. Но это не было случайностью! Как не были случайностью ни наши дикие попойки, ни встреча со стариком Гризоном, которому я тебя представил, ни годы, которые мы провели врозь в страдании и поиске истины. Нарбонн, Тулуза и Бордо – твои этапы, мои – Париж, Рим, Венеция и Палестина. Жизнь трепала нас обоих. Когда пришел срок, мы вновь встретились в Монпелье. Там, на морском берегу, ты принял от меня в свое сердце Розу и Крест. Это необходимо для несгибаемости. Ты давным-давно все это знал. Когда именно несгибаемость вызреет в тебе, могу только предполагать. Если какой-то человек и владеет ключом к отгадке, так это Юлий Цезарь де л'Эскаль. К величайшей вершине духа, большей, чем обладаю я, устремись ты, друг мой! Вот причина того, почему я повел тебя в Лавеланет и крепость...

Рабле тоже обнял Мишеля, но тут же повернулся и направился к лошадям, чтобы подготовить их к спуску. Вскоре приятели покинули горное плато Монсегюра. Гора как будто снова погрузилась в сон. Три всадника направились в долину.

* * *

Дни тянулись тихой чередой. Было совершенно ясно, что Скалигер не намерен принуждать Мишеля к чему-нибудь. Но с каждым часом связь между ними углублялась. Они преломляли хлеб и половинили вино. Как и прежде, за общим столом сидел и Рабле. Казалось, он все еще чего-то ждал, прежде чем совершить свой бросок в мир. В один из сентябрьских вечеров на террасе простого крестьянского дома в Лавеланете катар начал разговор.

– Ты в своем видении пережил падение Монсегюра снаружи, – обратился он к Мишелю. – Но ты должен узнать, как возникло наше учение, как оно развивалось и почему оно продолжало существовать, несмотря на всю материальную разруху. Ты совершил путешествие в прошлое на три столетия назад, но сейчас ты пойдешь еще дальше. Следуй туда, где лежит первоначало – твое, мое и Франсуа: в древнее еврейство, откуда в целокупности с древним

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Египтом вырос первый и достойнейший отпрыск... – Заметив удивленный взгляд Мишеля, Скалигер рассмеялся и спросил: – Ты не предполагаешь, что ты, он и я – одной крови? Почему с первого дня моя крыша стала и твоей? Ты никогда не предполагал, что в фамилии Франсуа скрывается что-то от «рабби»? Тебе не приходило в голову, что Рабле нашел своего учителя не где-нибудь, а именно в Кумране? Еврейская кровь – в любом из нас в отдельности. Ты, Рабле и я, тесно сплоченные, с другой стороны, со многими народами земли, – даже это отмечено с самого начала семенем Авраама.

Из еврейского рода, как и из рода фараона, о чем я уже говорил раньше, был Моисей. Библия, фальсифицированная священниками, молчит об этом, но это знают избранные. В равной мере израильтянин и египтянин, Моисей воплотил мечту фараона Эхнатона, который низверг идола Амона и изгнал из своей земли. Он попытался очистить свое царство от кощунственной скверны и подарил свет своему народу в образе и символе Атона. Бессмертен его гимн Солнцу с его жарким и животрепещущим духом Вселенной. Он поэтически воспел картину созвездий и тем самым дал звучание несказанному, жившему по ту сторону всего видимого. Но в конце концов после Эхнатона утвердился мрак. Вернулись жрецы с божеством Амона. Отравленный фараон скончался в изгнании.

Но родился Моисей, и поколение людей после смерти Эхнатона вернуло светоносного самодержца и вновь возродилось в теле Египта, равно как и в теле Израиля. К тому времени тьма Амона давила своей тяжестью нильскую землю, но по ту сторону Египетского царства, на Востоке, солнце воссияло огненным шаром на горе Хорив. Туда повело бессмертие поработанный народ, и после многолетних скитаний по пустыне Моисей взошел на гору Хорив. Там он погрузил свое «Я» в собственную душу и в космические спирали. Дни и ночи, голод и жажда претворялись для него в небытие. Он жил благодаря всеобъемлющему духу и человеческой надежде. Все это, вместе взятое, наконец даровало ему озарение. И снова он начал работать в озарении. Руки высекали и скребли десять заповедей на камне. Эти каменные скрижали он отнес своему народу в долину и передал таким образом основные слагаемые своего единственно истинного учения...

Скалигер замолк, разлил в бокалы вино, и, после того как они все вместе выпили, он долго смотрел на юг, где темнел силуэт Монсежюра, сверкавшего тем не менее в ночи и казавшегося парящим в воздухе. Выдержав длительную паузу, Скалигер восстановил нить прерванной беседы:

– После себя учитель человечества оставил истину евреям и другим народам, но позже он воздвиг и крышу над своим духовным храмом. Библия лжет, когда утверждает, что Моисей якобы натравливал народы друг на друга, когда брат восставал против брата, помня о законе: око за око, зуб за зуб, – и восставал на единоверцев или на иноверцев, что якобы он проповедовал завоевание Ханаана огнем и мечом! Здесь нет ни грана истины! Наоборот, священники языческих храмов соединили свои имена и дела с делами Молоха! Терпимости были вложены в уста слова о мании власти. Но не он позднее совершил злодеяния. Моисей, наоборот, – и это тоже было известно избранным – ничему не учил, кроме любви, добра и милосердия. Эту свою самую высшую и самую ценную заповедь он насаждал в мире, где человечество днем и ночью истекало кровью под дубинами и клинками. Заповедь эта – путь народа к свету. Землю обетованную видел Моисей – и эту землю объединяли не горы и долины, не берега и реки. Он прозревал ее издалека, из своего беспросветного времени, но, прежде чем евреи и другие народы смогли ее достигнуть, он перешел в мир иной. Однако то, что он испытал в своем сердце, было подхвачено другими, теми немногими, кто пытался руководить и осмысленно вести народы к миру на все времена.

Это были, конечно, не священники Храма и не цари Израиля. Их ложное знание окаменело, их деяния были обагрены кровью. Ничто из того, чего добивался Моисей, осуществлено ими не было. Однако те, кто носил власяницу, кто был безоружен, снова приблизили нетленную весть. Их называли истинными пророками, в них продолжало жить семя Адоиаи и его учение. Они появлялись, когда Израилю угрожала опасность быть низвергнутым в бездну. Столетиями не прерывалась эта духовная цепь. И пока Иудея могла быть разбита, как прежде, снова появился Моисей, который вел свое начало от царского рода в образе мужа по имени Иешуа...

Вероятно, чтобы дать возможность переварить все это, Скалигер снова наполнил бокалы. Ни Рабле, ни Нострадамус так ничего и не поняли. Они чувствовали, что им преподнесли что-то неслыханное и чудовищное, а катар

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
продолжал:

– Иешуа не был зачат непорочно, как это изображают христиане, а родился на свет, как каждый из нас, от соединения мужа и жены. Я даже мог бы вам сообщить имя Его отца, так как для тех, кто знает подлинную историю Иешуа, Его происхождение никогда не было тайной. Но несравненно важнее тот факт, что учение человечества созрело в Его душе не больше как полтора тысячелетия назад. Тот, кто был когда-то Моисеем, стал заново Иешуа. Тело и душа в едином духе. Это возвестил Пророк, когда сказал, что пришел исполнить закон. Он жаждал вернуть свой народ к его истокам и незамутненному кладезю – свой народ, к тому времени уже рассеявшийся на полсвета.

Иешуа учился и учил в Египте, прошел Испанию и Галлию и, конечно же, в испуге сделал крюк, обойдя Рим. Позднее следы его обнаружили в Элладе. Оттуда он направился в Азию, все глубже впитывая то, что ему она могла дать. Следом за иудейскими купцами он достиг наконец Кашмира. Там он столкнулся с другой великой формой единственного духовного знания: во времена между Моисеем и Иешуа мудрец Сидхарта, то есть сам великий Будда, посеял зерна своего учения в Индии. Пришедший от Иордана Иешуа многие годы посвятил изучению того, что проповедовал Гаутама. Его душевный мир, исполненный радости, переплелся с миром горных монахов. Они сходились в том, что существуют тысячи разных названий одного-единственного пути. Наконец Иешуа расстался с буддистами, как с родными братьями, и вернулся на родину.

Позднее христиане с некоторой завистью отмечали время Его странствий – сокровенные и скрытые дымкой тумана годы Его жизни. Но на самом деле Он плыл лучистой звездой над морем. В Иудее Он снова столкнулся с тьмой кромешной, ибо змей там неистовствовал яростнее, чем прежде. Сплошные леса распятий уткнулись в свинцовое небо, поверженную провинцию днем и ночью бороздили всадники, закованные в латы. Как железная гаротта, римский кулак сдавил шею еврейского народа. В Иерушалаиме, на горе Антония, правил кровожадный зверь Понтий Пилат. В таких условиях Иешуа снова увиделся с матерью и своими братьями и сестрами. Как нищие, приютились они на берегу Генисаретского озера. Вдова Мириам едва сводила концы с концами, перебиваясь плетением кос, а ее сыновья работали каменщиками, плотниками или рыбаками. И от своего первенца Мириам ожидала, что Он тоже внесет свою лепту в семейную кассу, но Иешуа одарил ее и остальных большим.

Он рассказывал им о видении, когда пытался еще раз освободить их из египетского плена, живописуя им иудейское царство справедливости. О Храме, который должен быть возведен в сердце человека, говорил Он снова спустя полтора тысячелетия. Так утешал Он своих ближних и вливал в них новые силы, но при этом отнюдь не оставлял все как есть. Вечно вести страждущих, находившихся в тупом терпении, было бы несправедливо. Посему Он читал проповеди тем, кто принес горе в Иудею, даже римским мытарям и прочим державным стяжателям, завоевавшим полмира, открывал глаза. Он говорил, что в конце концов по делам их воздастся им, если они не покаются. Так проникал Он в сердца людей, словно камень, брошенный в воду, вызывая круги добра и света. И мрак расступался перед ним.

Слава о Нем ширилась. Вскоре Он уже стал проповедовать не только у Генисаретского озера. Он прошел всю Галилею, и на Его стороне было множество женщин и мужчин, которые, подобно Ему, пытались установить мир на всей земле. Одна из таких молодых женщин пришла к нему по душе больше остальных. Ее звали Мириам, и родом она была из города Магдалы. К ней Он прилепился душой и телом. Мириам забеременела и родила ему дочь. Неподалеку от Иерушалаима раввинчик, как ласково называла она своего любимого, нашел для нее дом. Но сам Он чуть позже двинулся дальше, взобравшись на неприступные скалы, и с ним были только мужчины, поскольку предстояла борьба. Иешуа выступил, явившись к Молоху в крепости Антония.

Все началось у преддверия иудейского храма. Там Учитель читал проповедь о царстве справедливости еврейским богомольцам, римским стражникам и воинам. Когда многие, жаждавшие маммоны, для которых человеческая вера заключалась только в прибытке собственной мощи, взбунтовались против него, в гневе опрокинул Он столы презренных менял и торговцев в храме и воскликнул, что легче канату пройти в игольное ушко, чем богатому в царствие Небесное. Так Иешуа дал первый знак Иерушалаиму. В следующие дни Он все настойчивее обличал произвол римлян и находил все больше сторонников, потому что в

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
городе готовились к празднику Пасхи и снова собрались сотни тысяч людей со всей Иудеи. Учитель человечества взывал к башням крепости Антония, говоря, что Рим погибнет, если будут продолжаться гнет и война и не восторжествует любовь к человеку. Он взывал к совести римлян, но Понтий Пилат, ожесточившийся в сердце своем, ничего не слышал, кроме криков толпы. И эти вопли угнетенных заставили его испугаться за собственную власть. Вероломец прождал всю ночь. Потом, когда Иешуа вместе со своими единомышленниками снова появился в саду возле Иерусалима, наместник Молоха выслал свою стражу, закованную в латы.

Иешуа был схвачен, в то время как Его соратникам с трудом удалось бежать. И тогда Учителя потащили на гору в крепость Антония. Ликторы пронзили Его тело, и в ту же ночь по чрезвычайному закону римским судом Ему был вынесен приговор. Наутро имперская стража повела Его на Голгофу. Испуганные иудеи оплакивали Иешуа во всеобщем мраке. Но некоторые из них, а это были служители Синедриона, сделали иначе. Во главе с Иосифом из Аримафеи и Никодимом они попытались спасти Сына Человеческого, и им это удалось сделать с помощью золота и наркотических средств.

Перед тем как Ему собирались пробить руки и ноги гвоздями, Учителю направили тайное послание. Учитель отверг обезболивающий наркотик, на который каждый распинаемый имел право. Он был прибит к кресту в полном здравии, но чуть позже Иешуа попросил пить. Иосиф из Аримафеи был тем, кто смочил губку якобы уксусом. Подкупленный стражник протянул Ему наркотик. Когда Галилеянин начал ощущать его действие, он простонал находящимся внизу иудеям, что силы покинули Его. Это было знаком для обоих членов Синедриона – пора было ходатайствовать перед службой Понтия Пилата, чтобы за большую сумму золота снять с креста якобы умершего Иешуа. Чтобы побыстрее убрать труп распятого, римлянин презрительно дал свое согласие. Благодаря подкупу неправильно сориентированный удар копьём в тело Иешуа был, в сущности, безвреден. Тело отнесли в гробницу, где Иосиф из Аримафеи и Никодим могли действовать безбоязненно. Погруженный в целительный сон наркотиком, действие которого к тому времени прекратилось, Иешуа высвободился из летаргического оцепенения, был перенесен в безопасное место. Мириам из Магдалы, скорбевшая у гробницы, оказалась свидетельницей Его пробуждения. Разумеется, она сначала не узнала «раввинчика», поскольку члены Синедриона – осторожности ради – остригли Ему бороду и волосы на голове. Но затем радость ее была безгранична, и она помогла спасенному скрыться из города. Другие приверженцы Иешуа сопровождали и охраняли Его во время долгого пути в Галилею, где Он чувствовал себя в безопасности. Но среди тех, кто отсутствовал на празднике Пасхи в Иерусалаиме, вскоре пошла молва, что Иешуа благодаря божественному чуду восстал из мертвых.

Учитель человечества ничего об этом не подозревал, пока скрывался высоко в горах, у Генисаретского озера, в заброшенном доме. Он был доволен тем, что Его друзья и родные рядом и среди них Петр и брат Иешуа – Иаков. Прежде всего Он еще раз, более подробно, изложил свою благую весть, еще раз увиделся с Мириам из Магдалы и своей дочерью. Но затем Иешуа снова пустился в путь, когда Восток позвал Его. Он распрощался с близкими, чтобы через несколько десятилетий закончить путь в Кашмире, где до сегодняшнего дня показывают Его могилу. Но ученики и последователи остались в Иудее, пока снова не столкнулись со страшными событиями и пока род Иешуа не достиг западного побережья Средиземного моря. Приблизительно в момент смерти Иешуа в Индии у подножия Пиренеев и родилось учение катаров...

Скалигер замолчал, взял свой бокал с вином, но пить почему-то не стал. Вместо этого поднялся, перешел на другую сторону террасы и долго всматривался в сторону Монсегиюра. Ни Рабле, ни Нострадамус не рискнули обратиться к нему, чтобы не помешать его размышлениям. Но и между собой они лишь обменялись взглядами. Каждый из них должен был осмыслить только что рассказанное. Неслыханное оправдание иудаизма перед христианской теологией потрясло франсуа не менее, чем Мишеля. Устами катара была возвращена справедливость народу, в который они уходили своими корнями. И пролилось звездное сияние на их тысячелетние шрамы как бальзам, и тогда, словно из звездного сияния, к ним вернулся Скалигер.

– Об истинных учениках Иешуа и Его верных последователях вы уже узнали из моего рассказа, – продолжал он. – Правда в том, что христианство искажало волю одних и всеми средствами подавляло знание о жизни других! Но я расскажу вам о Петре и Иакове, каковы они были на самом деле, а также о последователях Учителя, в жилах которых текла истинная кровь, «Sang Real»,

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org и которые оставили в наследство драгоценный клад. – Он внезапно повернулся к Рабле и воскликнул: – Петр и Иаков, числящиеся среди самых первых христиан, ничем никогда не запятнали себя – ты знаешь это, друг мой?

Поэт яростно затряс головой. Между тем Нострадамус вспомнил о часах, проведенных в кабачке Люнеля, когда Рабле вел речь о том же самом.

– Напротив, они хранили верность Учителю и оберегали в своих сердцах то, что Иешуа передал им как завет, – продолжал Скалигер. – Они мужественно исполняли его, встречая сопротивление, о котором Иешуа и не мог подозревать. Однако Учитель был оклеветан. Да, не кто иной, как ужасный предатель Савл; это было его иудейское имя, пока он не назвался римским именем Павел. Он был тем, кто унизил мудреца из Галилеи, низведя Его до уровня греко-римского пугала, и сотворил из него этакое подобие Геркулеса. А ведь таким чистым и благим, таким совершенным было учение озаренного Богом! Любой человек добровольно мог следовать ему! Но Павел ограбил ищущих Его, проложил непроходимую пропасть между человеком, рожденным женщиной, и Христом, якобы зачатый Богом. Таким образом он еще раз, под римским именем, распял Галилеянина – и это было не менее страшно, чем совершенное в Иерусалаиме! Из этого богохульства и поднялось христианство – Змей и Молох! Но Иаков и Петр, а с ними и другие честные ученики точно так же оказались предателями своего Мастера.

Но они еще некоторое время оставались в Иерусалаиме и на Генисаретском озере и сохраняли то светлое и чистое, что было им даровано. Они стали известны как эбиониты, то есть «бедные», и отцом этой общины – никогда не бывшей христианской – был Петр. Ему помогал Иаков, родной брат Иешуа. Неслыханная клевета заключалась в том, что этих людей поставили в один ряд с Римом и церковью. Никогда нога Петра не ступала на итальянскую землю. Он не был христианином и не хотел им быть – наоборот, ему было поручено охранять истинное учение человечества и «Sang Real». Так они и продолжали жить под защитой духа и плоти Иешуа. И прежде чем иудейский рыбарь навсегда закрыл глаза, он еще должен был содержать внука «раввинчика». Но ребенку больше нельзя было оставаться ни в Иерусалаиме, ни на Генисаретском озере, так как позднее наступил страшный семидесятый год, когда был уничтожен израильский народ.

Императора Тита называли властолюбцем и убийцей, вовлекшим всю страну в войну. Леса распятий воздвиг он в Галилее, Самарии и Декаполисе, в Иорданской долине. И наконец, чтобы превзойти всех, набросил удавку на Иерусалаим. Стены города сравнивали с землей, немного позднее был разрушен и Храм. То, что некогда предсказал Иешуа, стало истиной в семидесятом году. Последователям Иешуа ничего не оставалось, как спастись бегством.

В сопровождении немногих повозок они достигли побережья. Утлый парусник взял курс на запад и, минуя Кипр и Сицилию, доплыл до Марселя. Там наконец евреи должны были почувствовать себя в безопасности. Но они недолго оставались в портовом городе. В их душах усилилась тоска по горам. Они снова отправились на запад и там, у подножия Пиренеев, нашли ту гору из светлого камня, у подножия которой они почувствовали, что находятся под защитой Всевышнего...

– Монсегюр... – прошептал Нострадамус, и перед его мысленным взором возникли небольшие хижины, прилепившиеся к взъерошенному косоугору.

Скалигер с воодушевленным взглядом кивнул головой и продолжал:

– Таким образом, учение пустило корни в Южной Галлии. Зерно упало на весьма плодородную землю, поскольку у местных крестьян и пастухов были чистые сердца. Они чувствовали, что с эбионитами к ним пришло что-то благое, бесценное. С благодарностью они приняли то, что им дали эти небогатые люди. Но там, где пустила ростки «Sang Real», там матери и отцы сделались последователями общины Иешуа, но не холопами и стяжателями, как их угнетатели на прежнем месте. И именно поэтому в следующем столетии нашлось еще больше последователей учения.

Поздняя Римская империя истекала кровью и нищала, в то же время римский Молох все более свирепо хватал всех инакомыслящих. Жители Лангедока продолжали, однако, жить как на сказочном острове. Царство мира раскинулось от Пиренеев до Севенны. С одной стороны, оторванные от всех, деревни катаров расположились на долах и горах. С другой стороны, отсюда тянулась

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
ниточка, соединявшая их с половиной Европы. Хотя иудеи рассеялись от Испании до Азии, однако они не погибли и продолжали мужественно бороться за жизнь каждый в своем оазисе, на пеших или торговых тропах. Благодаря этому Лангедок расцвел заново, когда было осознано кровное и духовное братство с Израилем. Учение в союзе с духовным знанием эбионитов породило впоследствии единство веры у катаров.

Мани – так звали мудреца, возведшего мост между Западом и Востоком. В Ктесифоне, древнем городе на берегу Тигра, родился он спустя два столетия после Иешуа, учился и проповедовал в Вавилоне. Его распяли на кресте в индийском городе Гундешапур. В своих видениях он узрел человеческую душу в борьбе света и мрака, а из этого противоречия вывел вечный круговорот жизни и смерти. Он был духовным борцом, как Моисей и Иешуа. От Моисея он повел к себе духовную линию через Иешуа. Эта духовная линия вела к победе света и освобождению его от мрака в человеке. Но путь божественного начала лежал через ряд перевоплощений. В каждой индивидуальной жизни, согласно Мани, душа от странствий во времени должна становиться яснее и звучнее, пока не растворится в космических лучах. После этого человек снова обретет свой райский сад, то лучезарное царство покоя, которого нет на земле, но лишь в душе.

Жители Лангедока сошлись и объединились с манихейцами в мысли о том, что не нужно никакого спасения, никакой церкви и культа, никакой теологии, никаких обрядов и священнического служения, поскольку все это, вместе взятое, скорее было порождено мраком, отрицающим истинное учение. Итак, катары молились не жалкой копии, а искали Дух, облачившись в белые одеяния. И в следующем столетии им это припомнили. Черный чешуйчатый Змей облапил «Sanguis real», отныне повсюду называемый как «San graal». И ты, Мишель, взирая на Монсегюр того времени, видел, как были взяты штурмом последние крепости катаров, а стены их скрыты римскими католиками. Но истина не горит даже на кострах папских холопов. Остались в живых избранные, сохранившие древнее сакральное знание! И... – катар поднял свой бокал и смотрел на него сияющими глазами, – познавшие человеческое сердце живут в домах и хижинах Лангедока и Прованса. Тайная сила, Мишель, приведшая тебя в Монсегюр, укажет тебе также твой грядущий путь...

В ту секунду, когда Скалигер закончил свой монолог, Нострадамуса охватил неопишуемый ужас. В душе он почувствовал, что ни в чем уже не способен сомневаться, но в то же время на языке вертелся один скептический вопрос. Однако, кивнув катару головой и улыбочиво смотря на бокал, он погасил в себе первый порыв и робко задал не относящийся к делу вопрос – только это и было важно для него:

– Куда ты ведешь меня? – лаконично спросил тридцатилетний Нострадамус, боясь назвать катара по имени.

– Ты сам узнаешь, Мишель, когда взглянешь на звезды из моего дома в Ажане.
– ответил Скалигер. – Если ты согласен, уже утром мы направимся туда.

* * *

С холма близ Лавеланета поэт, катар и Нострадамус на следующее утро еще раз взглянули на Монсегюр. Рабле протянул руку Скалигеру, затем своему ученику.

– Храни в душе Розу и Крест, – сказал он Мишелю. – Это ветвь от древа космического учения, и твой долг – проникнуть в его зерно!

Повернув своего коня, он медленно поскакал на север, где рассчитывал создать книгу, которая столетиями будет разоблачать католических лакеев и угнетателей свободного духа.

Скалигер и Нострадамус оставались на месте, пока всадник не скрылся в лесу. После чего они двинулись на запад.

Десятизвучие

Осенью 1533 года Скалигер и Нострадамус прибыли в Ажан-на-Гаронне.

Скалигер без всяких церемоний предоставил Мишелю две комнаты в своем доме. Он же помог устроиться врачом в больницу, где Нострадамус исполнял свой долг. Но когда Скалигер в соответствии со своим обещанием ввел его в другую

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
сферу, Нострадамус на целый месяц погрузился в совершенно неизведанную область. Юлий рассказал, как делаются расчеты орбит в Солнечной системе, как выглядит реальная картина ночного неба. Когда подошла зима с ее трескучими морозами, Нострадамус с душевным трепетом почувствовал волнение от познания и овладения миром.

В эту ночь он притаился у чердачного окна. Резкий контраст оконной рамы как будто усиливал мерцание, идущее снаружи. В глубине комнаты возле лампы под абажуром за таблицами сидел Скалигер.

– Юпитер! – возбужденно воскликнул он. – Смотри, как он всходит над горизонтом!

Руки Мишеля обхватили подзорную трубу, по размерам не уступавшую трубе из мастерской Леонардо да Винчи. Шлифованные линзы внутри ее как будто вспыхнули, когда Нострадамус сфокусировал изображение. Планета приняла формы, видимые как глазу, так и внутреннему зору. До него доносилась неслышимая раньше гармония небесных сфер. Он думал, что видит крохотный светлый шарик, но это был целый мир, бесконечно огромный и куда более удивительный, чем мир земной. Эфирные моря вздымали волны. Казалось, из едва ощутимой материи возникали гигантские континенты. В своем становлении и спонтанном самовозрождении эта материя взрывала измерения, охватывая мириады небесных тел. Земля рушилась перед ним и одновременно каким-то образом удерживалась на своей орбите. Мишелю казалось, что он всеми клеточками своего тела ощущает эту сумасшедшую скорость, с которой происходило вращение планеты. Поистине Божественная сила сквозь бесконечность уносила с собой и Нострадамуса. Он сам стал звездным странником, как если бы нашел место на орбите, соответствовавшей только ему одному. Она была соразмерна дню и часу его рождения и даже, непонятно как, принимала участие в его зачатии. Полностью освобожденный дух Мишеля пребывал в вечной космической структуре.

В музыке планет он сам стал звуком. Некоторые из планет были ему хорошо знакомы, других он никогда раньше не видел в ночном небе.

Он начал рассматривать их и делать расчеты. Меркурий – раскаленный мир лавы. Венера мчалась под сверкавшим небом. Земля – голубая, такая родная и тем не менее оказавшаяся местом изгнания страстей. Марс – красноватый и известняковый, но в нем заключалась тайна. Юпитер – вихрь, выносившийся из гигантских волн, радужная пуповина. Сатурн опоясан мирами, связанными с ним невидимой цепью. Уран, название которого Мишель-ясновидец услышал из далекого будущего, выкован из металла до самой сердцевины, с железной корой на поверхности. Нептун скрыт в своей ледяной атмосфере, два крошечных его спутника летят в противоположном направлении. Плутон – солнечный карлик-бегун на самой отдаленной от Солнца эллиптической орбите. По ту сторону вечного мрака невидимая и последняя – десятая – планета: Трансплутон. Нострадамус вычислил ее вращение (и только много лет спустя эти вычисления обрели смысл). Было неясно – небесное тело эта десятая планета или это звездные обломки. Но Нострадамус, так или иначе, границы Солнечной системы установил на нем. Истинная картина мира навсегда запечатлелась в его памяти.

Семикратно вонзал Молох свои когти в призрачное основание, но гораздо яснее, чем в конце пиренейской зимы, Мишель де Нотрдам увидел, услышал и почувствовал десятизвучие.

Картина мира, державшая Землю в рабском гнете, была разбита вдребезги. Из непостижимого хаоса возник порядок, десять противоположностей соединились в совершенной гармонии. Десять тонов, десять миров, десять дарителей Духа и жизни вращались вокруг Солнца и соединялись с ним невидимой пуповиной. Не было ничего случайного, ничего произвольного, ничто не издавало дисгармонического звука под нажимом извне. Каждая единица взлетала и вибрировала в единстве со всей целокупностью. И когда Нострадамус принял это душой, десятизвучие стало для него небесным куполом Адонай.

Он снова находился в храме, возведенном из чистого света. Лучистые столбы и купола растягивали или сокращали время. Поистине вечность в соприкосновении с неповторимостью становилась мгновением. Но точно так же истиной было и то, что под легким дыханием света миг длился вечность. Это десятизвучие не содержало никаких четких линий. Скорее наоборот, оно пульсировало во множестве пространств, не измеримых никогда. И все эти пространства

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
содержались в одном измерении, и точно так же одно измерение заключалось во множестве пространств. Это было познание истины, испытанное Нострадамусом, который оказался в плену десятизвучия и обрел в нем свободу.

Он думал, что зарождение жизни на Земле различимо лишь в далеком прошлом. Но с этим прошлым духовный мир в спасительном отмахе назад делает прыжок в будущее. Однако, прежде чем он успел острее осознать и схватить картину, рожденную десятизвучием, небесный храм и гармония Вселенной исчезли. И тогда, застонав от боли, Мишель снова пришел в себя и ухватился за бронзовый телескоп, внезапно показавшийся ему таким жалким.

Его трясло от ночной стужи, и вместе с тем голова пылала как в огне. Он мучительно подыскивал слова и фразы, хотел тут же воплотить видение в речь, но был не в силах ничего произнести, лишь бормотал что-то невнятное. В отчаянии от своего ничтожества, он тем не менее увидел, как перед ним возникла фигура Скалигера. С выражением глубокого сочувствия катар протянул ему бокал, и Мишель осушил вино залпом. Через несколько секунд кровь снова заиграла в его жилах, согретая живым напитком.

Дрожь улеглась, стужа отступила. Нострадамус схватил руку друга и воскликнул:

– Храм во Вселенной! Ты знал это, да? За рокотом тьмы невероятный свет! Десять сфер, десять столпов вечности! Сияющая музыка! Херувимы! Никаких идолов! Только чистота! Око, Юлий! Око Адонаи!

– Я предполагал, что ты увидишь его, – тихо ответил астроном. – Конечно, Мишель, я знал, что он должен был появиться в эту ночь зимнего солнцестояния! Не только Юпитер, но и год подошел к пределу. И то, что в дополнение к твоему таланту вырвало тебя из небытия. Ты пробил каменную стену лезвием меча. И пути назад тебе уже нет...

– Куда ты ведешь меня?! – вырвалось у Нострадамуса, как в ту ночь прощания с Монсегуром.

– Взгляни еще раз на звезды, но только невооруженным глазом, – ответил Скалигер. – И тогда поймешь.

Нострадамус, опьяневший от вина и, несмотря на это, вновь обретший остроту звучащей мысли, повиновался. И его дух снова вырвался сквозь чердачное оконце, замерев в первый миг, еще схваченный телесной оболочкой, однако заново переживший прозревшей душой безграничную свободу.

Раскинувшийся мириадами миров в космическом пространстве звездный хоровод увлек его за собой. Десять ближайших к Солнцу планет служили ему ступеньками, которые должны были привести к первоистоку. Он бросился в этот безмолвный и тем не менее звучный водопад небесного пространства, и раздвинулись границы небосвода, границы прошлого и будущего и помало – в его собственном дроблении и расщеплении сквозь Алеф. Невиданные ранее картины пронзали его «третий глаз». Он увидел, как в тесном проеме рождается, набухает и исчезает Солнце. Сжимались и охлаждались планеты в собственном мерцании. Рождались и умирали их спутники. По плоскости скользили начальные пылинки Вселенной между полюсами вечности – по всему звездному скопищу, рассеивались в ночи и с рокотом возвращались назад. Снова и снова изгибалось спиралью все сущее и все грядущее, становясь космическими рунами, и плясало в одном бесконечно сотворяемом оке. И в этом спиральном знамени сейчас находился и «третий глаз» ясновидца.

Но это не касалось измеримых границ вечности. Глаз самоосуществлялся в бесконечном разнообразии и в таких же бесконечно увеличенных отражениях. Но после этого, разбросанный в пространстве, взгляд закреплялся в одной-единственной точке. Подобно орлу парил Нострадамус над небольшой планетой, и на третьем месте из десяти планет он узнал Землю. Она плыла по Вселенной в голубоватом сиянии, по ее водам скользили знакомые и незнакомые континенты. В ее вращении ясновидец узнавал очертания, прежде никогда не виданные. Его несло еще дальше сквозь облачный покров. Ему казалось, что он вдыхает запах морской пены; он видел, как колышутся леса, слышал, как шлифуются галька и песок под пульсом океана, – и после этого различал, как шепчутся и шушукуются человеческие голоса, шорохи мириад насекомых. Его царапали, щекотали и кусали. Внутренним напряжением он взметнул свое тело и нашел нужное расстояние.

Теперь ясновидец устремлялся прочь от карликового мира. Города, напоминавшие муравьиные кучи, были в беспорядке разбросаны по Земле. Реки и потоки казались не больше ручейков. Гавани были словно вырыты детскими руками на морских берегах. Каравеллы устремлялись по океану западного полушария, словно водяные струи. Булавочные иглы в земной коре: соборы, церкви, храмы. Такие жалкие и ничтожные башни, видные Мишелю с высоты птичьего полета. И несмотря на это, внезапно оттуда потянулись ввысь ядовитые испарения. Оттуда и от крепостей, прилипших, как грязная корка, к зубчатым скалам, сернистый омерзительный смрад вспорол небесную высь. Нострадамусом овладел ужас, он не мог избавиться от ужаса, и, пока он хрипел, картины давили на череп и пронзали мозг.

Он увидел в Германии набожного человека, скрывшегося, под прикрытием вооруженных всадников, в саксонской крепости от императора, проливавшего испанскую кровь. Преследуемый объявил папе римскому войну, попытавшись бороться против Змея оружием слова. И поэтому он сейчас стремился сохранить свою жизнь. В замке, возвышавшемся над маленьким городом, монах, разодетый как барин, за несколько месяцев перевел на немецкий язык Библию. После этого он швырнул ее на правый берег Рейна – в лицо папе и императору. Объявленный вне закона, он тем не менее пользовался успехом у простых людей, с которых церковь и дворянство драли семь шкур. Но теперь, на основе нового Евангелия, они почуяли поживу и вдохнули ветер свободы, восстав против своих притеснителей. В крестьянской войне пожарами были охвачены замки и монастыри, народные массы объединились против закованных в броню феодальных шаек. Это произошло тогда, когда Германия, находясь в расцвете сил, изгоняла из страны двуглавого – с папской тиарой и императорской короной – Велиала. Но в ходе событий произошел перелом. Из жирного чрева Молоха раздался издевательский хохот. Крестьяне были разбиты. Невинные люди, жаждавшие свободы, были сожраны: обезглавлены, колесованы и четвертованы. Барин-монах, творец религии, стал предателем. В решающий момент он перевернулся на сторону Змея. Приговор к сожжению на костре, осуществленный с божеской милостью дворянством и церковью, стал этакой позолоченной пилюлей. Но в сердцах бедняков, якобы подлых и тупых плебеев, продолжала жить великая мечта.

Потом Нострадамус понял, как его перенесло во вторую половину его собственного столетия. Несмотря ни на что, в Германии, как и во Франции, Реформация закончилась кровопролитием. Благоразумно поступило дворянство и даже часть священников, принявших отныне новое учение. Все, кто еще оставался под властью Рима, в большинстве своем спаслись бегством или были изгнаны в Альпы. Расцвет обеих стран оказался неслыханным. По крайней мере, судьба римского Змея в сердце Европы как будто была решена. Но папа вступил в союз с Парижем и Баварией. Это по его указке в одну ночь были вероломно уничтожены более двух тысяч гугенотов. Но снова и снова война делалась все свирепее, пока не наступило новое столетие. Тем не менее Рим в проклятой жажде власти подстрекал и торопил своих сторонников по ту сторону Рейна. В Мюнхене на протестантов обрушился герцог, в Вене – император. А во втором десятилетии нового века уже была тайно подготовлена война на истребление.

Яркой точкой засела в мозгу Мишеля одна дата – 1618 год. Рим, стремясь к войне, теперь в открытую бряцал оружием. Под Прагой, на Белой горе, монах на сивом скакуне повел католическую толпу против праведников, выдавая себя за посланца Бога. Властью одного из свободных избранных королей – Фридриха Пфальцского – в течение нескольких часов были вырезаны тысячи людей. Позже началась массовая бойня, продолжавшаяся тридцать лет. И Нострадамус увидел, как из гуши сражения возникла чудовищная фигура.

Военачальника, пришедшего из католической глубинки Богемии, звали Валленштейн или Вальдштейн. С бешеной энергией захватил он руководство над убийцами, обращая в бегство протестантов от битвы к битве, нанес поражение шведскому королю и гнал его войско до самого Северного моря. Силой оружия он захватил власть в империи. Венский государь был мальчиком против него, богоравного Валленштейна. В это время в Регенсбурге был создан парламент, и кровопийца, несмотря на тридцатилетнюю войну, оказался лишен власти не менее опьяневшими от крови князьями. Однако резня повторилась, протестанты зашевелились – и низвергнутый Валленштейн еще раз нанес им удар. Новая победа снова сделалась угрозой для императора. В конце концов вероломные убийцы проникли в богемский замок в Эгере, и богоподобный полководец захлебнулся собственной кровью в своей опочивальне. С последним вздохом Валленштейна исчезло и видение Нострадамуса.

С расширенными от испуга глазами, он пришел в себя на некоторое время и крикнул Скалигеру:

– Принцу уготована могила. В предчувствии возмездия он задержался под Нюрнбергом! Испанский король смеется про себя! Предано слово великого Лютера!

Едва он попытался рассказать о страшных картинах, увиденных им, как его снова закинуло в другой мир: он понесся поперек земного шара, и вскоре под ним возник морской залив, после чего Мишеля помчалось вдоль Темзы – до Лондона. Он увидел короля в парике, похожем на львиную гриву. Монарх вцепился руками в свой трон, но вскоре стал резко раскачиваться и наконец затрясся как тростник в бурю. Эта буря была вызвана пуританами. Они набросились на помазанника Божьего и потащили его на эшафот. Над влажной шеей короля сверкнул меч Англии – и была показана отрубленная голова.

– Король будет умерщвлен английским парламентом! – услышал хриплый шепот де л'Эскаль.

Ясновидец и катар пристально посмотрели друг на друга. Но затем Скалигер заметил, как что-то обрушилось в зрачках Мишеля, и ясновидец снова попал в иной мир.

Поверженная корона превратилась в турецкий тюрбан. На востоке Европы по всему горизонту выстроились мусульманские войска. Острия пик и сабель были направлены на Вену. Громовые раскаты сотрясали землю, когда сотысячное войско боевых всадников ворвалось в верховья Дуная. Цепь пылавших городов и деревень окаймляла их путь. Христианские кресты везде низринуты в небытие. Полумесяц достиг Габсбургской столицы и обвился вокруг нее как удавка.

– Господство над Европой начинается с хохмы! – воскликнул Нострадамус. – В огне станут крошиться на куски ее города, и у азиатского монарха много войск! Какой вопль раздастся, когда Восток посылает к чертовой матери христианский крест!

Но вопль заглух, когда видение понеслось дальше. Мишель открыл для себя железный закон войны: жизнь или смерть. Турки были отброшены к Белграду, и христиане теперь наступали им на пятки. Защищенная рекой, мусульманская крепость считалась неприступной. На горизонте уже зарождался день, несший семерку, – 12 августа 1717 года. Это была его сатанинская метка. И под этим знаком началась битва. Казалось, мост смерти был воздвигнут над бездонным омутом. Войска семи европейских стран, осененных крестным знаменем, прорвались по ту сторону моста. Исламу устроили страшную бойню.

Под чердачными балками в Ажане Мишель бормотал обрывки фраз:

– Инсумбрия! Перед городом... Семеро начнут осаду! Величайший король... Будет вынужден наступать! Город... снова освобожден! От его врагов!..

Затем параллельно со словами ясновидца замерцали звезды. Время с начала упомянутого столетия покатило дальше. И Мишель был сброшен в Париже на мостовую в 1789 году рядом со стенами Бастилии. Вооруженные мушкетами мужчины отстукивали вокруг него босыми ногами. Грохотали пушки, слышались яростные крики, подавлявшиеся в течение столетия. И все это распарывало небосвод. В насыпь летели огромные пушечные, пахнувшие серой ядра. Стены укрепленной крепости были слишком ветхими, чтобы выдержать обстрел. Когда бастион с грохотом рухнул, переливавшаяся кроваво-красным цветом революция растеклась по всей Франции. Король бежал. Незаметно, лесом он добрался до Варенна. Там его задержали, заставили вернуться в Париж, вынесли ему приговор. Воодушевленный народ вопил, когда голова Капетинга покатилась в канаву. Конечно, после этого наступило кровавое похмелье, наступило царство страха.

Нострадамус с перекошенным лицом выдохнул:

– Великая страна будет разрушена! Перед большой войной! Многие станут купаться в крови! Около реки земля будет пропитана кровью! Прежде чем король расстанется с короной, он уедет через Реймский лес! Мучительно разрываемый надвое – как носитель монархии и как христианин! Прибудет в

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Варенн! Упавшая голова Капетинга вызовет бурю, войну и новые кровопролития!
Франция окажется изрезана!

На этой фразе ясновидец перевел дыхание.

Он пересек время и пространство в собственном духовном раскрытии и обосновался на едва заметном острове Корсика. Диким был ландшафт и диким было имя того, кто направился оттуда в путь, чтобы разнести о себе дурную славу с помощью пушек на пол-Европы. Два слова засели в мозгу Мишеля: *neos arōllyon*. [7] Он увидел, как возносится этот человек, единственный в своем роде, увидел наконец и его падение – под императорской короной (и потому пал как предатель и народа, и великолепной идеи).

– Вблизи Италии родится император, который дорого обойдется Франции. Как мясник кончит он жизнь. Будет носить неслыханно дикое имя! Как никто другой, завоюет он дурную славу под грохот пушек, несущих смерть! – У Мишеля внезапно перехватило горло, он прервал свою речь, но через несколько мгновений возбужденно продолжал: – После того как закончится битва, его предадут! Его посадят в тюрьму! Новый министр сломает его шпагу. По ночам горло его будет гореть огнем! На скалистом острове с пятью тысячами жителей, не говорящих на его языке и соблюдающих чужие нравы, закончит он свою жизнь! В амбаре скончается он!

Казалось, ясновидец еще долго ощущал присутствие смерти. И в то же время изобилие картин переполняло его душу, внезапно он снова начал изрыгать обрывки слов и фраз. Речь теперь шла о некоем владыке, избранном на свободных выборах по ту сторону Атлантики, о войне против рабства, о политическом убийстве. Скалигер вздрогнул, когда услышал об этом. Но еще больше потрясло Скалигера то, что произошло позже. Нострадамус бормотал что-то о страшной войне между Францией и Германией, о битве, которая впервые в истории человечества ввергнет весь мир в единый водоворот, и низвержен будет затем германский император...

Между тем ночь входила в свои тишайшие часы: уже начали бледнеть звезды на зимнем небе. После неопишуемого напряжения душевные силы оставили Мишеля, глаза и все тело его уменьшились, как перед смертью. Скалигер шагнул вперед, чтобы поддержать шатавшегося Мишеля. Но внезапно в тело Нострадамуса ворвался жар иного мира: невидимое напряжение скрутило и сотрясло его, он забился как эпилептик в припадке, резко дернулся к окну, однако вслед за тем, преодолев душевную усталость, бросился в самое пронзительное и самое страшное видение.

Он рванулся к солнечному шару и увидел, как спирально вращается купол жизни. Но легкое световое кружение через секунду сатанински преобразовалось в крючкообразный молотильный цеп. Как будто сердце Мишеля пронзил меч, из его горла, обожженного ядом, вырвался крик, и с этим криком крючкообразный крест покотился по земле, вонзаясь в плоть и кровь германской земли... Изгнанный император расположился по ту сторону Рейна, в Нидерландах. Но по эту сторону, восточнее реки из матки вылупится богохул, и случится это до отречения Гогенцоллерна от престола. Название города было коричневым. Именно там родится безбожник, на стыке двух стран. Зачат будет крикливый шалун от пропойцы и опустившегося грязнули, вырастет в болоте и тине под католическим небом. Позже он вырвется в Вену и Мюнхен, но останется в плену духовной нищеты, на всю жизнь отравленный змеиным поповским ядом. Всосавший в себя отраву черных алтарей, он воспитает в себе омерзительную и гнусную ненависть к евреям. Девятнадцать столетий отрицания страшнейшего оскорбления Учителя человечества сотворят из него, таким образом, антибожеский образ. Потому что эта ненависть отпечатается в памяти немецкого народа песни этого богохула, потому что народ вновь станет нищим духом и душой, потому что, в конце концов, эта ненависть будет пользоваться бешеным успехом. Это она водрузит свастику в прогнившей стране – от Мааса до Мемеля, от Эча до Бельта. В Германии водрузится свастика, и Германия, таким образом, тысячекратно водрузит песню смерти в теле и фугу смерти в душе народа. Но Германия, будучи ослепленной, как ни одна другая страна на земле, встретит своего мясника с тем большим ликованием, чем громче будут трещать барабаны... Страна примется буйствовать, рычать еще безумнее, когда божественная свастика ринется в новую бойню. Необозримые крысиные полчища Бешеного вгрызутся в Польшу и Францию. Сердце окаменеет, когда начнется истребление евреев, заявившее о себе именно в одну из ледяных ночей. Шесть миллионов людей будут уничтожены в газовых камерах, шесть миллионов душ станут вечными обвинителями. Но никто из народа не поднимет голос в их

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org защиту. А те из немногих, кто выступит против крысиных полчищ, также будут согласны на крестообразный эшафот. Церковь не окажет никакого сопротивления. Даже намек не будет на борьбу за справедливость. Никакой попытки вернуть в падший мир милосердие и любовь к ближнему. С шумным шалуном Рим заключит конкордат, вышедший из бесовского союза душ...

Именно это предвидел Нострадамус.

Но после двойной тройки – тридцать третьего года – за двенадцать лет будут уничтожены и другие народы: десятки миллионов людей на фронтах войны, солдаты, мирное население. Число истекших кровью или погибших в ледяной стуже, как и пропавших без вести, перейдет все мыслимые границы. Война продолжится, вторая мировая битва на суше и на море.

В видении Нострадамус узрел, как стальные птицы обрушатся на атолл в океане, носившем до этого времени мирное название, и на одном из крупнейших островов этой части света взметнется к небу пылающий факел последнего возмездия. Страшный гриб поднимется над гигантским городом, сотни тысяч людей превратятся в ничто от одного-единственного удара. Повсюду останутся очертания тел: живая плоть, сгоревшая и обугленная... Это будет последняя песнь, которой земной шар отметит и посрамит злодеяния шумного шалуна.

С угасанием вулкана, сотворенного руками людей, утихнет наконец и война. Но носитель свастики, католик, убийца народа, люто ненавидевший евреев, исчезнет под рухнувшими развалинами своей столицы. Огонь пожрет его труп, и позднее от него не останется и следа, даже свастики.

Но потом эта свастика, выйдя из другого злобного немца, разомкнет свои убийственные крюки над страной и снова повиснет в воздухе...

В воздухе млило видение Нострадамуса, пока он не попытался освободиться от него и не сделал прыжка. Он понял, что снова вернулся в свое собственное время. Мишель еще выкрикивал по инерции отдельные слова, и но чертам его лица Скалигер понял, что переживает Мишель.

– В Северных Альпах родится у народа вождь! Он будет ребенком бедных родителей! Благодаря силе своего слова увлечет человеческие толпы за собой! Под предлогом освобождения народа как заурядный мошенник будет драться за власть над людьми! Совершит ужасные злодеяния и распространит в своей книге ложное учение, а книгу посвятит борьбе! Слабые будут повержены. Германия завоеует царство берберов. На Рейне будет вырыт глубокий ров и даже возведен каменный вал! Правительство Франции переместится в другую страну. Вождь Третьей страны совершит преступление большие, чем Нерон! Он достигнет вершин храбрости, пролив человеческую кровь. Он заставит возвести три печи! В три печи будут брошены люди, чтобы живо сгореть! Три немца станут подкарауливать его. Но множество людей умрут, прежде чем умрет птица феникс! Шестьсот семьдесят месяцев проживет он, будет властвовать над военной силой, угрожающей жизни, вызовет всемирный пожар!

Объятый ужасом катар после этого последнего ясновидческого извержения Нострадамуса окаменел, хотя, кроме предчувствия ясновидца, ничего в мире не произошло. Полностью опустошенный, Мишель рухнул на пол. Только в глазах его сохранились еще искры ожесточения, но теперь веки, словно налитые свинцом, сомкнулись. Прежде чем Мишель погрузился в глубокий сон, ажанский врач поднял его на руках на постель. Затем сел рядом, чтобы охранять его сон.

* * *

День был в самом разгаре, когда Нострадамус пришел в себя. Он взглянул на Скалигера, и на миг вновь вспыхнуло воспоминание о том, что ему довелось увидеть. Но прежде чем Мишель попытался задать вопрос, катар ответил ему:

– Тебя вело десятизвучие, это оно показало тебе путь! С рождения тебе дан дар видеть прошлое, врываться в него. Но ты пока что выкупился из своей скорлупы лишь наполовину! В ночи, оставшейся позади, круг замкнулся! Спирали десяти планет открыли тебе беспредельность мира. Отныне прошлое, настоящее и будущее станут для тебя излучинами той самой космической стези! Ты послал в мой дом самим Небом. И теперь, Мишель де Нотрдам, познай свое предназначение!

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Казалось, последние слова Скалигера вызовут новое видение, но едва возникшие вихри образов снова исчезли, вместо них Мишель ощутил сердечную боль. Он искренне сострадал миллионам и десяткам миллионов людей, замученных и погибших, – будь то в прошлом, настоящем, будущем. Он проникся светлой мечтой человечества и в то же время чувствовал разобщенность с ней. Человеческие сердца, стремившиеся объять весь мир, снова подавлялись и унижались, а Змей-Молох вырыл бездну между десятизвучием и теми, кто, исходя из своей подлинной природы, пытался достичь освобождающего просветления и, несмотря на это, не мог в том преуспеть, потому что бездна и Змей-Молох были составной частью их природы.

Мишель страдал, сопротивлялся, и ему удалось противопоставить мрачной несгибаемости – несгибаемость космических лучей. Для подобного действия он уже был достаточно очищен пиренейской зимой и чумной заразой. С тех пор благодатная несгибаемость пребывала в нем всегда, хотя еще не в чистом виде. Но теперь оказалась сброшена последняя шелуха, преодолены последние границы, это и стало ответом на вызов Скалигера.

Нострадамус схватил друга за руку и прошептал:

– Спасти человечество... и возглавить... повести к свету. От самого дна... Их бичевали тоже... План... Путь... от бездны... до вступления в гармоничные сферы... Быть на страже... Разбудить... для других... Хранители и пастыри стада. Бедняки... но они придут к красоте...

– Только ради этой цели по воле Адонаи существует мудрый Учитель, – подтвердил Скалигер. – С самого начала он живет и будет жить до конца, до нового рождения. Моисей, Иешуа, Мани, ты знаешь это! Рука об руку с ними во все времена молодые помощники – мужчины и женщины. В наши дни ты узнал Рабле и меня. Об этом ты слышал и от Леонардо да Винчи и Эразма Роттердамского. Ты читал Гуттена, немца. Как сказал мне Франсуа, ты с вдохновением цитировал Вийона, великого и свободного духом мятежника. Все они, равно как и старец из Кумрана, связаны одной нитью. С нами, Мишель! Так как с сегодняшнего дня ты принадлежишь нам! Ты сам только что выразил это и сам решил. Ты собственными силами в долгом пути достиг цели!..

– Меня всегда вели и поддерживали другие! – возразил Нострадамус. – Однако я знаю теперь – в конце концов, речь идет не только о тебе или о Рабле. Это всегда могло считаться целокупностью, а значит, единством, созвучием!

Скалигер с теплым блеском в глазах взглянул на него и сказал:

– Каждый в космической игре десятизвучия выполняет свою задачу. Твоя задача – в твоём даре! Погрузись взглядом, проникни до сердцевины в будущее, до самых отдаленных границ! Предостереги человечество от ложного пути и поведи его – в деле врачевания тоже – к цели, ему предназначенной, которую тебе и твоей душе в хороводе планет показал Алеф. И знай: если с этих пор ты смотришь на звезды, земная пелена спадает с твоего «третьего глаза»!

С этими словами Юлий Цезарь де л'Эскаль тихо покинул комнату. Было сказано и сделано все, что велел ему сказать и сделать Адонаи.

Мишель, достигший душевной ясности, погрузился в свои размышления и с состраданием, острее, чем когда-либо раньше, думал о тех больных, которые в этот день ожидали его прихода.

Горный лучик

В двойном звучании (милосердного деяния и ночного зрелища) прожил Нострадамус следующие годы.

Он все глубже проникал в смысл своей жизни. Не допускал торопливости, не позволял себе суетиться от кажущейся нехватки времени. Он прошел решающую фазу развития – от Монсегиюра до звездной зимней ночи в Ажане. Отныне ему позволена была передышка.

Менее резкими стали картины, которые он наблюдал по ночам, как будто между душой и миром был сооружен податливый защитный вал. Когда в 1534 году Писарро завоевал город инков Каямарку и уничтожил последнего местного вождя – Атагуальпу, Мишель различал, как несет в безбрежном потоке смиренных и бедных людей всех времен, которые после каждого кровопролития

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
преисполнялись все новыми надеждами.

Когда Англия нанесла папе римскому удар, в результате которого британская церковь отпала от Рима, Нострадамус начал глубже понимать, как вообще богохульные церкви и религии разрушали первоначала подлинной истины. Но в то же время он в своем духовном видении познавал духовный антимир и видел, что бездуховности противостоят чуткие руки любящих существ.

Крестовый поход Карла V состоялся в 1535 году; это произошло в Северной Африке, когда он выступил против морских разбойников саида Эд-Дина. Из бесконечной дали Нострадамус стал свидетелем христианско-мусульманской бойни, понимая, что в католических и суннитских битвах зверь только и делает, что преследует самого себя, – и если даже людская беда оставалась, то вновь подтверждалась истина утешительного слова Иешуа: поднявший меч от меча и погибнет. Бойня не могла продолжаться вечно.

И снова тридцатилетнему врачу в Ажане явилось светлое видение: на планете утвердилось царство мира, и человек человеку перестал быть волком.

Похожее ощущение испытал Нострадамус, когда в 1536 году германский император развязал третью войну против Франции. Мишель увидел, как рушатся и обращаются в прах не только монархи – несколько столетий спустя, – но и все коронованные особы.

Между тем милосердие, стремление человека к справедливости и свободе сохранялось и набирало силу. Все это в конце концов произошло благодаря любви к ближнему. Эта любовь к ближнему и руководила Нострадамусом: не только потому, что у него были свои больные, но и потому, что он был у них и чувствовал за них ответственность. Помощь и утешение после всех мучений и трудов он неизменно находил в их благодарных глазах, чувствовал признательность в прикосновениях сведенных подагрой рук. А однажды перед ним и для него был сооружен восхитительный, исполненный смысла и любви мост...

С корзиной фруктов в руке она вошла в комнату, когда Мишель обходил больных, среди которых была соседка с ее улочки. И привел ее сюда только один душевный порыв. Мишелю это было знакомо. Практически в тот же миг между ними рухнула стена условностей. С едва заметной улыбкой и восхитительным смущением в больших лучистых глазах она ждала, пока он закончит свое привычное дело и вручит от нее подарок, предназначенный соседке. Она вышла во двор вслед за Мишелем и пошла за врачом, как будто они заранее обо всем уже договорились, на другой берег Гаронны.

Речные волны игриво плескались у илистого берега; раскачивались тяжелые соцветия куги, казавшиеся невесомыми под мартовским ветром. Обласканные журчанием потока и теплым дуновением ветерка, женщина и мужчина волшебными шагами приблизились друг к другу. Мишелю показалось, что она хочет спросить: «Можно к вам прикоснуться?» Наконец их руки встретились, и после быстрого и чувственного прикосновения она начала говорить. Оказалось, что семья ее прибыла несколько месяцев назад в Ажан, где ее отец получил по завещанию дом и занялся мелкой торговлей. Прежде их семья жила далеко на юге, арендуя хутор. Она выросла там, под небом Гаскони, где при ясной погоде казалось, что до ближайших гор рукой подать.

– Тебе их очень жалко, твоих гор? – спросил Мишель и в то же время ощутил в сердце легкий укол печали, поскольку она ведь могла ответить, что, мол, скоро туда вернется.

– Иногда... иногда, конечно, но Гаронна тоже красива. – Она мечтательно улынулась. – Если только захотеть, можно везде быть близко к облакам...

Прежде чем Мишель успел согласиться с ней – это было так ему понятно и близко, – она, пританцовывая, вышла на песчаную косу, наклонилась, выпрямилась, что-то сжимая в пальцах, и протянула ему руку.

– Смотри, – сказала, – галька. И больше ничего, только камешек. Никто его не заметит, пока он лежит сухой на берегу. Но если его обласкает волна, он засверкает волшебным светом, почти как жемчужина. Такие вещи нужно только знать, и тогда везде будет родина.

– Родина, – прошептал Мишель на ходу, держа в руке гальку как драгоценный

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
камень.

Он начал рассказывать ей про жизнь свою в Сен-Реми, Авиньоне и Монпелье. Правда, он делился с ней только светлыми воспоминаниями, умолчав о мрачных сторонах своей жизни, поскольку считал большим преступлением рассказывать о том, что тяготило бы ее. А затем она поинтересовалась о том, где его мать и остальная семья.

– Мадлен уже умерла, – ответил он и вспомнил о том, как получил в Ажане в прошлом году известие о ее кончине. Прошли месяцы с тех пор. И не он, а другие люди поставили ей в Провансе надгробие.

– Но думаю, что, несмотря на все, она жила полной жизнью, – продолжал он, – и со смирением погрузилась в вечный сон...

– Все мы когда-нибудь умрем и отдохнем, в том ничего плохого нет, совсем ничего плохого, – попыталась она его утешить. – Но ты же врач, и тебе-то это известно!

И ее рука скользнула к его руке. На сей раз это не было мгновенным прикосновением – она крепко держала его руку.

Рука в руке вернулись они вечером в Ажан.

– Мы скоро увидимся? – спросил он под аркой ворот торгового двора.

– Я этого очень хочу! До завтра, – ответила она.

В эту ночь, глядя на звезды, он в искрах небосвода снова и снова видел ее лицо. Ее лучистые глаза.

* * *

В марте 1537 года состоялась их встреча, а уже летом следующего года Мишель повел молодую женщину к алтарю. Ее семью он тоже пригласил на церемонию.

В душе же Нострадамус соединялся со своей невестой под знаком Адонаи.

Скалигер предоставил молодоженам в распоряжение свой дом в Лавеланете.

В тридцать пять лет Нострадамус вернулся в Монсегюр. Сразу же в день приезда он повел свой Горний лучик к крепости.

На этот раз к разрушенной катарской крепости они пришли в белых платьях – не как завоеватели. Во всяком случае, так думал Мишель, когда в обществе лучистоглазой жены поднимался все выше и выше. В живительном воздухе плавал аромат хвои, а вверху, над разрушенными зубцами стен, стремительно штопая небо, проносились ласточки. Как тогда у Гаронны, врач и его молодая жена остаток пути шли, взявшись за руки. Мишель показал Горнему лучику место, где пять лет назад познакомился со Скалигером.

– Это тоже случилось у ворот, – улыбаясь, сказала она. – Видно, тебе так на роду написано. – Она прижалась к нему, привстав на цыпочки. – Ты знаешь... Под каменным сводом в Ажане, где ты меня спросил...

– И ты ответила мне так чудесно, – Мишель нежно поцеловал ее.

Его сердце снова обволокло волшебным жаром, ощущением счастья и беспамятства. Он повел ее через своды портала. С нею вместе Мишелю хотелось взобраться на самую высшую точку развалин. Так шли они над пропастью, солнце и благоухающий ветер ласкали их кожу.

Но вдруг они очутились в темноте.

Нострадамусу даже показалось, что он почувствовал удар тяжелого ядра. Его душа скорчилась – страх пришел неожиданно. Из горла готов был вырваться крик. Но через несколько шагов они оба вышли на свет. Мишель еле держался на ногах.

– Что с тобой? – словно из далекой дали услышал он голос Горнего лучика. – На тебе лица нет!

– Пустяки, – ответил он и в тот же момент окончательно вернулся к жизни, стоя рядом с женой. – Я только оступился. Представляешь, если бы здесь, наверху, я растянул себе ногу!

– Я бы отнесла тебя назад. Я бы смогла это сделать, – ответила она.

– Не сомневаюсь, – кивнул Нострадамус, голос которого вновь звучал спокойно и ласково.

Они вошли во двор замка, вскарабкались к западной боковой башне и взглянули на восточную башню, разрушенную еще раньше. «Свет и тень, добро и зло, жизнь и смерть», – подумал Мишель. Но в этот день они с Горним лучиком удержали только свет, добро и жизнь. Высоко над миром Нострадамус посадил себе на колени восхитительную супругу. На его чреслах она стала раскачиваться – вверх и вниз, вверх и вниз, как на танцующих качелях. И когда он наконец вонзился в нее, души и тела взрывом унесло к солнцу. Это была их настоящая свадьба. Не в сумраке христианской церкви, но рядом со Святым Граалем совершили они подлинное таинство.

В следующие недели эта близость все больше и больше опьяняла их. И это повторялось каждый раз по-новому. Они оба открыли для себя совершенно новую жизнь: их любовь, так необычно начавшаяся в таинственной глубине, обретала берега.

В сентябре 1538 года, на второй день месяца, на стыке лета и осени, Горний лучик призналась своему любимому, что ждет ребенка. Безмерно счастливый Мишель обещал ей и себе быть самым лучшим на Земле отцом. И рассказал своей лучистоглазой любимой о мужчинах, когда-то оберегавших его детство, – о Пьере де Нотрдаме и Жоне-лекаре.

* * *

В мае 1539 года у Нострадамуса родился сын. Произошло это, когда конкистадор Мартинес де Ирала обосновался за Атлантикой, чтобы завоевать земли Ла-Платы.

Конечно, младенец увидел свет не под крышей дома Скалигера, но в Ажане, где жена Мишеля разрешилась от бремени. Благодаря помощи катара Мишель и его жена уже вскоре после возвращения из Лавеланета переехали в свой собственный дом, располагавшийся неподалеку от дома Скалигера. Там на двери висел даже жезл Эскулапа. Нострадамус слышал металлическое позвякивание жезла, обвитого змеей, сделанной из тонкой металлической пружины, когда взбирался по лестничке на чердак. Как и у Скалигера, здесь тоже был четырехугольный люк. Тогда в первый раз, глядя на звезды, он пережил стремительный полет в десятизвучие. Теперь Мишель пробрался на свой чердак, чтобы узнать, если это окажется возможным, будущее своего сына.

Он торопился, взбираясь по лестнице, но едва он преодолел семь или восемь ступенек, как ноги налились, казалось, свинцом; на следующей ступеньке он почувствовал необъяснимую тяжесть во всем теле. Нострадамус сделал еще шаг, преодолевая невидимое сопротивление. И когда он понял, что стоит на десятой ступеньке, а не на какой-нибудь другой, и внезапно застыл, пораженный грохотом небесной мироколицы над ним.

Он с трудом дышал, пот катил градом, подгибались колени; сломанными ногтями он вцепился в перила – ничего не мог с собой поделать. Совершенно непроницаемо-черным казался чердак. Все мощнее становились удары – тяжеловесные, как планеты. Вдруг он осознал, что в эту ночь для него перекрыты все ходы и выходы. И, поняв это, он бросился вниз, миновал десять ступенек, и только в прихожей тяжесть отпустила его.

«Юлий! – подумал он. – Вот кто должен знать причину! Надо идти к нему!»

Он вышел на улицу и, хотя до дома Скалигера было шагов тридцать, по дороге изрядно запыхался и тяжело дышал. Скалигер – он тоже недавно отошел от кровати роженицы, так как вместе с Мишелем помогал акушерке принимать роды, – стремительно распахнул дверь.

Нострадамус осушил предложенный бокал и с жадной торопливостью рассказал, заикаясь, о том, что произошло, после чего умоляюще посмотрел на старшего

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
друга.

– Почему именно сегодня? – выдохнул он. – Почему в эту ночь... когда мой сын?!

Юлий молчал. Глубокие морщины, которых Мишель никогда не замечал у него, внезапно исказили лицо.

– Я что, эгоист? – простонал Мишель. – И поэтому мне отказано?!

Скалигер по-прежнему оставался неподвижен. Казалось, на сердце у него лежит камень. Прошло много времени, прежде чем молчавший катар вышел из оцепенения.

– Что бы ты хотел узнать, заглянув в будущее? – спросил он сдавленным голосом. – Что бы ты изменил этим в жизни, начало и конец которой предопределены? – Он наклонился, схватил руку Мишеля и до боли сжал ее. – Да, ты эгоист! Ты хотел использовать свой дар для цели, к которой он непригоден. Учись, друг мой! – Он ослабил хватку, осушил бокал, как только что сделал это Нострадамус, и добавил: – А теперь ступай! Лучше, если мы не будем говорить о том, что сегодня с тобой произошло. Ступай, Мишель! Ты нужен жене и ребенку! Плохо, если они обнаружат твое отсутствие в доме.

– Да! – Нострадамус поднялся. – Я и сам понял это, – и он смущенно, боком направился к двери.

Оставшись один, Юлий Цезарь де л'Эскаль горько усмехнулся.

– Ничегошеньки-то ты не понял, – прошептал он. – И это благодаря высшей милости, снизошедшей на тебя, мой бедный, бедный друг... Адонаи милосерд и потому не снял раньше времени покрыва с того, что должно произойти...

* * *

Загадкой оставалось для Мишеля то, что знал Скалигер.

Нострадамус каждый день посещал больных. Пешком, если пациент жил в Ажане, в седле, если его вызывали за город. Теперь он реже бодрствовал ночами. Какой-то неясный страх перед своим даром, имевшим два лица, как у мифического Януса, останавливал его.

Младенец подрастал. Весной 1540 года без посторонней помощи он начал держаться на ногах, а чуть позже уже сделал первые шаги. А в это время его мать носила под сердцем второго ребенка. Девочка родилась в ночь на 1541 год, прежде чем турки захватили Буду, а Писарро был убит вероломным ударом кинжала по ту сторону Атлантики.

Тем не менее в городе на Гаронне жизнь протекала мирно. Мишелем все больше овладевало чувство душевного покоя, когда он вдыхал запах насиженного гнезда. Ему стали доступны большеглазая любовь детей и симпатия младенца. Совместная жизнь с любимой женой была исполнена нежного тепла. Однако наступивший вскоре 1542 год разрушил все это. Лапа Змея разорвала мир, оказавшийся, как всегда, призрачным. Злой рок уже и раньше заявлял о себе.

Император Карл V, все чаще получавший удары от Реформации и потому особенно буйствовавший во внешней политике, в четвертый раз напал на Францию и разгромил войска Франциска I. Более вероломно и жестоко в том же году проявил себя папа Павел III. Из истинно католической любви к ближнему он усилил Инквизицию там, где ему была дана власть от Молоха. В Италии, Южной Германии, Австрии, Испании, Португалии и Франции снова оказались переполненными тюрьмы. Начались пытки и потрошение человеческих душ. Снова взметнулись к небу факелы костров, на которых обугливалась и с треском рушилась пылающим столбом человеческая плоть. Снова были вздернуты на виселицы и распяты невинные жертвы ради сохранения папской власти. Из своей роскошной могилы по ту сторону Пиренеев дерзко восстал треклятый Торквемада.

Но этого все еще было недостаточно: в том же 1542 году грянула беда, невидимкой пришедшая из Нового Света. После того как конкистадоры, моряки, искатели золота и убийцы занесли в Европу сифилис, они подарили Старому Свету новую заразу, безымянную и тем более страшную по своей смертоносной

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
силе.

* * *

Зараза молниеносно распространилась от Жиронды до Ажана и затем вдоль речных портов – меньше чем за неделю.

Мишель де Нотрдам как будто был отброшен в годы чумы, когда толпы бичевателей хлестали себя ремнями. Он, Скалигер и другие врачи оказались бессильными перед неизвестной болезнью (с рвотой, общей вялостью, набухшими железами, опухолью в горле и кажущимися безобидными мелкими налетами сыпи на слизистой оболочке зева). В то время как врачи отчаянно листали медицинские книги, выискивали у Галена и Гиппократов намеки на неизвестную болезнь, горячка между Атлантикой и Северной становилась все страшнее. Люди толпами, в паническом страхе, искали спасения в храмах, устремлялись нагие по улицам. Клир еще больше подхлестывал общее безумие: с церковных кафедр, с колодезных парапетов и даже с висельных эшафотов попы с проклятиями и бранью обрушивались на несчастных безумцев, объясняя, что Господь карает их за грех, поелику дьявол в облике Реформации овладел Европой.

Нострадамус, Скалигер и остальные медики оказались бессильны. Им ничего не оставалось делать, как только сострадать.

В то время как окружение Мишеля буйствовало или страдало, он пытался найти опору в собственной душе. Ему придавало силы то, что у него все еще был родной дом, любимая жена. Рядом со своими коллегами, помогавшими по восемнадцать – двадцать часов в сутки, он не переставал заботиться о тех, кто верил ему больше, чем остальным. Глубоко встревоженный массовым заболеванием, он снова и снова обследовал сына и дочку, заставлял жену окуривать дом. Свой страх он считал неоправданным и потому должен был сказать себе, что, вопреки всему – ВОПРЕКИ ВСЕМУ, – не все еще потеряно. После чего продолжал работу и оставался невозмутимым среди общего безумия и сплошной человеческой боли.

Мишель слышал, как выпускают последний свой вздох дети. Они умирали в агонии. Он видел, как заканчивали жизнь старики, у которых из-за больных ног появлялись пролежни. Зараза захватила теперь всех, от мала до велика, и врачи не находили средств против нее.

Скалигер только догадывался, что опасность заразиться особенно велика там, где люди живут скученно или собираются толпами, где они дышат или брызжут слюной в лицо соседа. Именно в таких толпах смерть не знает предела. Но если медики предупреждали об этом, если они пытались упрямить безумцев, то ничего не пожинали, кроме вражды и угроз. Да и кроме того, поднимала голову Инквизиция: на жутком зловонном болоте, вопреки разуму, мощно расцвело роковое наследство Торквемады.

Так что врачи воевали еще и с этим врагом. Прошло лето 1542 года, и наступила осень. В тот день, когда под влажным ветром увядшая листва слетала на пожухлую траву, Нострадамус вернулся домой. Голова его раскалывалась от боли. Ступив на порог дома, он вдруг почувствовал сладковато-затхлый запах.

Это был тот самый запах, который Мишель уже тысячу раз слышал в других домах и больницах. Этот запах сопровождал смертельную заразу. Мишель закричал, потом схватил сына на руки, открыл ему рот и в глубине нёба увидел красноватый налет.

– Нет! – задохнулся он. – Не может быть! Это свеча меня обманула. Всевышний не допустит этого! Только не первенца, Господи!

Но прочитав в глазах жены отчаяние и приговор, он бросился из комнаты, поднялся на чердак. Семь, восемь, девять, десять! Им сразу овладело оцепенение, то самое, которое он испытал в ночь рождения сына. Те же самые тиски сдавили ему тело и душу. Мелькнуло лицо Скалигера. Он услышал какой-то звук, похожий на шепот: «Ничегошеньки ты не понял. Это великая милость, снизошедшая на тебя, мой бедный, бедный друг... что Адонаи так милосерд и не снял раньше времени покрыва...»

С последними словами, прозвучавшими из прошлого, упали оковы. Через небольшой люк мысль Нострадамуса устремилась во Вселенную.

Резко и оглушающе было десятизвучие. Ледяной холод пробирал до костей. Три умоляющие пары глаз, как ему показалось, узнал он в орбитах планет, но, прежде чем найти фокус, который, возможно, дал бы ему ответ, Мишель бросился к сыну, метавшемуся в лихорадке; все тельце ребенка было мокрым от пота. Лицо жены было искажено ужасом. В корчах извивалась в кровати и дочка.

От отчаяния Мишель потерял голову. Прошли дни и ночи. Иногда он понимал, что рядом с ним его Горний лучик, но затем лучик снова ускользал куда-то в небытие.

Единственное, что он воспринимал реально, так это сладковатый запах. Наконец он все-таки пришел в себя, но только для того, чтобы различить пару страдающих глаз и почувствовать неподвижность первенца.

За сыном последовала дочка. Едва Мишель набросил суконный платок на истаявшее тельце, упала без сил в лихорадочном жару и его жена. Началась отчаянная борьба – теперь только за нее. И снова настигло его поражение, предвещанное в звездной стуже планет. Хриплый вздох прозвучал как последнее «Ты!», так ему показалось. Затем простерлось одно лишь небытие.

* * *

Прошли часы или дни, пока Нострадамус очнулся. Он сам положил в гробы тела детей и жены, отказавшись от помощи Скалигера. Еле держась на ногах, дошел до кладбища, волоча за собой тележку с гробами, вырыл три ямы. Подравнял могильные холмы. И явились ему эти могилы как тройной вал, воздвигнутый им самим между ним и смыслом жизни. Из его горла вырвался мучительный крик, похожий на смех.

Вслед за Юлием, присутствие которого он ощущал как во сне, Нострадамус поплелся в город.

К своему дому он подошел как чужеземец. Ему хотелось только одного – спрятаться, скрыться в своем многострадальном доме. Но прежде чем переступить порог, Мишель обернулся на крики и щелканье бичей. Обезумевшие люди толпами вышли на улицы.

Не человека, не ближнего своего, а Молоха увидел он. Десятизвучие взметнулось к осиянному небу и исчезло. И его потрясло страшное видение.

Видение папы римского

Он увидел, как на запад идут каравеллы. Казалось, смрадный ветер надувает их паруса, на которых зловеще красовались красные лапчатые кресты. Колумб, а за ним и остальные конкистадоры, как алчные крысы, бросились на другой край света. Сначала они вцепились в близлежащие острова, потом вгрызлись в перепуганный континент, убивая миллионы людей и не давая никому пощады, потому что устрашающий знак, под которым они прибыли сюда, служил оправданием убийств. Они убивали, поскольку под флагом с крестом всегда происходила бойня. Они подвергали пыткам и вырезали целые народы. Это были те, кто проиграл звездные часы Европы и прорыв Старого Света к поистине новым берегам. Слепо преклонялись они перед своими кумирами и не признавали божеств краснокожих; они вопили, что владеют единственной истиной, и проглядели, что мудрые инки или ацтеки сумели сохранить в узелковой письменности предугаданные истины. Они несли свою весть о якобы всеобщем спасении мира и перегородили Небеса крестом, освобождая дорогу лишь собственным необузданным темным силам.

Жажда золота, страсть к убийству, тяга к истязаниям, властолюбие – об этом гласили собственные имена их четырех Евангелий. Три короны нес на своей главе папа римский. Теперь он устремился к четвертой. При этом испанские короли были в его руках послушным орудием. Они с католической холопией верностью служили ему не за страх, а за совесть.

Это была первая картина, которую Нострадамус увидел в Ажане рядом со своим домом, опустошенным смертью.

После этого из морского водоворота возник грозовой шквал, закрывший все небо, – то была морда Молоха. И ясновидец различил, что она возникла из

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
мечей, терний, досок, копий, пыточных клещей, железных тисков, крючкообразно перекрещенных балок, алебард, шестоперов и ершистых гвоздей, из всего того, что брало начало в человеческой бездне. Но еще омерзительнее, еще более отталкивающе смотрели из тьмы глаза Змея. Нострадамус увидел только их и ощутил, как они его буравили. И тогда Змей издал глумливый хохот, обрушившийся на континент.

Гнойные конечности, размягченные мозги, зараженные орудия зачатия он нес с собой. Католики-конкистадоры изнасиловали миллионы женщин, и сифилис переместился через океан на Восток. То был урожай, собранный миссионерами христианского мира. И вот теперь прозвучал новый взрыв глумливого хохота, приправленный сладковато-затхлым ароматом: зараза бурно пошла в рост, обрушившись на Ажан и половину Франции.

«Кроткоглазые краснокожие, – услышал Мишель всхлипнувший голос, – они бы вас предостерегли и даже назвали бы лекарства, если бы вы их не уничтожили!»

Молох ничего не хотел, кроме страданий и смерти, – на этом держалась его власть. Потому-то он и направил бичевателей против врачей, тщетно бившихся из последних сил. И теперь, когда Мишель это осознал, в его мозгу раздался громкий возглас: «Ты! Ты виновен в этом! Виновен и в том, что Горний лучик, сын и дочь!..»

Перед ним разверзлась бездонная пропасть зла, заключенная в глазах Змея. И в этой всемирной битве, охватившей всю планету, Нострадамус был отброшен на полтора тысячелетия назад. Это был Рим, распявший Учителя человечества. И это Рим на крови измученного и преданного им основал свою власть. Когтистой лапой отбросил он мудрую истину и вместо этого сотворил ее противоположность. Осиянность он превратил в распятого кумира. И таким способом виселицу, а не истину укоренил он в земной плоти. Орудия пыток, которыми он уничтожал «чистых» до конца первого тысячелетия, равно как и сами пытки, убийства, укоренились во всех континентах. Став христианской, Европа истекала кровью. Нострадамус наблюдал, как были брошены в огонь вестготы, саксонцы, славяне и евреи. А сверх того – манихейцы, катары и тамплиеры, анабаптисты, гуситы, богомилы; так называемые ведьмы и еретики злодейски умерщвлялись, сжигались на кострах.

Но в своем страшном видении Мишель узрел не только переполненные жертвами Молоха темницы, истребляемых евреев, не только искоренение европейских народов, если они не преклонялись перед престолом идола, поскольку им это не позволяла совесть. Змей прорвался дальше и закогтил Палестину. На родину Иешуа обрушились крестоносцы. Святой Бернар Клерво одним из первых в союзе с папой науськивал их на Иерусалаим. Святой Людовик IX с приходом к власти взял штурмом Монсегюр и снова развязал массовые убийства на Востоке.

Нострадамус, окаменевший от ужаса, увидел оскверненный Иерусалаим. Под неслыханным натиском креста вдребезги разбивались детские черепа о седые стены Иерусалаима. Кони христианских рыцарей переходили вброд потоки крови. Не щадили ни стариков, ни женщин, когда шла битва за так называемый гроб Господень. И эти гнусные дела торжественно были записаны в анналы Церкви.

Папство не проявляло благоразумия и милосердия, не пролило ни слезинки. В конце концов Крестовые походы прекратились не из-за сострадания и раскаяния, но только потому, что Молох вдруг понял: загнал самого себя. Угроза пришла с севера – Реформация, затем – Мишель позволил себе расслабиться в неясной надежде – опустошение Рима.

После страшных месяцев осады немцы и испанцы ворвались в город. Их вел праведный гнев. Они штурмовали стены Энгельсбурга (Нострадамус был наслышан об этом, но теперь обрывочное знание претворилось в истину). В видении он стал свидетелем того, как Климент VII дрожал и визжал от страха в гробнице императора Адриана. Он, чья власть, казалось, пустила корни в вечности, сидел, затаившись, подобно крысе, когда епископы и кардиналы в своем последнем роскошном бастоне подняли крик. Мишель разглядел, как одетый в пурпур папа оказался пригвожден к воротам, как у него были выбиты зубы, как ему орали, что это наказание за ложь его церкви. Мучили и пытали также и других сановников Молоха, словно престол Змея уже был разрушен и сметен с лица земли. Но дело вдруг приняло иной оборот. Борьба против Рима, которая вот-вот должна была закончиться победой, обернулась поражением. Немцы сняли осаду, не доведя дела до конца, и папа остался целым и невредимым.

Пораженного Мишеля вихрем возвратило в его время, в его собственное горе: он с ужасом вспомнил год и трижды смертоносный день. Затем он вновь окунулся в будущее.

Закончился XV век, а в следующем столетии зло бушевало целых тридцать лет подряд. Снова замелькали обрывки картин, виденных еще тогда, когда он впервые услышал в десятизвучии шум и грохот. «Папство виновно!» – произнес он обвинительный приговор. И эта вина разрасталась от столетия к столетию. Но одновременно росло и сопротивление папству. Война велась в центре, на окраине и перешла во вторую половину тысячелетия. Два числа узнал Нострадамус: 1527 и 2027. Первое число означало последнее предостережение. Второе было взрывом свободы, ни разу не пережитой в течение почти двух тысячелетий. Мишель пытался как-то осмыслить именно второе число и бросился было в лучи его, но этого не было дано. Он вынужден был вернуться.

Его швырнуло в самый центр временного круга, и Мишель завертелся как колесо. Он узрел революцию, однажды уже им виденную. Чтобы уничтожить власть Змея, в череп Молоха вонзился меч. Но другая его половина осталась невредимой. И ясновидцу были явлены новые, еще более страшные картины.

Шесть миллионов евреев были уничтожены католиком, несшим в крысиной пасти двойную тройку. Но в то время, как это происходило в Центральной и Восточной Европе, такие же зверства творились и по другую сторону Италии. Змей выполз из своего римского болота, взлетел над узкой полоской моря в Хорватии. «Усташи!» – прошипел он и поднял свой гербовый щит: распятие, кинжал, пистолет и ручная граната закончили его богохульный портрет. Попы и чернорубашечники маршировали в одном строю. И вместе они построили лагерь смерти. Вскоре цепь страшных лагерей протянулась от берегов Адриатики до притока Дуная Савы.

В бараки, за колючую проволоку загнаны оказались те самые христиане, которые не хотели присягать усташам, почти миллион православных. Ни один иноверец не должен был остаться живым в стране, куда вонзил свои когти Молох. Римско-католическая власть, претендовавшая на захват Балкан, совершила новые, неслыханные злодеяния.

Нострадамус увидел францисканца, выковавшего своими руками страшное оружие в форме меча и за одну ночь обезглавившего более трех тысяч православных. Православным был и архиепископ города Банья-Лука. Католики-усташи схватили восьмидесятилетнего старца, сорвали с него одежду и потащили в кузницу. Там к его ступням прибили подковы, принялись бить и хлестать свою жертву, и мученик скакал словно лошадь. Когда архиепископ рухнул без сил, палачи выкололи ему глаза, отрезали нос, уши, разожгли огонь на его груди, и когда беззащитный святой отец скончался в жутких мучениях, были вдобавок устроены танцы над трупом.

Так в конце второго тысячелетия Рим проповедовал свое Евангелие на Балканах, и сотни тысяч жертв миссионерской страсти обрели покой в земле.

Но позже, когда другой зверь с крысиной мордой покончил с собой, когда в Нюрнберге были приговорены к повешению убийцы миллионов людей, ватиканский Молох снова вышел сухим из воды, принялся заметать следы. И вновь появились воскресенные древняя ложь и фантом: от самозваного наместника Бога на земле не могло исходить никакой злобы и жестокости. И люди позволили ослепить себя, и в заново возникших государствах было принято из разбойничьего гнезда это убийство истины. Да, Молох даже сумел защитить и спрятать за ватиканскими стенами бесчисленное количество убийц времен усташской диктатуры, а остальные, которые под знаком свастики проливали чужую кровь, при поддержке Ватикана были переправлены за океан, где и чувствовали себя в полной безопасности.

Благодаря человеческой и религиозной глупости в Хорватии, Сербии и Боснии была воссоздана Голгофа. Целых полстолетия все было крепко связано, но потом – и Нострадамус с бешеной скоростью устремился в следующий спиральный виток видения – все распалось. Крепкое государство Восточной Европы разлетелось буквально вдребезги. Мир попытался пойти по новому пути, и, когда еще земной шар продолжал шататься вокруг своей оси, смерть снова разбросала жуткие семена свои на Балканах. Это началось в Хорватии. После крушения гигантской красной империи римские католики вновь почуяли, что там запахло жареным, и тут же попытались подмять под себя иноверцев. Но сербы,

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org памятью о преступлениях усташей, в панике отпрянули назад как перед хорватами, так и перед Римом. И в этой страшной сумятице раздались первые выстрелы. На этот раз из сербских ружей. Это было, по крайней мере с самого начала, самозащитой. Но завершавшееся столетие шло своим ходом – и сама собой, по своему вечному и исконному закону, разразилась война. Как аукнется, так и откликнется... Меч повернулся против своего хозяина: если в крысину эпоху он поражал православных, то теперь вошел в плоть хорватов, боснийцев и мусульман. Едва ли меньшие зверства, чем прежде, совершались теперь. В конце концов несколько разрозненных народностей встали друг против друга. С гор разносился грохот пушек, снаряды обрушивались на беззащитные города, ночами людей убивали из-за угла. Раненые, больные, беспомощные и – в любом случае – исповедовавшие другую религию загонялись в пыточные лагеря. Тысячи женщин насильно помещались в бордели. Бандиты и мародеры распоясались до предела, и не было никого, кто смог бы их обуздать. Бесконечно разрослось религиозное безумие. Но корни, породившие жажду убийства, оставались усташско-католическими. Рим никогда не сеял зерен искупления зла. Зерно зла находилось в нем с самого начала.

И когда заново началась кровавая жатва, Нострадамус увидел, как папа римский молится в Ассизи вместе с мусульманами и православными. Конечно, это сделано было, чтобы снова плюнуть в доверчивые глаза человечества, не раз повторявшего, что это, мол, все Божья роса. Это была несправедливость, которую цинично позволил себе Римлянин. Другой Римлянин, впрочем, был не менее богохулен; папа римский позволял себе в речах устами епископов и вассалов заявлять, что война всего мира против Сербии справедлива. И так, Рим, как всегда, оставался двуличным, и Нострадамус заметил, что следствием этого явилась нависшая над всей Европой угроза всемирной войны, зародившаяся на Балканах. Прежде чем Мишель успел узнать исход событий, картина вдруг поплыла перед его глазами, потеряла четкие контуры и растворилась в тумане.

Он оставил Европу и понесся над людским водоворотом к Африке и Азии. Вид человеческого муравейника подавил его. В конце второго тысячелетия люди плодились как грибные споры. Но внезапно планета стала шататься и раскачиваться под неслыханной тяжестью и встала на дыбы, противясь тому, что ясновидец понимал как суммарное ярмо обрядовых церквей, ослепленных собственной властью. В Африке Нострадамус увидел, как возникает пустыня. Там больше не было ни родника, ни былинки, ибо человечество высосало все земные соки, без остатка. Бесплодная зона ширилась по обе стороны экватора и гнала человеческий муравейник все дальше и дальше, и на границах той зоны все гуще и безнадежнее роились миллионы живых тварей. Но эта всемирная свалка, это жалкое прозябание миллионов людей – каждая тысяча приходилась на одну квадратную милю – продолжались и в южной части Азии. Задавленные нуждой люди гибли еще и от болезней, наводнений и землетрясений. Взгляд ясновидца выхватывал картину еще более широкую. Подобно кондору взмыл он над Южной Америкой, где с именем христианского идола на губах свирепствовали Кортес и Писарро. Там Нострадамус снова разглядел жизнь насекомых с человеческими лицами в раскаленных и пропеченных солнцем бескрайних нищенских городах. И над дырявыми крышами болотных поселений висел зловонный знак бедности и нищеты.

В Африке, Азии и Южной Америке – повсюду в небо вонзались башни христианских церквей, под безграничным небосводом вздымались купола мечетей и густо разукрашенные фасады храмов. И от этих сооружений вздымались – на католический манер – оглушительные крики и вопли: «Выше рождаемость! Больше младенцев! Больше верующих! Еще больше! Во имя веры в Бога! Во имя единственной истины! Единственной доктрины! Единственного спасения!»

Неслись и множились в своем фальшивом разнообразии крики, одни и те же на всех земных континентах. Невозможно было остановить рост голодавших и умиравших голодной смертью. Через несколько недель после рождения младенцы умирали со вспухшими животами и старческими личиками. Но, стоя на церковных кафедрах, проповедники требовали, чтобы род людской плодился и размножался.

Разум, восставший против всеобщего безумия прежде всего в Старом Свете, был предан проклятию. Можно было медицинскими средствами ограничить рождаемость, чтобы сократить смертность, но тех, кто пытался это делать, Рим травил как убийц. Правительства разрабатывали программы, чтобы повысить жизненный уровень людей, но Рим и его лакеи сводили такие усилия на нет. Поскольку большая часть человечества исповедовала ту или иную религию, нищета в конце второго тысячелетия довела планету до всеобщей агонии. Войны

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
все чаще велась по причине страшной людской скученности. Все чаще перегруженная Земля отвечала взрывами вулканов. Реки вымерли, моря превратились в мировую клоаку.

Это те всходы, появлению которых человечество обязано было религии. В непрерывном бешеном низвержении оно хлестало себя длинным ремнем. Так люди поступали во время эпидемии более страшной, чем сифилис и чума. Болезнь поражала десятки тысяч и отравляла кровь там, где ослепшие в своей глупости люди повиновались церковным запретам. Именно Рим запретил средства предохранения, с помощью которых можно было бы ограничить зло. Этот разумный выход Рим заклеил как богохульное и безбожное средство. Но еще большим оскорблением Бога было сообщение о том, что папство согласилось на уничтожение человечества руками самого человечества. На земном шаре росло производство оружия, которое могло бы унести миллионы жизней. Римская курия, однако, возвестила, что использование его против языческого Китая было бы морально оправданно. Папство перешагнуло бы через миллиарды трупов ради своего тотального господства. Не сознавая этого сам, Нострадамус пришел именно к такому выводу. В его видении возникла последняя картина. Он поочередно увидел трех последних пап и вместе с тем необратимое крушение церкви – Змеи и Молоха.

Папа Иоанн-Павел II, так названный в числе трех последних, был родом поляк. В его время родилась болезнь, а вместе с нею колокольный звон оповестил о конце церкви. Он восхвалял пустовавшие храмы в Африке, перед самой своей смертью освящал строительство других храмов на острове у побережья Америки, где ровно пятьсот лет назад христиане начали массовую резню. Там и в десятках других мест он показал свое истинное лицо, и в последние годы его власти еще более усилилось сопротивление ватиканскому господству. Люди в европейских странах не хотели мириться с его доктринами. Произошел великий исход из церкви – тем не менее папа римский не проявил благоразумия перед лицом зловещего предзнаменования, но окопался в бункере своих догм. Лишь с его кончиной мир свободно вздохнул. Затем в Риме вновь заседал конклав, едкий дым поднимался над Ватиканом, и, когда клубы дыма поднялись к небу, Нострадамус услышал имя предпоследнего папы. Это имя пахло кровью, изгнанием и бегством. Сначала ясновидец видел все в неясном сумраке, но внезапно картина осветилась.

Сорвана маска, обнаружались документы, под поддельным престолом апостола Петра открылась бездна, какой не пожелать бы и злейшему врагу. Отрицание Бога сделалось очевидным. Длинная шеренга пап попросту оказалась Змеем-душителем. Гнев итальянского народа был направлен против тогдашнего главы католической церкви. В церквях взрывались зажигательные бомбы, в том числе и в соборе св. Петра. Толпы за волосы волокли седых священников, кровь лилась как вода и долго переливчато остывала в каменных стоках. Кровью пропиталась и земля на берегах Тибра, но затем народ ворвался и разрушил в соборе все, что до сих пор сопротивлялось огню. Церкви в конце концов стали выглядеть руинами. Змеиный ветер превратил ватиканский дворец в пепел, пыль, прах. Глубоко в чреве разрушенного собора Петра зияла вскрытая мраморная гробница. Над поддельными мощами гулял переменчивый апрельский ветер.

Подгоняемый этим ветром, мчался предпоследний папа. В то время как чинили расправу над его лакеями, он пытался спастись в брюхе гигантского летающего насекомого, сделанного из металла. Насекомое несло беглеца на запад Франции. Авиньон, однажды бывший местом изгнания пап, снова должен был укрыть за своими стенами изгнанника. Но прежде чем он достиг города, его железное насекомое вынуждено было приземлиться. Преследователи сорвали с Римлянина последние доспехи, и он, еле держась на ногах, последовал дальше в сопровождении вассалов. Осталось неизвестно, удалось ли ему, подобно разбойнику и вору, приблизиться к Авиньону. Но прежде чем он укрылся в своей последней цитадели, его нагнали преследователи. И вблизи города он пролил кровь. Произошло это в том самом месяце, когда на речных берегах расцвели розы.

Нострадамус разглядел багряные брызги. Но в то же мгновение его куда-то снесло по скользкой глине, и то, что произошло или могло произойти позже, он увидел сквозь туманную завесу.

Для него осталось скрытым, закончил ли понтифик свои дни именно в Провансе, или пропал без вести, или он еще раз проплыл по океану дорогой прежних каравелл. В какой-то миг Мишелю показалось, что он заметил истекавшее

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
кровью помертвевшее тело перед гигантской и безмолвной торжествовавшей
горной цепью по ту сторону океана. Но если это не пригрезилось, это и было
гибелью предпоследнего папы, безвозвратно канувшего в вечность. Видение
снова перенесло Нострадамуса в Рим.

Контур времени снова обрели четкость, но Нострадамусу оставалось
непонятно, каким образом последнему папе удалось обосноваться на
ватиканских развалинах. Возможно, это зависело от того, что кончина
предпоследнего папы была недостаточной для спасения мира. Может быть,
необходимо было внятное предзнаменование этого спасения. Во всяком случае,
под небом, затянутым тучами, еще раз появилась тройная корона, и Мишель
услышал имя. Оно звучало как Petrus Romanus. Мощи принадлежали не Кифе,
первому Петру, соратнику Иешуа. Поэтому последний папа начал
восстанавливать здание на призрачном фундаменте, и с его приходом к власти
еще более пошатнулись ватиканские основы.

Жуткие крики раздались на юге и востоке Средиземноморья. Звенели сабли в
форме полумесяца, ибо зверь на змеином престоле снова оскалил зубы.
Коварство, ложь, подлог, убийство были его девизом, даже в последние
секунды его жизни. И крик его столкнулся с другим криком, прозвучавшим под
исламским небом.

Человечество бросилось в пропасть глобальной войны. Попы неистовствовали с
обеих сторон фронта. Безумству сопротивлялись лишь разумные силы. Какой-то
короткий срок они противостояли ходу событий, сохраняя равновесие. И тогда
удар нанес римский Молох. Свершилось тайное преступление, злодейское
убийство, и в то же время раскрылись планы, по которым над опустошенными
городами должны были вырасти огненные грибы. Когда его потребовали к
ответу, последний папа еще раз провозгласил, что это было предусмотрено
планом творения и является следствием самых первых дней человека на Земле.
Это было Евангелие, проповедовавшееся мировым Змеем. В то же самое время
был занесен ответный удар в стране по ту сторону Евфрата и Титра:
бесчисленные танковые дивизии собрались в бронированный кулак и, угрожая
Юго-Восточной Европе и Италии, все ближе подкрадывались к Западной Европе.
Так больше продолжаться не могло, и был разрушен престол Змея.

Наступила ночь, когда огонь еще раз охватил ватиканский холм. Был виден
Рим, полыхавший подобно адскому факелу.

Не пощадили никого – ни монахов, ни священников, ни послушников.
Исполненные ненависти, одной крови с Петром Римским, итальянцы сравняли с
землей папский дворец, и без того уже лежавший в руинах. Яростно обрушились
десять вооруженных кулаков. Рядом с Тибром богиня смерти поглотила
последнего папу. Его труп волокли по речному илу, и в то время, как языки
пламени запылали торжественным костром над Энгельсбургом и ватиканским
дворцом, тело Петра Римского было сброшено в зловонную реку.

Нострадамус ясно видел, что это случилось, когда в Европе уже не было
коронованных глав. Монархии погибли. Но в еще более жалком положении
оказалась церковь. Отныне она станет – с тех пор как ею была разожжена
третья мировая битва – синонимом зла, цинизма и античеловечности. Это было
приговором, который произнесло десятизвучие, и Нострадамус послал проклятие
к небесам.

* * *

Такое же проклятие он адресовал и бичующимся на улицах Ажана. Когда видение
исчезло, Мишель связал вину папства с гибелью своей семьи. Страдания
человечества он соединил со своими муками. Обе напасти нахлопнулись друг на
друга и заставили его позабыть о предосторожности. В реальности он снова
познал grimасы бытия, зафиксированные им в видении. Это был путь Сатаны.
Нострадамусом овладело безмерное отвращение, и поэтому он еще раз мысленно
прошел свое видение в обратном направлении. Он бросал обвинения бичующимся
и церковникам, и это были слова, которые церковь могла расценить как
богохульство, – за что трибунал Инквизиции неизбежно должен был приговорить
его к смерти.

И на него в самом деле натравили набожного человеческого зверя. В глазах
бичующихся и попов Мишель увидел смертельную ненависть.

Падение

Он рухнул в мрачную каменную бездну и сразу потерял сознание. Сделались безразличными боль и мука, он падал все ниже и ниже. Исчез грохот, воцарилась тишина. С последней крупницей своего земного бытия он ощутил нечто похожее на освобождение.

– Погружаться... полностью! – донесся до него голос. Душа уцепилась за это приказание. Но, прежде чем он успел подчиниться, земное чувство вернулось к нему. Казалось, что тело и кости были искромсаны на куски, когда он возвратился к жизни.

Вокруг него снова утвердились ночная прохлада, влажный осенний ветер, едкий дым, острый запах конского пота, стук копыт над головой. В смутно освещенном мраке появилось человеческое лицо.

– Юлии?! – застонал Нострадамус, все еще находясь на пороге жизни и смерти.

Он услышал облегченный вздох. Скалигер протянул ему бутылку, и Мишель – сначала с отвращением, а потом с жадностью – проглотил обжигающий напиток. Спирт приглушил боль, а когда в голове зашумело, Мишель набрался мужества спросить:

– Что произошло... и где я?

– В безопасном месте, глупец несчастный! – ответил катар и, торопясь, сообщил ему, что случилось в Ажане после того, как Мишель восстал против бичующихся:

– Камень угодил тебе в голову, ты замертво рухнул на мостовую. Должно быть, они тебя растоптали бы до смерти, но тебе повезло, ты упал рядом с подвалом твоего дома, дополз до входа прежде, чем они переломали тебе кости. Безумцы оказались сбиты с толку твоим внезапным исчезновением. У меня хватило времени проникнуть в дом черным ходом. Я знал, что в Ажане почти в каждом доме есть старые подвалы. Прежде чем бичующиеся напали на твой след, я схватил тебя и через переулки потащил дальше. От одного подвала к другому. Возле городской стены я снова поднял тебя наверх в сарай. Пока добывал коня и экипаж, я испытывал страх за твою жизнь. Но замысел удался. Ворота из-за эпидемии не охранялись, и я без особых трудностей увез тебя из города. До ночи я гнал лошадь на северо-восток. Сейчас мы находимся где-то между Ажаном и Вильнёв-сюр-Ло...

– Ты рисковал жизнью из-за меня... спасибо тебе! – пробормотал Мишель. Но едва он произнес эти слова, как в памяти тут же всплыли три гроба. – Все потеряло смысл! – со всхлипом произнес он. – Зачем жить, если Горний лучик и дети...

Потрясенный Скалигер долго молчал. За спиной был слышен топот копыт. Лошадь внезапно фыркнула. Мишель, услышав шум, буквально вцепился в бутылку со спиртом. Спирт обжег горло и желудок. Он задохнулся, и тогда Юлий твердо сказал:

– Зачем жить?! Ты это поймешь позже, когда попадешь в лапы Инквизиции! Когда доминиканцы будут рвать тебя на части! Когда на дыбе у тебя выскочат суставы! Когда ты, превратившийся в кровавый кусок мяса, увидишь костер! Тогда ты, Мишель, будешь умолять сохранить тебе жизнь!

– Инквизиция? – прошептал Нострадамус. – Ты считаешь, в самом деде...

– А ты забыл, что орал в Ажане?! – спросил Скалигер. – Неслыханные злодеяния церкви... Гибель папского престола... Что последнего папу в Тибре...

– Нет, – ответил Мишель и добавил: – Однако...

Снова вернулся и закружился поток картин. Он еще раз, в какую-то долю секунды, пережил все видение.

– Наконец-то ты понял?! – воскликнул катар. – Они затравят тебя как бешеную собаку, потому что ты сказал им истину. Ты стал их злейшим врагом, после того как предсказал их судьбу, принародно. Жизнь твоя и ломаного гроша не будет стоить, если ты не скроешься! А ты обязан жить, друг мой! Все, что узрел в собственной душе, ты должен донести до будущего – ради грядущих

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
поколений! – Скалигер схватил Мишеля за руку. – Это твой долг! Но исполни его лучше, чем ты это сделал в Ажане! Ты должен обнародовать истину не в слепой ярости, подвергая опасности себя, но должен найти путь, когда на столетия вперед обведешь вокруг пальца врагов! Однако прежде всего спасай свою жизнь – а стало быть, и свой дар! Это то, чего сегодня от тебя требует Адонаи!

Нострадамус почувствовал, что Скалигер прав.

– Но куда бежать? – прошептал он. И тут же перед его внутренним взором предстали Монсегюр и Прованс.

– Только не в Сен-Реми, Авиньон или Монпелье, – ответил Юлий. – И даже не в Лавеланет! Там, где тебя знают, ты – по крайней мере в ближайшие годы – беззащитен. Следуй за Рабле. Иди на север, Мишель! В Париж, в Германию! Перейди границу.

– А ты? – спросил Нострадамус. – Ты был моим братом в Ажане, моим другом и наставником. Тебя тоже начнут подозревать, и потому ты тоже должен бежать! Они догадаются, кто вывез меня из города!

– Обо мне не беспокойся! – ответил Юлий Цезарь де л'Эскаль. – У меня есть высокие покровители в городе и в замках на Гаронне. Но в отношении тебя никто из них и пальцем не шевельнет, даже среди дворян никто не станет рисковать...

– На рассвете я отправлюсь в путь, а ты как можно быстрее возвращайся в Ажан, – ответил Нострадамус. – Ты позаботишься о могилах, надеюсь?

– Я позабочусь и о том, чтобы распродать твоё имущество.

Погруженный в свои мысли, Мишель согласно кивнул головой. Его скорбь и страх перед неизвестностью переплелись между собой и снова парализовали волю. Время до рассвета тянулось бесконечно долго. С первыми утренними лучами Скалигер и Нострадамус молча обнялись. Юлий сел на козлы, и Мишель остался на лесной поляне в полном одиночестве. Еще раз присев у огня, чтобы согреться, он обнаружил, что Скалигер оставил ему кошелек и шпагу. Когда последний уголек мигнул и погас, Мишель прицепил кошелек и шпагу к поясу и зашагал на северо-восток. Он ни разу не оглянулся.

* * *

Пока Мишель шел вдоль берегов Ло, он старался не выходить из леса. Чуть позже он сквозь слезы взглянул на реку. Над водой вязал кружево ноябрьский туман. Отчаяние снова вернулось, когда он вспомнил о неизвестной болезни, о налете в горле, на нёбе. Он вошел в воду, струи начали омыwać его бедра, и глухую боль в паху он ощутил острее, чем душевную муку. Мишель погрузился в реку и попытался отдаться течению, ни о чем не думая. Из тумана вынырнула плоскодонка. Чьи-то руки подхватили его. Он скорчился над доской, к которой приклеились рыбы чешуйки. Рыбаки были немногословны. Они заботливо вынесли его на берег и устроили в своей хижине.

Он скрепя сердце оставался здесь до конца декабря, зарабатывая себе на кусок хлеба тем, что помогал рыбакам, когда это было необходимо. Мало-помалу Мишель обретал почву под ногами. Под Новый год он собрался в путь.

Под дождем со снегом Нострадамус добрался до Пюи-л'Эвек. Там он зашел в деревенский кабаk, выложил часть серебра, оставленного ему Скалигером, а на остаток выторговал себе жалкую клячу. На следующее утро, чувствуя потребность выпить, он поехал куда глаза глядят.

В феврале 1543 года окольными путями добрался до Бержерака и нанялся к рыбакам Дордони. В эти дни западный ветер доносил возбуждающий аромат йода и соли. Мишель задумал было добраться в Бордо, но вынужден был признаться, что Инквизиция слишком быстро схватит его там, где он когда-то работал фельдшером и каждая собака знает его. Когда он скакал все дальше и дальше к Перигё, события, происшедшие в Ажане, снова вызвали боль в его душе, и уже не в первый раз пришла мысль о самоубийстве.

Весна подействовала на его раны еще острее, чем раньше. Казалось, что

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
расцветшая природа была в жгучем контрасте с его собственным крушением. Он всегда пытался врачевать, но издевающийся Молох одерживал победу, несмотря на любовь Мишеля к жизни. Он узрел гибель Змея, но Инквизиция тут же объявила его вне закона. Раньше его берегла семья, но смерть вырвала то, что было всего дороже: три жизни за одну ночь.

Эту ночь он переживал снова и снова, и если не наложил на себя руки, то только лишь потому, что слишком устал душой, чувствовал себя слишком разбитым. Может быть, сыграло роль и напутствие Скалигера. Несмотря на отчаяние, Мишель ощущал, как в нем просыпаются жизненные силы: его не засосала бездна. В такие моменты его подстегивала ярость – то единственное, за что он еще мог ухватиться. В разладе с самим собой он наконец доехал до Перигё и там натолкнулся на знахаря, давшего его жизни жалкую перспективу.

На рыночной площади этот шарлатан предлагал сильнодействующее и универсальное лекарство. Покупатели и ротозеи сгрудились вокруг его ярко раскрашенной тележки. Мишель тоже подъехал поближе, спешился и, памятуя о своей врачебной практике в Монпелье, купил у проходимца колбу. Едва он открыл пробку, как почуял безошибочно узнанный запах. Негодяй продал ему не что иное, как коровью мочу, смешанную с серой. В медицинском смысле это была вещь совершенно бесполезная, а при известных условиях даже опасная. В ярости Мишель схватил проходимца за шиворот и принялся поносить его на чем свет стоит. Тот начал было отвечать, но быстро присмирел, когда Мишель громогласно объявил состав чудодейственного средства. Возмущение граждан Перигё обернулось против знахаря. Тот вынужден был дать стрекача. Но люди теперь столпились вокруг Нострадамуса, и один подагрик спросил его:

– А тебе известно лекарство против моей болезни?

– Пей отвар из лапчатника, клевера и льна, – ответил Нострадамус. – И, уж само собой, держи руки и ноги в тепле.

Мишель не без чувства неловкости принял от старика его скромную лепту. Возможность помочь внезапно пролилась бальзамом на его раны. До вечера он помогал и давал советы. Наконец, когда он подъехал к кабаку, его поразило, что ему совсем не хочется выпить. Напротив, он стал обдумывать, как лучше применить свои ботанические и алхимические знания.

Еще несколько дней Нострадамус консультировал больных на рыночной площади, пока местные врачи Перигё не ополчились против него. У него хватило серебра, чтобы купить дюжину колб, химикалии и потертое седло. Он смешал ингредиенты лекарственных средств и отправился на восток, в Брив-ла-Кайярд. В деревнях, расположенных вдоль дороги, он предлагал за скромную плату свои услуги. Так он поступал и дальше, успев сделать немало добрых дел. Пока Мишель скакал от Брив-ла-Кайярда в Клермон, его душевные раны мало-помалу затягивались.

К концу 1543-го за его спиной остались горы Оверня. В долине Луары, у Руана, кляча Мишеля припустила вниз на рысях. Мишель выбирал теперь дорогу более целенаправленно, чем прежде.

К осени он добрался до Невера. В тени местного кафедрального собора Нострадамус разыскал колесного мастера, а на задворках мастерской обнаружил цыганскую повозку с поломанной осью. Начиная с Перигё, Нострадамус достаточно поработал, чтобы приобрести экипаж. У него даже нашлось несколько монет, чтобы позаботиться о внутренней отделке. Перед наступлением зимы беглец снова обрел крышу над головой.

Между двумя старыми оглоблями тяжело шагала кляча в направлении Орлеана. Колбы уже не звякали в седельном мешке: они были уложены в специально сделанный ящик. Эти колбы, а также пучки лекарственных трав обеспечивали Нострадамуса куском хлеба и даже приносили ему успех, поскольку благодаря своей цыганской колымаге он пользовался репутацией странствующего лекаря, серьезно и честно занимавшегося медициной. Люди чувствовали, что темноглазый молчун доброжелателен по отношению к ним, и потому относились к нему с большим доверием. Ему не раз предлагали остаться жить в различных деревнях.

Но эти предложения Нострадамус каждый раз отвергал, и не только из-за того, что его могла подкарауливать Инквизиция. Беспокойство постоянно подхлестывало его и гнало дальше.

Прошло больше года с тех пор, как Скалигер спас его в Ажане. Нострадамус был на пороге своего сорокалетия. Весьма часто ночами сердечная мука претворялась в новые видения. В то время как его тело горбилось под космическими ударами, его дух разбивал мир вдребезги. Кристаллические осколки, мелкие черепки выскальзывали из мглы, чтобы под чарами его третьего глаза снова собраться вместе. Но все, что в эти страшные ночи соединялось в образы и смутные тени, было искажено, как сквозь многослойную решетку. Было такое ощущение, словно сердце и душу пронзила ледяная стужа, а кости рассыпались в прах. В такие часы Мишель различал только властность и алчность коронованных особ, укутанных в меха. Когда десятизвучие влекло его за собой, он не бежал под защиту хижин, но всегда рвался в холодный мрамор дворцов. Под их взметнувшимся в небо башнями рождались презрение к человеку, цинизм и бессердечие. Из женского лона выползали не младенцы, а зубастые чудовища, впивавшиеся в жаркую плоть жизни малютки. Это они все больше заражали мир злым недугом. Дворяне и церковные князьки вылуплялись из змеиных яиц. От столетия к столетию обволакивали они континент переливчато-зеленой слизью ненависти. Нострадамус видел, как скипетры, троны и короны вращаются вокруг единого центра – центра ужаса. Перед его внутренним взором появлялись кривые линии падения и взлета династий и звенели цепи – то были кандалы. Но тогда в Ажане, во время безысходной муки, Мишель не заметил крушения монархий, различив только обрывки общей цепи развития и попытавшись выразить это словами. Финал для него был окутан мглой, потому что Мишель сам был странником на этом мглистом пути. Он находился в промежутке двух миров с тех пор, как расстался со Скалигером. Но Мишель хранил в памяти эти обрывки картин, поскольку предполагал, что когда-нибудь из этих разрозненных камней он воздвигнет здание.

Кляча неспешной рысцой бежала все дальше, и летом 1544 года Нострадамус прибыл в Париж. Едва лошадь подъехала к берегу Сены, как Мишель вспомнил о Рабле, нашел дорогу в Латинский квартал. Здесь царил Сорбонна. Казалось, от ее стен, похожих на крепостные, веяло ледяным клерикальным духом. Но чуть позже он уже дышал вольным воздухом Сены. Гуманитарные коллеги были окружены публичными домами, кабаками и рыбацкими хижинами. Под сводами академических стен и даже на улицах многочисленные книготорговцы предлагали свой товар.

С тех пор как он оставил берега Гаронны, ему в первый раз посчастливилось сделать приятную находку. Он обнаружил издание баллад Франсуа Вийона и погрузился в буйство, рев, шум и грохот, в бешенство и ярость его могучего языка. Казалось, что каждое стихотворение написано духовным братом: любая мысль поэта казалась Мишелю его собственной мыслью. Гнев в душе Вийона был его гневом. С книгой, хулившей попов и власть предрержащих, Мишель завернул в ближайший кабак, и вино обострило его чувства.

Когда над Сенной взошла луна, в его колымаге прозвучал женский смех. Но едва Мишель запустил руку под подол, ухватив мясистое бедро, едва после двухлетнего воздержания он снова захотел отведать жаркого полноценного плода, как тут же исчез его хмельной поэтический восторг. Ему почудилось, что кожа девки покрылась грибовидным налетом, отдающим гнилым запахом. Пред ним предстало лицо жены, изъеденное червями, и в следующее мгновение оно слилось с черепом Бернадетты, которую он когда-то любил в Авиньоне. С клокочащим криком Мишель отпрянул назад, испытывая страшное отвращение. Его мужской корень беспомощно повис. Бранясь, девка вылезла из повозки и зашагала прочь.

Обманным оказался душевный союз с гениальным вагантом: там, где Вийон валялся в грязи бытия, там бытие отвергало Нострадамуса. Ни разу Мишелю не было дано испытать животное освобождение. На дне кружки с вином его ничего не ожидало, кроме отвращения и унижения. Содрогаясь от всего этого, он вскоре вырвался из Парижа и устремился на восток.

Марна указывала путь Нострадамусу, снова охваченному отчаянием. Мимо проскользнули Эперне и Шалон, следом за ними – Арденны. Кляча тяжело ступала сквозь стужу и снежную заваруху, но кучер, казалось, оставался неуязвим перед непогодой. В 1545 году, на стыке зимы и весны, он заметил башни и стены Люттиха. Ободранный и обмороженный, Мишель въехал в город. После нескольких дней он сделался костью в горле для местных врачей, а потому вынужден был снова запрячь лошадь и через Дюран направиться к Рейну. В один из майских дней он прибыл в Кёльн.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Роскошный собор расположился у реки. Кругом деловито стучали экипажи, не спеша разворачивались фасады патрицианских дворцов. Два народа смешались в этом городе. Их корни, уходившие в глубину столетий, тесно здесь переплелись. Нострадамус погонял свою клячу, пока не достиг кафедральной площади. Перед фасадом собора лошадь встала на дыбы, как раз посередине грязной лужи. В этот момент Мишель заметил столб, обложенный хворостом и дровами, – шла подготовка к сожжению на костре.

Мишель, несмотря на теплый солнечный день, почувствовал озноб. Он осадил лошадь, и та встала как вкопанная. Прежде чем он успел повернуть повозку, толпа забурилась, задышала ему в спину и окружила колымагу. Охваченный паникой, Мишель увидел, как от портала собора отделился священник. В тот же миг в глубине переулочка прогрохотали колеса другой повозки. Нострадамус разглядел сквозь прутья клетки лицо женщины. Ее тело было залито кровью.

Глаза Мишеля тут же заволокла пелена тумана. Сквозь него он наблюдал за тем, что происходит. Женщину (должно быть, мнимую ведьму) вытащили из клетки, поволокли по ступеням. Ее сломанные руки и ноги бессильно волочились. Конечности стянули железными скобами, а тело обвили цепью вокруг столба. Вот заголосили церковные служки, вперед выступил доминиканец и громогласно, на всю площадь произнес смертный приговор. Взмыло вверх распятие на длинном металлическом шесте и закачалось над беззащитной женщиной. Палачи встали полукругом и поднесли зажженные факелы к хворосту. Поленица просмоленных дров с треском взорвалась черно-желтым пламенем. Тело женщины, прикованное к столбу и скрытое дымно-огненной завесой, корчилось, извивалось, хриплый крик огласил площадь. В нем была непередаваемая мука – и этот крик вобрала в себя душа ясновидца.

Нострадамус разрывался между состраданием и ненавистью, как тогда осенью три года назад в Ажане, и, как тогда, его потрясло новое видение.

Видение ислама

Нострадамус увидел, как корчится в агонии уже не одинокая женщина, но все человечество. Жизнь задышалась в тисках религии. Крик всякой твари поднялся к небесам. Католичество, как цепью, обвило своими кольцами половину земного шара. Миллиарды душ и тел повисли в железной удавке, десятки миллионов людей заклеил своей меткой Молох. В то время как его пасть извергала раскромсанные тела, сам он, звеня стальной чешуей, начал приплясывать, как большешелый ящер. Голова с тройной мордой раскачивалась на его змеевидном тулове. Нострадамус узнал кощунственную трицу: три последние головы из шеренги римских пап.

За этими тремя стояли сотни таких же наместников Бога. А впереди никого – только одна зияющая рана. В душе Мишеля зародилась была надежда: не вечно же – он уже это знал – будут гореть костры для еретиков и существовать темницы. Но именно тогда, когда Мишель подумал об этом, цепь раздвоилась. Одна ветвь пропала, а другая в то же самое время серповидным лезвием поползла по земному шару. Нострадамус понял, что зло уничтожено только наполовину, что восточный двойник набирает силу после предсмертного крика на Тибре.

С появлением последнего из трех пап в Париже и в Персии высиживалось яйцо Велиала. Нострадамус разглядел лицо мерзкого бородача, проникшего в металлическую скорлупу своего убежища, протянувшегося от Франции до страны по ту сторону Месопотамии. Мрачной, безрадостной и бесчеловечной была его морда. В полумраке мечетей еще громче раздавались пронзительные крики, вырывавшиеся из миллионов глоток. Разум был уничтожен. Под зашитой смертоносного оружия к власти пришли мусульманские служители. Десятки тысяч людей были уничтожены под знаком полумесяца. Черный плат ширился по всей Персии. За этим траурным покрывалом прятались нежные лица женщин. Под пятой мрачной власти женственность не стоила ни гроша. Деспот возродил тиранию, как в страшные библейские времена. Голод, пытки и убийства приняли жуткие размеры. И тогда разразилась война. На земле были растерзаны сотни тысяч человеческих тел.

Мишель увидел, как на полу храма сидел окаменевший Молох. О божественном вел он яростную речь и в то же время возводил пирамиду из черепов до самого неба. Не было в нем ни грана от Аллаха, вечного и единственного, ни от духа Адонаи. Так он и жил, выйдя из змеинового яйца, и наконец увенчал свое богохульство, призвав на помощь злодеев и убийц, чтобы покончить с

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
безоружным поэтом, заставляя своих подонков охотиться за ним.

Но поэт остался жить, а тиран в конце концов скончался. Однако он позаботился о своем обожествлении и после своей смерти. В мертвой пустыне ему воздвигли гробницу, храм Ваала для усопших. И оттуда, когда его кости уже истлели, взяла свое начало кровавая бойня – джихад – священная война.

Когда заканчивалось второе тысячелетие, это безумие охватило полмира, и повсюду неистовствовали мусульмане. От Индии до Африки совершались травля и убийства. В духовном плане последователи перса сделали шаг назад. Все больше убийц, шарлатанов и деспотов собиралось под их крылом. И тогда под черным знаменем они объединились и бросились на Израиль, из семени которого расцвело единственное и всеохватывающее учение человечества. После почти двухтысячелетней истории рассеянный народ обрел на древних развалинах карликовую родину – для двух миллионов человек. Но из миллионов богохульных глоток вырвался крик, что Иуда должен быть уничтожен, а его останки должно сбросить в море. Это был древний волчий вой. Сатанинский клич подхватили обезумевшие мусульмане.

Один из них после угасания святого города Месопотамии взял на себя роль нового вождя в раздувании ненависти. Он расположился рядом с древним Вавилоном. В подземном бункере он выставил смертоносные стрелы, наполненные ядовитым газом и смертоносными зверьками, и направил их против Израиля. Но прежде чем оказалось возможным запустить огненные стрелы в небо, вмешалась великая власть планеты и со своей стороны превратила страну тирана в поле сражения.

Эта великая власть собрала войска многочисленных народов на юге Персидского залива, и дымная от пороха ночь опустилась на Месопотамию. Менее чем за неделю погибло сто тысяч человек.

Западная власть снова провозгласила свои действия справедливой войной. И борьба могла бы стать справедливой, если бы велась только в защиту слабых. Но ее вождь был христианином. Прежде чем дать сигнал к нападению, он посоветовался с христианским священником и тем самым еще раз принес в мир богохульство Крестовых походов. Предводители креста никогда не выступали в защиту учения человечества. Также и на этот раз учение не стало их движущей силой. Напротив, за кажущимся миролюбием они были охочи до богатств Востока и потому поддерживали по соседству с Месопотамией другого тирана и убийцу, не менее злобного, чем тот, которого одолели. Не подавление зла, а черная жидкость, обладавшая громадной ценностью, – вот что было стимулом развернутых боевых действий. Позднее они рассчитывали выкачать этой жидкости еще больше, и благодаря этому поистине христианскому деянию по делам их воздалось им: вонючие черные потоки прорвались из пустыни и отравили море и сушу. Подобного человечество не могло представить себе раньше.

Вавилонский тиран поджег дымные факелы, и зловонная жидкость устремилась к морю. Но христианские и мусульманские идолопоклонники протянули друг другу руки. Из их общего отрицания учения человечества произошло несчастье. Одними было предано магометанское учение, другими – учение Иешуа. И вообще они способствовали новой жизни Змея. Впоследствии эти змеиные посева предвещали змеиную жатву по всему миру.

Нострадамус, ринувшийся в десятизвучие, увидел, что огненный пожар вышел далеко за пределы своего источника, раскинул свои шипящие языки над всей Северной Африкой и прорвался с новой силой в Тунисе и Алжире. Вскоре за ними последовали Франция и Испания. Лион, Севилья и Барселона пали под натиском серповидного клинка. Клинок добрался до Парижа и там объединился с людьми Четвертой армии, когда берега Сены были выжжены огненным градом. Второй натиск на Европу исходил непосредственно из Ливии. Третья колонна войск поднялась на борьбу в Месопотамии и Сирии: их ненависть была направлена против Израиля.

Бойня перекинулась в Италию. В то время как Иудея была разрушена и опустошена, серповидный клинок поднялся в долину реки По и не пощадил даже Тосканы. Между тем во Франции стоял миллион вооруженных мусульман. Власть Молоха продолжала держаться, так как смертоносная война проникла, с одной стороны, в Далмацию, а с другой – в Англию. В Боснии, Хорватии и Сербии, где самоуничтожение началось еще при последнем папе римском, дело приняло другой оборот: как православные, так и католики пожинали то, что они

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
посеяли за столетия ненависти, бешенства и жажды власти. На Британских островах вновь стало видно, как из глубины моря всплывали стальные бронированные чудовища. Отчаянно сопротивлялся им английский флот. Вместе с тем на Британию ринулся арктический ледяной вал и от североафриканских портов готовилось еще более страшное мусульманское вторжение.

Все это зрелище резни и боины Нострадамус наблюдал в своей душе. Вдруг обрывки картин хлынули сплошным потоком, и он узнал, что последняя религиозная война внутри Европейского континента еще не прекратилась. Пострадали Германия, Швеция, Австрия. Пыхала пожаром земля в Азии и Африке. Но после того как бедствие, порожденное персидским Молохом, приняло крайние формы, положение вдруг резко изменилось, и от Испании последовал ответный удар, поистине потрясший планету. Днем Средиземное море принадлежало мусульманам, однако ночью со скалистого иберийского побережья с шипением вырвались гигантские острые клинья и взяли курс на ливийские и тунисские укрепления. Совращенные персидским Молохом, города рушились под грибовидным облаком – в течение нескольких секунд западный меч уничтожил все, что отпало от учения человечества.

Восточный меч собрал некоторую жатву и в России, но там между небом и землей поднялся разрушительный огненный шар. Это случилось февральским днем уже в третьем тысячелетии. Наследники перса должны были спастись бегством к берегам Красного моря, где их настигло возмездие человечества, свободного от всех ложных религий. Еще раз над пустыней расцвел облачный гриб, и огненная буря обрушилась на море и разбила головы католическому и мусульманскому идолам.

В северном полушарии сгущались туманы, когда бойня, порожденная безумием священников, прекратилась навсегда. Нострадамус устремился в мягкую спасительную пелену десятизвучия. Ему дозволено было упоение полетом. Все муки закончились с космическим пульсом. Более чем двухтысячелетнее отклонение человека от правильного пути было закончено, люди нашли дорогу к горнему миру. На какое-то мгновение Мишель предположил, что в нем зарождается последнее видение. Но с беспощадной силой он был выброшен из этого лучезарного зрелища и рухнул навзничь на соборной площади Кёльна.

* * *

Костер погас сам собой. От невинной жертвы остались обугленные кости на цепях, Мишель дернул вожжи, хлестнул клячу, начав пробираться сквозь толпу глазющих и буйствующих скотов к ближайшим городским воротам. Только в долине Рейна он сбавил ход. Забившись на ночь под ольху, Мишель так и не смог сомкнуть глаз до утра. На горизонте все еще стояла гигантская тень германского города. Огонь и клубы дыма росли, и казалось, что они пробиваются в грядущие столетия, смешиваясь с ядовитым газом. Лица загорались и пропадали в ночном клубке времени и в следующей половине столетия под тевтонскими башнями кафедрального собора. Лица женщин, поэтов, мыслителей.

Нострадамус заглянул в будущее Германии и увидел, что конфликт существовал и после того, как были сброшены императорские короны, уничтожены крысиные морды, а немецкая столица оказалась перемещена в небольшой городок неподалеку от Кёльна. Мишель слышал, как трубят властные христианские трубы. Снова существовали бедность и беззащитность среди людей, и без того уже принесенных в жертву, и опять осенялось крестным знаменем оружие, и снова с грохотом маршировали тевтонцы в дальних уголках страны. Снова хотелось Крестовых походов.

Нострадамус летел дальше и с потерей родины осознавал себя в необозримой толпе другим человеком. К Рейну и Мозелю, грохоча и трясясь, мчалась колымага неделями, без остановки. Лето 1545 года приближалось к межени. На плоскогорье Лангра Нострадамус наконец встретил по дороге беженцев, ехавших в противоположном направлении; на юге Франции снова разразилась чума. От Оверня до Гаскони никто не был застрахован от смерти.

Нострадамус услышал внутренний голос: он будет нужен там. И вместе с тем почувствовал, что время его изгнания истекло, что угроза со стороны Инквизиции уже не имела никакого значения. Он еще раз хлестнул клячу и помчался до ближайшего торгового местечка, где отдал свою клячу и повозку в обмен на чистокровного скакуна. Менее чем за неделю он покрыл расстояние от Роны до Гаронны. Как он услышал, чума свирепствовала больше всего в Тулузе.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
В начале сентября прибыл туда, и круг, который он начал описывать двадцать лет назад, замкнулся.

Книга третья ЯСНОВИДЕЦ ИЗ САЛОНА (1546–1566)

Тесье

Ничего другого он и не ожидал, когда увидел в доме Скалигера закрытые ставнями окна. В душу закралась грусть. Неспешно въехав в Лавеланет, он вдруг пустил коня рысью. Из-под копыт брызгами разлетелось снежное месиво вместе с мелкой галькой. Далеко впереди он видел Монсегюр, вершина которого оказалась в этот час скрыта облаками.

На пути к крепости Нострадамус спешился и сквозь туман – словно во сне – повел коня под уздцы. Наконец он достиг ворот. Но как только привязал жеребца к дереву, время отбросило его назад.

...Вместе с Горним лучиком он раскачивался на послушном камне; в отдалении стоял Юлий, а еще дальше – в темном проеме портала – Рабле. И хотя казалось, что они находились в разных пространствах, у всех троих было нечто общее, согревавшее теплом его собственную душу: как и жена, друзья хотели его увести, укрыть от внешнего мира, от зимы, облечь его в теплые покровы, поскольку он не имел возможности как следует одеваться. Он купался в волнах блаженства, подаренного ими, находясь как бы вне мира и его сущности.

На рассвете, когда Нострадамус пришел в себя, все еще согреваемый внутренним жаром, Монсегюр был залит золотистыми лучами. Картина поразила его до глубины души. В это мгновение им овладела уверенность в том, что в Лавеланете его ждут.

Он спустился в долину и заметил вдали экипаж, приближавшийся со стороны Мирепуа. Перед загородным домом Скалигера он остановил жеребца и не удивился, когда там чуть позже появилась и коляска. Мужчина лет пятидесяти, вышедший из коляски, был огромного роста. Светлые волосы, растрепанные ветром, уже тронула седина, но глаза казались совсем молодыми. Когда незнакомец заговорил, речь его напомнила о древних преданиях, поскольку изъяснялся он на провансальском наречии:

– Я видел, как ты спускался от Монсегюра. А теперь мы встретились перед домом моего друга... Юлия Цезаря де л'Эскаля! Думаю, это не случайно...

– Так могут считать только непосвященные, – ответил Нострадамус. – Я знал, что сегодня случится, что было предопределено свыше. Дух Скалигера, моего друга и наставника, передался мне, но участие в игре принимали и другие – Рабле, Горний лучик...

– У тебя провансальский акцент, как и у меня, – пробормотал седовласый великан. – Имена, названные тобой, звучат как одно. Я знаю, кто ты! Вот моя рука, Мишель де Нотрдам! Ты вернулся так, как предсказал Юлий. Нас свела здесь его смерть...

– Смерть?! – испуганно вскрикнул Нострадамус. Неожиданно он вспомнил, что невзначай уже высказывался об этом.

– Ты не знал – и тем не менее знал, – великан кивнул головой. – Да, Скалигер прошлой осенью отдал Богу душу. Кончину принял смиренно, выполнив в этой жизни свой долг. Мы часто говорили о тебе тем летом, которое провели здесь.

– Так ты, как и он, катар?

Великан кивнул.

– Меня зовут Женетт Тесье. Я родом из Салон-де-Прованса. Если Юлий не рассказывал обо мне, то лишь потому, что не считал необходимым. Он знал, что мы встретимся с тобой. Он также обладал даром ясновидения. Последним летом, когда мы вместе жили в Лавеланете, он сообщил мне, что наши с тобой тропы сойдутся именно здесь. И вообще, Мишель, он завещал нам свое имущество.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Нострадамус согласился с последними словами великана, и они (у Тесье был ключ от двери) вошли в дом.

* * *

Книги и телескоп были уложены в коляску. Зная, что Тесье и Нострадамус приедут сюда, Скалигер оставил эти вещи в Лавеланете. Лошади тронулись друг за другом в направлении Каркассона. Жеребец Мишеля рысцой последовал за экипажем. Под колыхавшимся кожаным навесом мужчины обсуждали будущее Нострадамуса.

– Когда я уезжал, чума еще всюю косила людей в Провансе, – сообщил женетт.
– Хорошо бы поступить на службу к магистру. Позже это поможет тебе утвердиться в городе. Тогда никто не посмеет пытаться тебя о твоём прошлом. Задача, которую ты наконец должен решить, это устроиться так, чтобы жить в безопасности и завоевать отличную репутацию у городских тупиц. Я буду помогать по мере возможности, так что ты не будешь чувствовать себя одиноким!

Мишель был поражен: ему казалось, что лица Тесье и Скалигера суть один и тот же лик. Пока экипаж катил от Каркассона до Нарбонна и Безье, Нострадамус все сильнее привязывался к Тесье.

В Люнеле они пили за здоровье Рабле, который – судя по слухам – остановился в Париже. Поразительно быстро росла его слава, что, однако, не было неожиданностью для Нострадамуса. От Нима и Тараскона воздух доносил аромат родных мест. В Сен-Реми Мишель снова увиделся с родными, а в Салоне понял, что чума страшнее всего свирепствовала именно в Эксе.

Помня о совете Тесье, Нострадамус пробыл в доме катара всего два-три дня, затем оседлал коня и поскакал на юго-восток. Апрель был в самом разгаре, когда он прибыл в древний город. Он вдруг подумал о том, что в Экс-ан-Провансе, где уже больше столетия существовали университет и кафедральный собор Сен-Совёр, вдруг свила гнездо чумная зараза.

В университетском флигеле располагалась и больница. Там Мишель получил комнату. Некоторые из членов магистрата, оставшиеся в Эксе, приветствовали знакомого врача. Никогда не отступавший перед опасностью, Мишель и на этот раз, едва распаковав седельный мешок, бросился сражаться с чумой.

Дни и ночи его превратились в сплошную пытку, снова он видел муки и опять выступал против смерти безоружным. Он утешал страждущих, облегчал их муки. У него уже был опыт в борьбе со страшной болезнью, как были и знания, приобретенные почти за четверть века.

Уже в Тулузе он проводил опыты с микстурами, в состав которых входили амбра, розовое масло и несколько сортов пахучих лекарственных трав. Эти лекарства он использовал и теперь, давая препараты, которые еще не были известны. И наконец летом чума отступила; жители Экса клялись и божились, что заразу уничтожил не кто иной, как внезапно появившийся в городе врач. Собрание городского совета, ряды которого от чумы тоже поредели, предложило Мишелю остаться в городе. Мишель тактично попросил немного времени на размышление. У него была договоренность с Тесье, и потому он стремился поскорее увидеть катара. Но когда беженцы из Салона рассказали, что чумная смерть снова взялась косить людей, Мишель очертя голову бросился на северо-запад.

В квартал ферейра въехал он на взмыленном жеребце. К счастью, Тесье и его семья были в полном здравии. Он тут же стал их пичкать своими лепешками. Предложение пожить некоторое время под одной крышей он принял как само собой разумеющееся, хотя и предупредил, что позднее собирается снова уехать в Экс. Наступили сумасшедшие дни и бессонные ночи; он работал зачастую до полной потери сил. Тесье в подвале готовил массу лекарств, которые Нострадамус давал нуждающимся. И на этот раз результат не замедлил сказаться. Благодаря быстрому вмешательству врача и катара чумная зараза исчезла так же быстро, как и обрушилась на город. Лето 1546 года было еще в полном разгаре, когда за городскими стенами зарыли последнюю могилу. Салон-де-Прованс благополучно отделался от чумы, похоронив не больше двадцати пяти человек. Настал день, когда Нострадамус получил и от здешних властей приглашение поселиться в городе.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
На этот раз он не колебался. С самого начала Женетт сделал так, чтобы Мишель чувствовал себя в Салоне как дома. Да к тому же Салон находился в полутора днях езды от Сен-Реми, и Нострадамус подумал, что теперь сможет легко добраться до башни Жона-лекаря.

– Огромное тебе спасибо! – обратился он к Женетту Тесье, сидевшему с ним за столом. – Если не против, я пока буду принимать пациентов в твоём доме. Конечно, если что-нибудь заработаю, непременно поделюсь.

– Оставайся! – сказал катар. – Но ты можешь найти в Салоне не только землю. Ты получишь здесь гораздо больше. А пока живи себе под моей крышей, ты заслужил этого больше, чем кто бы то ни было...

Великан поднял свой бокал, они чокнулись, выпили, и Мишель почувствовал, как в его душу вошли нежность и смирение.

* * *

Лето незаметно переходило в осень. Жизнь Нострадамуса потекла по спокойному руслу. После того как чума отступила, его врачебные обязанности приобрели более четкие границы. Исчез страх, переживаемый каждый раз заново, и порою профессия медика казалась ему детской игрой. В это время разразилась первая Шмалькальденская война в Германии, а в Эйзенахе скончался Мартин Лютер. Мишелем иногда овладевало такое чувство, словно он пребывал в буколическом refugium.[8] Нострадамус пристрастился к верховой езде. Он заново открывал для себя аромат лавандовых полей и ветвистых оливковых рощ. Порою, если путь лежал рядом с побережьем, он с наслаждением вдыхал соленый морской бриз. В эти лето и осень он несколько раз побывал в Сен-Реми. Однажды озябшей рукой он прикоснулся к теплым камням башни Жона-лекаря и понял, что еще не все потеряно.

С любопытством изучал он город, где начал свою оседлую жизнь. Рядом с домом Тесье находилась церковь Сен-Мишель. Хотя Нострадамус и не признавал христианства, его все время тянуло туда: причиной тому была каменная – над порталом церкви – скульптура, которая изображала ангела, несшего знамя. Когда-то в этих краях жили тамплиеры, устремившиеся к истинной духовности. В такие моменты Мишель вспоминал Рабле, который однажды обратил его внимание на значение этих людей, этого ордена, преследовавшегося католической церковью.

Дорога от Франсуа шла через Скалигера к Тесье.

Так агнец-знаменосец из Салона стал для ясновидца неким духовным ключом.

Он как-то заговорил об этом с Женеттом, и тот понимающе кивнул головой. Новое смирение возникло в душе Нострадамуса. С этим было еще связано более далекое место, скала у имперского замка. Скала выростала подобно предвестнику из древних времен. Нострадамус каждый раз переживал душевный полет в прошлое, когда оказывался возле той скалы. В теперешних видениях не было ничего общего с кровавым ужасом прежних. Он только ощущал нечто чистое и святое, словно центр из десятизвучия. Он созерцал под влиянием той скалы лица женщин, мужчин и детей, слившиеся воедино и преисполненные любви. Корень, просвеченный солнцем, был связующим звеном между зарождением человечества и заново образующимися космическими спиральями. Боль, муки, насилие, жажду власти, войну он, этот корень, казалось, непрерывно и мягко втягивал в себя, претворяя мрак в гармонию. Униженные существа и израненные души исцелялись. А поздней осенью случилось так, словно что-то очень важное из его видений обрело физическую ипостась.

– ...Мы знали, что найдем тебя здесь, – смеясь, произнес Женетт Тесье. Позади него стояла молодая женщина, волосы которой отливали медью. Ее мягкое лицо излучало свет, пышные волосы в золотых лучах заходящего солнца пылали. Мишелю показалось, что она словно выплыла из десятизвучия. С изумлением и восторгом подумав об этом, он уже был пленен ее темными, равнодушными ко всему глазами. Время исчезло.

Когда он пришел в себя, то не удивился, поняв, что держит женщину за руку. Он не понимал, как удалось прожить почти сорок три года без нее.

– Кажется, ты влюбился в Анну с первого взгляда! – так Нострадамус услышал ее имя, произнесенное Женеттом. – Знал бы, познакомил бы вас раньше. Анна –

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
племянница моей жены, последние месяцы провела в Арле, после того как овдовела...

Последняя фраза Тесье была для него ударом. Все еще крепко держа Анну за руку, он застонал и выдохнул:

– Ты тоже?!

– Да, – тихо ответила она. – Мой муж умер от чумы прежде, чем ты прибыл в Салон. Я знаю, что и твоя семья четыре года назад вернулась на Гаронну. Мне об этом говорил Женетт. Он думал, Мишель де Нотрдам, что это нас объединило бы. Но... – голос ее стал едва слышен. – Думаю, что-то большее между тобой и мной...

– Да, Анна!

Это признание вырвалось у него само собой.

– Все будет между нами, Анна, – повторил он. – Если ты захочешь...

Медноволосая женщина не ответила, но рукопожатие было красноречивее всяких слов. Нострадамус понял, что последний вопрос был излишен.

Взяв друг друга за руки, они направились в Ферейру. Женетт тактично держался в стороне. Мишель на миг вспомнил о Горнем лучике: так же он держал ее руку в своей тогда, во время их первой прогулки вдоль берега Гаронны. Сейчас воспоминание не бередило душу, ибо женственность пребывала в ином обличье, и мечта о женщине снова вошла в сердце. То, что пришла она к нему от другого, уже умершего человека, не испугало Нострадамуса. Он страстно желал начать жизнь – с Анной. Как же она была красива!

* * *

Зимой окрепло доверие, чему способствовала духовная и физическая близость.

Тесье настаивал на том, чтобы оформить брак. Родители Анны – Паскаль и Томас Арно – уже начали поговаривать о будущих внуках. Весной 1547 года Нострадамус вместе с Анной провели неделю в Сен-Реми. Брат Нострадамуса Бертрам собирался распродать свое имущество; вместе с женой Томине он тоже хотел перебраться в Салон, где ему предложили место главы городской милиции. Томине и Анна поняли друг друга.

Мишель и Анна назначили день своей свадьбы.

– Как только ты отыщешь дом для нас, – сказала Анна, покачиваясь на крупе жеребца, – так сразу...

Мишель был согласен. Он жаждал поделиться с нею своей тайной.

– Мы поговорим с Женеттом, сердце мое, – произнес он.

Тесье признался, что давно уже наводил справки, подыскивая Мишелю подходящее жилье. Земельный участок, который он предложил, непосредственно граничил с его участком. Нострадамус, со своей стороны, присмотрел башню в конце переулка. Он думал, что после чумы тот дом пустовал, но друг объяснил:

– Владельцы участка живут в Лангедоке. Они из очень древнего рода, состоят в родстве даже со Скалигером. Мне недавно удалось переговорить с ними. – Увидев, как глаза Мишеля засияли от радости, великан рассмеялся. – Да, они совсем не против. Ты бы мог назначить цену. Я охотно помогу тебе со ссудой. И тебе бы наверняка помог Адам де Грапон, тот зодчий, с которым я тебя недавно познакомил. Он ведь построил кафедральный собор. Мог бы оказаться полезным консультантом...

Глаза Мишеля блеснули огнем, он повернулся к Анне и спросил:

– Ты согласна?

– Башня станет волшебным убежищем, – ответила женщина. Голос ее звучал загадочно, как будто она что-то предугадывала.

Бронзовый стул

Брак был заключен в годовщину их первой встречи. Одиннадцатого ноября 1547 года Мишель де Нотрдам и Анна Арно, вдова Понсара, обменялись кольцами в церковном храме. Они по необходимости смирились с католическим обрядом; на самом же деле их благословил ангел-знаменосец, стоявший над порталом. Свидетелями венчания были Женетт Тесье и Бертрам де Нотрдам, одетый в латы, украшенные городским гербом. В доме Арно в тот день было выпито немало вина. После того как прозвучал последний тост, гости проводили новобрачных до квартала Ферейру, и вот наконец врач и его жена остались одни.

Адам де Грапон за короткий срок совершил чудо. Первый этаж бывшего торгового склада был превращен в уютную гостиную, обитую досками. Торцевую стену занимали полки для лекарств. Предназначенный для экспериментов стол расположился под сводчатым окном, обращенным в сад.

– Здесь ты будешь принимать больных, – сказала Анна и прильнула к мужу. – А я смогу наблюдать через стекло, когда буду хозяйничать во флигеле. – Она поцеловала его и задрожала от желания. – Пойдем наверх... – прошептала она.

Мишель поднял ее на руки и понес по широкой лестнице наверх. Лестница вела в библиотеку и кабинет Нострадамуса. Рядом с книгами и рукописями, над которыми он работал, были расставлены астрономические приборы. На крытом балкончике, выходящем на площадку заново сооруженной Грапоном наружной лестницы, стоял бронзовый телескоп.

Нострадамус догадался, о чем подумала Анна. Он покачал головой, уложил жену на кровать. Они глубже и глубже погружались друг в друга, и весь мир рухнул для них в небытие.

В эту ясную звездную ночь Мишель долго всматривался в спокойное лицо уснувшей Анны. Ее черты, освещенные светом лампы, были исполнены бесконечной нежности. Он погрузился в сердцевину сокровенного существования, в котором расцветшую любовь одухотворяет Космос. В этот миг сплавилась воедино семейная башня, исполненная свадебной ауры, и метафизическая крепость, где десятизвучие, десятикратно высеченное из материи, разрешалось в уровнях еще более высшей гармонии.

* * *

Он чувствовал, что при абсолютном слиянии с женщиной, а значит, и со всем женственным началом, он приобщается к некоему божественному ключу.

Открытие пришло внезапно, в ночь перед его 44-м днем рождения. Мишель, глядя в окуляр телескопа, вдруг уловил обращенный к нему голос.

– Бронза! – говорил он вечером того же дня, склонившись над бокалом вина. Гости только что разошлись, остались лишь Тесье и Анна. Прочитав удивление на их лицах, он добавил: – Сплав металлов – это зеркальное отражение! Не случайно в древности наступила эпоха, когда первый мудрец – конечно, это была женщина – соединил медь и олово. Одна стихия сплавилась с другой, и обе стали более высокой субстанцией. Леонардо знал об этом, когда изготавливал свой инструмент. Юлий не случайно использовал именно бронзовую трубу, которую и завещал мне. Этот инструмент по своей сути еще и зародыш десятизвучия. Потому что олово составляет мужскую, а медь – женскую половину. Но бронза излучает энергию, исходящую из обоих, то есть излучается жизнь. По ту и другую стороны имеется граница, определяемая нами как смерть. Металлы, отказывающиеся от себя, чтобы заново возродиться, – ключ к этому. Это через радость, подаренную тобой, Анна. Я понял выход.

Он склонился к ней, коснулся ее волос и в глазах увидел нежность и понимание.

– Да! – воскликнул он и вернулся к катару. – Я благодарен и тебе. Этот дом – скорее даже башня и обсерватория, которую соорудил Адам де Грапон. Десятикратно повторенные десять ступеней, в равной мере выводящие в Космос и ведущие вниз, в горловину матери-земли. Пятьдесят пять ступеней к звездам, сорок пять – в древний вертеп. Они составлены асимметрично, чтобы легче было в кругу расчисленных планет очиститься от душевной неуравновешенности. Я уже чувствую! Это работает! никогда раньше я не

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
находился так близко к ступице космического колеса. Ось, проходящая через ангела-знаменосца и Имперский замок на скале, суть мои помощники. Если и могу решить задачу, возложенную на меня, то только здесь! Лишь одного мне до сих пор еще не хватало. Бронза! Я сяду на бронзовый трон и буду сидеть на нем. Бронзовый стул должен завершить мой круг в Салоне. Он – последний и величайший ключ, который полностью откроет замок иного мира. Это было мне явлено в прошедшую ночь.

Нострадамус умолк. Казалось, он еле держался на ногах, хотя и сопротивлялся этой внезапной истоме. Анна и Тесье сидели, не решаясь нарушить молчание. Наконец Тесье произнес:

– Будет лучше, если ты поговоришь с Адамом. Если кто и сумеет помочь тебе, так это он. Тем более, что он знает колокольного мастера из Арля...

– Я, как только выкрою время, сам поеду с Грапоном, – ответил Нострадамус. С юношеским задором он усадил Анну к себе на колени. – Душа моя, ты поедешь со мной, ибо тебе тоже найдется работа!

* * *

В начале марта 1548 года (приблизительно в ту же пору, когда в Германии протестантам собирались предоставить религиозную свободу) в Камарге мастер колокольных дел завершал формовку. Рядом с ним в дымной мастерской стояли Нострадамус, Анна и Адам. Точно так же, как в алхимической лаборатории Жона-лекаря, языки пламени с шипением метались под сводом каменной печи, в чреве которой находился котел со стоком, похожим на птичий клюв. И вот по знаку литца Нострадамус и его жена взяли за рычаг кузнечных мехов. Медь и олово начинали смешиваться, вошли друг в друга и приняли мягкий золотой оттенок. Когда котел наклонили, струя устремилась в заранее подготовленное русло. Поднялся едкий дым, а когда он рассеялся, в форме уже застыла первая отливка.

Процесс повторялся снова и снова. Наконец все десять отливок покоились в песке, все еще шипя под слоем остывающей корки. На следующий день они приобрели окончательную форму: отшлифованные и отполированные литцом изделия оказались в руках Нострадамуса.

Наутро Нострадамус расплатился с мастером, решительно отклонил приглашение побыть еще в Арле. В полдень восемнадцатого марта экипаж с грузом покатил через восточные городские ворота и направился в Салон, а через два дня уже прибыл на место.

Женетт вместе с Адамом помог Мишелю отнести наверх составные части стула, заботливо завернутые в холстину.

– Великолепно, – тихо произнес Тесье, когда Анна сняла тряпки с фрагментов.

Небо на юго-западе уже окрасилось в розоватые тона.

– Это еще только полдела, – ответил Нострадамус, который вместе со всеми напряженно ожидал полуночи.

В полном созвучии находилось время, когда мужчина и женщина взяли металлические детали. Точно в ночь весеннего равноденствия были соединены десять составных частей: казалось, они прилипали друг к другу, не оставляя пазов. Наконец похожий на трон бронзовый стул был установлен под открытым небом, и Нострадамус уселся. Анна и Тесье робко отступили назад. В этот миг в душе ясновидца что-то преобразилось. Лицо внезапно начало пульсировать под влиянием могучего огня, и этот огненный поток, это извержение пламени, вызванное бронзовым креслом, понесло его прочь.

В оболочке элементов, сплавленных воедино, Мишель нашел последний ключ. Он предчувствовал это уже месяц назад. Теперь был отодвинут последний засов. Нострадамус помчался сквозь столетия. Он танцевал во времени, выходя за его границы, возвращался назад и снова летел вперед на вселенском колесе через бесчисленные пространства, утоляя тоску по бесконечности.

Когда он вновь ощутил под собой бронзовый стул, то увидел, как сверкают и сплетаются в узлы иные нити. Ангел-знаменосец, скала с Имперским замком, любовь Анны, дружба с катаром... Адам, бронзовый телескоп Скалигера, Леонардо

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
да Винчи внутри звездного свечения, мельчайшие искорки, миллионы и миллиарды иных человеческих искристых скоплений... И был Мишель голос: «Все люди доброй воли...»

Провидческие возможности, которыми располагал ясновидец, воплотились в облике Адонаи.

С тех пор главной его жизненной задачей сделалась необходимость использовать эти свои возможности.

Как дар был ему вручен свободный доступ во все времена, позволяющий найти для человечества спасительный выход...

Едва Мишель подумал об этом, как видение медленно растаяло. Он весь мягко осел в бронзовом кресле. Придя в себя, увидел лица Анны, Тесье и Грапона, освещенные первыми утренними лучами солнца. Лица показались божественно прекрасными. Он вскочил, обнял сначала Тесье, потом Анну; словами пытался передать только что пережитое.

Когда Тесье и Грапон молча удалились, в дверь постучался первый больной. Анна открыла ему, и Мишель принялся за свое обычное дело.

* * *

Сострадание к немощным, любовь к жене, бронзовое кресло как центр видений – все это были полюса, дополнявшие друг друга. Жизнь Нострадамуса обрела полновесный смысл. Когда-то смерть трижды нанесла ему удар. Но отныне он каждый день получал в дар тройное бытие.

Столетие приближалось к своему математическому центру. Слава его как врача неизменно росла. Мишель лечил богатых и бедных, не делая различий. Его средствами были алхимия и хирургия. Но зачастую он исцелял одним только словом. Мишель использовал астрологию и предостерегал людей, возвращал в их душах побеги новых надежд. В такие минуты Нострадамус оказывался скорее магом, чем медиком: наложением рук исцелял он, подобно Иешуа. Именно в этом он был близок к Учителю человечества, не потеряв себя в шарлатанстве.

По-прежнему скромный, Нострадамус склонялся перед своим талантом, принимая его как дар Божий. Избегая кичливости, он сам шел навстречу человеку, если тот нуждался в его помощи. Он добивался, чтобы из глаз страждущих людей исчезали боль и мука.

А по вечерам он тонул в глазах Анны. Как Божью благодать каждый раз он заново переживал близость. Для него оставалась восхитительно загадочной игра ее темных зрачков: жар, лукавство, страсть, самоотверженность чередовались в непредсказуемой последовательности. Была Анна и девочкой, и матерью, возлюбленной и ангелом-хранителем. Мишель черпал силы в ее словах, кокетстве, в ее плоти и ее ауре. Его жизненный ритм после заключения брака изменился. Несколько часов сна давали возможность восстановить физический и душевный запас сил. В полночь, после близости с Анной, он поднимался на башню, где его ждал бронзовый стул.

Постоянное созерцание мира обретало все более ясные контуры. То, что прежде виделось в хаотическом беспорядке, теперь обретало стройность. Он позволял себе резкие броски в прошлое и внезапные прыжки в будущее. Бесчисленные нити познания скреплялись между собой в подобие сети. Нострадамус лучше начал понимать, сколь огромную перспективу духа и воли открыл перед людьми еврей Иешуа. Он и Его ученики насаждали не стальные кандалы Церкви, но смиренное углубление в космическую даль, а следовательно, и в собственную историю...

Летом 1550 года, в одну из ночей, сверкавшую звездами, он зачал дух и плоть: вошел в лоно жены и наполнил его, как Млечный путь наполняет чрево Вселенной. Позднее под открытым и ясным пологом мироколицы Мишель поведал жене свой план.

– Многое из того, что я увидел, уже изложено в моих рукописях. Теперь подошел срок, когда многое необходимо обнародовать. Я буду издавать свои сочинения каждый год, чтобы раскрыть людям глаза на их собственные дела и предостеречь их. Но надо с этими сочинениями обращаться весьма осторожно. Если люди начнут понимать, каким даром я владею, или, по меньшей мере,

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org будут догадываться об этом, я смогу сделать следующий шаг. Перед людьми раскроются великие линии становления, то есть нити, которые прядутся не слепой судьбой, но самими земными существами.

Это сообщение Анна приняла без всякого удивления.

– Ты издашь свои труды, – произнесла она и добавила: – Как новая жизнь в моем лоне, расцветет и другая жизнь. Я знаю это, Мишель! Знаю совершенно точно...

Со сверкающими глазами, сдерживая рыдания, Нострадамус заключил жену в объятия. Ни в каких странствиях по десятизвучию он больше в эту ночь не нуждался. Влажный жар Анны значил для него в эти сладкие часы больше, чем все остальное.

* * *

На следующий день Тесье говорил Нострадамусу:

– Лучше всего тебе обратиться к Пьеру Ру в Авиньоне. Как печатник и издатель он уже приобрел большую славу, хотя и занимается этим недавно. Кроме того, – тут Женетт подмигнул ясновидцу, – ему известно значение Розы и Креста. Хочешь, я поеду к нему с тобой? Тем более, что несколько месяцев назад я имел удовольствие познакомиться с ним.

Мишель подчас испытывал потребность в том, чтобы его направляли и вели, и потому он с благодарностью согласился.

В последнюю неделю июня оба друга прибыли в папский город. Мишель вспомнил о живописце Анатоле и его жене Маргарите и еще о малышке Бернадетте. С тех пор прошло более тридцати лет, но, разглядывая знакомые улочки, фасады зданий и каменные силуэты, он испытывал такое чувство, будто все это произошло вчера. Тесье указал на внушительный дом и сказал:

– Вот здесь, друг мой!

За вином издатель и ясновидец из Салона быстро сблизились. Выяснилось, что печатник был знаком с Рабле. В годы, когда Пьер Ру был сначала странствующим подмастерьем, а потом мастером, неистовый розенкрейцер останавливался в Париже.

– Несколько раз франсуа рассказывал про вас, что уже было бы достаточной рекомендацией! Однако для меня более ценно другое, на что вы уже намекнули. Вступать в бой с человеческим безумием – такое мне всегда по душе! – Печатник придвинулся поближе и продолжал: – То, что вы попытались обвести меня вокруг пальца, говорит лишь о вашей смысленности, доктор Нострадамус! В этом вы как две капли воды похожи на Рабле. Тот критикует поповство и разоблачает тупоголовое общество, взрывая в своих сатирах алчность и тугу набитое брюхо тех и других, расшатывая основы алтаря и короны. Если и в самом деле настанет такой день, когда все полетит к черту, то одного «спасибо» для Рабле будет мало! Похоже, вы тоже хотите начать с этого, Мишель. Хорошо представляю себе, как вы в конце концов, достигнув успеха, добьетесь и более глубоких результатов! Ваши собственные высказывания и предостережения мы увяжем с простецкими и заурядными истинами. Что плохого в том, если рядом с серьезными пророчествами будут напечатаны медицинские советы или кулинарные рецепты? Абсолютно ничего. Наоборот! В конце концов, чем больше людей прочтет ваши календари, тем больший успех ожидает вас!

– По крайней мере, я закладываю камень истинного здания, – сказал ясновидец. – Но прежде мое имя должно сделаться известным по всей Франции. И об этом позаботитесь вы, Пьер Ру! Это будет задача, которую вы должны выполнить не только как издатель, но как розенкрейцер...

– Фактически мы идем по лезвию ножа, а это дело я знаю, – самым серьезным тоном заверил его Пьер.

В следующие дни был составлен первый номер альманаха: разнородная смесь из народных примет, медицинских советов, практических рецептов и нескольких общих предсказаний на 1551 год. Мишель предупреждал о новом взрыве чумной заразы и ее опасности, и в то же время страницы с алхимическими трактатами были пересыпаны весьма благоразумными сообщениями о мерах дисциплинарного

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
взыскания.

– Имеющий глаза непременно извлечет пользу из этого альманаха, – сказал Пьер Ру, отделяя от клише первые корректурные оттиски.

Нострадамус согласно кивнул. Они договорились, куда и как должны быть доставлены первые партии отпечатанного тиража. В начале следующего месяца катар и ясновидец вернулись в родной город.

На юге Прованса снова ожидали больные. Но душевные силы, созревшие в Мишеле, нужны были для следующих полетов во времени.

Весной 1551 года он принял у жены роды. Нострадамус бережно взял на руки крошечное тельце девочки. Когда он увидел свои влажные от крови руки, то вздрогнул, соединив эту реальность с другой, доступной лишь ему. Он почувствовал, что вдруг перенесся в Ажан. Его чуть было не охватил панический ужас, но это продолжалось какую-то долю секунды; потом он увидел глаза Анны и новую жизнь, доверенную ему в возмещение всего, что потерял Мишель раньше. В нем расцвела надежда и верность Адонай. Без всяких колебаний он понял раз и навсегда: это хорошо. Он заботливо обмыл и запеленал новорожденную.

На следующий день, когда Анна спросила, как они назовут девочку, он уже без всякой боли вспомнил об Ажане и Скалигере. Сообщение катара, так глубоко изменившее его жизнь, стало вдруг для него бесконечно близким. Слова катара позволили по-новому взглянуть на затерявшуюся во мгле истории жизнь Учителя человечества еврея Иешуа.

– Он ведь тоже любил жену, и у них родилась девочка, – прошептал Мишель. – Мириам из Магдалы родила ему ребенка. Думаю, мы назовем нашу девочку не только в честь моей матери!

Улыбнувшись, жена согласилась с ним. Сердце женщины и опыт мгновенно подсказали, какой подарок он ей сделал.

* * *

Мадлен подросла и уже через год стала делать первые, еще очень неуверенные шаги.

Альманахи Нострадамуса стали пользоваться большим спросом. В минимальный срок Пьер Ру выполнил свое обещание и начал поставлять тиражи книготорговцев во все уголки Франции. От Прованса до Нормандии и от Арденн до графства Ланде люди расхватывали все календари, до последнего экземпляра. И в 1551–1552 годах имя Нострадамуса стало известно всему королевству. Пророчества врача казались читателям не менее важными, чем сообщения, проникавшие к ним из так называемого высшего света. Если над отсрочкой Тридентского собора, который все время переносился, издевались многие католики, то над афоризмами Нострадамуса те же самые католики всерьез ломали головы.

Ясновидец из Салона совершенно точно – как вскоре обнаружилось – предсказал нападение Карла на Метц, равно как и то, что осада города будет стоять многих тысяч человеческих жизней. Даже те, кто еще сомневался в предсказаниях врача, начали теперь задумываться над загадочным явлением. Тиражи календаря резко подскочили, когда в результате ужасной бойни немецкий император и его союзные ландскнехты были разбиты, а сам Габсбург оказался вынужден бежать в Инсбрук.

Щедро награжденный даром, врач в провидческих публикациях за 1553 год искусно чередовал свои афоризмы предостережениями, обращая внимание читателей на стремление князей к господству. С самого начала целью Нострадамуса было заставить людей мыслить, и постепенно люди начали размышлять над происходящим. Горожанин и крестьянин поняли, что сильные мира сего и мания величия – понятия взаимозаменяемые. Нострадамус сеял зерна совершенно нового учения и, конечно, предвидел робкие всходы в преддверии великой революции французского народа. Его не смущало, что формально еще ничего не прояснилось, – предсказывая, он давал перспективу в масштабах столетий.

– Жало останется в теле Молоха! – говорил он в начале 1553 года, прибыв в

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Авиньон к Пьеру Ру. – Мы немало достигли с первыми номерами! Но у нас достаточно сил, чтобы сделать еще много больше. Ты сказал, что книготорговцы ничего не требуют, кроме номеров, где напечатаны мои пророчества. Это желание надо удовлетворять. Закончишь ли ты первый выпуск книг до следующего года?

– И не только первый выпуск, – ответил розенкрейцер. – С расширением производства мы добьемся наконец того, что круг читателей будет более широким. Мне нужно подыскать компаньонов в других городах, если, конечно, ты согласен.

– Разумеется, поскольку, как и мы, они руководствуются высокими целями, – ответил Мишель. – Сообщи им как можно быстрее. А я тем временем соберу новые пророчества.

– Добро, – сказал издатель. – Мои лучшие пожелания Анне. И пусть она вновь благополучно разрешится от бремени.

– Это должно произойти ранней весной, – с блеском в глазах ответил врач.

* * *

В сентябре 1553 года у Нострадамуса родился сын. В память о Скалигере он назвал его Цезарем. Женетт Тесье взял на себя роль опекуна.

Еще перед родами Анны Мишель закончил подготовку к изданию своих пророчеств. Когда раздался первый крик Цезаря, книга находилась уже в наборе в типографиях Авиньона, Лиона, Парижа и других городов. До весны 1554 года стало возможным поставить на книжный рынок первое сводное издание пророчеств ясновидца из Прованса. Книга получила название «Большие предсказания». В течение нескольких месяцев совокупный тираж книги достиг такой цифры, о которой иные авторы и мечтать не смели.

Крестьяне, горожане, многие из числа дворян были заинтригованы пророчествами Нострадамуса. Речь шла о будущей Тридцатилетней войне, о предстоящей резне в Париже, об угрозе со стороны турок... Пророчества быстро раскупались в городах и весях. Врач из Салона изящно излагал предостережения, обращенные к людям. Он мастерски использовал погоню за сенсациями для высших и благородных целей. Теперь его читатели в непроясненных строках фактически глядели в лицо будущему. Они спрашивали, правдиво ли в самом деле предчувствие грядущего, и вправду ли события по-настоящему необратимы, и не могут ли отдельные личности мужественно противостоять дерзкому и насмешливому водовороту рока?

За 1555 год Мишель подготовил новое, расширенное издание своих пророчеств. Однажды в его рабочий кабинет ворвался с очень серьезным видом Тесье. Он сказал Мишелю:

– Я только что узнал от верных людей, что Инквизиция снова подбирается к тебе! Успех твоих книг для доминиканцев – как бельмо в глазу. Они считают тебя учеником Сатаны, поскольку уверены, что никто не может поднять завесы над будущим. К этому добавь еще и твое еврейское происхождение.

– Их тупость мне знакома, – сказал Нострадамус. – Но что конкретно они могут сделать?

– В данный момент немного, – ответил Тесье. – У тебя большие заслуги в борьбе с чумой, к тому же ты известен во всей Франции. Но ты знаешь их подлые методы! Они шпионят за тобой, собирают массу нелепостей, которые могут представить как обвинение против тебя. Любое необдуманное слово, обращенное к пациенту, любую фразу из твоих произведений они способны повернуть против тебя. Они начнут ворошить твое прошлое и не мытьем, так катаньем дознаются, что случилось в Ажане, когда чернь чуть было не размозжила тебе череп. Если только Инквизиция разыщет хоть одного живого свидетеля, тебе конец! Тебя ждут тюрьма, пытки и костер! Но доминиканцы убьют тогда не только тебя. В опасности находятся Анна, дети и твои друзья! Если ты попадешь в сети, в них вскоре запутаются и другие жертвы. Их будут жечь раскаленными клещами, и каждый будет кричать то, что хотят услышать кровожадные попы! Даже такие люди, как ты, Мишель.

– Ну мы еще посмотрим! – воскликнул ясновидец.

Он подбежал к двери, закрыл засов, снова вернулся и с дрожью в голосе спросил:

– Как избежать опасности, Женетт? Ты знаешь выход? Не требуй от меня, чтобы я изъял книги из обращения. Это было бы...

– ...предательством в отношении твоего призвания, конечно! – продолжил за него катар. – Но, Мишель, разве у тебя тоже нет обязанностей перед женой, детьми и друзьями? Советую тебе замолкнуть на некоторое время, может быть, даже исчезнуть вместе со всей семьей. И по крайней мере в ближайшие годы не отдавать ни одного нового произведения в печать! – Тесье указал на рукописи, над которыми работал Нострадамус. – Ты мне сказал, что хочешь опубликовать больше трехсот пророчеств. Инквизиция вцепится тебе в глотку! Клянусь тебе, Мишель, ты не должен делать этого!

Нострадамус, как мог, сдерживал себя; его начало трясти. Он был почти во власти эпилептического припадка. И внезапно настоящее отступило и он устремился в прошлое, на двенадцать лет назад.

Ему казалось, что он снова в Ажане, и он различал рожи бичующихся, ощущал, как низринул в темную каменную бездну. В следующий момент он очутился на зимней лесной поляне. Рядом с костром сидел Скалигер. И вот тогда прозвучал голос его спасителя. Он совершенно отчетливо слышал, как Юлий сказал: «Это твой долг, Мишель! Но исполни его лучше, чем ты это сделал в Ажане! Постарайся найти путь, чтобы на столетия вперед обвести врагов вокруг пальца!»

Видение рассеялось, но слова все еще продолжали звучать. Они пронзали Нострадамуса и гнали дальше, приводя его к разрешению задачи, находившейся в споре с гуманной пророческой мыслью.

– Хитрость! – воскликнул он. – Хитрость, действующая на столетия вперед! Я буду мямлить и все-таки продолжу говорить – эти кретины ничего не поймут. Свои пророчества я дарю людям. Но Инквизиции не позволю вцепиться в меня! Я подниму завесу над будущим, но я же ее и опущу! Молох ничего не поймет, но поймут, пожалуй, те, у кого на плечах голова. Я лишь поставлю небольшой спектакль...

Нострадамус подошел к кафедре, взял чистый лист бумаги и записал пророчества, еще не появившиеся в печати. Казалось, он произвольно наносит черточки, разделяя слова и предложения. Затаив дыхание, Тесье внимательно следил, начиная кое-что соображать. Мишель соединил фрагменты текста на бумаге, и получилось законченное четверостишие. Он таким образом получил две рифмованные пары. Благодаря нехитрому приему содержание пророческого катрена умышленно затемнялось.

– Тайна заключается в соразмерности, – объяснил Нострадамус. – При поверхностном взгляде катрен делается не вполне понятным. Но если вдуматься, то смысл и значение можно будет постигнуть не столько рассудком, как интуицией. Инквизиция ничего не сможет доказать. А если я возьму не одно четверостишие, но сотню и переверну все вверх дном, то хаос стократно увеличивается. Я должен только следить, чтобы смысл и бессмыслица находились в определенных пропорциях. Метафорические и алхимические оговорки в стихах могут способствовать всему остальному.

Женетт воскликнул:

– Замечательно! Затемненный смысл стихов не даст попам никаких юридических улик. Но, может быть, ты намекнешь для тех, кто ищет истину, на ключ к разгадке? Чтобы хоть как-то навести на след.

Мишель задумался.

– Предисловие, – пробормотал он наконец. – Вступление, обращенное к сыну Цезарю! Еще не умеющему ни читать, ни разуместь прочитанное. Инквизиторские сыщики не примут его всерьез, сочтя мое обращение к сыну отцовской прихотью. Но эта кажущаяся бессмыслица впоследствии откроет свой собственный смысл. Когда Цезарь станет взрослым, никто не подумает, что он был ребенком, когда я писал послание. Но за последствия я не буду отвечать, ибо инквизиторы к тому времени в буквальном смысле увидят меня в гробу.

* * *

В марте 1555 года лионский издатель Маса Боном держал в руках первый экземпляр новой книги Нострадамуса. Пьер Ру и другие печатники, с которыми работал Нострадамус, на этот раз пропустили Бонома вперед, чтобы сбить с толку доминиканских ищеек. Маса раскрыл свежееотпечатанную книгу и начал читать:

– «Твое позднее появление на свет, Цезарь де Нотрдам, сын мой, вынудило меня после долгих бессонных ночей взяться за перо, чтобы оставить эти строки тебе на память. После смерти твоего родителя они послужат для пользы рода человеческого.

Эти пророчества были мне открыты благодаря божественному знанию звезд...»[9]

Тут издатель пробежал глазами несколько строчек, и потом в конторе снова стал слышен его голос:

– «...обращение, содержащее скрытое пророчество, будет заключено внутри слов. Мы должны себя защитить, так как человеческие деяния в нашем мире очень сомнительны и все управляется Всемогущим Богом, который наделил нас не колдовской властью и не сверхъестественной силой, а способностью к астрологии.

Лишь те, кто вдохновлены Богом, могут предсказывать события с гениальностью пророка...

На много лет вперед, с многочисленными повторениями, я предсказал то, что произойдет в разных местах...»

Боном снова перескочил несколько строчек и продолжил читать:

– «Я решил молчать, изложив письменно, в скрытой форме, эти события, потому что я бы имел, пока живу, от этого слишком много неприятностей с местными властями, как и мои последователи в будущем. Режимы, религиозные секты и партии будут сменять друг друга столь неожиданно, что, если бы я сегодня открыто рассказал обо всем грядущем Королю и Церкви, это пришлось бы не по вкусу и они заклеили бы все, что должно произойти в последующие столетия.

Вспомним здесь поучение нашего Спасителя: „Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они его не попрали ногами своими и, обернувшись, не растерзали вас“ (Мф. 7:6).

Поразмыслив над этой фразой, я предпочел перенести все это на бумагу и не обращаться устно к своим современникам.

Затем я хотел рассказать людям о приходе коммунизма словами и фразами с завуалированным смыслом, раз уж это необходимо, так как это чрезвычайно серьезно, учитывая эпоху, в которую мы живем, но так, чтобы не оскорбить ничей нежный слух.

Ты утаил сие от мудрых и разумных, то есть от могущественных и королей; Ты открыл это простым и слабым.

Ясновидящие получили от бессмертного Бога и добрых ангелов дар, с помощью которого они видят и предсказывают события далекого будущего. Ибо ничто не происходит без Его участия...»

Издатель глубоко задумался. Ему показалось, что он увидел перед собой покрытое морщинами лицо автора. Прошло много времени, пока лионец снова не погрузился в такой таинственный, но в то же время понятный текст:

– «Могущество ангелов так велико и так велика красота „увиденного душой“, что чувство благотворного экстаза пронизывает ясновидца, подобно солнечным лучам, согревающим тела живые и неживые.

Что до нас, простых смертных, нам с нашим скромным человеческим разумом не дано ничего знать о тайных предназначениях Бога. Ибо „о дне же том и часе никто не знает“ (Мф. 24:36). Некоторые люди, как и раньше, могут читать тайные предзнаменования, которые Создатель пожелал открыть через видения

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
души и традиционную юдициарную астрологию. При наличии некоторой практики, астрология дает выдающиеся результаты: наступает божественное озарение, позволяющее предвидеть человеческие и Божественные намерения, так как Богу угодно видеть свои творения завершенными».

Боном улыбнулся. Нострадамус великолепно-таки понимал, как подбросить суеверным читателям бесполезные обрывки фраз о добрых и злых ангелах. Для мыслящих читателей Мишель написал:

– «...скрытые пророчества, порожденные духовным озарением, кажутся порой неясными.

Если смотреть ночью на звезды, можно произвольно заговорить и начать писать; все послушно воле Бога, Великого и Вечного, который есть начало всех начал.

Хочу добавить, сын мой, что, хотя я и назвался пророком, я не хочу сейчас присваивать себе это возвышенное имя Того, кого сегодня зовут пророком, раньше звали ясновидцем. Тем не менее, пророк не видит отчетливо то, что является ему как в Божественном, так и в человеческом отношении, ибо увиденные события слишком далеки...»

Масе Боному вспомнился разговор, состоявшийся у него с ясновидцем из Салона несколько месяцев назад; речь тогда шла о том самом фантастическом, что так смутно переливалось и в прочитанных строчках.

– Предположим, – сказал врач, – еще сегодня ты зачал сына, и его род размножился в течение одного или двух столетий. И был бы среди потомков один, кто обрушил бы великие беды на людей: воин, полководец, властолюбец. Я увидел бы его в будущем, смог бы разглядеть его дела, я бы сострадал его жертвам! Однако я бы уничтожил зло уже в его первом безвредном начале – в тебе, Маса. Я мог бы в определенную ночь помешать тебе зачать ребенка от конкретной женщины. И никогда бы не появился этот воин, полководец и властолюбец, согласишься со мной. Несчастье было бы предотвращено, не так ли?

Боном согласно кивнул головой, но Нострадамус тут же набросился на него:

– Нет! Ты лжешь самому себе! Ибо ты не подозреваешь, что из произвольно возникших кровавых троп могли бы возникнуть тысячи других, не менее страшных путей! Будущее, которое обнаруживает себя в преломлении граней, расщепилось бы само на мириады других граней! И кто тогда взвесит, измерит и разгадает их? Кто задумается над тем, способствовал ли я бесконечному благу или бесконечному злу благодаря тому, что помешал твоему соитию?!

– Но это значило бы, что, уходя от судьбы, мы возвращаемся к ней, что мы совсем бессильны перед судьбой? – воскликнул издатель. – Ты в самом деле веришь в это, Мишель? В конце концов, не хватаешься ли ты, как утопающий за соломинку, за бессмыслицу или слепой случай?

– Нет! – ответил Нострадамус. – Я только сказал, что созерцание будущего и малейшее вмешательство в тысячегранные связи – две совершенно различные вещи! Однако есть спасительный выход! Мы должны познавать планетное сплетение в его взаимосвязи, в его собственном толковании! Отдельные темные нити должно сплести в свиток лучезарной любви. Куда тогда перетянет канат, в котором содержатся как одни, так и другие нити? Не сможет ли тогда произойти так, что будущее, существующее как возможность, не осуществится? Ведь всяко бывает...

Маса не смог ответить Нострадамусу. Мысли его путались, перебивали друг друга, и тем не менее он ощущал какое-то смутное утешение... Теперь, держа в руках книгу, он обратил внимание на строчки из завещания ясновидца, обращенные к сыну и человечеству:

«...Нам не дано проникнуть в тайны Господа, а способность человека видеть будущее очень ограничена.

Причины событий остаются неизвестными как в предзнаменованиях, полученных людьми, так и добытых при помощи магии.

Небо вечно, оно охватывает время. Но при том, что вечность непостижима обыкновенными способами, причины познаваемы по движению звезд.

Сын мой, постарайся хорошо понять то, что я хочу сказать сейчас, – что познание причин невозможно для твоего слабого разума и что события далекого будущего не могут быть доступны пониманию мыслящего существа, хотя даже ученые, сведущие в словесности и логике, поймут здесь не слишком много...

Прекрасно разбираться в событиях невозможно без божественного вдохновения ввиду того, что всякое пророческое вдохновение движимо Создателем, определяющим время, когда вдохновению быть, и природу происходящего.

Вот почему предсказанные события совершаются или не совершаются. Рассудок не видит ничего, и лишь разум, которому доступно состояние медиумического транса, способен видеть и указывать на события будущего... с помощью того крохотного лучика...»

Боному показалось, будто он увидел свет, – но через несколько строчек ему открылось нечто противоположное:

«Магия, отвергаемая Священным Писанием, не должна применяться...»

Но сразу после этого Нострадамус вновь вернулся к своей теме:

«Одна лишь юдициарная астрология разрешена и открывает события после вдохновенного изучения; именно так мы составляли наши пророчества на бумаге.

И хотя эта скрытая мудрость не осуждается Церковью, я никогда не хотел раскрывать невероятное содержание, которое заключается в книгах, попавших мне в руки.

Обеспокоенный участью, которая постигла бы их в будущем, я их сжег. От пламени, поглотившего эти книги, исходил необычный свет, более яркий, чем от естественного огня...»

Масе рассмеялся. Он знал, что в этом месте Мишель снова вел инквизиторских ищек по ложному следу. Надо было метафорически понять яркий свет розенкрейцеровской и катарской истины. Разумеется, Нострадамус никогда не сжигал книг, подаренных Рабле, Скалигером и Тесье. Напротив, он использовал возможности истинного понимания и интуитивного значения в десятизвучии и выразил так эту мысль в предисловии к своему сочинению:

«Я не хотел бы, чтобы меня принимали за гения, я всего лишь простой смертный, который знаком с небом, но сам совершенно земной человек. Мне невозможно ни запутаться, ни ошибиться, ни пасть жертвою обмана... Вполне возможно, что эти пророчества некоторых сойдут с толку, так как они разбросаны по времени. Под внешней маскировкой все здесь присутствует, все сказано: представлены все важнейшие события на земле, и ты, сын мой, пока жив, увидишь в своей стране и по своей natalной карте грядущие события...»

Лионец догадывался, что прочел что-то неслыханное, и тут же впился глазами в следующие строчки:

«...хотя одному только Вечному Богу известны их происхождение и причины, так как Сам Он есть Первопричина.

И я открыто говорю всем, кто верит в него, Несравненного и Невыразимого, что Он пожелал через внушение явно, но с некоторой печалью раскрыть смысл событий, скрытых от нас по Его Божественной воле, и должен показать способы их видения, которых всего два, и понятны они лишь ясновидящим и астрологам... Эти способы очень действенны и придают мудрым уверенность в суждении, особенно первый способ».

Издатель понял, что добрался до самой сути. Что он добрался до истины, которую Нострадамус хотел преподнести своим читателям. Речь снова шла о маскировке и погоне за сенсацией. Ясновидец ловил на удочку того, кто прекрасно знал, о чем тут идет речь. О революциях, о гибели природы и необычных явлениях на небе поведал им Нострадамус. И после всего кристально-ясная фраза:

«Когда-нибудь невежество сгинет!»

Масе Боном понимал, что это была бесспорная истина. И также истиной заканчивалось в своей человеческой сущности предисловие:

«В заключение, сын мой, хочу сказать: прими этот подарок, который тебе делает твой отец Мишель де Нотрдам в надежде на то, что ты поймешь каждое пророчество, и я молю Бессмертного Бога о счастливой и долгой жизни для тебя...»

– И для человечества! – пробормотал издатель.

Затем он бережно закрыл книгу. Из типографии доносился стук и шум машин, в соседнем помещении уже лежала новая партия книг, пока еще не поступивших в продажу.

* * *

В середине марта, прежде чем наступил зной, сделалось ясно, что успех собрания 353 пророчеств ясновидца из Салона затмил славу всех писателей.

«Даже в Лувре, – сообщал Жак Керве из Парижа, – твои катрены в последнее время у всех на устах!» Далее издатель сообщал, что в его и других типографиях, объединившихся с Боном, начали тайно печатать пророчества. Опасаться было больше нечего, Инквизиция оказалась совершенно бессильной перед славой Нострадамуса.

Мишель, сидя у себя в кабинете, читал объемистое и восторженное послание Керве. Поначалу радовался, но внезапно ему показалось, что сердце пронзила острая боль. Это длилось лишь мгновение, его тут же позвала Анна, и он спустился к пациентам. Рядом с женой, занявшись делом, он забыл об этой секундной боли.

Однако на следующий день Мишелю показалось, что десятизвучие издает какие-то дребезжащие тона. Он попытался понять столь необычное помутнение небосвода, но ответа не нашел. Взгляд его не мог обнаружить орбиты планет. Он смутно чувствовал, что неудача, возможно, была связана с болями в сердце. Острый укольчивый удар повторился. Мишель внезапно почувствовал смертельную усталость: вспомнил о том, что старость не за горами, что день был трудный и пора отдыхать. С трудом держась на ногах, он спустился вниз.

Змеиные языки

На городскую площадь Салона зеваки стекались небольшими группками. Несколько господ из магистрата попытались в последний момент без всякого уведомления создать комитет для встречи высокопоставленной особы.

Граф Клод де Танд, в роскошной должности королевского наместника, милостиво принимал хлеб-соль. Но когда бургомистр, заикаясь, начал произносить импровизированное приветствие, дворянин грубо прервал его:

– Оставьте лестные слова при себе! Скажите без обиняков, где находится лекарь и знаменитый доктор Нострадамус!

– Он живет в квартале ферейру. Если вашей милости угодно, я мигом его доставлю сюда!

– Ни в коем случае! Но вы можете показать дорогу мне и моей свите, – ответил граф.

Он взмахнул хлыстом, и бургомистр, неожиданно принявший удар, поспешил исполнить приказание.

Нострадамус оказывал первую помощь женщине, болевшей водянкой, когда услышал шум возле дома.

– Принимай отвар из аниса, крапивы и фенхеля по три раза в день! – посоветовал Мишель, провожая тяжело дышавшую пациентку к выходу. Он распахнул дверь в тот самый момент, когда Клод де Танд только что соскочил с лошади. Члены магистрата теснились рядом с графом, о чем-то перешептываясь. Позади расположились телохранители на конях. Чернь горланила. Наместник Прованса подошел к воротам дома Нострадамуса,

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
пристально оглядел хозяина и сказал:

– Стало быть, вы и будете тем человеком, о котором говорит вся Франция!

Больную водяной матрону как ветром сдуло. Появилась Анна. Она взяла супруга за руку, и Нострадамус успокоился.

– Да, я Нострадамус, как вы изволили предположить, – ровным голосом произнес Мишель.

Граф де Танд качнул головой и весьма учтиво осведомился:

– Вы позволите мне войти в дом? Я привез вам от их королевских величеств приглашение в Париж, доктор!

Надежно закрыв парадную дверь, Мишель и Анна проводили высокопоставленного гостя в кабинет.

Наместник Прованса расположился рядом с кафедрой, где лежало последнее произведение Нострадамуса. Оглядевшись, граф перешел сразу к делу.

– Король Генрих Второй и Екатерина Медичи желают, чтобы вы прибыли в столицу! Вы должны прибыть на аудиенцию в Лувр – и чем быстрее, тем лучше! Стоит ли подчеркивать, какая честь выпала вам!

«Честь? – подумал Нострадамус. – Разве только в глазах высшей знати». В душе он содрогнулся.

В своих видениях Мишель чаще всего связывал королевский трон с Молохом. К тому же дом Медичи покоился на обожествлении римского кумира. «Ничего общего между мной и ними, – продолжал он размышлять. – Было бы разумней позаботиться о моей пациентке, чем выслушивать графа».

– Ну, когда сможете выехать?! – прервал отрешенность Мишеля вопрос графа.

«Я не хочу уезжать из Салона!» – молнией мелькнул ответ. Мишель почувствовал, как сердце его сжало точно так же, как и ночью. Через секунду ему снова стало легче. В панике он подумал: «Но я даже не могу оказать сопротивления! Я беззащитен, а у них власть. Если я откажусь, они напакостят не только мне, но и моей семье и моим друзьям! Они вынудят меня подчиниться слову короля».

– Когда бы я смог выехать? Пожалуй, дня через три-четыре, – ответил он графу. – Мне необходимо проконсультировать своих коллег в отношении больных, которых я не могу оставить без присмотра.

Казалось, с языка наместника вот-вот слетит брань. Но Клод де Танд все-таки овладел собой и произнес:

– Итак, в конце недели. Я позабочусь о том, чтобы вам был предоставлен удобный экипаж для поездки.

* * *

14 июля 1555 года Мишель де Нотрдам выехал в столицу.

Несмотря на решение извлечь пользу из аудиенции, прощание с Анной, детьми и друзьями оказалось весьма тяжелым. Экипаж взял направление на Лион.

Разбитый десятидневной поездкой, Нострадамус смог наконец постучать в дверь Маса Бонома. В их распоряжении было всего только два часа для обсуждения самых важных вопросов.

– В Лувре все время будь начеку! – говорил катар своему другу. – Трижды обдумай каждое слово, прежде чем сказать его королю!

Боном считал, что Мишель должен попытаться использовать все возможности, предоставленные ему судьбой.

– Мы смогли бы продолжить издание твоих сочинений, – заверил Маса. – Дело не в одной только прибыли, которая для нас не так уж и важна. При

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
благосклонности короля мы смогли бы многое осуществить.

15 августа экипаж Нострадамуса прогромычал по Южному мосту через Сену, без задержки одолел лабиринт на Иль-де-ла-Сите, прокладывая себе дорогу сквозь людскую толчею. Нострадамусу припомнилась его короткая остановка в столице летом 1544 года. Однако на этот раз он не сумел увидеть Латинского квартала. Экипаж продолжал ехать правым берегом Сены. Затем вдруг выросли каменные стены Лувра, крепости, где окопались французские короли, начиная с Карла V.

Ясновидец остановился в гостинице неподалеку от замка. Прошли ровно месяц и один день с тех пор, как он покинул Прованс.

По этикету, перед высочайшей аудиенцией врачу необходимо было вырядиться как чучелу, чтобы предстать перед его величеством. Мишелю пришлось принять это как неизбежное зло, памятуя о своей настоящей цели приезда, равно как о пожелании Бонома. Спустя неделю гофмаршал Монморанси находил, что врач Нострадамус способен, оказывается, семенить, расшаркиваться и более или менее изысканно выражаться. Окончательный срок аудиенции был определен, и в последний день сентября Нострадамус вступил в Лувр.

Генрих II и Екатерина Медичи были ровесниками. Им исполнилось тридцать пять лет, когда 51-летний, седой Нострадамус предстал перед ними. Лицо монарха ничего не выражало, тогда как в чертах королевы проглядывали жадность, сладострастие и коварство. Мишель ничего не чувствовал, кроме отвращения. То же чувство появилось и при виде многочисленных царедворцев – пэров, графов, баронов, аббатов и прелатов, которые были разодеты в нелепые наряды. Казалось, что все они были сотворены из пудры, париков и драгоценностей. В центре этого тупого великолепия пыжился епископ парижский. Нострадамус сразу разглядел в нем ловеласа, тщетно пытавшегося изображать из себя святого. Мгновенно скрестились взгляды ясновидца и епископа, словно в невидимой схватке, после чего король обратился к Нострадамусу:

– Мы повелели тебе предстать перед нами, ибо ты пользуешься известностью и славой в нашем государстве, – произнес монарх низким голосом. – Но весь вопрос в том, какую именно пользу ты можешь принести своему королю?

«Пользу?! – подумал Мишель и вздрогнул. – А почему бы честно не сказать о желании пополнения казны?»

Но он все-таки попытался сделать начало аудиенции первым своим шагом к успеху. Не обращая внимания на жуткий морщинистый лоб гофмаршала Монморанси и перешептывание придворных льстецов, он – свободный духом и волей – шагнул вперед и внятно произнес:

– Все мои поступки определяет нечто более возвышенное, чем простое человеческое тщеславие, чем суетность мирских дел! Когда я переживаю свои видения, я приобщаюсь к вечности. Сам я человек мало заметный, грешный, но десятизвучие, этот космический пульс, пользуется мною, как скрипач – струной! Все мы только инструменты и служим высшей цели...

– Уже хорошо! – прервала Мишеля королева. – Это все созвучно теологии. Ты как-нибудь побеседуешь об этом с епископом парижским.

Толстые губы королевы расплылись в улыбке, предназначенной его высокопреосвященству. Разнаряженный святой отец тоже осклабился в ответ, но Нострадамус заметил, что губы остались узкими, как лезвие ножа.

– Но наши королевские величества ждут от тебя более вразумительных слов! – произнесла Екатерина Медичи. – Пусть Мы не определяем небесную, но все-таки властно определять земную судьбу Франции! Посему ответь нам, каково будущее престола, основанного на Божественной благодати!

Лицо Мишеля окаменело. Хищница королева ничего не поняла. Ей казалось очевидным, что лицо ясновидца отражало только лишь таинственную концентрацию мысли. Меж тем Нострадамус и не думал погружаться в космический водоворот. Он давным-давно узрел судьбу французского королевского дома, разрушаемого по вине самих же королей. Совсем другое озадачило его: явная глупость королевы и ее супруга, их примитивная самоуверенность, наглость, жажда власти. Они хотели для себя что-нибудь

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
выжать из вечности и движения звезд. Он понял, что поездка его бессмысленна. Нужно было бы все-таки прислушаться к своему внутреннему голосу. Сильные мира сего были неисправимы – так было и так будет после. Гнев душил Мишеля. И тогда он бросил королю и его супруге-итальянке то, что они хотели бы услышать:

– Французский королевский трон выдержит еще столетие!

фраза прозвучала весьма двусмысленно. Нострадамус взглянул на венценосных супругов и ничего не увидел, кроме блеска золота, которым были покрыты стены приемной залы.

* * *

Когда на следующий день он стоял перед скромной могилой, в памяти всплыл другой город.

Здесь Рабле обрел вечный покой. Могила заросла плющом и викой. Франсуа умер два года назад. Через месяц после его смерти Мишель переехал в Салон. Теперь с осторожностью прикоснулся он к плетям, разросшимся на могиле. Погрузив руку, он нащупал камень. Ему сейчас казалось, что надгробье под кончиками его пальцев становится упругим. Хриплый шепот вырвался из горла – Мишель хотел поблагодарить своего покойного друга. В то время как свист ветра смешивался с шелестом плюща и вики, внезапно возник какой-то иной звук. Это было безмолвное предостережение...

Сердце Мишеля сжалось. Но прежде чем он успел понять и осознать это, слуха достиг земной голос:

– Слава Богу! Наконец-то я нашел вас!

Нострадамус обернулся и увидел перед собой святого отца в роскошной сутане, обрамленной мехом.

– Епископ парижский поручил мне доставить вас к нему. Его высокопреосвященство проявляет исключительный интерес к вам! Тем более что ее величество изъявила сегодня волю, сказав, чтобы вы провели по мере возможности теологический диспут с его высокопреосвященством. Короче говоря, доктор Нострадамус, я хочу сопроводить вас в резиденцию епископа. Итак, не соблаговолите ли последовать за мной? Экипаж ждет у кладбищенских ворот...

– Собственно, мне лучше... – прервал его Мишель, беспомощно указывая на могилу. – Он был моим лучшим другом...

Святой отец покосился на могилу, с трудом разбирая стершуюся надпись:

– Франсуа Рабле... А-а-а, – вздохнул он. – Был талантливый человек. Правда, порою несколько перехлестывал через край. Он теперь там, где будем и все мы. Упокой, Господи, душу раба твоего! Что касается вас, доктор Нострадамус, – аббат кашлянул, – вы сможете чуть позднее снова прийти сюда. Мы не можем себе позволить так долго заставлять ждать его высокопреосвященство!

* * *

– Прежде всего, – сказал епископ парижский, – невозможно мириться с тем, чтобы вы и дальше ютились в убогой гостинице, друг мой. – Он посмотрел в сводчатое окно, через которое была видна башня Лувра, и его тонкие лисьи губы расплзлись в улыбке. – Один Господь ведает, как тяжела ноша государственного управления для их величеств. К сожалению, они по этой причине позабыли предоставить вам помещение при дворе. Вы, доктор Нострадамус, как мой гость, поселитесь, разумеется, в моем дворце?

– В этом нет никакой необходимости! – ответил Мишель. – Гостиный двор вполне удобен.

А про себя подумал: «Отдать себя со всеми потрохами?! Да никогда! Ни за какие коврижки!»

– Заочно предполагая ваше согласие, я уже отдал распоряжение перевезти ваши

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
вещи ко мне, – продолжал он, словно бы не расслышав возражения. – Думаю, ваши вещи уже перевезены. Чувствуйте себя как дома. После того как я исполню обязанности духовника их величеств, мы опять увидимся с вами на банкете в моем скромном приюте.

Мишель вынужден был подчиниться. Его неловкость возросла, когда его повели через анфиладу великолепно обставленных комнат. Он никогда не испытывал симпатий к роскоши, а тут вдруг очутился в окружении невиданного богатства. За блестящим фасадом он чувствовал злобу чешуйчатого Змея.

В течение многих часов, пока не наступила ночь, Нострадамус ходил по комнате. Им все больше овладевал страх. Фатальное предчувствие, что дело вовсе не в гостеприимстве, оказанном ему епископом, но в том, что за всем этим стояла Инквизиция, не давало покоя. Когда страх угрожал перейти в панику, когда в слепой ярости Мишель начал думать о бегстве, свет в покоях заколебался. Факелы заискрились, в их мерцающем свете из полумрака появился тот самый аббат, который отыскивал Мишеля на кладбище.

– Идите! – сказал священник, видимо, так и не заметив смята Нострадамуса. – Его высокопреосвященство и гости ждут вас!

Мишель последовал за священником. Они продвигались длинными коридорами, шагали по лестницам вверх и вниз. Наконец вошли в банкетную залу, где яркий свет ударил Мишеля в глаза. Покуда он привыкал к свету, прошло немного времени.

Затем он увидел, что церковный глава держит в руках книгу.

Мишель так близко подошел, что смог различить буквы на открытой странице. Это была его книга предсказаний, его строчки, в которых предсказывалось падение папства. От страха у Нострадамуса мороз побежал по коже. Но святой отец захлопнул книгу и руками, похожими на тиски гарроты, отодвинул ее в сторону. И в следующую секунду Мишель услышал благосклонную просьбу:

– Так садитесь, друг мой, прошу вас. Ешьте и пейте на здоровье! Вы совершенно правильно делаете, что отказываетесь от мяса. Мне и моим гостям хотелось, чтобы вы прочитали несколько стихов из вашей книги. Я в восторге от нее! Особенно хочу отметить ваше предисловие, посвященное сыну. Это совершенно поразительное философское произведение!

«Философское произведение! – подумал Нострадамус. – Стало быть, он ничего больше в нем не увидел?! Слава Тебе, Господи!»

– Как скажете, ваше высокопреосвященство, – пробормотал он. – Мне доставит удовольствие прочесть пару стихов. Но боюсь, чтец я плохой.

– Только сначала вам следует перекусить.

Мишель поблагодарил и приступил к еде с такой жадностью, как будто голодал целый день. Перепелиные языки были по-восточному остро приправлены. Затем были поданы устрицы. Скованность как рукой сняло. Мишель убедился, что устрицы изысканно гармонировали с вином.

Застолье длилось до полуночи. Разогретый вином, Мишель с удивлением спрашивал себя, чего он, в сущности, боялся? Когда он, насытившись, в ответ на повторную просьбу прочел несколько катренов, хозяин рукоплескал ему громче всех остальных. Нострадамус осушил еще один бокал, и затем слуга проводил Мишеля в его комнату. Едва его голова коснулась подушки, как Нострадамус погрузился в глубокий сон.

* * *

Утром начались невероятные боли. Казалось, что ему всадили нож в желудок, кишки и сердце, что тело пронзило змеиное жало. В углу комнаты он нашел горшок, помочился. Потом его вырвало, начался понос...

Приступы лихорадки перемежались холодным потом. Судороги исчезли так же внезапно, как и появились. Только острее стала боль в сердце. Мишель исследовал содержимое горшка.

Догадка мгновенно обожгла сознание: епископ отравил его! «Приглашение,

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
банкет, – рассуждал Нострадамус, – все это было заранее подготовленная игра! Трюк с книгой пророчеств – чтобы испугать меня. Остальные гости – тоже все святые отцы! Инквизиция, точившая на меня зуб, ничего иного не смогла предпринять! Яд, которым потчевали меня, был великолепным средством! Можно было бы сказать, что я заболел, если мне...»

Он вдруг вспомнил о своей дорожной сумке. Как всякий врач, Нострадамус постоянно брал с собой агенцин, годный также и в качестве рвотного. Еле дотавившись до кровати, прижимая руку к подложечной впадине, он рванул замок на сумке. «Если мне удастся полностью очистить желудок, тогда еще, быть может, есть шанс выжить!» Но он увидел, что коробка с медикаментами исчезла.

И снова адские боли в сердце, дрожь от коварного яда, все глубже проникавшего вместе с кровью в организм. Мишель уже готов был покончить с собой, во вдруг сквозь слезы, застилавшие ему глаза, увидел перья: какой-то гость епископа забыл шляпу возле окна.

Шатаясь, Мишель вырвал из шляпы перо и ввел его мягким концом себе в горло.

Несмотря на то что сердце разрывалось от боли, Нострадамус освобождал желудок, пока не начал отхаркивать одну лишь горькую слизь. За окном мало-помалу рассветало. Наступила полная слабость, страшное истощение сил. Он понимал, что это наступила вторая фаза отравления. Врач осознал это, чувствуя, как слабеет пульс. Очертания комнаты принялись расплываться. Наступала тьма, и он все глубже погружался в ее круговорот.

Подчиняясь инстинкту жизни, Нострадамус вытащил кинжал и резко всадил его себе в предплечье. Боль снова вернула его к реальности, и поэтому удалось сохранить способность действовать. «Прочь отсюда! – подумал он. – Это единственный выход».

Нострадамусу повезло, что после ночной попойки он рухнул на постель, не раздеваясь. Не надо было тратить силы. Он накинул только легкий дорожный плащ, прихватил здоровой рукой рану. Боль привела его в чувство, и он помчался по лестницам. У дворцовых ворот он наткнулся на стражу и уже подумал было, что разоблачен, уже растерялся, но один из стражников, принявший, видимо, Мишеля за приятеля епископа, ослабил и открыл ворота.

Мишеля шатало из стороны в сторону, вместе с болью. Удержаться на ногах ему теперь помогал свежий воздух. Перед глазами промелькнул фасад церкви, он увидел около портала нищего, рассчитывавшего, вероятно, пощипать прихожан перед заутреней... Нострадамус оторвал руку от кровоточащей раны, дрожащими пальцами вытащил тяжелые монеты из кошелька, сунул в руку христарадника три-четыре золотых и распорядился:

– Экипаж! Позаботься о нем, ладно?

И тут же рухнул на ступеньки. Снова пришлось запустить ногти в кровавый рубец; оставалось надеяться, что нищий не обманет. В полубессознательном состоянии Мишель чувствовал, как его тащат в карету, слышал шаркающие шаги, увидел перед собой испуганное незнакомое лицо. Он сразу догадался: это клошар, а кучер везет его к Жаку Керве.

– Я Нострадамус! – сумел произнести он. – Инквизиция... Епископ... Яд... Рвота... Боль в сердце... Врача!

И тут же потерял сознание. Он не слышал, как издатель, а потом и спешно вызванный врач хлопотали вокруг него.

Мишель лежал в оцепенении. Сначала он оставался в доме Керве, затем его доставили в деревню, куда не могла дотянуться рука епископа. Там, на хуторе, владельцами которого были родственники издателя, агония прекратилась.

Видение звезд

В яростном круговороте рождалась спираль, ось которой вращалась в бесконечности. Возникали рои галактик, и видны были танцующие планеты. Мост от Меркурия до Трансплутона соединял Солнечную систему с другими планетами.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Нострадамус увидел, как рука об руку сквозь десятизвучие проходила обнаженная чета. Время текло беззвучным потоком, и второе тысячелетие перешло в третье. Оно еще отсчитывалось от Рождества Христова, хотя в течение веков христианский гвоздь стал значительно более хрупким. Предстоял межпланетный полет, что оказалось возможно благодаря прекращению войн между народами. Подобно свадебному шлейфу, завис над землей огненный хвост, а затем вновь устремился во Вселенную. Целью полета для мужчин и женщин в космическом корабле был Марс. Когда корабль прибыл туда, под красно-бурыми облаками обнаружилась живая зелень. Едва были познаны параболические законы тяготения, как началась эпоха удивительных открытий.

В мозгу Мишеля всплыла фраза: «Когда люди начали умножаться на Земле и родились у них дочери, тогда сыны Неба увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал».

В В мозгу Нострадамуса раздались скрежещущие звуки. Человеческая история для него становилась все более зримой, слышной и принимала облик взаимного круговорота.

От поколения к поколению человечество проникало в изучение спиралей галактики. Мишель увидел никогда не виданные прежде существа. Он ощущал поистине безграничный расцвет человеческой мысли...

Но далекие картины вдруг поблекли и стерлись.

* * *

Ясновидца била дрожь. Он снова оказался в плену реального бытия, с трудом открыл глаза. Как в тумане перед его глазами всплыли очертания мужчины. Нострадамус еле слышал слова Жака Керве:

– Ты выдержал... Слава Богу... Ты устоял против яда!

– Человечество когда-нибудь растопчет все змеиные языки.. – пробормотал Мишель, после чего почувствовал, как боль окончательно отпустила. Окрепшим голосом он спросил:

– Где я?

Жак сообщил ему название деревни и добавил:

– Почти уже неделя, как тебя доставили сюда. До Парижа час езды. Врач, которого я вызвал, в первый день не отходил от твоей постели ни на минуту. Только позавчера он поверил в то, что поставит тебя на ноги. С тех пор я и моя племянница бессменно дежуриим у постели. Все время держим наготове оседланную лошадь. Если тебе вдруг станет хуже, тут же пошлем за врачом.

– Нет необходимости, – вздохнул Мишель и приподнялся на постели. – Ты, может быть, сможешь отправить нарочного в город, чтобы передать врачу деньги и мою благодарность. Мне самому лучше не рисковать. – Нострадамус взял руку Керве и пожал ее. – Ты спас мне жизнь! Этого я никогда не забуду.

– Так в самом деле будет лучше, – согласился Жак. – Оставайся на хуторе. Что же касается твоей книги, то я надеюсь, что в этом мы были и останемся союзниками!

– Без сомнения! – заверил его Нострадамус, в котором снова пробуждался дух борца. – Епископ хотел отправить меня на тот свет, но его подлое покушение вызвало во мне удивительнейшие видения! В агонии я созерцал вещи поистине фантастические, Жак, и словесно выразить их пока что не могу. Но сделаю это, клянусь тебе! В книге, которая скоро появится, я перемешаю эти новые предсказания с уже известными. Так будет брошено семя, которое в итоге принесет плоды не только на этой земле, Жак!

Издатель на это сказал:

– Это мы обсудим позднее. Я пойду скажу племяннице, чтобы она принесла тебе легкую закуску. Так посоветовал врач.

Нострадамус кивнул головой и опустил на подушку. После он выпил куриный бульон и заснул глубоким сном. Жак Керве долго сидел у постели, снова и

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
снова вглядываясь в его лицо, спрашивая себя, что же это за человек перед ним.

Ответ на этот вопрос он частично получил в течение двух следующих недель. Мишель де Нотрдам много рассказывал о себе и вскоре передал ему новую рукопись. Они договорились, что весной следующего, 1556 года должно будет появиться расширенное издание пророчеств.

В конце сентября Нострадамус выехал на юг. Его неодолимо тянуло к Анне и детям. Скача под осенним небом, он не раз клялся себе, что в отпущенные судьбой последние годы он больше не расстанется с семьей.

Плоды Экса

Сильнее, чем прежде, Нострадамус любил жену. В преддверии старости лоно Анны сделалось источником его молодости. В 1556–1557 годах у него родились два сына – Шарль и Андре. В 1558 году появилась на свет дочь Анна, а в 1561-м – Диана.

В 1559 году исполнилось пророчество, высказанное Нострадамусом задолго до того события, о котором шла речь в катрене: «Молодой Лев победит старого на поле боя во время одиночной дуэли. В золотой клетке ему выцарапают глаза, потом он умрет страшной смертью».

В турнире против Генриха II выступал капитан шотландской гвардии при дворе, известный Габриэль де Лорж граф Монтгомери. При третьей атаке король получил укол осколком копья в правый глаз. После многодневной агонии король скончался, и произошло это десятого июня.

Трон унаследовал брат Генриха II Франциск, но он правил лишь до 1560 года. К власти под надзором Екатерины Медичи пришел ее четырнадцатилетний сын Карл. Во время его царствования должна была начаться война против гугенотов.

В первой половине 1561 года в Салоне была тишь, гладь и Божья благодать. Мишель де Нотрдам, после того как исполнилось его пророчество, оказался на вершине своей славы. В домашнем кругу он, однако, старался сохранять прежний образ жизни. В колыбели лежала дочь Диана. Он знал, что более у него не будет детей. Богатство увеличилось и благодаря изданию книг Нострадамуса; среди простых провансальцев он считался достаточно обеспеченным человеком.

Тем не менее Нострадамус никогда не забывал о милосердии, но он творил добро молча. Женетт Тесье был соучастником в его добрых делах...

Летом 1561 года в одну из теплых ночей Мишель неподвижно сидел на бронзовом стуле, и вдруг ему показалось, что он увидел в северной части небосвода вспышки света...

* * *

Через семь дней после этого видения небо в стороне Авиньона потемнело от пыли. Между Сен-Реми и Салоном все пришло в смятение: королевская армия обрушилась на город.

– Это значит, что гугеноты устремятся на юг! – тяжело дыша, сказал Женетт Тесье, с побледневшим лицом появившись в доме Нострадамуса. – Екатерина Медичи поклялась уничтожить гугенотов и бросила сюда армию во главе с графом Крюссолем! Ради Бога, Мишель! Неужели безумию и кровожадности никогда не будет конца?!

– Ты знаешь это не хуже меня, – ответил Мишель.

Вслед за Тесье вошла Анна с дочерью, усадила девочку себе на колени.

– Мишель! Ты ничего не скажешь?

– Беспokoиться надо не вам, а графу и его клеветам, – сказал Нострадамус. – Вы ничего не бойтесь! Войско уйдет через несколько дней. Но что потом случится в Эксе, это дело графа. Разумеется, он вызовет меня к себе...

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
– Но гугеноты?! – настаивала Анна. – Они ведь мужественные и честные люди. Не мог бы ты как-нибудь повлиять на графа? Ты такой знаменитый! Он будет рад тебя послушать!

Нострадамус рассмеялся.

– Если бы у него было такое же доброе сердце, как у тебя, тогда конечно, – сказал он, обняв жену, но тут же внезапно снова отпустил. Он поднялся на верхний этаж, и, словно ища защиты, уселся на свой бронзовый стул: ему хотелось бежать, но он знал, что от самого себя скрыться невозможно...

На следующий день все произошло, как и предсказал Нострадамус: граф Крюссоль послал в квартал ферейру лейтенанта. Пришедший офицер потребовал, чтобы Нострадамус немедленно явился к королевскому военачальнику:

– Его милость будет весьма великодушен, если услышит от вас то, что желает услышать, – сделал он ненужный комментарий.

– Тогда пошли, – сказал Нострадамус.

Встреча состоялась у бургомистра Салона. Без всяких околичностей граф, креатура Екатерины Медичи, приступил к делу:

– Мне хотелось бы знать, Нострадамус, вернусь ли я к осени в Париж? Или, может быть, это продлится немного дольше, до тех пор, покуда я не одержу победы над протестантскими псами?

Дворянин зажал между пальцами туго набитый кошелек и с нетерпением поглядывал на врача.

Нострадамус молчал. Как и накануне, мысли его смешались. «Я мог бы просто открыть ему истину и отказаться от всяческих дальнейших действий, – думал Мишель. – Однако он не слышит голоса своего сердца. Он повинуется только голосу страха и корысти и ничего этим не добьется! Медичи тогда пошлет на юг других мясников! Нет, все должно идти своим чередом. Я ничего не могу изменить... И не хочу».

– Эй, так как?! – повысил голос граф. – Ваши способности на сей раз дали осечку, доктор Нострадамус?

– Однажды дерево жизни принесет новые плоды, – ответил ясновидец из Салона.
– Новые плоды – вам понятно?! Так же это будет и в Эксе. Если деревья будут отягощены новыми плодами, ваша задача решена!

– Зрелые плоды – конечно, осенью! – возликовал военачальник. – Именно это я и хотел от вас услышать, маэстро! Еще три-четыре месяца, и я предстану перед регентшей и королем как победитель! Вот вам, Нострадамус! Вы честно это заслужили!

Если бы Мишель не поймал кошелек, тот бы упал у его ног. Граф получил таким образом все, что надо, и отделался золотом.

Мишель откланялся и вышел.

Позднее он передал кошелек Тесье.

– Хотя бы здесь все получилось удачно, – пробормотал катар.

– Но не для графа, – ответил Мишель.

На следующее утро войска покинули Салон. Почти через неделю командующий подошел к Эксу. Граф Крюссоль приказал начать осаду и в следующие месяцы все беспощаднее расправлялся в окрестностях. Когда наступила осень, начался штурм гугенотской крепости. Солдатня ворвалась в город, она фактически не встретила сопротивления. Но затем дело приняло иной оборот. В листве фруктовых деревьев, перегруженных зрелыми плодами и растущих у обширных каменных стен, затаились самые бывалые из протестантских воинов. Они внезапно напали на королевских солдат и одержали победу. Граф с остатками войска еле унес ноги. Отнюдь не победителем вернулся он в Париж. Но резня между католиками и гугенотами продолжалась. Екатерина Медичи ничему не научилась после поражения под стенами Экса.

Миновал 1565 год...

Во второй половине июня 1566 года Мишель де Нотрдам завершил свое земное дело. Последнее четверостишие, написанное дрожащей рукой, он включил как замковый камень в законченное здание катренов. В своем астрономическом календаре он скрыл намек на дату второго июля...

Эпилог

В ночь с 1 на 2 июля 1566 года, нежно поцеловав Анну, словно прощаясь с ней, Нострадамус покинул опочивальню. Не спеша поднялся он в свой рабочий кабинет, где стояла кровать. По ту сторону прохода на башенной площадке он увидел бронзовый стул. Мишель попытался сесть на него, но не смог этого сделать. Какая-то невидимая сила вернула его. Колени Нострадамуса подогнулись, и он отошел в иной мир.

Молочная пелена, сопровождавшая его в течение последнего месяца, с бешеной скоростью расширилась, соединившись с ясным небосводом. Раскрылся тоннель, уходивший в бесконечность и внушавший чувство безопасности. Жар, свет и звучность усиливались в спиральном круговороте. По ту и другую стороны спиральной оси выплыл человеческий лик. Еще раз время вернуло Мишеля в Сен-Реми, в ту ночь, когда умирал отец. Губы того, кто зачал его, беззвучно произнесли слово. Нострадамус, пронизанный ощущением счастья, произнес это слово:

Адонаи.

На рассвете Цезарь де Нотрдам обнаружил тело отца. Потом появились Анна, дети, Женетт Тесье и остальные друзья. На кафедре лежал последний катрен, начертанный рукой Нострадамуса: «Родственники, самые близкие друзья, братья по крови найдут его совсем мертвым возле кровати и скамьи», – гласили заключительные строки четверостишия.

«*Nic prope morte est!*» – «Вот приближается смерть!» – было написано на астрономическом календаре под датой 2 июля 1566 года.

Мишель Нострадамус ЦЕНТУРИИ

© Перевод, примечания к «Центуриям». В. Завалишин, 1989 г.

ЦЕНТУРИЯ I

Послание сыну Цезарю, с пожеланием счастья и благополучия[10]

Ты поздно появился на свет, Цезарь Нострадамус, сын мой, а я провел так много времени в непрерывных трудах и ночных бдениях, что обязан оставить после моей смерти памятник явлениям, которые были открыты мне божественной сущностью в движении звезд.[11] Бессмертный Бог слишком поздно привел тебя в этот мир, ты еще ребенок, и ты слабенький, ты пока что не можешь понять, что я обладаю даром проникать в будущее. Поскольку невозможно запечатлеть в письменах то, что может погибнуть от ран, нанесенных временем, мой наследственный дар оккультных прозрений будет схоронен в моей груди. Надо принять во внимание, что все, чему надлежит произойти в будущем, еще зыбко и неотчетливо, но все направляется всемогуществом Бога, который вдохновляет нас не Вакхическим ужасом и не лимфатическим движением, а астрономическими эффектами. «*Soli numine divino afflati Praesagiunt et spirito Prophetico Particularia*» («Пророчески предсказывать события может лишь тот, кто вдохновлен всемогуществом Бога»).

Я часто предсказывал, что именно произойдет, задолго до того, как предвиденное сбывалось, включая грядущие события в заранее указанных мною странах и местностях и объясняя случившееся Божественной мудростью и вдохновением; но, несмотря на это, я готов был вырвать язык у моего пророческого дара: я не хотел, чтобы моя способность к прозрениям нанесла вред не только настоящему, но и будущему; ведь если искренне поведаешь о том, что случится в близких и далеких временах, то современные нам королевства, церкви, религии и мировоззрения нашли бы, что предвиденное настолько противоречит их идеалам, что они прокляли бы грядущие века, если бы знали всю правду о них наверняка.[12]

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Надо чутко прислушиваться к тому, что говорил нам Спаситель: «Nolite sanctum dare canibus neque mittatis margaritas vestras ante porcos, ne forte conculent eas pedibus suis, et conversi dirumpant vos» (Евангелие от Матфея, 7, 6).

(«Не давайте святыни псам и не мечите жемчуг ваш перед свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обернувшись, не растерзали вас».)

Памятуя об этом, я держал свой язык вдали от обличений в прозрениях, а перо – вдали от бумаги. Но позднее я ради общего блага принял решение пересилить себя и облачить мои писания в затемненные и трудно доступные слова и образы. Когда я провозглашал, что произойдет в будущем, указывая главным образом на самое значительное, я добивался, чтобы предвиденное мною (какими бы неожиданными и тяжкими не оказывались грядущие перемены) не оскорбляло слуха и чувств внимающих мне: все более чем пронизательное сокрыто мной в темной глубине образов, хотя «Abscondidisti hoc a sapientibus et prudentibus id est, potentibus et regibus, et enucleasti ea exquis et tenuibus» («Ты скрываешь эти вещи от мудрых и благоразумных и открываешь их малым и слабым»).

Пророки предвидят неведомые вещи и явления и предсказывают будущее потому, что они получили дар прорицания от бессмертного Бога и добрых ангелов. Ибо ничего нельзя свершить без него, чье всемогущество и чья доброта к созданному им так велики. И, несмотря на то, что люди – только творения Бога, среди них могут быть такие, которые – благодаря их доброй гениальности – возвысятся до ангелов. Жар от нездешнего огня и пророческое вдохновение пронизывают нас так же, как лучи солнца, согревающие и одушевленные и неодушевленные тела. Но мы, поскольку мы тоже только люди, не можем с помощью приобретенным человеком познаний проникнуть во все таинства Господа, создателя нашего. «Quia non est nostrum noscere tempora, nec momenta» («Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил своей власти»).

Могут быть лишь немногие, мироощущение которых всемогущий Бог окрыляет пониманием некоторых секретов Грядущего в согласии с юдициарной астрологией. Так по вдохновению всемогущего избранные в состоянии судить о божественном и человеческом, и Бог научит нас божественным деяниям, которые так необходимы земле.

Но, сын мой, то, о чем я говорю тебе, может показаться слишком туманным. Способность эта размышлять о высших небесных телах присуща нашей речи тогда, когда находишь в себе силы предсказывать без страха и всякого стыда. И все это идет от чудотворной силы великого Бога, излучающей добро в наш мир.

Итак, сын мой, хотя я и пользуюсь здесь словом «пророк», я не присваиваю себе такого высокого звания, ибо «Propheta dicitur hodie, olim vocabatur videns» («Те, которых теперь зовут пророками, прежде были дальновидцами»).

Так было и в давно минувшие времена, когда нездешняя сила и врожденная способность проникать в будущее охватили этих немногих как пламя неземного огня.

И только те, сын мой, достойны называться пророками, которые способны видеть явления и вещи, возносящиеся над уровнем достигнутых человечеством познаний, иными словами, пророки – это те, которые, освещая себе путь совершенным светом ясновидения, могут так же хорошо видеть божественные вещи, как и человеческие: или же пророки те, которые не могут не видеть результатов и последствий предсказаний будущего. И пророки мысленно преодолевают огромные расстояния во времени и пространстве, ибо таинства Бога непостижимы, и всему знанию, приобретенному человечеством, далеко до действительного могущества пророков.

Источник приобщения избранных к таинствам Бога – в свободной воле, ставшей откровением, потому что она дарована человеку Богом. Это объясняет нам причины появления тех вещей, которые не могли бы быть познаны ни человеческими способностями к предсказаниям, ни сокровенными науками или тайной мудростью, какие только известны на земле. Только целостное знание и Геркулианское откровение ведут через небесное движение (т. е. через движение звезд) к познанию первопричин того, что было, есть и будет.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Ты, сын мой, не можешь по-настоящему понять меня, потому что твой неокрепший мозг еще не в состоянии впитывать такого рода знания.

Будущие причины могли бы быть познанными человеческими существами, которых создал Господь, если бы вещи и явления настоящего и будущего не представлялись его творениям неясными и труднодоступными для интеллектуального постижения их подлинной сути. Но совершенным знанием сути вещей нельзя обладать без божественного вдохновения, и первопричины всех Божественных откровений сначала – в Боге-творце, потом – в добром Благе, и, наконец – в природе.

Поэтому причины появления или не появления вещей и явлений постигаются, преображаясь в пророчества, сбывающиеся большей частью в тех местах, которые были найдены предсказанием до того, как оно сбылось; оккультные явления не могут быть выявлены посредством самых совершенных земных интеллектуальных понятий, если не услышать идущий из чистилища голос, похожий на пламя, бледное сияние которого и помогает проникнуть в будущее.

Итак, сын мой, я умоляю тебя не увлекаться той балаганной славой, которая заставляет сохнуть тело, обрушивает проклятия на душу и вызывает ощущения, недостойные подлинно высоких чувств.

Прежде всего, с отвращением относись к позорной черной магии, запрещенной Священным Писанием и канонами церкви; это не относится к юдициарной астрологии, которая, направляясь божественным вдохновением, дала нам возможность записать наши пророчества, руководствуясь непрестанными вычислениями.

Хотя оккультная философия и не была запрещена, я никогда не поддавался соблазнам подпасть под ее влияние, и многие переданные мне книги об этом искусстве приходилось долгое время прятать. [13] Но после того, как я их прочел, я принес их в жертву Вулкану, потому что боялся того, к чему может привести хранение этих книг. И, когда Вулкан пожирал книги и огонь накалил воздух, воссиял загадочный свет, более яркий и сильный, нежели пламя, к которому мы привыкли. Как будто весь дом был освещен вспышками молний, и казалось, весь дом – в огне.

Итак, сын мой, чтобы ты не пострадал от поисков волшебных превращений, как лунных, так и солнечных, и чтобы ты не занялся поисками нержавеющей металлов в водных глубинах, я сжег все запрещенные книги, пока они не превратились в пепел.

Но тот приговор, который я привел в исполнение, становится гораздо более могущественным благодаря приговору, вынесенному самим небом. Я сообщаю тебе об этом, чтобы ты имел ясные представления о предметном мире будущего и не попал в плен фантастических предположений, которые могут возникнуть; ибо это, в свою очередь, ограничило бы возможности того, что постигается сверхъестественным и мудрейшим вдохновением, в соответствии с небесными символами или с помощью оккультного достояния и божественной мудрости.

Сила и мощь божественного вдохновения и небесных ангелов позволяют вечности понять три аспекта времени, понять эволюцию, которая связывает воедино прошлое, настоящее и будущее; «*Quia omnia sunt nuda et aperta*» («Весь мир обнажен и открыт»). Знай, сын мой, хотя твой мозг еще и не окреп, что твоя пробуждающаяся мысль все же может постичь события, которые будут после нас. Земные явления и вещи могут предстать пред тобой в нездешнем свете, затепленном пророческим духом. Но знай, что я не хочу даровать самому себе звание пророка, ибо я смертен, как и все, только чувства и мысли у меня так же соприкасаются с небом, как мои ноги – с землей. «*Possum non eggae, falli, decipi albeit*» («я не ошибаюсь и не могу не достигнуть успеха»). Я сам – великий грешник в этом мире и не могу не поддаваться всем человеческим слабостям и соблазнам. Но иногда я поражал людей своим пророческим даром и долгими вычислениями. Я сам приходил в творческий экстаз, создавая в моем кабинете книги пророчеств, каждая из которых содержит ровно сто астрономических стансов, сознательно сделанных мною неясными. Мною установлена загадочная связь между четверостишиями этих книг, и это – пророчества на веки веков, ибо они открываются нашим (т. е. 1555 годом) и кончаются 3797 годом; и поскольку мои пророчества охватывают такой колоссальный период времени и касаются всего в подлунном мире, некоторые будут смотреть на это косо, отнесутся к этому с недоверием. И, если ты проживешь естественный для нормальной человеческой жизни отрезок

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
времени, то и ты в твоём климате и под твоим родным небом станешь очевидцем и свидетелем происшествий, которые были мною предсказаны.

Один Бог знает, что значит вечность света, который воссоздает сам себя. И я говорю тем, чьи долгие меланхолические вдохновения согреты лучами вечного света с его непостижимым величием, что божественное вдохновение является той оккультной первопричиной, которой руководствуются две другие причины, важные для вразумления того, кто вдохновлен и пророчествует. Первая причина пронизана сверхъестественным сиянием и позволяет предсказывать по движению планет; другая причина прорицает через открытие, сделанное вдохновением человека, но оно является как бы соприкосновением с божественной вечностью и осуществляется через Бога-творца.

Идущий такими путями знает, что предсказанное им станет жизненной правдой. И он первоначально устремится к небесным высям и увидит бледный свет маленького пламени, живую искру истинного света, столь же действенную и возвышенную, как и сам свет, дающую философам уверенность в своих силах. И первопричина помогает мыслителям достигнуть глубоких познаний в самых сложных науках.

Но я не должен, сын мой, далеко удаляться от потенциальных возможностей понимания тобой того, о чем я говорю. Я нахожу, что ученые еще пожалуют о великих потерях, которые застанут их врасплох: придут, придут эры наводнений и нового великого потопа. Останется ничтожно мало земель, которые не были бы под водой. Потоп будет длиться так долго, что все этнографии и топографии сгинут. И перед новым потоком и после него во многих землях почти не будет дождей и появится тьма сухого материала, который сделается добычей огня. С неба будут падать горящие камни, и не останется ничего, что не было бы выжженным, что сможет сохраниться и устоять. И все это произойдет, несомненно, до всеожжения, до великого пожара, который охватит землю.

Хотя планета Марс и перед концом своего курса, своего последнего оборота, тем не менее все начнется снова. Ряд звезд скопится в Аквариусе на долгие годы, другие звезды соберутся вокруг Рака тоже на долгие годы, до начала повторения.

Теперь нами правит Луна, по воле Всемогущего Бога. И еще до того, как Луна совершит свой оборот, воссияет Солнце, а потом – Сатурн. Небесные знаки позволяют нам определить, что царство Сатурна придет опять так, что вычисления показывают, что мир приближается к анаргонической революции (к дежаниям смерти на земле). Не пройдет и 177 лет, трех месяцев и 11 дней с тех пор, как я пишу, и чума, голод, войны и, главным образом, наводнения так опустошат наш мир, что выживет очень мало людей и земля будет неспаханной и бесплодной, такой, какой она была до начала творенья. Мы сейчас живем в седьмом тысячелетии, которое скоро кончится и приведет нас к порогу восьмого, где находится небесная твердь и где есть свои широты.

В этом месте Всевышний завершит поднятую им космогоническую революцию, и небесные тела снова начнут свое движение, и это будет верховным движением, и оно сделает землю твердой и устойчивой, «*non inclinabitur in seculum seculorum*» (из-за этого она не будет отклоняться из века в век в разные стороны), пока не будет выполнена и не изменится воля Господня. Правда, мы придерживаемся двоякого мнения, и Магометовы грезы помогают нам переступить через черту естественных явлений, и иногда сам Бог через таких своих посланцев, как огонь и пламя, открывает нашим внешним ощущениям и, прежде всего, нашим глазам то, что вызывает предсказания, и иногда мы постигаем такие события, которых еще нет, зная, что они будут, обязательно будут. Это ясно тому, кто пророчествует. Пророчество, пораженное внутренним озарением, выявляется с внешним светом и через внешний свет, хотя проясняемое глазооткровением приходит только через брешь в ощущениях, обостренных воображением.

Явственной первоосновой того, что именно предсказывается, становится божественное вдохновение или сошествие ангельского духа на человека, который возвышается до пророка. Дух этот во время ночных бдений устремляет его ввысь, озаряя нездешним светом его мироощущение. И с помощью астрономических указаний он пророчествует со сверхчеловеческой уверенностью, что пророчества сбудутся. Это делает предсказанное священным, и этим пророк обязан свободе и силе собственного ума, а не кому-либо или чему-либо еще.

Слушай же меня, сын мой! И вникай в то, что есть в моих астрологических откровениях, освященных Божественным вдохновением: над нами уже занесены мечи, на нас идут приступом эпидемии и войны, гораздо более страшные, чем те, что были перенесены тремя поколениями, жившими раньше нас. На нас надвигается голод, который будет повторяться с такой же последовательностью, как и движения звезд. «Visitabo in virga ferrea iniquitates eorum, et in verberibus percutiam eos» («Я обличу их беззакония и злодейства и опрокину их ударами железной дубины»).

Знай, сын мой, что гнев Божий будет на длительный срок распростерт над землей. И еще до того, как сбудется предсказанное мною, вся земля попадет во власть яростных и частых ураганов и бурь. «Conteram ego, et confringam et non miserebor», – сказал Господь («Я растопчу их, не дав никому никакой пощады»).

И тысячи других бедствий будут вызваны невероятным разливом вод и непрерывными дождями. Вот что я с большою полнотою утверждал в моих пророчествах, написанных в soluta oratione (в одиночестве), с обозначением мест, времен и обстоятельств, при которых исполнится предначертанное.

И люди, что будут жить после меня, или потомки их могут быть очевидцами бедствий и катастроф, предсказанных мной. Это мы уже отмечали, но по другому поводу, проясняя наши чувства и мысли, хотя они и были задрапированы в темные покровы. «Sed quando submoventa erit ignorantia» («Многое прояснится, когда приспееет время устранить неведомое»).

Теперь мы перед самым концом, сын мой! Прими же как дар твоего отца это послание Михаила Нострадамуса, надеющегося правильно истолковать тебе пророческий смысл этих четверостиший и молящего бессмертного Бога, чтобы он дал тебе долгую жизнь и благоденствие.

Послание составлено в Салоне, в марте 1555 г.

1. Таинственным знаньем пронизана память,
Подземные воды горят от свечи,
Трепещет и искрится бледное пламя
И в судьбы столетий бросает лучи.
2. Как будто сам Бог у меня за спиной
(Треножник из бронзы украсила вязь),
Он водит моею дрожащей рукою,
Небес и земли повелитель и князь.
3. Я вижу, как рушатся царские троны,
Когда их сметает людской ураган,
Республику сделает хуже короны
И белых и красных жестокий обман.
4. Суровый правитель появится в мире
И в тине погрязнет ладья рыбака.[14]
Ведь войн не унять самым ласковым лирам,
И быть деспотизму в грядущих веках.
5. Уходят они без тяжелых сражений,
Страну обоюдное горе гнетет,
Кому же Нарбонн с Каркассоном поверят?
Когда же смирение в два сердца войдет?[15]
6. За что будет выклеван глаз у Равенны
И вырастут крылья у яростных ног?
Пусть двое возводят Туринские стены:
Свобода для Галлии выше тревог.
7. Вознесся глава фанатической секты,
Чьи волосы огненным вспыхнут костром,
Четырнадцать мудрому верят проекту,
Крестом, как мечом, сокрушая добро.[16]
8. Быть часто во мгле и свободе и солнцу.
Попал Гелиополис в тягостный плен.
Он данью и злом будет дико раскромсан.
И высосет Адрия[17] кровь его вен.
9. Ну как, Ромулоиды,[18] тяжело на свете?
На вас африканская буря идет,
И львиным прыжком наказующий ветер
Мальтийские земли за глотку возьмет.
10. Сержанты в строю возле клетки железной,
Страница 113

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Где мучатся семеро царских детей,
Под ними разверзлись все адские бездны.
Старик и ребенок во власти смертей. [19]
11. С Сицилией вместе в единой орбите,
Неаполь крепит королевство Леон. [20]
К союзу пожары и меч подключите:
Мозг Рима потерпит ущерб и урон.
  12. Он лестно дорвется до власти порочной,
Позер и скотина, воспрявший с низов.
Он звезды сорвет политической ночью.
Верою правит хвастливая кровь.
  13. Не зря поспешили изгнанники клясться
Властителя силой с поста устранить,
Пусть в шахтах секреты врагов сохранятся,
И заговор старец сумеет разбить.
  14. Славянский народ под ненастливым знаком,
Их тюрьмы и песни царям их не впрок,
На смену придет, как священный оракул,
Схоласт и догматик и ложный пророк.
  15. Нам Марс угрожает военной силой,
Сквозь семьдесят битв предстоит нам пройти,
Должно быть, и церковь сорвется в могилу,
От зла никого не удастся спасти.
  16. Чума и война, человечество вздыбив,
Столетия ведут к моровому концу,
И выплеснет пруд пресноводную рыбу,
Чтоб звезды летели навстречу стрельцу.
  17. Лет сорок быть радуге с новым потопом,
Огромную аркой блеснув над водой,
И сорок лет засуха пыль будет сыпать на тропы
И сеять пустыни под гиблой звездой.
  18. Зачем не едины беспечные галлы?
На Францию новый идет Магомет!
Италия! Море качать корабли не устало!
Марсель! В парусах неприкаянный свет.
  19. Все небо в огне из-за змиев бездушных.
Прольется испанцем троянская кровь,
И вождь побежденных, врагам непослушный,
В болотной глуши стал разыскивать кров.
  20. Во Франции ставят чужие палатки,
И грохот орудий раздался уже.
Тур, Нант и Блуа на позиции шаткой,
Шатаются Реймс, Орлеан и Ажан.
  21. Не бойтесь пока что загадочной глины,
Насквозь пропитавшей сырую скалу,
Оттуда, из бездны, и вырвут актиний,
Как зверя, врученного новому злу.
  22. Разруха и смерть оседлают науку.
Вся жизнь потеряет и ценность и смысл,
А Лангр и Оттон ждут и стужа и муки,
От войн и Шелон не поднимется ввысь.
  23. Кабан с леопардом в неистовых схватках
На Марсовом поле встречают восход,
Орлиные крылья близ солнца так ярки,
Орла леопард, как спасителя, ждет.
  24. Пусть небо осудит поверженный город.
Орел позабыл уцелевших врагов,
Хотя Мантуя и Кремона нескоро
Забудут про боль от былых батоков.
  25. Мне дорог поборник отверженных знаний,
Вчерашний еретик, сегодня – герой,
Честь пастору, что обновит мирозданье,
Хоть древнее стало седою золой.
  26. Большой человек погибает от молний.
Падение другого предчувствует ночь.
Конфликт Реймс и Лондон надолго запомнят.
Тосканье холеру осилить невмочь.
  27. Страшитесь падения Кайенского дуба,
Зарыто сокровище где-то вблизи,
Но глаз смельчака, что его раздобудет,
С разбега копые боевое сразит.

28. Пусть башня у Роны трепещет от страха:
С Испании двинулись стаи фусте.[21]
О, либра и Таурис! Все станет прахом,
Скот, люди, довольство не выживут здесь.
29. Моим современникам трудно поверить
В железных амфибий морей и земли,
Но эти чудовища выйдут на берег,
Крутая волна закипает вдали.
30. Потрепано бурями странное судно,
И видят неведомый порт паруса.
Но ветку от пальмы[22] всем выловить трудно,
И смерть с грабежами клеймят небеса.
31. Знак солнца троих награждает победой
Нежданною: льва с петухом да орла.
Вся Франция вытерпит войны и беды,
Монарх Кастильяснский войны не узнал.
32. Величье империи все-таки сгинет,
И скипетр положит такая страна,
Земель завоеванных нет и в помине,
Остался без зерен кровавый гранат.
33. Шатается мост у огромной равнины.
Лев цезаря сильное войско ведет,
Он лапой весь град норовит опрокинуть,
Но только запоры с ворот не соьет.
34. Парит над окном эта хищная птица,
Предчувствуя в Галлии рокоты битв.
Боль слабых, поверь, в торжество превратится,
И добрые знаки растут из молитв.
35. Глаз в шлеме златом, как в тюрьме или клетке,
Он выбит, падучею ставши звездой,
В турнире лев старый был менее крепким,
Чем хитрый, отчаянный лев молодой.[23]
36. Я знаю: монарх, наконец, пожалеет,
Что прежде щадил он врага своего.
Врага устраняют жестокой идеей,
Казнив всю родню и всех близких его.
37. Волною вечерней тот порт не шатает,
Затоплено солнце под гладью морской.
Мосты и гробницы вражда разматает –
Великий народ воевал сам с собой.
38. Здесь солнце с орлом достигают победы
И милость поверженным громко сулят.
Но кто остановит грядущие беды?
Мечте об отмщенье поверженный рад.
39. Вождя задушили в его же кровати
За то, что обычай и честь предавал.
Теперь трех империй никчемны печати,
Раз писем с пакетами труп не читал.
40. И Константинополь закон свой изменит,
Пришедший с Египта составит эдикт,
Так тягостен звон отуреченных денег,
И дух безрассудства в реформы проник.
41. Немногих бежавших печаль да покинет
(Осада сжимала весь город в руке),
Пусть мать обнимает спасенного сына,
Принесшего письма и яд в узелке.
42. Где спрятаны кости влюбленных и Пселла?[24]
Их дьяволы ищут в погасшей золе.
И десять апрельских календ преуспели
Воспрянуть из сумерек в Готтском числе.
43. Пусть смены империй командуют миром,
И пусть потрясенья страшат королей,
Нам мысль, как колонну, оставил Порфирий,
Приветствуя высь на щербатой скале.
44. Наступят жестокие годы лишений,
И воск будет стоить дешевле, чем мед.
Монахи и пастыри – жертвы гонений,
И ветер безбожные песни поет.
45. Догматиком создана новая вера.
Все зрелища славят великий обман.
Зверей благородною меркою меряют,

- И зло как добро преподносится нам.
46. Великий огонь падал с гневного неба.
Три ночи стонала от взрывов земля.
Верь в чудо, напуганный, где бы ты ни был,
Нам Экс и Миранд горевать не велят.
47. Женевское озеро вытерпит скуку
Надменных, пустых и коварных речей.
Чинушам и всем дипломатам наука:
Не верьте в политику мертвых лучей.
48. Все гаснет, все гибнет и рушится в Лету.
Я слышу биенье последних сердец.
Пять тысяч годов да еще пять веков жить осталось свету,
И наша история встретит конец.[25]
49. Проснется Восток в восемнадцатом веке.
Там даже снега оживут под луной.
Весь Север великого ждет человека:
Он правит наукой, трудом и войной.[26]
50. Какая страна родилась в океане,
Где праздник справляют однажды в четверг?
К ее берегам мысль с энергией тянет,
И тянет ковчеги для наций и вер.
51. Когда три созвездья[27] приходят в смятенье,
Реформы повенчаны с мраком и злом,
Спаси, Бог, Италию с Францией от столкновений;
Ведь смутное время в их земли пришло.
52. Два зла Скорпион совместил воедино:
Великий подвижник так зверски убит.
Европа утратила лучшего сына,
И церковь и трон там чума навестит.[28]
53. Пусть новое золото люди добудут
И много найдут серебра в рудниках,
Но миру от этого счастья не будет:
Законы и совесть рассыплются в прах.
54. Злой людям придется дышать атмосферой,
Раз деспот возглавит кровавый совет,
Когда переменит законы и эры
Двух яростных бунтов мятущийся свет.
55. Растут в городах вавилонские башни.
На стены их брызжет народная кровь,
И весь небосвод будет гневом окрашен,
Чума с грабежами появится вновь.
56. Позднее иль раньше придут перемены.
Гоненья и ужас никто не смягчит.
Луной правит ангел, вскрывающий вены,
И небо дымящейся кровью чадит.
57. Итак, договор разрывается в клочья,
И кровь потечет из словесной борьбы,
Раз солнце и меда и сливок захочет,
То гневом пронизаны зовы трубы.
58. Вам странен уродец с двумя головами?
И будет четыре руки у него,
Но, если уж праздник Аквилла[29] прославит,
Фоссан и Турин убегут от врагов.
59. Осыпан был пеплом изгнанников остров,
На смерть их ведет хромоногий маньяк,
Их жгут на кострах подлецы и прохвосты,
Но слово погибших пробьется сквозь мрак.
60. Рожден близ Италии дерзкий воитель,
Империя будет в мятежной стране!
Но сколько солдат за тебя перебито,
Чудесный мясник, в безуспешной войне.[30]
61. Республика дышит несчастьем и грязью,
Зато разрастется ее аппарат,
С ней Швеция рвет ослабевшие связи,
И беженцам трудно спастись от утрат.
62. Огонь, наводнения, бессильные скиптры –
Источник страданий и тяжких потерь,
Латонский цикл[31] в бедствия будет зарытым,
Не скоро добро приоткроет нам дверь.
63. Нас прошлое хлещет ударами плети,
Весь в ранах был долгий, но мертвый покой,

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
И взрослыми станут спасенные дети,
И жизнь будет взорвана новой войной.
64. Все небо звенело от воя драконов.
Свет солнца был виден и ночью и днем.
Кабан с человеческим лицом рвет законы,
И речи зверей полыхают огнем.
  65. От молний страдает невинный ребенок.
Дофин без руки в королевском дворце.
Вся жизнь будет взорвана бунтом и стоном,
И трое знатнейших – в терновом венце.
  66. Поля и сады этой вести те рады,
И крыши домов побелели как мел.
Избиты отчаянным штормом и градом
Виверс и Торнон, Монсерра и Праделл.
  67. Везде распростерлись разбои и голод,
И жизнь обезрадит земные пути,
Травой зарастут опустевшие села,
И нет молока в материнской груди.
  68. Жестокие муки ждут трех невиновных.
Какой же род пыток для них изберут?
Отраву иль шпаги гвардейцев злословных?
Нет, рот им большою воронкой заткнут. [32]
  69. Мир губят война, грабежи, наводнения...
И знайте, достигшие горных вершин:
Из хаоса трудно создать возрождение,
Руины на дне неспособны ожить.
  70. Приходят из Персии вести дурные,
Там все под дождями, разбоем, войной,
И жребий такой же вся Франция вынет,
Готовясь стать новой, бесстрашной страной.
  71. Враг трижды захватывал город у моря,
И трижды его отбивали назад,
С испанцем, с Италией, с варваром Франция спорит,
Пожар, блеск кинжалов идут на парад.
  72. Да, жителей прежних не станет в Марселе,
Спасались повсюду, включая Лион,
Убитых и пленных смогли сосчитать еле-еле,
Число их составит почти миллион.
  73. Тунис и Алжир расшевелены персом.
Пять штурмов французам легко ли сдержать?
Леон с Барселоной пока что не тронуты бесом,
И горько Венеции бурь поджидать.
  74. Их парус летит на свиданье с Эпиром,
Стремясь Антиохии помощь подать,
И черные волосы вьются над миром,
Чтоб рыжебородым пришлось бедовать.
  75. Сийенский тиран овладеет Савоной,
И форт не подпустит рои парусов.
Две армии рвутся к дорогам Анконы.
Вождь! Страхи похуже взбесившихся псов!
  76. В столетях останется жесткое имя.
Рок дарит трем судьбам наследье свое.
Не злоба веселье народа поднимет,
А дело, которое совесть найдет.
  77. Сам Гордый Нептун черный парус заметил
В Калькре, [33] когда флот огибал Рошеваль.
Кто ж умер, коня избивая злой плетью?
И меж двух морей воцарится печаль.
  78. Народ домогается новых жакерий,
Разделится поле гражданской войной.
Ослабнет железная воля империй,
Былое растоптано гневной сестрой.
  79. Предвижу борьбу городов меж собою,
Борьбу без оружия за право на жизнь.
В Ажане и Эксе оплот монополий,
Бордо и Тулузу им надо загрызть.
  80. Расколото молнией небо Бургондцев,
К худому шестая планета блеснит.
Чудовищный зверь стал бродить у колодцев,
И бунт всю весну на дорогах свистит.
  81. Смерть правит и Каппой, и Тетой, и Ламбдой.

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Сойдет справедливость с распутия дорог.
Когда же законность подружится с правдой,
И судьи – их девять – уйдут от тревог?
82. Боятся за будущность Австрия с Веной,
Решение вынес Великий Совет.
Здесь ветер трясет деревянные стены
И красит колонны в рубиновый цвет.
  83. Шилон-чужестранец поделит добычу,
И гневом окрашены Марс и Сатурн,
Латинцев с тосканцами страхи разыщут,
И Греция ждет пробуждения бурь.
  84. Великого тенью огромной накрыло,
Кровавый фонтан бьет с отчаянных драк.
От копоты с солнца все небо дымилось,
И диск всей луны провалился во мрак.
  85. Король опечален ответами леди,
Послы опасаются жизнь потерять,
Гнев, злоба и зависть стремятся к победе,
Великий не в силах на братьев напасть.
  86. Высокие подвиги ждут королеву,
Она на коне поскакала нагой,
Над речкою грива пылает от гнева,
К чему приведет этот яростный бой?
  87. Столкнулись великие скалы друг с другом,
И рушится город в провалы земли,
Из кратера лава расплескана к Югу,
И брег Аретузы[34] был кровью залит.
  88. Любовь может стать божеством и болезнью..
Но есть ли согласие церкви на брак?
Венец для великого держат над бездной.
Для бритых голов он гонитель и враг.
  89. Быть в Мозеле яростным островитянам,
И люди Луары во власти смертей.
Вот город морскую погоню притянет,
И с башен видны паруса кораблей.
  90. Неистовый монстр будет родом с Оргона.
Пусть колокол бьет в Пуатье и Бордо.
Рой парусов подплывает к Лангдону,
И Францию ждет Трансмонтановский гром.
  91. Мы сами затеяли адские войны,
А Бог создал нас, чтоб мы были людьми.
Копье и мечи вижу в небе спокойном.
Быть бедствиям, многие лягут костями.
  92. Недолго царили покой с милосердьем,
Хотят взять реванш грабежи и разбой.
Ведь треть миллиона осудят созвездья.
Что ж! Смерть или плен обещает нам бой?
  93. Италию будет знобить от волнения:
Не верят друг другу орел и петух.
Никто не избавит их от опасений.
В испанцах и кельтах дух злобы потух.
  94. Война впереди, а не сон о свободе,
Хотя и убит был Селимский тиран.
В ком вспыхнула совесть, тот к мести негоден,
И страхом почет этой женщине дан.
  95. Одним близнецом монастырь был построен
На крови героев с крестом на груди.
Здесь слава Вописка не знает покоя,
И орден могуществом мир удивит.
  96. Падет фанатичная страсть к разрушеньям,
Раз вера тверда точно лучший гранит,
Безбожное слово подвержено тленью,
И злой фанатизм наш храм не сразит.
  97. Ни меч, ни пожары того не достигнут,
Что может взять дьявольски хитрая речь.
Пойми же, король, что иллюзии гибнут,
Что крови напрасно ненужно течь.
  98. В Фессалии, в Кандии тысяч пять пало,
Конец авантюрной затеи вождя..
Он скрылся, и бурей корабль не свалит,
А мертвые в небо чужое глядят.

99. Союз трех правителей помнят столетья.
Весь мир обагрён небывалой войной.
Потомки! Нарбонн наш исхлестан был плетью,
И трупы на улицах помнили бой.
100. Весь воздух рад серой и ласковой птице,
Что ветку от пальмы держала в когтях...
Большая война, наконец, прекратится,
Хоть умер ведущий народы сквозь страх.

ЦЕНТУРИЯ II

1. Гасконь под угрозой английского штурма,
Но дождь и мороз обесправят набег,
В Селине готовятся к действиям бурным,
Из холода в жар бросит яростный век.
2. Большой человек был повешен на рее.
За сколько же смерть покупает король?
Став белым, закон голубой не краснеет,
И Франция чувствует горечь и боль.
3. Огонь небывалый на море прольется,
Из плещущих рыб закипает уха,
Часть жителей больше домой не вернется,
Когда весь Родос стал похож на сухарь.
4. Становится кладбищем все побережье.
Повсюду разруха, и жителей нет в городах,
Ведь варвар в Монако, в Сицилии грабит и режет,
От лодок рыбацких остался лишь прах.
5. Гонец был подхвачен железною рыбой,
Способной нырять до Романской земли.
Война управляет сиреновой зыбью
И к смерти большие ведет корабли.
6. Они разбивают ворота двух градусов,
Насилия, голод, разбои, чума,
Живые здесь мертвыми сделаться рады,
Молитесь, чтоб Бог вам спасение дал!
7. Ждет голод людей, привезенных на остров,
Их мутит и рвет от древесной коры,
Но сходят дурные приметы с погоста,
Раз новый король лучший путь всем открыл.
8. Нет святости больше в соборах и храмах,
И попораны будут заветы Христа,
И с грудю старого, ржавого хлама
Смешается правды былой чистота.
9. Страна девять лет наслаждалась миром,
Но жаждущий крови убрал короля,
Народ погибает от гневного пира,
И новой свободы не видит земля.
10. Мне горько сказать, что жестокие эры
Опять завладеют мятежной землей,
И рабская будет царить атмосфера
Под маской любви и свободы большой.
11. Пусть знатные знают, что старший в их роде
Достигнет величья и к славе придет.
Но мощь эта страх поселяет в народе:
Потомкам предъявят мучительный счет.[35]
12. Суд правый воскрес из античных фантазий,
Фанатиков злобных накажет монарх,
Сокровища в храмах их больше не дразнят,
Спокойный народ забывает про страх.
13. Пред смертью мы слушаем голос оттуда.
Пусть тело покинуто солнцем души.
День смерти духовным становится чудом,
И днем возрождения стать порешит.
14. Со свитою в порт будут ждать королеву.
Отмстят ли за тех, кому выколот глаз?
Борьба направляется властью и гневом,
И берег был в брызгах от волн, как в слезах.
15. В Турин, в Пизу, в Асти нет доступа людям.
Правитель убит и в руинах земля.
Кастор и Поллукс безрассудных осудят,
С воздушного судна за морем и сушей следя.
16. В тиранах узрят повелителей молний,

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
И падает с неба жестокий огонь.
Английская армия деспотов гонит,
Швейцарцы не будут под сильной грозой.
17. Грустит Богоматерь вблизи от вулкана,
И этну увидел белеющий храм.
Здесь все виноградники в горе и ранах,
Все губит разливом рек северных стран.
  18. Дожди помешали движенью двух армий,
И небо и море – сплошной водопад,
Не могут забыть даже спящие камни
Смерть этих семи, презирающих ад.
  19. Пришельцам фортов для защиты не нужно,
Свободна от жителей эта земля.
Дороги, поля, города вырастают здесь дружно,
Но войны грядущему беды сулят.
  20. Жестокое рабство ждет многие страны,
И взгляд василиска страшит короля.
Пусть братьям и сестрам напомнит о ранах
Покрытая кровью и горем земля.
  21. Посол с неизвестным столкнулся в просторах.
Кораблик настигнут большие суда
И к черному мосту притянут с позором,
Канаты и цепь отражает вода.
  22. Солдаты не видят затопленный остров.
Земные деревья в воде не живут.
Клокочет волна исполинского роста,
И Ангелы смерти хоралы поют.
  23. Но как умудрились разумные птицы
Орлиный дворец на крыле перенести?
Пусть враг за рекой не устанет удивиться –
Военные хитрости трудно учесть.
  24. Над зверем теперь уж не будет опеки.
Голодные звери плывут через Истр.
Решетки тюрьмы новым выбиты веком,
Дух бури немецкой над бездной повис.
  25. Игра в благородный Союз провалилась,
И взят был обманом достойный наш форт,
Луару безвинною кровью залили,
Над Роной с Гаронной занесен топор.
  26. Пожары и кровь станут знаком эпохи,
И бой проиграет большой человек,
А город израненный смотрит со вздохом
На По и Тезину, на трупы у рек.
  27. Доносится с неба глас вещий и трубный,
И будущих бедствий нельзя избежать.
Замки с откровений сбивать очень трудно,
И трудно народам богов постигать.
  28. Напрасно его признают за пророка
И будут удивляться заветам его.
Восставший народ чуда ждет раньше срока,
Потомкам своим не добыв ничего.
  29. Восток сорван с мест ради власти над светом.
Снега, горы, воды – в лавине людской
Летают по воздуху, точно кометы,
Снаряды, разбившие прежний покой.
  30. Он станет живым воплощением террора
И более дерзким, чем сам Ганнибал.
Ничто не сравнится с кровавым позором
Деяний, каких еще мир не встречал.
  31. В Кампанье, в Кастилии засуху знают,
Но только такой не случалось вовек:
Трава и листва без дождей пропадают,
И высохли русла у жаждущих рек.
  32. В Далмации – кровь, молоко и туманы!
В Словакии – слезы, стенанья и плач,
Чума и война станут Базельской раной,
И зверь из Равенны страшней, чем палач.
  33. Могучий поток был низринут с Вероны,
Близ устья распухшей, мятущейся По,
Корабль затонул, видя берег Гаронны.
Когда ж генуэзцы вернутся в свой дом?

34. Безумная злость освятит поединок,
И шпаги всех братьев сверкнут у стола.
Готовности к сговору нет и в помине,
Вся Франция адской дуэлью больна.[36]
35. Две речки о бедствии том не забудут,
Два дома во тьме полыхают огнем,
Два знака и солнце[37] печальными будут,
Сгоревших же станут опознавать днем.
36. Тиран перехватывал письма пророка,
Чтоб вскрыть их коварной и жесткой рукой,
Но знай: безнаказанность проклята роком,
И смелая мысль не уйдет на покой.
37. На выручку посланы лучшие части,
Удастся ль отбить нам захваченный форт?
Разбой и чума обе стороны держат во власти,
Десятки убитых для них не укор.
38. Звезда восходящего скоро погаснет,
И был не у власти безвольный монарх.
Взял верх созидатель несбыточных басен:
Парадом командуют хитрость и страх.
39. Разрушены школы республик свободных,
Тиран отменяет нежесткую власть.
Германцу, испанцу, Италии грозы пригодны,
От дерзких орудий все может пропасть.
40. Горят корабли горевыми кострами,
И звери обиды несут парусам,
На сушу и море тревогу направят.
Когда же покой нам дадут небеса?
41. Великий бульдог воет тягостным воем.
Из траура вспыхнет свет новой звезды.
Двух солнц за семь дней даже тучи не скроют.
Святой после смерти на землю глядит.
42. Всесильный тиран погибает в постели.
Вся в ранах нога, перебито плечо.
Собаки, петух и коты свежей крови хотели,
И храбрость согрета надгробной свечой.
43. Три принца усердно врагов своих множат,
Комета[38] с раздорами дружит всегда,
Змей в Тибре совсем не легко уничтожить,
Гнев неба познают земля и вода.
44. Пришли музыканты к блистательной леди.
Звучали цимбалы, звенела труба,
И колокол пел баритоновой медью,
Орла улететь заставляет борьба.
45. Несчастлива та мать, что родит Андрогена!
Воздушная битва мир кровью зальет!
Но судьбы безвинно погибших нетленны,
И помощь комета земле принесет.
46. Мотор разовьет сумасшедшую скорость,
Тараном пробив неприкаянный век.
Война будит мысль человека, который
Науке дает Прометеев разбег.
47. Дряхлейший противник отравлен был ядом,
И ожили прежде душимые им,
Спасаясь в пещерах, гонимые каменным градом,
Сумели они от невзгоды спастись.
48. Солдаты вершины штурмуют так скоро,
Раз к Рыбам вернулись Сатурн, Арий, Марс.
Сайгонцы! Ведь мозг ваш отравлен позором:
Никто из петли капитана не спас.
49. Созвездья не скроют мелитцам всей правды:
Не всех покоритель сумел обольстить,
Бежавшие в Родос, в Бизанс будут рады,
Так мало желающих с бурей идти.
50. Бывает, что старая рана солдата
Опасней, чем вред, нанесенный врагом.
Осада с Брюсселя и Ганда не снята,
И ветер войны завывает кругом.
51. Кровь справедливости потребуется Лондону,
Горящему в пожаре 66-го года.
Мадонна падет со своего пьедестала,

52. Там жить под ударом двух землетрясений.
Два моря затопят Коринф и Эфес.
Война двух врагов! Слышны шумы сражений,
И бурей срываются звезды с небес.
53. За что нас преследуют горе и беды?
Быть дикому бедствию в этом порту,
Здесь губят невинных, безмолвствует небо,
Но честь знатной дамы хулы не сотрут.
54. Весь город у моря – в тоске и испуге,
И вождь опасался внезапных атак,
Что знатных и бедных пришельцев погубят,
Что девушек схватит неведомый враг.
55. Его полководец адрийцев прославил,
В речах на пирах он творил чудеса,
Но сам он погиб, не уйдя от расправы,
Страну от руин не умея спастись.
56. Корабль разобьется о скалы на море,
Погибнет Аббат, раз почувет беду,
И тот, кто ушел от меча и от мора,
Был молнией яркой сражен на ходу.
57. Стена обвалилась еще перед боем,
И гибель великого встретят с тоской,
Кровь смешана с глиной и кажется гноем,
Разбитая лодка не сладит с волной.
58. Нет рук и нет ног, только хищные зубы
У страшного шара, что грозен, как черт.
Кого он с изменником вместе погубит?
Луна осветит покидаемый порт.
59. Фронт Франции рвет Провансальские земли,
Нептун, видно, действует с ним заодно,
Нарбонн же и копьям и дротикам внемлет,
И Марс метит город кровавым пятном.
60. В крови будут волны, на дно канут трупы убитых.
Доволен и мул, раз накормят овсом.
Прервались б скорей Пуникийские битвы,
Чтоб дух перемен не полег под косою.
61. Над гаванью свищет стрела с арбалетов,
Солдаты по лестнице к форту взнеслись.
Кровавые руки над брешью воздеты,
И пламя и дым за рекою рвались.
62. О, люди и звери! Вас ждет катастрофа,
Мабус к вам идет, чтоб среди вас умереть.
Комета с возмездья срывает покровы,
Разбои, кровь, жажду неся на хвосте.
63. Флот Франции не для угрозы Осону. [40]
Часть Марны и Сены лежит на весах.
Но новой стены не пробьешь и не сронишь,
И жизнь Властелина возьмут небеса.
64. Женевцев томить станут жажда и голод,
Но Бог ослабевшему помощь дает.
В иллирии скорбь будет действовать скоро.
Поверьте, что флот в этот порт не войдет.
65. Шум парка наполнен бедой небывалой,
Созвездья прольют окровавленный свет.
На палубу мачта, как факел горящий, упала,
Теперь Инсурбия не встретит рассвет.
66. Он схвачен толпой у дворцовой колонны,
И город в осаде спасется из тьмы.
Позднее судьба не была благосклонной
К вождю, что когда-то бежал из тюрьмы.
67. Предвижу раздел океанских просторов.
И новые страны над белым пятном.
Дуэль кораблей разыгралась на море,
И плавают бочки с продавленным дном. [41]
68. Взметнувшие Север – в могучем стремленьи
Широко врата распахнуть в океан,
И Англия жаждет расширить владенья,
Тесня паруса неугодных ей стран.
69. Величье монархии рвут разногласья,
На время лишь счастлив французский король,

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Со знати соседей срываются шляпы ненастьем,
И к нам перейдет безысходная боль.[42]
70. С небес рвутся дротики, камни, раздоры,
Людей и деревья свирепо круша,
Но зверь ужаснется былого террора,
Когда искупления жаждет душа.
71. В Сицилию толпы изгнанников гонит,
Их голод и смерть обойдут стороной,
Их поздно искать и их рок не затронет,
Раз жизни согреты счастливой звездой.
72. В Италию вторгнется армия галлов,
И римляне, изнемогая в борьбе,
Опять близ Тицина от страха воспряли,
Но под Рубиконом им не до побед.
73. Урод троерукий иль демон сражений
Три трона для Эндимиона несет.
Бенекльский берег фуцинские волны оценит,
И порт Лориньона война захлестнет.
74. Их видят и Сена с Осоном и Роной,
Привал их вблизи Пиренейских вершин,
Недолго пришедшим под знаком Анконы
Все судьбы и моря и суши вершить.
75. Чей труп возле дома злых птиц беспокоит?
На золото можно сухарь променять.
Ведь бушель пшеницы так дорого стоит,
Что люди друг друга готовы пожрать.
76. Свет молний в Бургундии будет зловещим,[43]
Точь-в-точь раскаленные копья в аду,
Сакристы в сенате коварством заблещут,
Раз тайные цели врагу отдадут.
77. Пожар озаряет свистящие стрелы
И черные чаны с кипящей смолой,
Противники стены разрушить успели,
Предателей скрыл тайный ход под землей.
78. Нептун выпьет кровью наполненный кубок,
И Галл с Пуникийцем уходят ко дну.
Меч в ножах, но мир острова не полюбят,
Мечта о пространстве не может уснуть.
79. Муж чернобородый умеет сражаться,
Презрев величайшую ярость и гнев,
И Генрих Великий способен сражаться,
Спасенных из плена в Селине пригрев.[44]
80. Большой человек оказался плененным.
Покой лечит раны и тел и души,
Но он не из тех, кто навек побежденный,
Спасти от врагов он серьезно решит.[45]
81. Волной бьет преемника Девкалиона,
И город с небес поливало огнем,
А либру не тянет к ее фазтону,
И флот африканцев сардинец клянет.
82. Голодные рыщут у логова волка
И думают зверя живьем захватить.
Здесь старший пред крайним проявит сноровку
И властных в толпе бесполезно учить.
83. Юра и Суабия – в сильных туманах.
Посеявший битвы увечья пожнет.
Руинное время из мглы не воспрянет,
И рана солдата, поверь, заживет.
84. Но целых полгода и девять дней горших
Дожди позабыли об этих полях.
В Кампанье, в Сиене и в Остии ропщут,
В Далмации чуждый язык не зачах.
85. Живой арбалет мечет молнии с неба,
И кровь с лигурийской смешалась водой,
Цени независимость, где бы ты ни был,
Лион над орлом вознесен был судьбой.
86. Давно Адриатику штормом шатает,
Здесь в щепы разбиты большие суда,
Египет горячка земли ожидает,
И горем пропахла морская вода.
87. Честь викингов смешана с кровью немецкой,

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
И он занимал позолоченный трон,
И рабство и воды знакомятся с дерзким,
Он знатною женщиной не укрошен.
88. Весь округ в плену у золы и развалин.
Седьмому и пятому горестно жить,
А третий надежды в мечи переплавит,
И армиям ближе не Экс, а Париж.
89. Богатства и земли своим обещая,
Увяз этот демон по горло в крови,
Два сильных великий союз заключают,
Желая вампира совсем затравить.
90. Разбитая Венгрия жизнь переменит,
Законы Востока разлуку сулят,
Кастор и Поллукс! Во вражде ваши тени!
И выпьет столица страдальческий яд.
91. Под утро быть солнцу бледнее пожаров,
И к северу тянутся грохот и дым,
Что голоду меч, наносящий удары,
И плач материнский столетьям не смыть.
92. Расплавленным золотом светится небо,
Чудесный огонь стал убийцей людей,
В открытиях есть зло без духовного хлеба,
Изгнанье и смерть появились везде.
93. От Тибра до Либии веет грозой,
Бьет пламя из замка и окон дворца,
Строитель больших кораблей – пред огромной бедою,
Ему не уйти от плохого конца.
94. Великий француз одолел оборону,
Велик нанесенный Италии вред,
Не пустят в изгнание четверть миллиона,
И люди у моря натерпятся бед.
95. Полки бунтарей на захваченном поле,
И много пустых и покинутых мест.
Народ! Нет тебе благоденствия боле,
Раз братская бойня готовится здесь.
96. Все небо окрашено кровью пожаров...
И ночь озаряют мечи и разбой,
Здесь перс македонцам наносит удары,
И Рона истерзана зверской войной.
97. Две речки красивейший город омыли,
Но римлянин Понтиф не вступит на мост.
Кровь брызнет на землю, покрытую пылью,
Чтоб куст ярких роз из несчастья рос.
98. Воспрянет фанатик идеи кровавой.
Ко льву[46] жметя солнце над грешной землей.
Будь проклята эта вселенская слава,
Омытая жертвенной кровью людской.
99. Флот вдаль унесен резким северным ветром,
И кельтов пугает решительный час.
Пусть Рим недоволен был Францией дерзкой:
Пророчества стали звучать как приказ.
100. Гудят острова, как встревоженный улей,
Но их не ломает военный сюрприз.
На твердую линию люди вернулись,
С вождем все грабителей бить поднялись.

ЦЕНТУРИЯ III

1. Уже не бушуют морские сраженья,
Великий Нептун отдыхает вглуби,
И красный бледнеет, боясь поражения,
Но сам угрожает врага погубить.
2. Философ! Ищи золотой самородок
В мистических соках души и небес!
Дух – воздух материи всякого рода,
И Бог в частых звездах для знания воскрес.[47]
3. Шатает дно Азии землетрясеньем,
Люб Марсу с Меркурием блеск серебра.
В Коринфе, в Эфесе заметны волненья,
И засуха Югу не хочет добра.
4. Оракул далек от иллюзий и страха,
Погоня за златом не знает границ,

- Созвездья грозят нам руинами, засухой, прахом,
И колокол слова так скорбно звенит.
5. Быть бедствию между апрелем и мартом,
Затмению солнца и рыжей луны.
Двум слабым и щедрому голод смешает все карты.
Земля слышит звук милосердной струны.
  6. Расколоты молнией старые храмы,
Страдалец-народ устремился туда.
Ослы, кони, люди и древняя память
Защиты от голода ищут всегда.
  7. Садится звезда на копье боевое,
Грай воронов слился со звоном мечей,
К стене бунтари понеслись волною,
И плачем погашен свет новых лучей.
  8. Уэльс звал соседей к большому союзу,
Чтоб вместе Испанию силы лишить,
Французская лига да будет ей грузом,
Который мешает свободу душить.
  9. Чужие хотят завладеть океаном,
Поддержат Бордо и Рашель и Руан.
Британцы, бретонцы, бельгийцы наносят им раны,
Их флот у враждебных им градусов и стран.
  10. Грабеж и разбои кровавою бурей
Семь раз по всему побережью пройдут.
Монако живет под невольничьей хмурию,
Вождь самоубийством закончил маршрут.
  11. Над городом будут воздушные битвы,
И в центре деревья срывает с корней.
В Венеции ждут короля для молитвы,
Нужны ли гондолы для царства теней?
  12. Затоптаны земли у озера Леман,
И сильно разлились По, Тибр, Хебрус,
Плоты и погибших считал водяной ли демон?
Двух взятых правителей встретила грусть.
  13. В темнице один пожирает другого.
Бьет молния в город, дворцы на куски разорвав,
Суда под водою грозят осьминогам,
В ковчеге золотой и серебряный сплав. [48]
  14. О, Франция! Где твоя прежняя слава?
Слабеют потомки великих отцов.
Честь, труд и богатство нам дети отравят,
Но верьте в того, кто спасет им лицо!
  15. Я знаю, как встретит военную славу
Неистовый регент на белом коне,
Но только не он будет Францией править,
А души погибших в мятежной войне.
  16. Зов сердца сильнее удачи и власти,
Принц Англии в двух поединках бывал.
Один для него обернулся несчастьем,
Любимый сын матери сам горевал.
  17. Ночь любит костер на хребте Авентайна.
Фламандцам досаден клубящийся дым.
Монарх изгоняет племянника тайно,
Но церковь не хочет об этом забыть.
  18. Сперва заструятся молочные ливни,
Потом вспышки молний весь Реймс огрустят.
Кровавые схватки отцов и детей мне противны,
Король короля будет видеть не рад.
  19. В Люкке умирает и принц и правитель,
Так ждите, что будет иной магистрат.
Молочных, но с кровью, дождей берегитесь!
Люкка! Бойся голода, войн и утрат.
  20. Бьет Восток королевство Гренаду.
Не струится, а кровью исходит Бетиз, [49]
Магометовым людям воспрять духом надо.
Ну, предатель с кордовы, хватай же свой приз!
  21. Была в Адриатике найдена рыба.
Ее голова, как у многих людей.
У всех корабельщиков волосы дыбом,
И нет петуха на просторах морей.
  22. Шесть дней этот город выдерживал штурмы.

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Война беспощадна с обеих сторон.
Здесь три заключенных, усталых и хмурых,
Бросают мечи и сдаются в полон.
23. Зайдет ли француз в Лигурийское море?
Увидит ли пальмы его островов?
Народ Магомета ждут голод и горе:
Араб гложет кости коней и ослов.
24. Настанут эпохи великих волнений,
Народ и довольство сгорят в мятежах.
Не сбился ль с пути возродивший нас гений?
Я – друг твой, о, Франция! Мне ли тебе угрожать?
25. Он будет владеть королевством Наварра.
Неаполь с Сицилией вместе пойдет.
Фойкс сдержит Бигорру и Ландес недаром,
Один слишком сильно к Испании льнет.
26. Не думайте про короля или принца,
Что он одновременно идол и Бог,
Пусть рок воскрешает гонимых провидцев,
Что трубят в украшенный жемчугом рог. [50]
27. На эти сокровища не наглядеться,
Но принц Либяны к богатству привык.
Французу не ясно арабское сердце,
Но будет понятен арабский язык.
28. Красивая женщина станет у власти,
На долгие годы пленив короля,
Народное благо не жертвуют страсти,
И худших времен не видала земля. [51]
29. Быть дерзостным битвам на море и суше!
Погибнет в боях поколение отцов,
В открытиях науки погибшие души
Куют для реванша оружие сынов.
30. Дерзкий гений боев и турниров
Тот, который и хитростью брал,
Сдал судьбу шестерым командирам,
Взят в постели среди одеял. [52]
31. Две армии трижды сшибутся в сраженьи:
В Мединской, в Арабской, в Армянской земле.
Народ Сулеймана стал гибнуть в мученьях,
И берег Аракса о славе скорбел.
32. Могилы найдут Аквитанские люди
В сожженных раздольях Тосканских земель,
Марс в угол немецкий заглядывать будет,
И скорбно звенит мантуанская трель.
33. Как чудо, такой переход через Альпы.
Большой полководец обставил врага,
Замолкли вдали орудийные залпы.
Солдат не страшат голубые снега.
34. Не полдень ли время явления зверя?
Затмение солнца пророк предсказал.
А ранее в голод никто не поверил,
Надежных запасов никто не создал.
35. Покинули многие Запад Европы,
Где вождь будет родом из низких людей.
Одним – все соблазны, другим – плеть и ропот,
Так учит он жизнью и миром владеть.
36. Будь проклят, жестокий и злобный еретик,
Хотевший народ и закон изменить.
Сгорит его власть. Кто за злобу в ответе?
Людей, им убитых, нельзя воскресить. [53]
37. Снаряды разрушат старинные стены,
И кровь будет смешана с ярым огнем,
Молись, осажденный, боящийся плена,
Был коршун заклеван свирепым орлом.
38. Мечом разрубается сбор винограда.
Француз и союзник – у горных вершин,
Победы иль смерти добиться им надо..
Что сговор правителей нам предрешит?
39. В три месяца думали семеро дерзких
Совсем Аппенинские Альпы занять,
Но бури и трусость того генуэзца
Ослабили злую и хмурую рать.

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
40. Война, точно бой гладиаторов в цирке,
Кровь смочит песок и теперь, как тогда.
Кого тянет в сети кровавый и приткий?
Чья гибель коварством и злобой горда?
  41. Сверхметким снарядом летящему змею
Был в воздухе вышиблен огненный глаз.
Измена в совете правителя зреет,
И будет не выполнен строгий приказ.
  42. Двухзубый младенец родится к несчастью.
В Тоскании каменный падает дождь,
Ячмень и пшеницу повалит ненастьем,
В бесхлебные годы жизнь станет невмочь.
  43. Они – родом с Тара, Гаронны и Лота –
Пробьются к врагу с Аппенинских хребтов.
Могилам близ Рима с Анконой нет счета,
И черный в трофей обернуться готов.
  44. Ей больно за нас, а совсем не от молний.
Грозе ненавистен страдальческий лик.
Глядит Богоматерь на нас, будто мы в преисподней,
Паля над землею, похожей на стон и на крик.
  45. В храм Божий прокрались пять святотатцев,
И кровь пролилась на церковном полу,
Кому над законом пришлось измываться?
И право в Тулузе бесчестьем зальют.
  46. Спроси у покрытого звездами неба
Про город, который построил Планкус. [54]
Ни злого, ни доброго больше не требуй –
У судеб порою меняется вкус.
  47. И бури эпохи срывают знамена,
Но ждет возрождения бывший монарх.
Надежды его на Восток несогбенный,
И вот в Митилены погнал его страх.
  48. Убить половину! Другие зачахнут.
Семь тысяч несчастных томятся в плену.
Крепитесь, огарки! Надеждой запахло.
Как жаль, что пятнадцать в могилу сойдут.
  49. Всю Францию ждут перемены крутые,
События летят на бунтарских конях.
Мятеж учреждает законы иные,
В Париже, в Руане господствует страх.
  50. Республика держит кровавое знамя,
Как праздник встречая уход короля,
Но только погаснет мятежное пламя,
И смерть эшафотов увидит земля.
  51. Блуа не желает кровавой дороги,
Париж станет центром великих убийств,
В Ажане, Труа и Лангезах угрюмо жить многим,
Зато Орлеан ценит прежнюю жизнь.
  52. Есть страны, где рожь от дождей пропадает,
В Апулии ж засуха губит хлеба,
Орлиную слабость петух замечает,
И льва изнуряет больная борьба.
  53. Так! Аугсбург, Нюрнберг взяты врагами,
А их подчинит себе вождь Агриппин,
Во Фландрии реет военное знамя,
Во Францию сильный противник спешит.
  54. Испания!.. Годы великой разрухи,
А после – порядок и твердая власть...
Две армии бьются и служат враждующим духам,
И беженцы в пропасть боятся упасть. [55]
  55. Король одноглазый теперь опечален:
Великий с Блуа его друга убил.
Законы страны и двора горевали:
Всю Францию надвое гнев разделил.
  56. Я вижу, как рушатся стены в Лионе,
Как бурей сносит в Париже мосты...
Ведь большую часть шестисот семи дюжин хоронят,
Дождь с градом сечет на дорогах кусты.
  57. Семь раз изменяла вся Англия облик.
Почти триста лет кровь струилась рекой.
Германия с Францией ждали здесь долго,

- Страна над раздвоенной звездной судьбой. [56]
58. В Норильских горах был родной ему воздух.
Величие дел его смели забыть.
Большой человек в мир пришел слишком поздно,
Но Венгрию с Польшей успел защитить.
59. Мне страшен неведомый третий правитель
Загадочной, варварской, снежной страны,
Его же соратники им же убиты,
И старость его только ад охранит. [57]
60. Из Азии вырвутся демоны злобы,
Памфилию с Лидией ждет крутоверть.
Здесь темный конец может многих угробить,
И кровь пропитает и небо и твердь.
61. Великое братство с крестом христианским
Близ бурной реки тихий свет разнесет,
Из Месопотамии шло постоянство,
Которое враг и предатель взорвет.
62. Рука коротка, но язык его остер и длинен.
И он в Каркассоне опору найдет.
С бурливой Дуро, с Киринейского моря он виден,
И он до вершин Пиренейских дойдет.
63. Могущество Рима в куски разлетится.
Великий сосед разделяет судьбу.
Сомнительный гений в шута обратится.
Вчерашних союзников гонят и бьют. [58]
64. Шах Персии будет с коммерческим флотом.
Судам боевым – оттеснять мусульман!
В Цикладах грабеж, будут в Лидии их аванпосты,
Им отдых в порту ионическом дан.
65. Дождались выборов нового папы,
Но рано достойный погиб кандидат,
Из древней гробницы вампировы лапы
Послали внезапно подсыпанный яд.
66. Погибнет великий Бейлиф Орлеана,
Замучен он мстящей, коварной рукой,
Ему ноги, руки связали обманом
И пыткой отправили в вечный покой.
67. Взойдет деспотизм философии новой,
Предтеча германской атаки на мир,
Крамольные мысли и смелое слово
Фанатики гнева хотят усмирить. [59]
68. Заброшены в Крым италийские части,
Испанцы зачем-то пробрались туда,
Кто глупо растравит чужое несчастье,
Сам гибнет во вражеских гневных водах.
69. Пойдет далеко молодой полководец,
Но пленом закончится слава его,
А полукабан старика в миротворцы проводит:
Шалон и Мансон слепо дружат с врагом.
70. Великобритания (значит, и Англия) будут
Страдать от разлива взъярившихся вод,
Ее Итальянская лига осудит
И снова поднимет народ на народ.
71. Те островитяне спаслись от осады,
Дав резкий отпор удалому врагу.
Те, кто голодал, будут искренне рады
Ограбить врагов, что в смятенье бегут.
72. Лежит в одинокой могиле правитель,
И берег реки стережет его прах...
За золото титул другому купите:
Плебей держит знать в драгоценных тисках.
73. На горе всем тем, кто не с ним и не с ними,
Хромец дотянулся до важных постов,
Позор для страны это громкое имя,
Зверей не смягчить христианским крестом.
74. Неаполь, Флоренция, Фаенца с Имолой
Натерпятся горя от их неудач.
И был недоволен несчастный из Мола,
Дразнивший начальство, терпи и не плачь!
75. Верона, Винценца и вся Сарагосса –
В крови, что стекает с преступных мечей.

- Злодеев, бандитов к ответу не просят...
Как долго нам ждать благодатных лучей.
76. Откажется немец от веры христовой,
К языческим жизнь повернет временам,
душа его будет в темнице суровой,
И он за жестокость поплатится сам.
77. Конец октября двадцать пятого года,
И век двадцать первый с тягчайшей войной,
Крушители веры своих устыдятся народов,
Шах Персии смят египтянской враждой.
78. В темнице томятся матросы с Востока,
Их взяли шесть немцев с шотландским вождем,
С Калькре до Испании топчет их роком,
Рабов, как подарка, шах Персии ждет.
79. Весь город охвачен тревогой и страхом,
Жалея напрасно разрушенный мост,
Маньяк, политическим поднятый крахом,
Занял генеральский, ответственный пост.
80. Стрекозы командуют бурей и ветром,
Железная буря – в груди у стрекоз,
Эрвин и Антибы войною отпеты,
Кто жизнь защитит от смертей и угроз?
81. Фатальны и тягостны судьбы фоцена,
И выполнен будет суровый приказ,
Весь порт, точно волнами с гневною пеной,
Был залит врагом, что всем спуску не даст.
82. Его англичане отвергли с позором,
Гнев сжег бредовые советы его,
Партнеры непрочную стали опорой,
И выродок так и остался врагом.
83. Агент с Аквитании брошен в темницу,
Кельт длинноволосый его разглядел,
Какие же силы теперь под запретом?
И кто напряженность создать захотел?
84. Я вижу руинный, заброшенный город,
Он вымер, и жителей нет у него,
Бежали блудницы, убийцы и воры,
И мертвые пушки не ждут никого.
85. Был город захвачен коварством, обманом...
Разгул Раубинов вблизи от Ланде.
Предатель-юнец не пирует в их стане –
Убит он; друзья его гибнут везде.
86. Вожак, из Осона, в Испанию хочет,
Но путь его прерван в Марсельском порту,
Тоска перед смертью смежит его очи,
Предвидя грядущее чудо в цвету.
87. С Сардинии в Корсику флот не прибудет,
Обидно за Францию в этой стране,
Ведь, веря ей, гибнут и мучатся люди,
А берег так ревностно ждал кораблей.
88. Огромную армию жди с Барселоны,
И вот уже страхом ореян Марсель,
И страх острова очень сильно затронет,
Предатель плывет, чтобы скрыть свою цель.
89. Отрезана помощь с Эгейского моря,
Убит был старик, что хотел воевать.
Король с королевой в соблазне и горе:
И Кипр не может с врагом совладать.
90. Был пойман Сатир или Тигр Хиркании,
Везет адмирал драгоценный трофей.
Карманья уже за кормой; флот был в синей стихии,
К Фоцену неслись паруса кораблей.
91. Засохшее черное голое древо
За ночь возродилось, листвою шелестя.
Пусть честную мысль гонят мезью и гневом!..
Ведь ею, как солнцем, всю жизнь осветят.
92. Последний период всю землю задушит,
Сатурну нас поздно спасать от обид.
В империи множатся черные души,
И вырвет Нарбонн ей глаза из орбит.
93. Правителю надобно быть в Авиньоне,

- Когда опустеет от распрей Париж,
И гнев каннибальский Триканцев не тронет,
На смуты Лион променял гладь и тишь.
94. да, скоро появится гений на свете,
Что станет орнаментом новых времен,
Искусство и мысль всех последних столетий
Еще не видали столь мощных знамен. [60]
95. Есть сила в ученье и вымыслах Мора,
Ее сквозь века понесет Борисфен. [61]
Здесь бурей ломает гнилые опоры,
И шторм стал стихией иных атмосфер. [62]
96. Фосанца нашли с перерезанным горлом,
И гончие псы верят в черный успех,
У скал Тартианских дыхание сперло.
Февраль! День тринадцатый знал этот грех.
97. империя варваров встретит крушенье
Скорее, чем Феб совершит оборот,
И Сирия встретится с преображеньем,
Раз новый расцвет в Палестину придет.
98. Один на другого поднялись два брата,
И вспыхнет война не на жизнь, а на смерть,
Любая победа умножит утраты,
И пролитой крови векам не стереть.
99. Две армии сшиблись в свирепом сраженье,
И топчут медовое поле бои.
Вершины Дюранса всей Месопотамии внемлют,
Раз Франция ведает цели свои.
100. Во Франции будут террор и насилья,
Завистник падет, пораженный стрелой.
Не казнь ль короля даст нам новые крылья?
Кто ж – друг или враг – нас прославит войной?
- ЦЕНТУРИЯ IV

1. Здесь жалкий остаток непролитой крови,
Венеция слабнет теперь для борьбы,
Но к битвам, союзники, будьте готовы
И слушайте первые зовы трубы.
2. Флот двинулся к морю, войска – к Пиренеям,
И Франция яростно ринется в бой,
Став беженкой, знатная дама мрачнеет.
Испания борется с горькой судьбой.
3. Гасконцы готовят мечи для отпора,
Льют бронзу людскую Аррас и Буржес.
Испанская кровь брызнет в Рону с позором,
И горный Сагунтис не виден с небес.
4. Принц немощный был возмущен и рассержен:
Петух с либикией разграбят страну,
Рои парусов устроят побережье,
Но им итальянцы свой брег не сдадут.
5. В церквах славят мир под Божественным словом,
Испания с Францией дружно живут,
Но крест истекает солдатскою кровью,
Сердца новых битв с замиранием ждут.
6. Эпоха наденет нам новое платье:
Стал век революции веком машин!
В тени эшафота все люди есть братья,
Обман на процессах нас будет страшить.
7. Да, трон недоступен стал юному принцу:
Проказой изъедено тело его.
Мать чахнет от горя, совсем не боясь заразиться,
И властвовать будет здоровый, другой.
8. Град был опрокинут внезапной атакой,
Противник успел часовых перебить,
Разбиты врата Сент-Квентина во мраке...
Когда же убитых начнут хоронить?
9. Так! Лук и в толпе отыскал воеводу,
Стрела между ребер коварно впилась,
Льет слезы Женева, почуяв невзгоду,
Лозанна с ней подло и зло обошлась.
10. Страдать без вины горько юному принцу,
Он жертва интриги и яростных ссор,

- Вождь гибнет, восстание может продлиться,
Раз троны сжигает мятежный костер.
11. У них вместо почвы парчовая скатерть.
Двенадцать, все в красном, сидят у стола.
Знай, грязью и кровью покроется паперть;
Преступны творимые ими дела!
  12. Весь лагерь сперва разнесли по приказу,
Погнались потом за бежавшим врагом,
Недолго удержится взявший нас сразу:
Французу не быть под чужим сапогом!
  13. Правитель уйдет из своей же фаланги,
И все поразятся, услышав приказ,
Мятеж поднимается с левого фланга
И снова утраты обрушит на нас.
  14. Внезапно скончается крупный правитель,
Весь мир поразивший размахом реформ,
Но будет преступным его заменитель,
Неистовый враг всех традиций и норм.
  15. Таких не погубишь голодным измором,
Глупец, кто хотел затопить их в воде,
Страной отвоевана суша у моря,
Пшеница и масло красуются здесь. [63]
  16. Быть вольному городу в рабстве и горе!
Мечтатель чужбинных поймет беглецов. [64]
Пусть царь с ремеслом не желает в ссоре,
Так трудно потомкам забыть про отцов!
  17. Салон, Бин и Нус омрачат перемены,
А герцог налоги жестоко взвинтил,
Хвост рыбы железной был в злости и пене,
И дверь внутрь рыбы купец смастерил. [65]
  18. Наука и мысль нам дарованы Богом,
Но будут объявлены тяжким грехом,
Фанатик и деспот духовно убоги,
Раз гении заживо вспыхнут костром.
  19. Руан под осадой Италии будет,
От гула дрожат и земля и вода,
Грабителей с Кента и Льежа не судят,
Рыбак с побережья вторженцам не рад.
  20. Так вышло, что очень недолго гордился
Покоем и миром благой Флэр де Лиз, [66]
Надежды за плот не могли ухватиться,
И трупы на вязкое дно улеглись.
  21. Предвижу во всем перемены крутые,
Деревня и град вместо воли – в цепях.
В изгнанье – ценивший иные святыни,
Народы и страны низринуты в страх.
  22. Пресечь собираясь гражданскую битву,
Монарх сбросил с плеч свой оборванный плащ,
Был жалок сменивший мечи на молитву,
Смещен мятежами был раб неудач.
  23. Во флоте появится страшная сила:
В гремучую смесь входят сера, смола...
Селинцев огнем и удушьем косило,
И враг станет жертвою грозного зла.
  24. Бунтарь раскидает сокровища в храме,
Глаголом мадонн говорят подлецы,
Святых убивает бесовское пламя,
Но их человечность не сгубят льстецы.
  25. Мы звезды откроем оптическим глазом,
Невидимый мир воссияет во мгле,
Нас Бог вдохновит сокровенным указом,
Космический путь приближая к Земле.
  26. Никто не узнает, откуда опасность,
Нас жалят рои разъярившихся пчел,
Измена пяти языков не напрасна,
И преданный город к паденью пришел.
  27. Античному храму сродни пирамиды,
Руина даст датскому принцу совет:
«Меняйте, как выкуп за храм Артемиды,
Названье богов на названья планет».
  28. Мне нравится звездная статуя Венус,

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Сквозь мрамор классический солнце течет,
Меркурий огонь в ней откроет, наверно,
А слух о войне все растет и растет.
29. Пусть Солнце затмить пожелает Меркурий,
Свой горн водружая на небе втором,
Вулкану Гермес фимиамы воскурит,
Чтоб вспыхнуло солнце златистым огнем.
30. Одиннадцать раз был без солнца наш месяц,
Алхимик секреты не всем раздает,
Искомое золото так мало весит,
Раз жизнь на чаши лишь скорби кладет.
31. Высокие горы ждут новой Софии:
Прекрасен ее пронизательный мозг!
Она – вся в огне, укрощая стихии,
Ей больно, что мир до любви не дорос.
32. Звериное славит вождей и народы,
С ним станет сражаться церковный закон,
Столетия пройдут сквозь террор и невзгоды,
Раз был утопизмом закон искажен.[67]
33. Юпитер был ближе к сияющей Венус,
Чем к мертвенно-бледному шару Луны,
Нептун гонит Венус к подводному плену,
Марс ценит знамена внезапной войны.
34. Стал пленным и в цепи златые закован
Большой человек из далекой страны,
Правителю Генриху был он дарован,
Милан под ярмом безуспешной войны.
35. В Этрурии, в Корсике – ночь с перерезанным горлом.
Огонь прекратился, но в копоти лики мадонн.
Всему королевству дыхание сперло,
И грозен был шелест враждебных знамен.
36. Французы! Игра начинается снова!
Победа в Пьемонте, и к новым боям!
Романья с Испанией к страху готовы.
Правитель, молись грозным облакам!
37. Не страшны французам высокие горы,
С вершин Савоярда солдатская лава течет,
У армии высшая точка опоры,
И флот геновцев назад уплывет.
38. Томится в темнице великий царьградец,
Король с королевой забыли о нем,
Несмытая кровь на доспехах, не глянец,
Один усмиряет другого мечом.
39. Арабские силы, я знаю, ослабнут,
И это в Испанию волю вдохнет.
К кому же родосцев события притянут?
Брезгливый преемник ведь к ним не идет.
40. Орудия с грохотом рушатся в яму,
Осаду не снять в укрепленных местах,
Сакристы оставили жалкую память,
И ценность их мессы рассыпется в прах.
41. Блудница по лагерю рыскает зорко.
Начальник желает от пленной утех,
Надуть его будет не так уже горько,
Ей жаль, что из плена не вызволишь всех.
42. Да, золото фунтов на тридцать потянет,
Суссет и Лозанну за них предадут.
Шартрезцы Женеву пленят в Монтлемаре,
Гренобльцы и Дольцы за ними пойдут.
43. Где ж воздух оглохнет от гула орудий,
И кровью замараны ризы святых?
За веру убийством наказывать будут,
И войны шатают любовь и кресты.
44. Во всех городах будет злая неделя:
В Кагор, в Лимож, в Кастрес лишение придет.
Что ж! Мытарь с Бордо преуспел в своем деле,
Раз звон колокольный обжег Перигорт.
45. С его поражением гибнет эпоха:
Большой полководец себя потерял.
Не павшим, а спасшимся жить станет плохо,
Один непогибший про всех рассказал.

46. Скорее и лучше готовьтесь к защите,
Чтоб Тарс не был скопищем жалких руин!
Туманами Лондон и Нант укротите!
Погода – защитник жестоких годин.
47. Он всех утрашал своим яростным видом
И мраморных статуй касался плечом.
За ноги повешенный вождь на судьбу был в обиде,
Такой не заслужит посмертный почет.
48. И вот над Бордо уж все небо затмили
Армады железных шмелей и стрекоз,
И крыши над городом Богу молились:
Так низко летят эти вестники гроз.
49. Казнен пред толпой человек и провидец,
Распятъя кострам могут боль сообщать,
Но мученик Духом Святым был увиден,
Чтоб мысль и любовь всей земле передать.
50. Никак азиатские силы не сгинут,
Раз семь иерархов имеют успех,
Владыка земли и небес крест не скинет,
И править Испанией Либре не грех.
51. В тот день, как баталия будет у Ганга,
Сам Раджа отважно пойдет на врага,
Не дав передышки своей же фаланге,
Которую пленом нельзя испугать.
52. Стал запах лимона отравой и дымом,
А ветер гнал дым на отряды солдат,
Удушье от яда врагу нестерпимо,
И с города будет осада снята. [68]
53. Бежавшие ищут путей к избавленью,
Живым барельефом ползут по стене.
Отец и друзья задыхаются в сильном волнении,
Теряет сознание сын, а спасения нет.
54. Расколоты молнией души и страсти,
Французы под гнетом тягчайших времен,
В Италии, в Англии против нас власти,
Вождя с этой женщиной гонят в полон.
55. Недаром здесь статуи кровью исходят.
На башне метался кирпичный петух,
Убийство тирана пророка прославит в народе:
живет в предсказаньях божественный дух.
56. Солдат-император не знал поражений,
Победы плодят легионы смертей,
Но речь его к армии терпит крушение:
Язык гибнет в пламени дерзких идей. [69]
57. Прозренье ученых под гнетом запретов,
Раз зависть невежд оболъстит короля,
Но правдой наложница и королева согреты,
И обе науке цвести повелят.
58. Здесь глотки сжигает горячее солнце,
Сын главного кружит над кадкой с водой,
Этрусская кровь по земле разольется,
Плененной же Турция станет судьбой.
59. За кружку воды отдаем что угодно!
Ведь всем осажденным так душно в огне.
Порт близок к паденью, старик чужеродный,
И к нищце пора бы пойти Генуе.
60. Да! Семь с малолетства в заложниках ходят,
И третий родного ребенка убьет,
два сына в бегах и отчаянье бродят,
Флоренция и Генуя – вот второму оплот.
61. За то, что его поддержал чужеземец,
Седого правителя сбили с поста.
Отмстит сыновей непокорное племя
Тому, кто пытался Руан предавать.
62. Взлетит высоко энергичный полковник.
Часть армии слепо поверит в него.
Нет принца теперь под дворцовою кровлей,
Прибежище будет открыто врагом. [70]
63. Вся армия келтов сражалась с Хайландом,
Военная хитрость сломила врага,
Но с гор катит камни мужицкая банда,

- И шагу дубина могла достигать.
64. Пятнадцать солдат, что в заложники взяты,
Спасут королю и поместья и жизнь.
Везде демагоги словами богаты,
дела же их склокой и смутой взвилась.
  65. Когда дезертиры готовы на подвиг,
То был император на казнь осужден,
Страна содрогнется от яростной нови,
И в крепости много истлевших знамен.
  66. Фонтаны заманчиво искрятся ядом,
Отраву струит лицемерный привет,
Теперь Генуе милосердья не надо,
Семь бритых голов чтят обманчивый свет.
  67. Сатурн, как и Марс, накалились недаром,
Раз войны жгут местность секретным огнем,
Искусственный ветер, заправленный жаром,
Сменяется диском с холодным дождем.
  68. К вам так благосклонна планета Венера,
Великий султан с африканским вождем,
А Истр и Рейн в грозовой атмосфере,
И берег мальтийский пиратов клянет.
  69. Зброшен большой окровавленный город,
Раз здесь побывал человеческий зверь.
Аквиллия слово дать Парме готова,
И оцепененье настанет везде.
  70. увидят вблизи Пиренейские горы
Великую армию в схватке с Орлом,
Войне вскроет вены и армии слабость откроет,
Хоть вождь не повален орлиным крылом.
  71. в колодце покоится жертва ошибки:
Убили служанку замест госпожи,
И брошка на платье резвится как рыбка,
Самой госпоже до венца не дожить.
  72. С Ажана, с Лектора придут Артомиксы, [71]
В Сен-Феликсе служат иной Отче наш,
Несчастья к базанцам в то время проникли,
Кондон и Марсан на подмогу спешат.
  73. Был силою взбешен великий племянник,
И грек малодушное сердце растлил,
А герцог процессом Феррари и Асти поранит,
Так жизнь пантомиму в слезах воскресит.
  74. Германцы и их боевые наймиты
Пойдут на английский военный союз,
Нашествие будет, я верю, разбито,
Но многие жизни в боях пропадут.
  75. Эпоха его безнадежна для слабых,
Сильнейший и умный победы стяжал.
С ним гвардия многие земли разграбит,
Но в снежной стране победитель пропал. [72]
  76. духовную тьму пронесут перигортцы
До Роны, до темных ее берегов,
И проповедь в церкви у нас передается.
Гасконь и Бибера дают ей врагов.
  77. крест будет служить единению мира.
В Европе король миротворцев умрет.
Властитель Селин рад Италии милой,
Пиратов к порядку закон призовет.
  78. Здесь ночью беззвездной мечи обнажатся,
Зря в Парме пришельцы бывали сильны,
Ведь семьдесят девять лихих чужестранцев
Погибнут на фронте гражданской войны.
  79. в Марсане, в Наварре нет хлеба ни корки,
И голод всему угрожает Бордо,
Тогда даже желудь и винные пробки
Покажутся жителям вкусной едой.
  80. Огромную траншею близ большой реки прорыли,
Разделена она водой на пятнадцать частей.
Пожары кровавые, крики и битвы город охватили,
Столкновением озабочено большинство людей.
  81. Мгновенно строй лодок становится мостом,
Солдаты на берег иной перешли.

- Семь сбиты копьем, что отточено остро,
Брюссель от волнения и страха дрожит.
82. Замучились кони от быстрого бега.
В Олтении замки и села горят.
Хотя их вожак повторяет Олега,
Ему не отстроить разрушенный град.
83. Была им проиграна битва ночная,
От сына родного бежал капитан,
Ушли его люди, восстать не решаясь,
И звезды оплачут покинутый стан.
84. Большой человек погибает в Оксере,
Он скован, и держат его под замком,
Его ж подчиненный стал яростным зверем,
И рок его звездам давно был знаком.
85. Фальконец мечтал о свободе народа,
Но пленным на черном верблюде сидит.
Он возит навоз для чужих огородов,
И белого черный унижить велит.
86. Жестокие звезды сойдутся для встречи,
К величью могучий придет властелин,
Убийца безвинных, он бесчеловечен,
Рейн с Эксом под гнетом безумных годин.
87. Что ж, сын короля стал отличным лингвистом,
Но с старшего брата корону не сбил,
Тесть младшего был возмущен и неистов,
А зять его жизнь и мечту погубил.
88. Антоний! Какое эффектное имя,
Но это же, в сущности, жалкий позер,
Зачем порт Эслей разъяренной волной опрокинет,
И волны поглотят бескрайний простор.
89. Все тридцать уже собираются в Лондон,
И заговор должен сместить короля.
День выборов новой элитой создан,
В низинах вкус крови почует земля.
90. Двум армиям трудно и тяжело держаться,
В ознобе теперь и Милан и Тицин,
Здесь нету ни хлеба, ни лука, ни мяса,
Защитник кору обдирает с осин.
91. Обманом его отвели от дуэли,
Не ведали все, кто томится в тюрьме,
Теперь правит сын, раз отца проглядели,
Корабль вдали от намеченных мест.
92. Полощется труп его траурным флагом,
В петле капитан, но нетленна душа.
Склонитесь, антенны, волшебною шпагой!
Пусть ветер завоюет во многих ушах!
93. Змея подползет к королевской постели,
Ночь видела роды, не лаяли псы,
Тебя, новорожденный, небо хотело,
Достигнешь ты славы, величья, красоты.
94. Два брата придут из Испании старой,
Стал старший грозой Пиренейских вершин,
Германцы польются кровавою лавой,
Но все же не им судьбы мира вершить.
95. Правление двух будет очень коротким:
Лишь год и семь месяцев длился покой;
Стрела Армоника младым завоевана волком,
Правители слышат разбойничий вой.
96. Сестра у Великой Британии будет,
Рождения брата ей ждать пятнадцать лет.
Их путь хоть и славен, но горек и труден,
Реформы в кровавый наряжены цвет. [73]
97. Крепит Португалию умный правитель,
Надолго он мир обеспечит стране,
Он прежних традиций упорный хранитель,
Такой не подпустит народ свой к войне.
98. Лангез покрывался волной полушлемов.
Албанцы проходят сквозь вянувший Рим,
Кровь, горе, огонь здесь пока что нетленны,
И вдовый маркизу не слышится крик.
99. Настанет эпоха невиданных молний,

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Их сын королевы в сраженьях добыл,
Во Фландрии рвутся последние корни,
И вот у Испании нет больше сил.

100. Дворец короля – точно треснувший факел,
Ведь с неба летит смертоносный огонь!
Семь месяцев длется сраженья и драки,
Руан и Эрекс под судьбой горевой.

ЦЕНТУРИЯ V

1. Те двое встречались и спорили в церкви
(А кельтское завтра в руинах лежит),
С кинжалом в груди всадник, гибнущий зверски,
Его схоронили без шума, в тиши.
2. Их семь против трех, покидающих судно
(На пире доспехи злорадно блестят),
А тот, кто два флота водил многолюдных,
Великим стрелою с поста его снят.
3. У герцогства будет законный наследник,
Тосканские воды он видит вдали,
Ветвь Франции – на флорентийских коленях,
Морские туманы ее принесли.
4. Великий бульдог, покидая свой город,
Был зол на невиданный дикий союз,
Он шел на охоту с разгневанным взором.
Медведь! Перед волком держись и не трусь.
5. Он схвачен за чтением фальшивой поэмы,
И падшая девка лишит его сил.
Деревни и город душил этот демон
И черною тенью свободу накрыл. [74]
6. И так, над главой его длань кардинала,
который молился, чтоб мир наступил,
Но буря в глазах полководца взыграла:
Он скипетр левой рукою схватил. [75]
7. Гордитесь, Октавий, Антоний, Лapidус:
Ваш прах потревожен чрез множество лет,
Металл или мрамор сокровища выдаст,
Направив в грядущее мертвенный свет.
8. Шары будут сеять и гибель и ужас,
В снарядах скрывается смерть и огонь,
Раз город ночной флот чужих обнаружит,
Из зданий горящих спасайтесь бегом!
9. Пленили вождя под высокою аркой,
Хоть друг и хотел его предостеречь.
Кто будет рожден бородатую женщиной гадкой?
Казнь герцога люди бессильны пресечь.
10. Близ погребов бились и падали люди,
И тех и других мучат раны и кровь...
Вождь гибнет, но все же его не забудут:
Четверка дорвалась до вражьи рядов.
11. Луч солнца окрасит спокойное море,
Но Африка ждет грозных кораблей.
Сатурн с королевством не хочет быть в ссоре,
Ждет порт азиатский иных якорей.
12. Да, заговор помнят женевские волны.
Предавшему город из мести убьют,
Но всеми, кто с ней, будет Аугсбург полон,
И рейнские звери на приступ идут.
13. Ветвь варваров вырастет в сердце Европы,
Власть будет у диких и страшных людей.
От скал Гибралтара до Венгрии волчьи проложены тропы,
И Бельгии с Францией время сесть.
14. Да, битва близ Мальты – беда для испанцев,
Герой африканский их флот разобьет.
Живым взятый в плен принц с трудом им сдавался,
И скипетр Рима Петух заберет.
15. И римского Папу пленили на море,
Заставив страдать обезглавленный клир,
Преемник посеет скандал и раздоры,
И смерть его друга обрадует мир.
16. Не будут в цене сабианские слезы,
Раз плоть наша к смерти идет через боль,

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Корсарский корабль нес фаросу угрозы,
Родосский фантом входит в грозную роль.

17. Его заговорщики предали смерти,
Погиб однорукий и храбрый король.
Так ночь у Андронны вы зверством измерьте,
А кипр и войско почувствуют боль.
18. Тираны так часто трагически гибнут,
Напрасно создав гекатомбы из жертв,
Былые законы все с радостью примут,
И принца седьмого ждет верная смерть.
19. Когда золотой был с подмешанной медью,
Монетный скандал вызвал эту войну.
Отведают варварской крови созвездья,
Утрата вождя обезрадит страну.
20. Да, Альпы узрят восхождение зверя,
Чья кожа казалась солдатским сукном,
Тосканцам внезапность внушает доверье,
И чудо в соседний вернет его дом.
21. Латинский монарх умер собственной смертью,
Преемник пожарами был освящен.
Грабители! Подлому счастью не верьте!
Палач вам предъявит солиднейший счет.
22. Вождь молится духам старинного Рима,
Потом чужестранные дрогнут полки,
Когда эскадры в засаде, то ждать нестерпимо,
Свой красный за красных сражаться привык.
23. Большой человек в темной Африке будет
Испытывать ужас, мученья, террор,
Два спорщика распри свои позабудут,
Пока примиренье не вспыхнет в костер.
24. Давно астролог сводит звезды на землю,
И судьбам истории нужен фонарь,
Закон и порядок для солнца приемлем,
Сатурн же полюбит руины и гарь. [76]
25. Я вижу кресты восстановленных храмов.
Спаситель Востоку почет воздает,
А Персию жгут еще свежие раны –
Почти миллион египтян к ней идет. [77]
26. Иная династия будет в России,
Страна за свободу свою восстает,
Народ, став от горя единым Мессией,
К расцвету и славе все царство ведет. [78]
27. Военной грозой дышит Черное море,
Персидской стрелой не задет Трапезунд,
Фарос с Мителеном – в тревоге и горе,
И волны восточную кровь понесут.
28. Кинжал вогнан в грудь, и лицо побелело,
Нога покалечена, рана в плече,
Те трое клянутся, что драться поспеют,
Большой генуэзец боится мечей.
29. Мне жаль, что свободы они не вернули.
Их всех оккупирует злобный дикарь.
Раз дьяволы мост над Дунаем взметнули,
Италия злится, почуяв удар.
30. Солдаты Парижа на улицах Рима,
Опять начались грабежи за мостом,
Поля, города и поселки покой не обнимет,
Солдат не разгонишь смиренным крестом.
31. Всю Аттику держит волна под угрозой,
Разрушенный мост не расправит крыла,
Страна, как живая античная роза,
А прежде классическим мозгом была.
32. Что ж! Все хорошо под луной и под солнцем,
Руины, как остов гнилых кораблей.
Пусть небо скорее к реформам пробьется,
Седьмую скалу рушит дерзость идей.
33. Рыданья и слезы на улицах Нанта,
Свободы скрываются в долгую тень,
Вождь счел непокорных толпой арестантов,
И горе сочится из каменных стен.
34. Кто – джин или демон – бушует в бочонках?

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
чей взрыв разметал облака парусов?
Блуа, видя флота британского гонки,
Мир купит за соль и вино с погребов.
35. Незримо войну поведут англичане,
В туман и волну зарывается флот,
Им камнем в желудке град вольности станет.
И скорбь Средиземное море зальет.
  36. Да, братец сумел для сестры постараться,
Смешав с минералом ночную росу,
Старухе тот яд мог лекарством сказаться,
Сестра же навеки отходит ко сну.
  37. Конец его судьбы трехсот переменит,
И месяцев двадцать пылает костер,
Низложен король, но король – не изменник,
С обмана начнется кровавый террор.
  38. Наследник престола жжет власть бурной жизнью,
Законы разбиты, и похоть цветет,
Но думал ли он о грядущем отчизны?
Пусть лучше Саллистский закон пропадет.
  39. Из города выйдут старинные корни,
Чтоб новой Этрурии род не зачах.
Так древняя кровь приучается к нови,
И мех флорентийский на женских плечах.
  40. Короны и нации ищут единства,
Смешалась с французской испанская кровь,
Но может ли прошлое с явью мириться
И долго ль продержится мост через ров?
  41. Он сам воскресит дух античной культуры,
И бронзовый век претворит в золотой,
Уйдут в полумрак замки, статуи, урны,
Чтоб стать для людей непогасшей звездой.
  42. Марс станет надстройкой над каменной башней,
О, Франция! Наш Аллоброкс у врагов,
Ломбардцам ближайшее кажется страшным,
И либра под гнетом орлиных кругов.
  43. Столетья! Чертите на траурной карте
Германию, Рейн, и Неаполь, и Понс.
Когорты смертей дорвались до старта,
Повсюду руины, мир горем зарос.
  44. Схватил кардинала пиратский корабль,
Чтоб мир, точно парус гнилой, разорвать,
Но помни, главарь, что мечом или саблей
Со всеми, кто с Папой, нельзя совладать.
  45. Империю ждет неизбежность распада,
Который дойдет до Арденнских лесов,
Сын старший двум вырождакам головы сносит для ада,
И лик ястребиный всем править готов.
  46. Под красною шляпой раздоры и схизмы,
Избранник в Сабине в том не виноват,
Он вытерпел гнет виртуозных софизмов,
И Риму албанцы ущерб причинят.
  47. Великий араб на просторной дороге,
Но турки его, все равно, предадут,
Родосом он встречен с тоской и тревогой,
И трупы из Венгрии зло приведут.
  48. Флот Африки будет встречать парномийцев,
И ужас грозит и воде и земле.
Враги своей лютостью станут гордиться,
И скипетр не любит свистящую плеть.
  49. Нет, он не испанец; из Франции старой
Тот кормчий, что церковь как судно ведет.
Противник разбойникам милости дарит
И все королевство бедой обожжет.
  50. Из братьев с гербом распустившихся лилий
Один даже Римом хотел завладеть.
Латинский позор эти годы не скрыли,
А туркам отрадна армянская смерть.
  51. Богемия, Англия, Польша, дакийцы,
Я знаю, единый союз создадут.
Недолго терпенье столпов Геркулеса продлится,
Барсийцы, тирренцы неволю прорвут.

52. Изгнанник, прославивший ненависть к трону,
Вернется, чтоб власть захватить над страной,
Пускай колесницы в крови не затонут:
Топтал Ипполитов расцвет роковой.[79]
53. Я знаю, что явится новый Спаситель,
Нет силы, способной разрушить любовь,
Так слово погибших пророков цените,
Чтоб вырвалось солнце из древних гробов.
54. Из черного моря, с татарского Крыма
Приходит к французам великий главарь.
Армяне, Аланы его с миром примут,
Но Константинополь найдет кровь и гарь.
55. Он с войском поднимет арабские страны.
Великий крепит Магометов закон.
Гренада свободною быть перестанет,
Но враг не сожжет италийских знамен.
56. Нет старого пастыря; новый – совсем не подвижник,
И выборы станут крушеньем надежд,
Он гонит добро из церквей и из жизни,
Такой недостойн священных одежд.[80]
57. Сойдет он с холмов у Кользье с Авентайном,
Чтоб армии дать долгожданный сигнал,
Стремясь между скал за наградою тайной,
Он славу под солнцем уже потерял.
58. Крутые вершины щетинятся лесом,
Плывет акведук в Утикан и Гордон,
Теперь не узнать в нем Неманского беса,
Он связан, и мост под защитой мадонн.
59. Вождь Англии долго стоял у Низмеса,
Муж рыжеволосый испанцам помог,
И топчут солдаты на битвенном месте
Падучие звезды ударами ног.
60. Что ж! Бритые головы сделали выбор!
Два пола сравниют огнем и мечом.
Им совесть за это не скажет спасибо,
И кровь потечет над горящей свечой.[81]
61. Великий навряд ли считал его сыном:
Ребенок ведь был от другого рожден.
От фера до Джениса дрогнут вершины,
И либрой неласковый знак утвержден.
62. Сатурн ближе к западу, Солнце – к востоку,
И скалы мрачны от кровавых дождей;
Война близ Оргона; наказан Рим роком,
Не радуется берег уход кораблей.
63. Бесхлебье и голод встают с горькой новью.
В галеры ударит война над волной,
У Тибра земля наливается кровью,
И был грабежами нарушен покой.
64. Сгущаются в небе суровые тучи.
Сеть бросила тень и в Отон и в Генес.
С двух башен поля видят двое могучих,
Как будто на куполе меч, а не крест.
65. Пришел лишь один, подгоняемый страхом,
И страстная женщина скрылась из глаз.
Пусть знать под угрозой скорого краха.
Большой человек разозлится на власть.
66. Кто видел, как светится лампа Трояна?
А рядом разбитый грустит акведук,
Златой и серебряный сон прерывать еще рано,
Клад врыт был в давно заколдованный круг.
67. Да! Не был одетым правитель Перуджи,
Семеркой он схвачен нагим в темноте.
Пусть бунт с неудачами скоро подружит,
И сын и отец смерть несут на кресте.
68. К водам глубокого Дуная и Рейна
Приник и большой и упрямый верблюд.
Вся Рона с Луарой его не приемлют,
И в Альпах Петух собирает свой люд.
69. Проснулся уж в нем полководец великий,
Он золотом славы все войско покрыл,
Он в Африке гложет древнейшие кости и лики,

- Солдат его отдых и сон заслужил.[82]
70. Ждет Константинополь большое страданье,
Раз в плен византийцев Восток поведет.
Союз христиан может снять поруганье,
Но кто же скамандует: «Смело вперед»?!
71. Подвластна вся армия воле тирана,
Но злоба разбилась о водную ширь,
Семнадцать судов не дорвались до брани,
И Рона повергнута в праведный мир.
72. Эдикт благосклонен к любым наслажденьям,
В законы волюет обольщающий яд.
Венера мечтает о сладостном зелье,
Где с солнцем был смешан ночной виноград.
73. Поруганы будут старинные храмы,
И дети ограбят своих матерей,
История ставит еще одну драму:
Арабов и Польшу покинет еврей.[83]
74. Германия станет могучей и сильной,
Ее укрепляет троянская кровь,
Народы с Востока смешались бы с глиной,
Но мощь из возмездья рождается вновь.
75. Они будут справа, а вождь – на кубическом камне.
Вершины сияют бессмертным добром,
Но левой рукою зажженное пламя
Не гасят суровым и замкнутым ртом.
76. Шалаш его любит обветренный воздух,
Отребе поможет его приютить,
Но Экс, Лилль и Воле не дадут ему отдых,
И след его время не может забыть.
77. Когда превратится честь Экклезиаста
Во время идущих по солнцу часов,
То церковь падет вместе с правящей кастой,
И бури приносят нам дикое зло.
78. Две силы терпели друг друга недолго,
Тринадцать годов выждал варвар-тиран,
Корабль государства разбили пороги,
Хоть вождь был грозой чужих ему стран.
79. С ним связан восход человеческой эпохи,
Приходит нам давший великий закон.
Война меж своими при нем не заглохнет,
Достойный преемник ему не рожден.
80. Пускай Огмион[84] видит Константинополь,
И варваров хочет оттуда изгнать,
Меж ними и Францией вырыта пропасть,
Нам зло за решеткой придется держать.
81. Орел пролетает над солнечным градом,
Оракул семь месяцев знал про поход,
Стена на Востоке кирпичным взлетит водопадом,
Семь дней злой противник стоит у ворот.
82. На милость врага осажденный не сдался,
И он не откроет ворота врагу,
Пока Арбуа и Лангез будут с Брешией драться,
То в Доле засаду врага уберут.
83. То будет ему испытаньем для власти,
Вершителю славы и многих побед.
Три ночи терпел этот родственник счастья
И в Библии видит спасенье от бед.
84. Он, видно, забыл городок у залива,
Где вырос в отверженной темной семье,
Богатство страны в пустыри для крапивы
Уже превращается в черном уме.
85. В скелет превратится женеvское поле,
Страдая от раков, орды саранчи, комаров,
Развяжет войну чья-то дикая воля,
И горек был дым от солдатских костров.
86. Так, трое рук будут с двумя главарями,
И в городе мало воды питьевой,
В изгнанье уходит, кто роком поранен,
Страна примирилась с судьбой горевой.
87. Сатурн приглашает на грустные танцы
Страну наводнений: повсюду вода разлилась,

- Зато нас теперь окружают испанцы,
Раз свадьба троянскую кровь понесла.
88. Кто помнит его скаловидные формы?
Зверь виден у моря над желчью песков,
Ему корабли станут лакомым кормом,
Савой весь Турин обневолят готов.
89. И будут обмануты знаменем бунта
Богемцы с Наваррой и Венгрия вся,
Надежны ль теперь фер-де-лиссские грунты,
И сможет ль мятеж Орлеан раскромсать?
90. Грабеж и разбои пройдут по Цикладам,
В беду попадут и Коринф и Эфес,
И в Спарте, и в Пелопоннесе жизнь близится к аду,
Здесь все девять месяцев буйствовал бес.
91. Во что превратилось афинское поле?
Стал форум мыслителей рынком лжецов,
Но кони албанцев их козни расколуют,
И свет, точно чудо, слепит подлецов.
92. Пяти в тот же срок быть владыками церкви,
Правленье достигло семнадцати лет,
В преемники выйдет иной, уж поверьте,
Кресты не светлеют от дерзких примет.
93. Меркурий суровой становится силой,
Так ждите великих реформ под луной.
Когда королей революцией в Англии било,
Шотландское пламя взрывалось грозой.
94. Вождь хочет увидеть германским вассалом
Брабант вместе с Фландрией, Кант и Бруджес,
Но он был враждебным разбит идеалом:
Кавказец взял Вену и замки окрест. [85]
95. Так! Шелест ветвей вызывал эти тени
Могучей державы, забывшей покой,
Эгейское море шумит парусами в движенье,
И трудно к Тирренам пробиться с волной.
96. Мне жаль обреченных поборников правды,
Не сбивших замки с воспаленного рта,
Ось мира ждет крови, сгорая от жажды,
Чтоб роза из нови могла расцветать.
97. Рвут уши раскаты свирепого грома,
Град бьет по кондону мельчайшим ядром,
Эдиктом был дух всех изгнанников сломлен,
И сильное горе металось кругом.
98. Когда на термометре плюс сорок восемь,
То варится рыба живую в реке,
В Бигоре и Берне не хватит запасов на осень,
Раз звезды горят в сатанинской руке.
99. Французские власти, я знаю, придут
В Милан и Феррару, в Аквилу, в Кайе,
Вождь Англии Римом командовать будет.
Под знаком участливых звезд и планет.
100. Смертельный огонь падал с гневного неба,
В костры превращая Тартар с Мозаре,
Но все ж не избегнет отмщенья отребье
Тюрингских, саксонских и прочих зверей.

ЦЕНТУРИЯ VI

1. В воде отражен был собор у Гаронны,
И то отражение римские силы страшит,
Процессии зрят Пиренейские горы,
К ним новый король за поддержкой спешит.
2. В год входит пять сотен и восемь десятков,
То эра реформ и неслыханных зверств,
В семь сотен и тройку не вселятся духи упадка,
То год изменивших лицо королевств.
3. Созвездия будут в тоске и смятенье,
И Рона уйдет от своих берегов.
Все станет иным, лишь язык неизменен.
И засуха жаждет солдатских шагов.
4. Метели, дожди, мятежи на арктическом поле,
Где люди становятся хуже зверей,
В тюрьму превращается прежняя воля,

- Анафеме предан закон «не убей». [86]
5. Большой человек умирает под Римом,
И новая вспыхнет близ Рака звезда,
Сиенна и Суза то знамение примут,
И Север слетит с ледяного гнезда.
  6. Норвегия с Данией льнут к англичанам,
Надеясь на братский военный союз,
Леса не залечат солдатские раны,
Героя же Рима в лесах разобьют.
  7. Не ценятся больше науки и знанья,
Их топчет духовно убогий король,
В изгнание, без средств знатоки мирозданья
Ученым доверили жалкую роль.
  8. Страна, как и Церковь, во власти скандалов,
Высокие цены стоят на счетах,
Золотой и серебряный лик на медалях – в печали,
И кровь застывает на острых ножах. [87]
  9. Изменяет окраску святыни и храмы,
И белое с черным смешает нам черт,
Багрец с желтизной осыпаются с камня,
Кровь, смерть, грабежи новизна призовет.
  10. Старейший сражен неожиданной смертью,
И двух его братьев хотят умертвить.
В убийство во сне заговорщиков верьте!
Три ветви осталось из прежних семи.
  11. Империя создана армией дерзкой,
Солдат-император возьмет Ватикан,
Испания с Англией будут с ним резки,
На Францию будет направлен таран.
  12. Он власть захватил, как поборник свободы,
Народ обольщенный его поддержал,
Но рухнули им возведенные своды,
И в прах превратился былой идеал.
  13. Король-полководец проигрывал битву
(В живых – только сброд, что удрал от атак).
Ту славу, что заживо в бронзу отлита,
Свергает к свободе стремящийся враг.
  14. Готовьтесь к расчету у вас в Нюрнберге:
За всех отомстит похороненный принц!
Испанский престол козерог не отвергнет,
И духи убитых остались без лиц.
  15. Норманнами Франции и Пикардии
Корона срывается с принца ките,
Из храма в лесах черным дымом кадило,
В Ломбардии пламя гудит на кресте.
  16. Костры пожирают ценнейшие книги,
Туз в буром мундире среди черных знамен,
И мысль и свет жернова сотрут мигом,
Но сыщутся зерна для лучших времен.
  17. Врачами потомки царя Моисея
Могли королей от болезней спасать,
Не вечно ж в грядущих столетьях евреям
Земную Голгофу Христа повторять!
  18. Да! Женщина дышит огнями пожара,
А пламя опять неповинных пожрет.
Чудовищный бык был в Севилье в угаре,
Он армию к штурму и бою зовет.
  19. Фальшивый союз продержался недолго.
Одни изменились, другие – под знаком реформ,
И в Риме молодой леопард не оболган,
Народ с кораблей ищет праведных норм.
  20. В кулак сжаты силы в арктическом поле,
Тревогой и страхом охвачен Восток,
Недавний избранник в боях будет сломлен,
Кровь варваров бьет в византийский песок.
  21. Убит он на плитах большого собора,
Так Лондон племянника не сохранил.
Здесь лодка схизматиков с горем не в ссоре,
Так кто же свободу обманом залил?
  22. Финансовый кризис полюбит Антихрист.
Восставший народ прогонял короля.

- Париж еще не был так дик и неистов,
И зыбкому миру не рада земля.
23. Созвездия Скипетра с Марсом суровым!
И Рак благосклонен к злосчастной войне,
Пусть смелый король скажет мирное слово
Под знаком участливых звезд и планет.
24. Великий рыбак – на поломанном троне,
Руинное время на землю придет.
Предатель во мрак увлекает законность,
Но к свету всех пастырей юный ведет.
25. Неплох был предтеча на папском престоле,
Но грязный развратник его заменил,
В Равенне и Пизе таким недовольны.
Смещайте: терпеть его нет больше сил!
26. Она удлинялась великим Чайреном,
Одна из пяти крупных рек островов.
Морозы и ужас, термометр мерит.
Укрылись во льнах шесть бродяг-беглецов.
27. Вождь кельтов увидит на улицах Рима
Прибой победивших изгнанье людей.
Пастух же считает, что он проходимец,
кто был с Петухом, будет с маршем смертей.
28. Надолго ли Церковь осталась вдовою?
Скрипят в замешательстве ветви ее,
Пускай укротитель интриги все скроет
И бритых голов к единенью зовет.
29. Укроются в сумрак, кто мыслит свободно,
Нельзя на щиты поднимать лжесвятых.
Марш льежцев Брабант наблюдал спокойно,
Предатель в осаде притворно притих.
30. Милан омрачают напрасные смерти,
И герцогу пишет об этом король,
Евангелью, люди, доверчиво верьте,
Хоть подлость прелатов доставит вам боль.
31. Предателей палкой забили до смерти:
Урок для других, изменивших стране.
Фривольность свою, заключенный, умерьте,
Раз Берич приходит в отчаянный гнев.
32. Горячая кровь потечет над Алусом,
И между двух рек страшен битвенный шквал.
Борьбу проигравший не может быть трусом:
Одною рукой не удержишь штурвал.
33. Летящий огонь появляется в небе,
И град осажденный им был утрашен,
Да, жители вынули тягостный жребий,
Ведь бешеный вред был грозой причинен.
34. Здесь солнце обрушится в пламя пожаров,
Послания скрыты в свече восковой,
Леса, города расплавляются жаром,
Повис над равниною чад углевой.
35. Во мраке флоренция, в Пизе разграбленной хуже,
Король сбит с мула и от раны готов закричать,
Врагу не занять побережья Перуджи,
Ни трусу, ни храброму там не бывать!
36. Деяния предков свой век отслужили,
И череп разбит у старинных дворцов,
Ни в чем не повинных хватали и били,
Виновный скрывается в чаще лесов.
37. Пусть с миром уйдет из страны победитель.
В Италии хищный взойдет человек,
Пожаров и смерти тут с горечью ждите,
Ведь смешана с кровью вода здешних рек.
38. Был брошен король беззащитный в темницу,
И сына решили доставить к нему.
Идет Тразименская башня топиться,
Заложники с горя припали к вину.
39. Великий с Майенны уж больше не ропщет:
Лишили его и постов и наград.
На Рейне со славы свергается Гроппе, [88]
Болтливый в Колонье под гнетом утрат.
40. Второй по значению датский властитель

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
С Голландией, Англией был заодно.

- Хоть сто тысяч марок за это возьмите:
Но нам путь в Италию нужен давно.
41. И вот Огмион за чертой королевства.
Селин больше властвовал, чем отдыхал,
Эмблема его над Италией высится дерзко,
Он с гордостью знамя победы держал. [89]
  42. Там жителей нет возле Марны и Сены,
Где дьявольски сильно вода разлилась.
А смертные с Темзы хотят непременно
Внимание стражи обманом сковать.
  43. Теряется радуга в сумерках Нанта –
Поваленной аркой лежат берега,
Потопленный флот не вернется к арабам обратно,
Кабан и медведь случены на лугах. [90]
  44. Пусть флот не боится противного ветра,
Не слишком ль уверен в себе адмирал?
Теперь на морях его песня пропета,
К чему приведет нас серьезный провал? [91]
  45. Он кончит как вечно гонимый изгнанник,
Хищения берег Нонн-Сигля мрачат,
Раз красный отправит его на закланье,
Орел не устанет его привечать. [92]
  46. Два встретили третьего в горных вершинах,
И вспыхнул костер небывалой вражды,
Лангезы, Брюссель вместе с долом крушили,
И все Малине пред бедою дрожит.
  47. Нельзя соблазнить настоящую святость
Святоше с пушистым его языком.
Старинному граду Италии радость не в радость,
И ложный хорал флорентийцам знаком.
  48. Железный паук любит берег Дуная,
Где немцы из пленных готовят рабов,
Их родина груды рублей золотых потеряет,
Возмездье ведя из глубоких снегов. [93]
  49. В колодце найдут эти кости ребенка,
Что мачехой был не от мужа зачат,
Волнение отцов не забудут потомки,
И честь государства идет на закат.
  50. Толпа наслаждается зрелищем новым,
Плебей видит принцев, маркиз, королей,
Но рухнут колонны дворца, обливаясь кровью:
Спасай короля от мятежных людей!
  51. Отверженный смело бежал из темницы,
Его подменил там соратник и друг,
Замерзшие реки покинуты птицей,
Надежду троянцев не взять на испуг.
  52. И ночью прелат отстранен от правленья:
Ему не поверил французский король,
В Британии, Кипре, Тунисе он все же в доверье,
Политика вере не скажет пароль.
  53. Запомнят шестнадцать веков и семь лет литургию,
День битых и пение вторых петухов.
Арабы воспрянут и станут другими,
В Марокко султан не полюбит восход.
  54. Что ж герцог-бродяга откроет внезапно
Арабскую стаю тугих парусов,
Восток обернется совсем безвозвратным
И для подлецов и для честных крестов.
  55. Оружье испанец найдет в Барселоне,
Слепой д'Арбон разорит Паприньян,
Кто в море слезу и победу уронит
И кто здесь от гнева и ярости пьян?
  56. Он был очень властным в своем королевстве,
Жестокий и грубый стоит под Крестом.
Он будет грозой для знати и плебса,
Став Папой с суровым и жестким лицом.
  57. Кто видел, как солнце затмилось Селеной?
Кто знает, как вздорили два короля?
Свободу дадим островам и Сиенне,
Дух вольности бури в столетья вселят.

58. У принца богиня любовной горячки
И просит, чтоб он не сказал ничего,
Но стыд и позор от судьбы не упрячешь,
Семнадцать заплатят за страсть головой.
59. Его обманул и предал переводчик,
Был принц за пределами Кельтской земли,
Монах, как и пастор в Бордо, озабочен:
Гасконцев, руанцев они провели.
60. Ковер, раз он свернут, бесцелен для зрелищ,
В истории свернутых много страниц,
Так судьбы изгнанников мы проглядели,
Хоть правда о прошлом осталась у них. [94]
61. Итак, два цветка слишком поздно погибли,
Пред сильным законом безвредна змея.
В Савое, в Монако мучения были,
И всадников злая ведет колея.
62. Семь лет в ней сидело глубокое горе,
И спала в постели с ней женская честь,
Ей гордость служила на троне опорой.
Как долго ей крест одиночества несть?
63. Я знаю, свой флот обновит Барселона,
Чтоб выиграть больше земель и морей,
К чему каравеллам бродячим законы,
Раз совесть и сила сорвались с цепей?
64. До полувойны разрослись несогласья
Меж серую рубахой и важным бюро. [95]
Правленье под стражей, грабитель – у власти,
И месса в соборе не дышит добром.
65. Быть сильному землетрясенью в апреле,
И выплюнет мрамор гробницы земля,
Дрожь древних костей люди скрыть не хотели,
Монашеский орден создать здесь велят.
66. Настанут эпохи великих империй,
В несчастье и зле там живет человек,
Когда ж у темниц будут выбиты двери
И вольно вздохнет обездоленный век?
67. Солдатское сердце взрывается в бунте,
Доспехи и ночью, при звездах, блестят,
Противники Альбы – без прочного грунта,
И десять на главного злобно глядят.
68. Совсем не того ожидали так долго,
Ведь выпрыгнул зверь из народной мечты.
Нагих и голодных мятеж взял в дорогу,
С гор катится буря и в души стучит.
69. Его нарекут победителем мира,
Чайрен наречен властелином земли.
Раз небо вдали от суровых кумиров:
Террору и страху наш мир – не молись!
70. Они, точно праздник, справляли поминки:
Великий правитель скончался вчера,
Но тень его с лестью была в поединке,
Идя под защитой креста, льва, орла.
71. Она станет жертвой неправого гнева,
На казнь обряжают супругу и мать,
Здесь суд сеет зерна преступного сева,
Там небо сумеет ее оправдать.
72. Монаху и мастеру люб этот город,
И оба сидели у стен и у врат.
У женских секретов сломались опоры,
И похоть не сможет бессовестно врать.
73. Изгнанники, верьте, на родине будут,
Пускай им грозят отовсюду враги,
Триумф возрожденных никто не забудет,
Семидесяти трем казнь не вправит мозги.
74. Он был отличен королевским указом
И флот покидал для высоких постов,
Но семь лет спустя был отозван приказом,
И варвар к Венеции будет суров.
75. Пусть храм устрашит рукоятка кинжала.
Антенор! [96] Твой город тирана убил.
Растоптаны те, что ему угрожали.

Такой деспотизм народ не любил.

76. У немцев победы ведут к поражениям,
Один из двух флотов Италии верен стране,
Имолу, Флоренцию ждут поражения,
Отца вместе с сыном убили в шатре.
77. Ну, что ж полумесяц в Селине, с победой!
Рим ищет защиты и прав у Орла,
Тицин и Милан этих бед не изведал,
Великий король! Знай об этих делах.
78. Вблизи от Тицина французские силы,
Под синей горой этот мыс возведут.
И распря тут водную роет могилу,
Раз души усопших разлив По клянут.
79. Фезанская армия хлынет в Европу,
Под отблеск пожаров на взмахах меча,
Всю зелень и синь черным дымом затопит,
И вождь азиатов руины встречал.
80. Тоска пролилась в колокольные гулы,
И кровь геноуэца Женева и остров прольют,
Стон, вопль, мучения с бурей проснулись,
И бесчеловечность найдет здесь приют.
81. Племянник у Папы идет в дезертиры,
И семь христолюбцев настигли его,
Ударив в лицо кулаком, точно гирей,
Один из них позже добьется всего.
82. Он в Бельгии встречен с великим почетом,
Но жизнь триумфальный срывает парад.
Век грубо порвет с позолоченным гнетом,
И он уж теперь своей славе не рад.
83. Кто хочет, чтоб Клавдий не правил бы Спартой, –
Берется за козни, интриги, обман,
Правитель охаян с преступным азартом,
Хоть все в обвиненьях – ложь и туман.
84. Захвачен французами город у Тарса,
Тюрбан был пленен победившим Крестом.
За нас португалец, чтоб Павлова[97] снова не сгасла,
Урбан станет светочем римских мостов.
85. Бывает, что сны выдают в нас пророков,
И в это поверил великий Прелат,
Гасконский монах говорил с ним до срока,
Что выборам будет он искренне рад.
86. Провел неудачливо выборы Франкфурт
И этим усилил враждебный Милан.
Разбив Лорелей златокрылые арфы,
Над Рейном солдатский гремит барабан.
87. Друзья не хотят его видеть скитальцем,
И с ними король был у речки Хебрус,
В горах Пиренейских он мог бы остаться,
Но землетрясение наводит на грусть.
88. Вся плоть золотистым пропитана медом,
И связанный между двух лодок лежит,
Он сходит с ума от пчелиного сброда,
Сонм крохотных жал эту жизнь сократит.[98]
89. Столетия взлелеют фальшивых пророков,
Которые тьму принимают за свет.
За что ж ясновидцы в опале у рока?
Нептун из пучины пошлет им привет.
90. Он был словно буря в сраженьях на море,
Его называли грозой берегов,
Бежал он из плена, шагнув через горе,
Агриппа[99] спасен для научных трудов.
91. Предатель вождя ублажает принцессой,
И стала тоска неземной красотой,
Весь город клянет королевского беса,
Пожаром прославлены меч и разбой.
92. Прелат пострадает от зависти черной,
Гонец и он сам – в западне у других,
Зачем же на свете деяньем позорным
Расколото дерево статуй святых?
93. Не зря запретят боевые доспехи,
Не всех угостят у дворцовых дверей,

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org

Яд в блюде с клубникой не горд был успехом,
Раз жертвы кричали убийцам: «Скорей!»

94. Навет был обрушен на младшего сына,
Чтоб грозное дело в стране затевать,
Но старшему ясно, что брат неповинен,
И оба смогли клевету обуздать.
95. Мундиры солдат затопили весь город,
Сегодня пощады не ждать никому,
Один лишь не схвачен сверхзорким дозором,
И трупы убитых живых не поймут.
96. У дикого жара могучий источник,
Когда на термометре сорок и пять,
До неба взметнулись пламени клочья,
Норманнам ответ на процессе держать.
97. Безглавый собор над небесной пустыней...
Огромнейший город в руинах лежит,
Яд, смешанный с кровью, двух рек не покинет,
И месяц и солнце злой дух сторожит.
98. Да! Лагерь был смят и повергнут в несчастье,
Противник умел расправляться с врагом,
Для ульев из пчел одичалых расплата, поверь, сладострастна,
Узрят Пиренеи ответный разгром.
99. Небо видимо с амфитеатра,
Дочь Лауры больна и грустит,
Ведь опасность вблизи, и она неотвратна,
Бог четырежды бывших в плену да хранит.

ЦЕНТУРИЯ VII

Воззвание против косных критиков

Меня поучать не ханжам и профанам.
Клянут меня варвар, глупец, астролог,
У судеб земли исцеляю я раны,
Меня вдохновляет всезнающий Бог.

1. Потомки запомнят квадратную залу.
Был выставлен труп на потеху людей,
Так все королевское действие познали,
И не был Ахиллом спасен казначей.
2. Пусть ночь удивляет солдат беспримерно.
Цвета – голубой, черный, белый – бегут по земле.
Арлез о войне и не думал, наверно,
Внезапно став жертвой предательских дел.
3. Флот Франции можно поздравить с победой!
Побиты тунисцы и Селл и Фоценс.
Кто золото в бочке в ядро переделал?
Тулонский хитрец изобрел тот процесс.
4. Да, в доле в осаде был герцог Лангезский,
В компании с ним и Отон и Лион,
Женева и Аугсбург прут с мирандолою дерзкой
Чрез горы, и это Анконе урон.
5. Раз третьего нет – не наполнены чарки,
Вино из бутылки прольется на стол,
Тот, в черном, спускается с Пармы нежаркой!
Зачем он в Перуджу и Пизу пошел?
6. Неаполь, Палермо, Сицилия! Вам угрожает безлюдье,
Вас варвар схватил обнаглевшей рукой,
В Сардинии, в Корсике нет правосудья,
Повсюду война, грабежи и разбой.
7. На светлом коне порывается всадник
Сорвать полумесяц с высоких небес.
Волк в шкуре овечьей овец истребляет без брани,
И красная бездна опасна нам здесь.
8. Пьянят фезуланцев вино и раздоры,
Их праздник взорвет тишину и любовь,
И падают возле божественной флоры
Цветы на недавно пролитую кровь.
9. Была одинока в отъезд капитана,
И вице-король ей признался в любви,
Год новый, даруя глубокую рану,
Надеждам на счастье обоим грозит.
10. Принц силы свои собирал у Ла Манша,

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Бретонцы, нормандцы усилят пехоту и флот,
Он бьет Барселону в стремительном марше,
Возмездье на мыс и на остров идет.
11. В отчаянии мать молодого инфанта,
Изранен в боях непокорный сынок,
Печаль подступила к нарядам и бантам:
Пять сотен убитых в недлительный срок!
  12. Война эта кончена младшим из братьев,
Пришлось ему дважды прощения просить.
Сказал он: «Кагор и Массан не могу отобрать я,
И земли в Руссеке пришлось сократить».
  13. Священник-правитель приморского града
Жизнь строил свободной четырнадцать лет.
Сменившему вольностей прежних не надо,
И он еще много наделает бед.
  14. Вся их топография станет фальшивой,
Соль нового мира есть пепел погибших культур,
Хоть вера и истина загнаны и сиротливы:
Но тьма станет светом и ржавчина – золотом бурь. [100]
  15. Так! Город в низине семь лет был в осаде,
Но снял ее храбрый великий король,
А жителям скоро порядок наладят,
Чтоб все позабыли про старую боль.
  16. Построив надежную сеть укреплений,
Смогла королева сквитаться с врагом,
Отряды трех львов ждет позор поражения,
И много жестокостей будет кругом.
  17. Был принц образован, отзывчив и мягок,
И ожило все королевство при нем,
Преемник не жаловал прежний порядок,
Решив утвердить и суровость и гнет.
  18. Террор и пожар помогали осаде,
И кровью семи был забрызган топор,
Стремившейся к миру – темница в награду,
У всех миротворцев был траурный взор.
  19. Нисенский форт больше не будет сражаться,
Блеск золота вызвал надежды на мир,
Противники будут теперь торговаться,
Жди бед, горожанин, и в оба смотри.
  20. Чрез Альпы и море в апреле и в мае
Посланцы Тосканьи держали свой путь,
Клевещет на Францию тот, кто не знает,
В чем сила ее и глубинная суть.
  21. В Италии будет тиран опозорен.
Не верьте и тем, кто прогонит его,
Торги на мосту Саргуэзском им станут опорой
Для сделок кровавых с хитрейшим врагом. [101]
  22. Порвали с друзьями все месопотамцы,
Теперь таррагонцы припомнят им злость,
Забыты банкеты, турниры и танцы,
Бордо гложет старую распрю, как кость.
  23. Собрал демагог хитроумную шайку,
Чтоб скипетр выманить у короля.
Ягненок обманут коварною лайкой,
И грабить дворец бунтарям повелят.
  24. Пускай погребенные выйдут из гроба,
У форта выл в цепи закованный мост,
Яд, герцог Лорены, в напиток не пробуй!
Дюпон-отравитель получит расчет.
  25. Война истощит золотые запасы,
Нет денег солдатам за службу платить,
Во Франции медь полумесяцем красят
И кожей хотят серебро заменить.
  26. В Мадриде правителю много заботы,
Победу не надо срывать с якорей,
Акулами рвут галеоны и боты
Дощатое мясо семи кораблей.
  27. Смел рейд кавалерии возле Феррары,
И будет трофеями полон обоз,
А пышный Турин поразграбили с жаром,
И храбрый заложник живет без угроз.

28. Противник далек от конечной удачи,
Хотя окружен им враждебный отряд,
Увел капитан очень многих от сдачи,
Но тридцать с позором на плен свой глядят.
29. Я знаю, что Альба поднимет восстание,
Традиции дедов он дерзко взорвет,
Де Гиз победит его воинским званием,
И в статую сила победы войдет.
30. Зерно из мешка тонет в озере крови,
И в По злость и ярость чернят берега,
Фоссан и Турин Савиллан уже ловят,
А Ницца останется вольной всегда!
31. Их тысяч с десяток, а может, и больше,
К горам с Лангедока с Кайены их надо вести.
Побит был Аквин, Бресс уж больше не ропщет,
На Брундис пора Аллоброгу идти.
32. Ушел с Монреаля рожденный в усадьбе,
Тирана напутствуют герцог и Ярл.
Он армии прямо командует: «Грабьте!»
Фовенс и Флоренцию он обобрал.
33. Их ненависть с гордостью кверху поднимет,
И двое тиранов союз заключат,
Обман, шпионаж, вероломство идут в ногу с ними,
И буря их флотам устроит парад.[102]
34. Ждут Францию годы скорбей и лишений,
Но веру не сгасит обманчивый свет,
Хлеб, соль и вино здесь декретом заменят,
Тюрьма, голод, холод – герои злых лет.
35. Его изберут, но посредством обмана,
И будет без зерен дырявый мешок,
Но, к счастью, закат его кончится рано,
Слова его действиям станут не впрок.
36. Безбожна судьба Византийского порта,
Затоплено небо в зеленой воде,
Семь бритых голов проклянут в полумесяце черта,
И ужас летит к Вифлеемской звезде.
37. Те десять казнят своего капитана,
А флот собирался сражаться в войне,
Здесь рейнские волны страдают от раны,
И Северный мыс не одобрит навет.
38. Конь скачет отчаянным, диким галопом,
И яростно скинут был всадник с седла,
И хрипом предсмертным сметен конский топот,
Так гибель наследника с власти свела.
39. Напрасно мечтал полководец французов
Фаланги врага в пух и прах разнести.
Печаль генуэзских болот его замыслы сузит:
С трясинной нашествию не по пути.
40. Их спрятали в трюме, где масло да сало,
И двадцать один дрался в стане врага,
Их стража мечом и стрелой достигала,
Хотя их у врат не смогли запугать.
41. Покинут был дом с нехорошею славой,
Где громко скелеты стучали костями,
Им крест над могилой надобен, право,
Чтоб дом стал отрадой для честных с детьми.
42. Почет Низарам сицилиец увидел:
Цени, Иннокентий, заветы Святого Петра,
Но злоба и грязь на любовь и на совесть в обиде,
В гражданской войне много будет утрат.
43. Сенаторы будут в долгах, а Лютеция – в Марсе,
Ночь Франции долгие беды сулит,
Богатство Сатурна растратят в авансах,
Что, Крозус, тебе гороскоп говорит?
44. Две жертвы наметила новая Венус,
Но вот поваренок открыл этот яд,
А спасшийся принц теперь знает ей цену,
Виновную, видно, найдут и казнят.
45. Со дна поднимается дерзкий правитель,
Тьмы пленных страдают на поле тройном,
В соборы и церкви военных богов заманите!

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org

Осады, награды и битвы кругом.

46. Да, Запад, надеемся, станет свободен,
Откроет Британия высший закон,
Шотландский пират популярен в народе,
Дождливых ночей не пугается он.
47. Военных уловок окажется мало,
Страна выбирает разбойничий путь,
Здесь древнее варварство новью считали,
И протестантизм тут может вздохнуть. [103]
48. Его без объятий настигли в постели,
И эпиталамы слезой истекут,
Горячие ветры несчастья отпела,
И бедствия снова на землю придут.

Послание Генриху II [104]

Непобедимому, величайшему и самому христоролюбивому королю Франции Генриху II его покорнейший слуга и верноподданный Михаил Нострадамус желает новых побед и счастья.

У меня есть серьезные причины обратиться к вам лично, христоролюбивый и победоносный король. Мое лицо долго было пасмурным, пока я не решился предстать перед вами, зная, что ваше всемогущество безмерно. Я чувствовал, какой ослепительной должна быть предстоящая личная встреча с вами. Я благословлял и боготворил тот день, когда я смог бы предстать перед вами, Ваше Величество. Мне известна ваша человечность, и я знаю, что равного вам нет. Теперь, предвкушая возможность личной встречи с вами, я мог бы выявить доброту и искренность моего сердца и наилучшим образом познакомить вас с моим творчеством, мой бесподобный король. Но мне казалось невозможным сделать это с большой четкостью и блеском, ибо мой разум был затемненным и неясным, пока его не прояснило сияние, исходящее от лица величайшего из монархов мира. Я очень долго раздумывал над тем, кому посвятить три последних «Центурии» моих пророчеств. А в них в общей сложности должно быть тысяча катренов. После долгих раздумий я беру на себя смелость посвятить мое творение Вашему Величеству. И это меня не страшит: еще великий автор Плутарх в своем жизнеописании Ликурга поражался обилию даров и подаваний, приносимых в древних храмах в жертву языческим богам. Многие не рисковали появляться там снова, потому что народ был подавлен колоссальной стоимостью жертвоприношений. Тем не менее, видя, что в вас королевская величественность сочетается с не имеющей себе равных человечностью, я обращаюсь к вам не как к персидскому шаху, к которому запрещено и близко подходить, но как к доброжелательному, благоразумному и мудрому властелину. Я посвящаю Вам мои пророческие, выполненные бессонными ночами вычисления; в «Центуриях» я руководствовался больше природным инстинктом и поэтическим воодушевлением, чем установленными правилами стихосложения. Для большей части моих пророчеств можно вычислить года, месяцы и недели тех событий, которые произойдут в странах, городах и поселках Европы; в меньшей мере я касался того, что случится в Африке и, отчасти, в Азии, имея в виду реформы образа правления, вызванные изменением духовной атмосферы, и во всем этом я добивался естественности и правдивости. Но найдутся охотники возразить (подразумеваю тех, которые любят совать свой нос в чужие дела), что мои рифмы так же легки и доступны, как труден для постижения сокровенный смысл моих четверостиший. Поэтому, о мой наимилосерднейший король, многие известные мне пророческие четверостишия настолько трудны для понимания, что в настоящее время нет способов их прояснить и истолковать. И все-таки я не теряю надежды установить, что должно произойти в селениях, городах и странах и что сбудется с их режимами. Особенно важны события, которые произойдут в 1585 году и в 1606 году, сопоставительно с сегодняшним днем (14 марта 1557 г.). Но я пошел дальше до начала седьмого тысячелетия в моих предчувствиях того, что должно произойти на Земле, в соответствии с астрономическими вычислениями и теми учениями, которые я мог постичь (речь идет о временах, когда начнет возрастать число врагов Христа и его Церкви). Все было составлено в дни и часы прозрений, и все было завершено с наибольшей точностью в возможных для меня пределах, и во все те времена *Minerva libera ex non invita* (пока Минерва была свободна и благосклонна ко мне), которые еще придут или уже прошли. Я пронизывал настоящее минувшим в грядущем и учитывал, как будут развиваться события во всех странах, в точном соответствии с тем, что здесь написано. Я не присочинил ничего лишнего к тому, что действительно должно произойти, хотя сказано: «*Quod de futuris non est determinata omnino veritas*» (нельзя с абсолютной точностью определить то, что имеет самое прямое, непосредственное отношение к будущему). И это верно. Ваше Величество, что мое врожденное дарование

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org унаследовано мной от моих предков.[105] Я думаю, что могу предсказать многое, если мне удастся согласовать врожденный инстинкт с искусством длительных вычислений. Но для этого необходимы большое душевное равновесие, предрасполагающее к прорицаниям состояние ума и высвобождение души от всех забот и волнений. Большую часть моих пророчеств я предсказывал с помощью бронзового треножника «ex tripodae oeneo», хотя многие приписывают мне обладание магическими вещами, которые, по сути дела, являются ничем, ибо их нет не только у меня лично, но и вообще у кого бы то ни было. Только бессмертный Бог, исследовавший все глубины человеческого сердца, благостный, справедливый и милосердный, – достоин быть истинным нашим судьей. Я молю его защищать меня от ярости и клеветы злых и невежественных людей, одержимых волей допрашивать и преследовать, а ведь Ваши древние предки, короли Франции, исцелялись от духовного недуга, называемого королевской злостью; были же и есть те, которые нашли действенные способы лечения искусанных ядовитыми тварями; не таковы ли и пророки, которые, руководствуясь не обманувшим их инстинктом, не только верно предвидят то, что есть и будет, как правильно предвидели то, что было, но и предчувствуют самое страшное из того, что должно произойти настолько страшное, что об этом лучше здесь не говорить. Я действую вопреки тем, в ком длительное время бессильно задушить ярость духа. Я надеюсь, что после моей кончины к трудам моим отнесутся с большим почетом и доверием, чем отнеслись тогда, когда был жив. Но если я где-либо ошибся в моих вычислениях времени действия будущих событий или ошибся в чем-либо еще, и это произведет неблагоприятное впечатление, то прошу Вас, Ваше Императорское Величество, великодушно простить меня. Свидетельствую перед Богом и его Святыми, что у меня не было никаких намерений выступать в каких-либо писаниях или в настоящем послании против католической веры, именно потому, что я руководствовался астрономическими вычислениями, явившимися результатами моих познаний.[106] Определяя протяжение времени эпохи наших отцов, существовавших задолго до нас, я сознаю, что подвергаю себя опасности допустить некоторые неточности. В таком случае, пусть меня поправят другие ученые. Мы исходим из того, что наш Праотец Адам жил за тысячу двести сорок два года до Ноя, не исчисляя при этом время по старинным родовым записям, как делал Варро, но считаясь со Священным Писанием, что соответствует исчислениям и способствует моему пониманию. После Ноя и Всемирного потопа – это около тысячи и четырех дюжин лет – пришло время Авраама, бывшего величайшим астрологом в глазах многих людей и первым, кто изобрел халдейские письмена. После этого пришел Моисей, примерно пятьсот пятнадцать или пятьсот шестнадцать лет спустя. Между временем Давида и временем Моисея прошло только шестьсот семьдесят лет. И после этого между временем Давида и временем Господа и Спасителя Нашего Иисуса Христа, рожденного Девой Марией, прошло (согласно некоторым хронографам) 1350 лет.

Некоторые могут оспаривать правильность моих вычислений на том основании, что они отличаются от вычислений Евзебиуса.[107] И от времени Спасителя человечества, – так что не надо поддаваться мерзостному соблазну сарацин, – прошло, примерно, 624 года. С тех пор не так уж трудно делать подсчет минувших времен. Пусть мои подсчеты не кажутся достаточно проверенными людям всех наций; все вычисления произведены мной в соответствии с движением небесных светил и взаимодействии с чувствами, охватившими меня в часы вдохновения, причем мои настроения и эмоции были унаследованы мной от моих древних предков. Но, чтобы избежать тем временем опасностей, мой величайший Король, необходимо, чтобы такие тайные явления выявились энигматической строкой, а не каким-либо иным путем; крайне важно, чтобы энигматическая строка имела бы только одно понятие и один смысл, не смешанный с неясностями, двусмысленностями и амфиболическими вычислениями. Но лучше под какой-либо туманной неясностью через естественное, внутренне справедливое постижение подойти ближе к существу одного из тысячи и двух пророчеств, известных нам с сотворения мира, в соответствии с вычислениями и пунической хроникой Иоила: «Effundum spiritum meum super omnem carnem et prophetabunt filii vestri et filiae vestrae» (Излей от духа моего на всякую плоть, и будут пророчествовать и дочери и сыны ваши). Пророчества исходят из уст духа Святого, обладающего безмерной и бессмертной мощью, о какой мы узнаем благодаря небесным светилам; и напрасно некоторым кажется, что даром предсказания наделены обладатели великих и бессмертных вещей. Что касается меня, то мной брошен вызов именно тем вещам, которые неугодны Богу. Для меня истинно то, что идет от Бога, и за это я благодарен ему, не смешивая с чем-нибудь то подлинно божественное, которое a fato, but a Deo a natura which proceeds from fate, but from God, and nature (Происходит от судьбы, но через Бога и природу). И многое в божественном я соединяю с движением и курсом небесных светил. Создается впечатление, будто смотришь через линзу и

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
видишь как бы в тумане великие и грустные события и трагические
происшествия, которые пронизывают мистическим ужасом всякого, кто углубился
в молитвенное созерцание. Мрачное будущее ожидает Божьи храмы и затем
проникает в сердца и души тех, которые поддерживали и укрепляли эти храмы
на земле. И это нагрянет вместе с тысячью других бедствий, а ими – я это
вижу – пронизаны будущие времена.

И Бог пощадит Великую Даму, считавшуюся бесплодной. И она наконец-то родит
двух главных детей.

Но будучи в опасности, она родит их с риском для жизни, когда ей исполнится
всего 18 лет. Но так и так она больше 36 лет не протянет; у нее будет трое
мальчиков и одна девочка, а она будет иметь двух, у которых никогда не было
одного и того же отца. Различие между тремя братьями будет такое, что если
бы они договорились о совместных согласованных действиях, то это заставило
бы дрожать три или четыре части Европы. Пройдет немного времени, и
христианская монархия получит сильную поддержку и окрепнет; религиозные
секты и верования будут входить в силу, но с тем, чтоб снова изведать
падения. Арабов опять прогонят. Королевства начнут объединяться, и
возникнут новые законы. Что касается других детей, то первый станет
властелином свирепых львов, с коронами на головах, и хищные лапы львов
первого сына будут над гербом. Второй сын, преданно сопровождаемый
латинянами, пойдет в глубь львиного стана и будет наводить страх и ужас,
совершив восхождение на Пиренейские горы.

Древняя монархия не устоит, раз придет третий всемирный потоп, только с
океанами человеческой крови вместо воды. И Марс надолго забудет про великий
пост.

Дочь будет дарована для сохранения церкви, и тот, кто сделает больше всего
для крушения новых языческих сект и учений, станет отцом своих детей,
конфирмованных католической церковью, – одного преданного ей, а другого –
нет. Другой, который в своем ожесточении в позднем раскаянии доходил до
стремления превратить католическую церковь в руины, объединит через тесный
союз три области на территории; я говорю об Италии, Германии и Испании. И
под его жесткой вооруженной рукой будут все те земли, которые простираются
от пятидесятого до пятидесяти второго градуса широты. [108] А отдаленные
области севера (около сорок восьмого градуса широты) будут воодушевлены
собственной мощью, которая не может быть умерена никакими, даже воинскими,
силами, и этого будут сильно опасаться Запад, Восток и Юг. Природа сделала
северян равными, но вера разными. [109]

После этого бездетная дама, еще более могущественная, чем вторая, будет
признана двумя народами: первый станет противиться тем, который превосходит
других в своем могуществе. А второй и третий будут продолжать поход на
Восток Европы; но здесь их силы будут остановлены превосходящей мощью
противника; тогда второй снарядит морские экспедиции до Тринакрии и
Адриатики с ее мирмидонцами.

Германия падет, и варварская дружина будет совсем изгнана из латинских
пределов. Тогда великая империя Антихриста воскреснет с восхождением нового
Аттилы, и придут Ксерксы с неисчислимыми тьмами людей. Так что Благодать
Духа Святого, начавшегося с сорока восьми градусов широты, оживет и
прогонит омерзительного Антихриста, который пошел войной на самих королей,
на великого пастыря Иисуса Христа и его церковь, и его королевства, и его
владения *per tempus, et in occasione temporis* (ныне и присно и во веки
веков). Но до этого будет солнечное затмение, самое мрачное из тех, какие
были известны миру со дня его творения и со времен смерти Иисуса Христа до
сих пор. И в октябре вспыхнет великая революция, которую многие сочтут
самой грозной из всех, когда-либо существовавших. Жизнь на земле перестанет
развиваться свободно и погрузится в великую мглу. А весной и после нее
произойдут грандиозные перемены, падения королевств и великие
землетрясения; и все это сопряжено с возникновением нового Вавилона,
мерзкой проституцией, отвратительной духовной опустошенностью, и это
продлится 73 года и 7 месяцев. [110]

Вижу, грядет возрождающий и обновляющий церковь Христову. Тогда настанет
долгий мир, единение и согласие между новыми поколениями нескольких рас,
долго живших обособленной жизнью в разъединенных королевствах. Он точно
ветвь, которую напрасно считают засохшей, ибо и она зашелестела зеленой
листвой. А блаженство будет таким, что и покровителю войн при различии

Нострадамус жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
религий придется кануть в глуби, на самое дно, с тем, чтоб позднее воссоздать царство страха путем обмана, выдаваемого за мудрость. Страны, города, поселки, провинции, свернувшие с их прежних путей ради свободы, будут еще более сильно поработаны и затаят злость против тех, по чьей вине они потеряли свободу и веру. И тогда слева разгорится великий мятеж, который приведет к еще большему чем прежде сдвигу вправо. Тогда будут восстановлены поруганные святыни и прежние религиозные писания, так долго терзаемые после того, как победу одержал Великий Пес. Неудержимо свирепый пес был одержимым страстью уничтожать все, содеянное прежде... Соборы и храмы будут воссозданы такими, как их видели предки новых молящихся, и духовенство будет восстановлено, воскрешая букву и дух былых времен, и оно станет продолжать богослужения до новых падений из-за распутства и роскоши, пока не будет совершена тысяча преступлений. Но по мере приближения благоденствия к иной, внутренней опустошенности в покровых из высшего и величественного появятся державы и военные руки, которые отнимут у этого благоденствия два меча, оставив ему лишь драгоценные ножны. После этого народ, не будучи в силах терпеть больше обман и коварство, которое его окружает, сделает все, что в его силах, чтобы выправить положение. А люди не хотят полностью покориться произволу и встретит конец от жестокой руки, которая опирается на провоцируемую ею почву.

В это время из ветви, бывшей долгое время безлиственной, и воспрянет тот, спасет людей всего мира от покорности и добровольного рабства. Ставя себя под охрану Марса и лишая Юпитера его величия и достоинств, в другой маленькой Месопотамии будет основан и благоустроен вольный город. Вождя и губернатора города вознесут из благополучной середины на самое высокое место под Луной и под Солнцем, не подозревая о заговоре и заговорщиках во главе со вторым Тразибулусом, который долго обдумывал и подготавливал свое дело.

Тогда духовная грязь и безобразие будут преданы великому стыду и воссияет свет, замаскированный темным покровом, но свет угаснет к концу перемен в этом царстве. И многие ведущие люди церкви отринут божественную любовь и станут отступниками от настоящей веры. А у трех религий (лютеранской, католической, магометанской) все, что находится посреди, будет превращено в руины деяниями молящихся. Первая религия распространится по Европе, а большая часть Африки, благодаря духовному обнищанию, станет подвластна третьей религии, и здесь все будет поднято на дыбы безумием через похотливую роскошь, предрасполагающую к прелюбодеяниям и изменам. Народ, соблазненный этим, поднимется, чтобы поддержать это, и прогонит оставшихся верными законности и законодателям. И будет казаться из царств, испорченных пороками и людьми Востока, что Бог-Творец выпустил Сатану из темницы в преисподней, из-за чего могли родиться Великий Пес и Дохан (Гог и Магог). Ими будут пробиты такие хамские бреши в церкви Христовой, что ни красные, ни белые, оказавшиеся без глаз и без рук, не смогут осознать ужасов всего этого. И они еще не уйдут от суда, и могущество их будет отобрано от них. [111]

Потом будут жесточайшие гонения на церкви, каких еще никогда не было. И настанет наивеличайшее бедствие: злые силы сокрушат две трети мира; одна треть сохранится, но никто уже не сможет установить, сколько осталось на свете подлинных хозяев полей и домов. И будет великое истребление духовенства. Великий полководец станет узурпатором, захватив то, что придет из города Солнца, с Мальты, с Иерезских островов; и будут сняты великие цепи, чтобы сделать судоходство свободным с порта, который называется Морским быком. [112] С морских побережий надо ожидать новых нападений, которые могли бы отобрать костуланский плацдарм от первого магометанского захватчика; и штурм не будет напрасным, и местность, где обитал Авраам, будет атакована теми, кто благоволил джовиалистам. Великий восточный город Ахет будет обложен со всех сторон. Против него соберут хорошо вооруженных людей, обладающих великой мощью, но их морские силы будут ослаблены людьми Запада.

В этом царстве будут огромные разрушения. Многие крупные города станут безлюдными. И на тех, которые все же доберутся туда, обрушится месть и гнев Бога. Гроб Господен, который столь долгое время держали в великом почете, будет прозябать под вселенскими просторами небес – под Солнцем и Луной. Святое Место испакостят и загадят, превратив его в хлев для большого и малого скота.

Боже! Как тяжело жить в эти времена женщине с ребенком! Главный правитель,
Страница 153

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org который глубже других проник на Север и Запад, приобщив их ко множеству людей, будет поработен и убит. А все другие, после страшного поражения, станут спасаться бегством. А дети, рожденные от правителя многими женщинами, будут посажены в тюрьмы. Тогда-то и сбудется предсказание Пророка Царей: «*Ut audiret gemitus compedictorum, et solveret filios interemptorum*» (Да придет пред лице твое стенание узника; могуществом мышцы твоей сохрани на смерть). Предвижу, какие притеснения придется вытерпеть принцам и губернаторам королевств, особенно тем, которые будут жить по соседству с Востоком или вблизи у моря, и их язык смешается с языками всех наций. Так латинский язык смешается с арабским и с языками Северной Африки. Все восточные короли будут выгнаны за пределы их земель, и это ни к чему не приведет: не только из-за могущества северных владык и не только потому, что будут большие перемены в новых временах, но и из-за тайных союзов, ответственных за многие смерти, потому что союзы будут нападать друг на друга. [113] Обновление триумvirата будет длиться семь лет. И слава нового вероучения будет распростерта над всем миром. И жертва ничем не запятнанного Святителя будет принята небом. И тогда появятся два властелина. Они станут победителями в борьбе Востока на стороне Севера. Дерзостные сражения поднимут при этом такой шум и грохот, что вся земля будет дрожать от страха перед этими двумя братьями с Севера, которые еще не стали братьями. (Нострадамус подразумевает братьев по духу, а не по крови.)

Я знаю, Ваше Величество, что о многих вещах я говорю в своих пророчествах неясно и туманно, особенно когда подходишь к временам событий, которые непременно будут, потому что вычисления последующих времен очень мало сходны, если вообще сходны, с тем, что я делал раньше, потому что я руководствовался астрономическими правилами и указаниями Священного Писания, и они не позволили мне ошибаться. Я бы мог дать точные даты для каждого из всех моих катренов, указав на время действия событий, которые должны были произойти. Но это не пришлось бы всем по сердцу, как и то мое толкование событий, которое было бы проясненным.

И Вы, Ваше Величество, не даруйте мне прав на это, чтобы не давать моим клеветникам повода предпринять что-либо против меня. [114] Несмотря на это, если вести счет годам, протекшим с сотворения мира до рождения Ноя, устанавливая, что за этот промежуток времени прошло 1506 лет и что от рождения Ноя до построения ковчега во время всемирного Потопа прошло 600 лет (эти годы мы станем называть солнечными, лунными и смешанными), и я полагаю, исходя из Священного Писания, что то были солнечные года. И после этого Ной вошел в ковчег, чтобы спастись от потопа, который был всемирным и длился год и два месяца. И с конца потопа до рождения Авраама прошло 295 лет, и от рождения Авраама до рождения Исаака протекло сто лет, а от рождения Исаака до рождения Иакова – шестьдесят лет, и со времени прихода его в Египет, пока он не вышел оттуда, прошло сто тридцать лет, и с тех пор, как Иаков прибыл в Египет, пока его потомки не вышли оттуда, протекло 430 лет, и со времени исхода из Египта до построения храма Царя Соломона на сороковом году его правления прошло 480 лет, и с поры, когда, по данным хронографов, был построен Храм Господа нашего Иисуса Христа, прошло 490 лет. Итак, судя по этим вычислениям, которые я извлек из Священного Писания, все это, взятое вместе, дает 4173 года и что-то около 8 месяцев. Но о времени между рождением Христа и предыдущими эпохами я ничего не говорю, поскольку на этот счет существует множество различных мнений. Я рассматриваю настоящие пророчества как последовательную сущую во времени цепь, которая движется по своей орбите, подчиняясь астрономическим законам. Меня же лично ведет в будущее времена мой врожденный инстинкт. Известный период времени, включая тот промежуток, который понадобится Сатурну, чтобы совершить оборот, будет длиться с 7-го апреля до 25-го августа, если принять во внимание оборот Юпитера – это продлится с 14-го июня до 7-го октября, Марса с 27-го апреля до 22-го июня, Венеры с 9-го апреля до 22-го мая, Меркурия с 3-го по 24-е февраля; затем с 1-го по 24-е июня, наконец, с 25-го сентября по 16-е октября. Сатурн будет в Козероге, Юпитер – в Аквариусе, Марс – в Скорпионе, Венера – в Рыбах. Меркурий будет через месяц – в Козероге, Аквариус – в Рыбах, Луна – в Аквариусе, Голова Дракона – в Либре, а Хвост – на другой стороне от Знака. После соединения Юпитера с Меркурием в плане соотношения Марса с Меркурием – Голова Дракона соединится с Солом и Юпитером.

Год этот будет мирным, без затмений. [115] Начало же этого года будет омрачено такими жестокими гонениями на христианскую церковь, каких даже в Африке не наблюдалось. И это произойдет в 1792 году. А ведь в этих годах каждый будет усматривать предшествие обновленной эры. [116] После этого

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
романский народ выправится и удалит подозрительную тьму, вернув себе часть прежнего света. Но теперь уже без очень больших разъединений и непрерывных перемен. Венеция после этого взмахнет могущественным крылом и взлетит так высоко, что силу и влияние ее станут сравнивать с силой и величием Древнего Рима. В то же время византийские паруса, в сочетании с итальянской помощью и мощью Севера, будут неодолимым препятствием для противника. Так что эти с Крита не станут придерживаться своей веры. Их дружбы будут искать поднятые волной Нептуна корабли, построенные по типу тех, что соорудились в древности военными людьми.

В Адриатику придут великие раздоры. То, что было скреплено, – рассыпется. И там, где раньше стоял большой город, останется лишь дом. Это относится к Пампотану и к европейским землям – на 45 градусах и к другим странам в 41, 42 и 47 градусах широты. Адские силы в этих странах поднимутся на Иисуса Христа. Придет второй Антихрист, и он будет преследовать церковь и преданных ей священнослужителей при содействии могущественных властителей, которые в неведении своем будут заморожены более острым, чем меч в руках безумца, языком великого человека. Царство этого Антихриста не будет длиться дальше того, кто порожден веком.

А другого из города Планкус (Лион) будут сопровождать избранники Мадены, фульсея при ферраре. И он будет поддержан Адриатикой и лигурийцами и будет близко к великой Тринакрии (Сицилии). После этого галльский огмион^[117] пройдет через Монт Жавье (Барселона), ведя с собой такое множество людей, что даже вдали от империи на них распространятся внутренние законы ее. И через известный период времени будет пролита кровь невинных. И крови этой будет так много, что в ней едва не утонут пролившие ее.

Тогда память об этих бедствиях и событиях будет смыта большими наводнениями, и даже в письменных документах ничего нельзя узнать об этом, потому что и у летописцев онемеют уста. Это и произойдет с северянами, но воля Бога опять свяжет страну, и у мужей настанет мир во всем мире, и Церковь Христа будет свободна от притеснений, хотя азустианцы, то есть развращенные, и дерзнули бы смешивать с медом свои ядовитые соблазны. Это произойдет примерно в седьмом тысячелетии, если христианские святые не будут пограны неверующими, что придут с Севера. Мир будет близок к великому всеожожению, хотя вычисления в моих пророчествах распространятся и на более дальние времена.

В Послании, которое я несколько лет тому назад посвятил моему сыну Цезарю Нострадамусу, я открыто утверждал, что есть вещи, которые нельзя назвать предсказаниями в строгом смысле слова.^[118] Но здесь, Ваше Величество, мы пронизаны предчувствием великих и чудесных событий, которые узрят те, что придут после нас. И надо признать – при помощи астрологических вычислений, в гармонии со Священным Писанием, что преследование духовенства начнется силами северного правителя, соединившегося с Восточным. Эти гонения на духовенство будут длиться одиннадцать лет и немного меньше, до падения северного вождя, когда его время придет к концу и его заменит вождь, объединивший Юг. При нем будут еще более жестокие преследования духовенства и церкви в течение трех лет, и будут дважды использованы апостольские чары того, кто наделен абсолютной властью над воинствующей церковью Бога. Служившие Богу святые и все те, которые действуют по Божеским законам и почитают религию, будут терпеть гонения, и кровь их будет литься через край. И крови, пролитой одним из этих ужасных властителей, будет больше, чем вина где-либо и когда-либо изготовленного. Властитель сказал, что будут совершены небывалые преступления против церкви. Человеческая кровь потечет на людные улицы и храмы струями проливного дождя. Ближайшие к этим местам реки будут красны от крови. И во время сражений на морях воды их тоже станут красными, так что один правитель скажет другому: «*bellis rubuñ navalibus aequor*» (Море окрашено в киноварь кровью морских боев). Затем в тот же год и в последующие годы придут чума, грабежи и такие большие нашествия, каких со времен христианской церкви еще не было у режимов, под которыми жили латинские народы. Это оставит некоторые последствия в нескольких землях под испанским владычеством. Тогда третий северный царь, прослышав про недовольство народа главным титулом, который он присвоил себе, создаст такую огромную армию, что превзойдет все содеянное его предтечами и предками. И благодаря этому он и его приближенные сохранят ключевые позиции в своем государстве. Великого первого иерарха формально восстановят в его прежних правах, но душа его будет опустошена и потрясена, когда его вернут к прежним святыням, которые станут поруганными и разрушенными новым язычеством. Ветхий и Новый Заветы тогда будут осмеяны и

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
сожжены. После этого Антихрист сделается принцем ада. То будет последняя эра христианских государств, а также эра ссорящихся с ними в течение долгих лет царств, возглавляемых неверующими. И тогда придут многие горестные войны и битвы. Города, поселки, замки и другие строения будут сожжены, сломаны и разрушены. При этом будет пролито много не только воинской, но и девичьей крови. Отчаявшиеся вдовы с грудными детьми станут из мести бросаться на стены городов. И так много зла придет от принца ада – Сатаны, что весь мир еще долго будет лежать в запустении и разрухе. Но прежде, чем это случится, многие необычного вида птицы будут взрывать воздух криком: «хей, хей!» («теперь, теперь!»). И до тех пор эти крики будут слышны, пока птицы не скроются из глаз. А еще позднее наступит время деятельного добра, и возобновится правление Сатурна и Золотой век. Бог-творец однажды скажет: «Не надо больше горестей и страданий у созданных мною народов». Сатана будет связан и низринут в бездну. Так начнется благословенная эра вселенского мира между Богом и человеком. Екклесиастская мощь проявит свою силу, и Сатана будет скован на тысячу лет, пока не воспрянет снова. Еще раз скажу, что все мои образы и мысли пропитаны божественным духом, духом Священного Писания. Можно сказать, что Сатурн, Юпитер, Марс и другие планеты и звезды соединятся с этим духом, и обо всем этом можно судить по моим четверостишиям. Я мог бы вычислить это более глубоко и координировать это с вычислениями других ученых. Но я вижу, о мой бесподобный Король, некоторых, готовых проверять меня, и я отсылаю свое перо полному покою.

«*Multa etiam, o Rex potentissime proeclara, et sane in brevi ventura, sed omnia in hac tua Epistola, innectere non possumus, nec volumus, sed et intelligenda quaedam facta, horrida fata pauca libanda sunt, quamvis tanta sit in omnes tua amplitudo et humanitas homines, deosque pietas, ut solos amplissimo et Christianissimo Regis nomine et ad quem summa totius religionis auctoritas deferatur dignus esse videare*».

(«В мире так много вещей и событий, мой Король, которому все подвластно, что я не смог бы объединить и описать в этом послании всего наиболее примечательного, что должно произойти в близком и далеком будущем. Но по логике определенных фактов, интеллигентно освещенных мной, несколько событий, над которыми тяготеет злой рок, составили экстракт этого моего послания. Ведь Ваши широта и человечность так велики, как и Ваше соучастие к Богу, что Вы один кажетесь достойным великого титула, о мой наихристианнейший Король, и мне хочется верить, что Ваш высочайший авторитет и понимание всех религий сделает Вас снисходительным ко мне».)

И я умоляю Вас, наимилосерднейший Король, зная Вашу редкую и благоразумную доброту, поймите, что я действую по велению моего сердца, и это – залог того, что я повинуюсь Вам, мой бесподобный Король, с тех пор, как я своими глазами видел Ваше королевское величие, я стал стремиться к тому, чтобы за моими словами было признано их значение.

Ваш верноподданный Михаил Нострадамус

Sołonae Petrae Provancae

Послание это было отправлено из Салона 27 июня 1557 г.

ЦЕНТУРИЯ VIII

1. Эх, лорон, Пау, Ней, кровь сочится сквозь пламя,
Полководец идет по земле и воде,
И Помпон и Дюранс видят рваное знамя,
Что взметнулось навстречу превратной судьбе.
2. От молнии рушатся стены в Гаронне
И в небе грохочет суровый огонь,
Кондон, как и Экс, злой войною затронут,
А Марсу был люб бронированный конь.
3. Резвирс с Вигиланом – в раздорах и тяжбе,
Кто ближе всех к младшему сыну Нанси?
Теперь в Вигилане завистлив был каждый,
Лион в этих склоках не видел красы.
4. Петух будет, знаю, оставлен в Монако,
И это французский поймет кардинал,
Орел слишком слаб для решительной драки,
Петух же и силу и крепость забрал.
5. В Бретеле сияют все лампы и свечи

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
и блеск бриллиантовый всюду струят,
Был гроб короля торжествующей горечью встречен;
Преемники Франции славу хранят.
6. Лион содрогнется от яростных взрывов,
И Мальта от скорби поникнет главой,
Сардон Маурис обманул некрасиво.
Петух! Встреть измену и дикий разбой.
  7. Версаль и Милан держат факелы мира,
К Тицину целебный огонь принесет,
Вся Сена ликует на дружеском Пире,
И демон Флоренции битв не зажжет.
  8. Лютерн вместе с гроздьями ферм у Шиваза
Составят единый оплот для орла,
Они против выборов выступают сразу,
В Турине невеста бесчестье снесла.
  9. Петух и Орел будут в битвах едины.
Противники: Венгры, Палермо, Левант,
Колючие проволоки, верь, сокрушимы,
Над Римом взовется союзный штандарт. [119]
  10. Он рвет на куски это странное войско,
Во взрыв претворенный небесный огонь
Был запах с Лозанны удушливым, стойким,
И людям неведом источник его. [120]
  11. Толпа заметалась вблизи от Винченца:
Ведь весь базилик был охвачен огнем.
Венеция! Знай, что борьба бесполезна –
Большой валенсиец изведает гнет.
  12. Двоих увидали вблизи Буффалора,
Высокий и сильный стремился в Милан,
А Фойский аббат мужиком переряжен был скоро,
И Сент Маурисцам известен обман.
  13. Хмельнее вина страстность женщин влюбленных
И Беллерофонтом погублен Прейтус,
Просторы небес для крылатого флота пригодны,
И к смерти строителя с жертвой ведут.
  14. Нас ждет золотой и серебряный кризис,
Никто не поверит нам больше в кредит,
Надменность продаст драгоценные ризы,
И женскую честь не спасти от обид.
  15. Великая женщина Север разбудит
И блеск всей Европы к себе приведет,
При ней два затмения мир не забудет,
И Польша к великому горю придет. [121]
  16. Сюда наводнение нахлынет внезапно,
И волны покروют античный Олимп,
Никто не спасется от гибели страстной,
И к илу корабль Язона прилип.
  17. Врагом окружен будет город у моря,
Где властвуют голод, пожары и кровь.
Три брата – три деспота мир перессорят.
Мешается с пеплом родительский кров.
  18. Традиции губят и затхлость и плесень,
Раз падает древо – спасайте плоды.
Три лилии Франции вянут от бедствий,
Чего же нам ждать от новейшей звезды?
  19. В борьбе на верхах много злобы и споров,
кого ж вознесет новый переворот?
Разрушены семьи жестоким террором,
Раз красного красный возьмет в оборот.
  20. Церковные выборы станут подлогом,
Глядите: часовни по горло в крови.
В почете – создатель фальшивого слога,
Он подкупом к власти прийти норовит.
  21. Черны паруса под мостом порта Агда,
Чума проплывает на трех кораблях,
Здесь тысячи жертвы бубонного ада,
Мост рухнул, и всюду безумствует страх.
  22. Корсан и Нарбонн шлют посланье Тучану,
Куль с солью надежно посланье хранит,
Поможет ли Римский эдикт Перпиньяну,
что, Вольрап, окончена серая жизнь?

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
23. От писем таких покраснеет шкатулка,
Самой королеве любовник писал,
Сыск рыщет теперь по любым закоулкам.
Но кто он? Об этом никто не узнал.
  24. Уже лейтенант перед черною дверью.
Теперь Перпиньяну низложенным быть,
Спасайся, раз в горную лестницу веришь,
Бастард Лузиньяна обманом разбит.
  25. Возмездье за страсть не сравнишь с любовью,
Отцовской наложницей сын овладел,
Двойной ручеек обагрется кровью,
Кольшатся двое безжизненных тел.
  26. Взойдут и взрастут позабытые зерна,
А их раскопают среди древних руин,
Колосья златятся над почвою черной,
И благостен дождь Монсерратских равнин.
  27. Как феникс из пепла, взлетит его слава,
Хотя император к паденью придет,
Железный корабль, ошибки исправив,
К созвездию арок Оксельских придет. [122]
  28. Чрезмерны подделки будут под серебро и золото,
которые затем будут брошены в огонь.
Когда обнаружится это – истощено и рассеяно долгами все будет,
А соглашения и обязательства – уничтожены.
  29. Ее сбили с ног наводнение и землетрясение,
Колонну четвертую древних руин...
Сатурн! Погребальная урна нетленна:
В ней золото вместо костей, на, прими!
  30. Когда созидали театр для зрелищ,
два клада случайно пришлось раскопать,
Добро или зло землекопы задела?
О том близ Базакля придется узнать.
  31. Пошел далеко юный принц Пескарийский,
Но плод будет горьким на дереве зла,
Ведь турок младой, подвергаясь риску,
В борьбе его к скорби и гибели звал.
  32. Есть ярость и злоба в глазах у Венеры,
Убит твой племянник, французский король!
И девять убийц будут в гневе безмерны,
И трон твой изведает горе и боль.
  33. Блеск молнии будет светить его имя,
В Вероне, в Винценте его колыбель,
Его на Венецию месть и карьера поднимут,
Но ждут его гнев и немилость небес.
  34. Число жертв превысило шесть миллионов,
Холм братской могилы затмил бы Юру,
Лионцы своих же тузят под Лионом,
В боях у Мазола Ульм шею свернул. [123]
  35. Хлад северный ветер несет Марзавесу,
И ярость мезанцев скует Дордонис,
Лес близ Дамазана вниз голову свесил,
Блуа и Гаронну судить будет вись.
  36. Да, герцог еще посчитается с Онде,
Белувр им тоже не будет забыт,
И треснувший мрамор стал людям негоден,
Теперь Блетьерану без отдыха быть.
  37. Вся в трауре старая крепость близ Темзы,
Король без камзола стоит у моста,
Его голова с плеч слететь не замедлит.
Диктатор не даст сердобольным роптать. [124]
  38. Король из Блуа власть возьмет в Авиньоне.
Поднимется ропот среди горожан.
Тут пять непокорных со стен скинут в Рону,
Один же до Ноле успел добежать.
  39. Что ж! Принц византийский стал жертвой крушенья,
А вождь Толентайн – победителем в фойских боях,
Жену неудачника вниз не сорвет поражение,
Тулузский же принц волновался не зря.
  40. Таур и Дорад эту кровь не прощают,
И вот Сатурнинец возмездью не рад,
Идут к Албанину, сверкая мечами,

И в новое озеро рухнет Майнад.

41. Тихоня стал хитрым и ловким тираном,
Когда он пробрался на Папский престол,
Доверчивой пастве наносит он раны,
По-лисьи пушистым виляя словцом.
42. Всему виной сила, насилие, скупость,
И вождь Орлеана в досаде на них.
Смотри, Сент-Мемир! Штурм споткнется о трупы,
Погибший в шатре непритворно притих.
43. Фанатик-маньяк стал опорой народа
И к власти пришел через злобу и кровь,
Взметнулась эмблема плебейского рода,
Мятеж разрушает родительский кров.
44. В дерзаннях он превзошел Огмиона,
Но в семь или в девять свернул он с пути,
Так зверь в человечьем обличье мечтает о троне,
С Наварры до По он намерен пройти.
45. Он ногу сломал, и рука перевязана шарфом,
Таким был Луи, уходя из дворца,
Здесь смерть тронет струны у траурной арфы,
Пасхальный хорал не допет до конца. [125]
46. Страшится двух затруднений в Тараре,
И Манзоле в страхе за римский союз,
Три брата французских, орел и петух будут в ссоре,
Кровавого трона под Марсом боюсь.
47. Ты был свидетелем битв Ганнибала,
О озеро! Где же коварный де Пол?
Скольких убиенных на дно твое канут, [126]
И яростный немец в атаку пошел.
48. Предвижу войну в планетарных масштабах,
Три армии грозных республику рвут,
Созвездия против и сильных и слабых, [127]
Но все ж Кальдондон от разгрома спасут.
49. Созвездия в факелы гроз превратятся,
Тардайцы, я знаю, прорвутся в Бруджес,
И с гибелью вождь Барабарин в Понтерозе встречался,
В февраль, в день шестой, смерть царила окрест. [128]
50. Сагунс! Над тобой горевая комета.
Вокруг Кападильо и голод и мор,
Стал рыцарем зверь, добряком обогретый,
Тунисец большой обезглавлен, но казнь – не позор!
51. Колон повторяет судьбу византийцев,
Кордова его принимает опять,
Сквозь зависть его кораблям не пробиться,
Отшельником будет он жизнь созерцать. [129]
52. Король из Блуа власть возьмет в Авиньоне,
Сквозь Линден его с Амбуаза вело,
Здесь воля монарха всю церковь с мест стронет,
И Гвоздь из Пойтриса калечит святое крыло.
53. Божий храм омывается солнцем и правдой...
Кто в Булони смывал пятна прежних грехов,
Тот взлетел высоко, но ему иерархи не рады;
Он блестящий сановник, а патер плохой. [130]
54. Генрих Сильный был великодушен,
Добиваясь вступить в этот брак.
Сент-Квентин и Аррас. Путешествия ждут ваши души,
И Мацеллум [131] второй вел испанцев во мрак.
55. Мост спешно построят из бочек и чанов,
И будут разрушены восемь мостов,
Пленили вождя, и отряд его в ранах,
Ножи режут глотки у лучших сынов.
56. Беда, коли в партии воля ослабнет
И в левую пропасть обрушится стон,
Пусть в правом углу все реформы озябнут,
Раз будет открыт беспартийный закон. [132]
57. С простого солдата он стал полководцем,
Все выше всходя в боевых временах,
При нем на крестах гаснет яркое солнце
И церковь изведает горе и страх.
58. Разделится братьями все королевство,
И диспуты стоит оружием сменить,

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Британское имя и титул английский – в соседстве,
Кого ж воздух Франции здесь опьянит?
59. Ей дважды взлететь – дважды встретить паденье,
Ни Запад ее не принял, ни Восток,
Германию предала страсть к разрушеньям,
Страна получила жестокий урок.
  60. Ведь их как родных повстречают в Париже,
Вся Франция славит теперь англичан,
Большая победа все ближе и ближе,
Но все же Норларис страдает от ран.
  61. избави нас Бог от опеки дер Тага.
Не верно, что здесь он навеки осел,
Растоптаный жезл сто славится в сагах,
Свобода нужна нам для собственных дел.
  62. На что ему Ронские эти святыни?
Захватчик разграбит старинный собор,
Но демон бубонный их всех опрокинет,
Своих и чужих бьет губительный мор.
  63. Из женской измены кровь хлынет потоком,
Замучена мать, раз не муж был отцом,
Убит и сынок, ставший жертвою рока,
Повешено восемь, невинных ни в чем.
  64. Детей острова все равно не щадили,
Совсем уж отчаялись два из семи,
Но всех их поддержки от лиги лишили,
Режим в Монпелье остальным был не мил.
  65. Он сам разрушал все благие надежды,
Когда двадцать месяцев правил страной,
Тиран распинал человечность и нежность,
Но был еще худшим правитель иной.
  66. Столетия отыщут забытые книги.
Мой факел в иных оживет временах,
Где троны исчезнут в восстаньях и сдвигах
И принцы в могилах прочтут письма.
  67. Когда ни один, ни другой не был выбран,
Добился согласия безвестный нерзас,
Народ за него: это пастырь большого калибра,
Колонья с Феррарой его не предаст.
  68. Проворный юнец обманул кардинала
И выбил его из позиций былых,
Пускай Акведук с усыпальницей принца того не видали,
К интригам век новый, как древний, привык.
  69. Восьмой, третий, первый... летят серафимы
С дерзающим взмахом святого крыла...
Старик был для юноши ангелом зримым,
Поддержка богов от бесчестных ушла.
  70. Дикарь стал тираном у месопотамцев,
Наложницу делит с врагами идей,
Он даже лицом почернел от злорадства,
Скотина, которая топит людей.
  71. В грядущем предвижу расцвет астрономов.
Науку о звездах не сжечь на кострах,
Шестнадцать веков и семь лет вспомнит умный потомок.
Открытья не меркнут во всех временах.
  72. В день праздника были сраженья и беды,
Коней после боя накормят овсом...
Возможно ль Равенну поздравить с победой?..
И поле Перуджи познает разгром.
  73. Король был избит полудиким солдатом,
И жадная мать довела их до ссор.
Но вот заговорщик идет на попятный,
Всем варварство это урок и укор.
  74. Приезд короля бесполезен для славы,
Бунт – праздник для жителей новой страны,
Свободными грубою силой не правят,
Энергия смелых там жизнь осенит. [133]
  75. Отца вместе с сыном так зверски убили.
И был губернатор под сенью шатра.
Мать плачет над тайной сыновьей могилой,
Где светлая зелень уходит во мрак.
  76. Он Англию всю на колени поставит,

- Хотя он скорее палач, чем король.
Законность и честь он на плахе кровавит,
Как скоро судьба даст ему эту роль?
77. Не даст ничего этой тройке Антихрист.
На двадцать семь лет затянулась война,
Все реки в крови. Трупы делают землю нечистой.
Мыслители гибнут; преступников греет страна.
78. Брагамас еретикам двери откроет,
Воинственность церкви при нем возрастет,
Здесь мертвые буквы идут грозным строем,
И только живая любовь не цветет.
79. Течет в его жилах кровь злобной горгоны,
И он разрушает деянья отцов,
При нем будут совесть и слово в загоне.
Но сгубит себя этот вождь подлецов.
80. Злодейство замучает женщин невинных,
Кровь вдов потечет от великого зла,
Пожар от свечей угрожает иконам старинным,
И ярость людская в движенье пришла.
81. Величье империи смято разрухой,
Раз Север сумел за себя постоять,
Идут из Италии горькие слухи,
С тревожной Испании нечего взять.
82. Развенчанный будет в постыдном изгнание.
В камзоле припрятаны яд и письмо...
С его тиранией страна в расставанье,
Убийство и страх не покинули дом.
83. Огромнейший парус покинет порт Зара.
Враги и друзья не потерпят потерь,
Близ Турции люди бывают недаром,
И третий двоих будет грабить теперь.
84. Бесстрашно лети, парусовое племя,
Сроднившись с грядой грозных облаков!
Триестский залив терпит грозное время,
Уйдет от Сицилии смелый поток.
85. Испанию с Францией ждет примиренье,
И Марс побледнеет теперь от венца,
Но брачное ложе разрушит смятенье,
И трудно уйти от плохого конца.
86. Бичоро, Бичоро! [134] – кричат эти люди,
В Байенну сбегаешь со многих мостов,
Тулузцы, Арнанцы здесь с гордостью будут,
И Монт Адрианцы услышали зов.
87. Живет в нем кумир заповедных собраний
С паучьим крестом и рогами быка,
Безумный кабан изрыгал заклинанья,
И славу его проклинают века.
88. Трепещут поля вдоль извилистой Роны,
Им горько под знаменем антикреста,
Скольких наводнением сильным затронет,
И многие будут шептать и роптать.
89. Король благородный в Сардинии будет,
Но только три года он правил страной,
Потом заметались продажные люди,
И он проиграл бескорыстный свой бой.
90. Его отлучили от тяжбы с народом,
Конями растоптан был дикий тиран,
Он проклят своим же страдальческим родом,
Его не терпел даже собственный стан.
91. Не всякий считается с выборной властью,
И кровь невинных таких не страшит,
Случайно убитые – жертвы несчастья,
Пусть жестокого Бог на суде утешит.
92. Не сменишь его нашей прежней короной:
Он с армией как император и бог.
Солдат его в дальней стране погибает и стонет,
Вернувшийся вновь разорит свой чертог.
93. Он умер, семь месяцев правив прелатством,
И в схизме позднее был изобличен.
Правитель Венеции строил и мир и богатство,
Семь месяцев ведая светлым лучом.

94. У озера смелое слово низвергнут
И кто воспрепятствует планам врага?
Медлительность станет крушением безмерным,
И грабят албанцы испанцев в горах.
  95. Отступников скоро посадят в темницы,
Сурово связав по ногам и рукам,
Под знаком креста будет вера двоиться,
Фанатик с еретиком бьются века.
  96. Я знаю, что часть синагог опустеет.
Библейским легендам сломают крыло.
Но только мученья и слезы евреек
Нельзя превращать в исторический лом.
  97. Судьба переменит военную славу.
Посеявший штурмы руины пожнет.
В цветах – берега: трех детей учат плавать,
Сквозь уголь и горе весна прорастет.
  98. Прольется в восстаниях кровь духовенства,
Кощунства грозят затопить города.
Развалины храмов, как вестники бедствий,
Но истинный свет не умрет никогда.
  99. Пусть знают, что папский престол передвинут
По воле сомнительных трех королей,
В том Кесарь, не дух христианства, повинен,
Но дух этот выше великих смертей.
  100. Знать будет низвергнута: снизу придет верховодство,
Возрастут и мощь и мозг армий в грядущих веках.
Жизнь можно утратить шутя и бороться за правду непросто.
Гряди: изобилье у голода с чашей без влаги в руках.
- Катрены-двойники ЦЕНТУРИЯ VIII [135]

Когда ожидания многих обманут,
Народ реформаторам грех не простит.
Воздушные замки в декретах завянут,
И сор от иллюзий по свету летит.
Возможен ли искренний мир между ними,
И кто из них выше – монарх или Господь?
Богов отвергают земные кумиры,
Дух Божий в монархе святит нашу плоть.
Народ вызывает и ужас и жалость.
Простой человек обманул сам себя.
Сражаются стаи волков, зубы яро оскалив,
В содружестве всех, никого не любя.
Трибуны лелеяли ропот народа,
Внушая, что Бог будет против него.
Не всем негодующим это в угоду,
Раз добрых деяний не видно кругом.
Надежды на помощь все крепнут и крепнут,
Но, Господи, сколько ж приходится ждать!
Ведь силы народные блекнут и меркнут
И многим приходится долго страдать.
Ну что ж! Будет рад иностранный правитель,
Что Вену и Австрию с войском займет.
Трибуны, солдаты, остановитесь!
Пусть яростный гнев ваш скорее пройдет!

ЦЕНТУРИЯ IX

1. Все письма – призыв к коренным переменам,
Бурэ, переводчик, их взял со стола, –
И здесь демагог с краснобаем тому набьют цену,
кто множество благ всем своим обещал.
2. Скорее, скорее, скорей уходите!
Из Монт Авентайна разносится зов,
колонья с семьей! С Аримини и с Прато бегите!
Здесь жизнь насыщают страданья и кровь.
3. Ведь из ничего [136] вспыхнут бури в Равенне,
Бунт сильных пятнадцати душил форнез,
А в Риме пожары и кровь благоденствия сменяют,
Ведь два двухголовых уродца окрест.
4. Могущество двум дано выборной властью,
Изгнанник отброшен в позорную тень.
Разграблен весь дом и повсюду несчастья,

- И в нови кольшется пасмурный день. [137]
5. Из третьих рядов он продвинется в первый,
Опорой ему станет сброд, а не знать.
Тиран оккупирует Пизу и Люкку, наверно,
Громила с низов мог людей усмирять.
  6. Полки англичан наводняют Кайену,
И здесь аквитанцы присвоили власть.
Ну как, Лангедок, хороши перемены?
Вот барбоокситанцев намерены звать.
  7. Злой дух обитает в старинной гробнице.
Открывший – захлопни ж, захлопни скорей!
Но поздно, и бедствию дали разлиться,
И лучших оно не щадит королей.
  8. Никто не уйдет от возмездия выше,
Сам Бог покарает волчат и волков.
Отца принц убил, и потомки об этом услышат,
Цени ж Тайнописцев минувших веков!
  9. Мистический свет виден в храме Весталок,
Останки колонн, точно мачты затопших судов.
Тень девочки с лампой в руках пробежала.
Низмесцы! Разлив сокрушает ваш кров. [138]
  10. Монах и монашка у трупа ребенка,
Чье тельце стекольщик случайно нашел...
К военному лагерю с Фойкса проложены тропки,
Готовься, Тулуза, принять эту боль.
  11. На смерть осужден был совсем невиновный,
И зрелище казни пьянило людей.
Потом здесь чума разжигала жаровни,
И судьи бежали отсюда скорей.
  12. Кому серебро этих статуй вернули?
Диана с Меркурием видят озерное дно,
Рыбешки над старым сосудом блеснули,
И золото в нем никому не сдано.
  13. Бежали они из темницы салонской,
Свирепый болоньец, моденские два,
Костер с Буранкоза открыл их тряпье и обноски,
И ночью всех видно у скользкого рва.
  14. Готов для преступников чан над Равенной,
Чая с медом, с оливковым маслом, с вином.
живьем в нем кипеть будет всякий повинный:
Семерка предстанет в Бордо пред судом. [139]
  15. Парпан не сумеет помочь кардиналу.
Куда же, куда непокорным бежать?
Три мирных и немощных пять устояли,
Бургонский прелат может их поддержать.
  16. Блеск молний одобряет лихие созвездья,
Тот блеск омрачит центр Майенских лесов.
Кровь с листьев стекает на зверя из бездны,
Великие люди похожи на псов.
  17. Страна не сорвется в глубокую бездну.
Решительный франко друзей созовет.
Пускай неприязнь дипломатов исчезнет:
Испания силой традиций живет. [140]
  18. Что ж! Новый король любит кровопролитье,
И умер для Франции век золотой.
Вы третьего сына Нероном Креста назовите,
И он воссоздаст Форнерон дорогой.
  19. О славе империи знают фламандцы,
Дофин сделал лилии частью Нанси.
Уйдя с лучших мест, трудно с болью расстаться,
Под гнетом препятствий сам Монморанси.
  20. Он ночью идет сквозь леса возле Рейна,
А камень белеет в Волторте-Херне,
Весь в сером монах вызвал бурю в Варенах,
Где вольные люди и храмы в огне.
  21. С собора Блуа виден мост чрез Луару,
Король и прелат встретят зло на мосту.
У Лонских болот воевали недаром,
Раз все духовенство отсюда сметут.
  22. Придворным здесь надобен вкрадчивый шепот:
Король был в соборе вблизи от дворца,

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
А Альба с Мантором, ступив на садовые тропы,
Кинжалом и словом пронзают сердца.
23. Недаром обрушилась кровля у дома.
С продавленным черепом сын короля.
Молитва отцу не приходит на помощь,
И праздничный блеск не полюбит земля.
24. Их двое, детей королевского дома.
Карета бежит от дворца над скалой,
Поездку сады монастырские помнят,
Где плод незрелый качался с листвой.
25. Известье летит из Испании птицей,
Крылом задевая куст роз у моста...
Быстрее, чем мысль, эта весть разлетится:
Безирс для погони еще не устал.
26. Уход его глуп: нет серьезной причины.
Неверно, что папа ему угрожал.
Люблю освежающий ветер в Пиомбино
И стены в Вультрее в зеленых плащах.
27. Достигший высот изменяет дофину.
Мост сломан, и ветер повалит забор.
Но старый Текон в тех делах неповинен
И герцогу стелет в знак дружбы ковер.
28. Встречай Геную и Сицилию пушечным громом!
Летит над Иллирией рой парусов.
Не видишь: с Венеции и Масильона
Противник с венгерцем схватиться готов.
29. да! Он Сент-Квентин никому не уступит,
И он же с упорством захватит Каллас,
Дома, корабли у Шарье испугаются крови и трупов,
Так новый порядок встречаются у нас.
30. Пуолская гавань и Сент-Николас видны с борта,
Корабль норманнов качал фанатичный залив.
«Алла!» – слышен крик с Византийского порта,
Кадиз и испанцы крестов не сдали.
31. Земля на куски раскололась от взрывов,
Полузатоплены развалины островов Сент-Джорджа.
Есть бреши в соборе у края обрыва,
И Пасха идет сквозь жестокость и ложь.
32. Порфирий! Сквозь время плывут манускрипты,
Подобно словесным большим кораблям.
Твой череп истлел, но твои паруса не забыты,
И мысль не догнать даже будущим дням. [141]
33. Он будет сильнее европейских монархов,
Его называют французской грозой,
Италия сбита великой нападкой,
И Рим Геркулесовой схвачен рукой.
34. Свершилось – один пятистам его предал.
Нарбонн! И ты, Солк! Чем зажечь фонари?
Ведь явь станет хуже кровавого бреда,
Монархия в зареве штурмов горит. [142]
35. Теперь победителям роз не кидают,
К бесславию шел белокурый отряд,
В полях Македонских успех Фердинанда бросает,
И он с мирмидонцем сцепиться не рад.
36. Юнцы короля оттеснили от трона.
Он гибнет – топор занесен с высоты.
Сигнал светит с мачт: берегись беззаконий,
Три брата друг другу – враги и скоты. [143]
37. «Кругом! Шагом марш!» всем мостам с ветряками,
Теченью реки и дворцам на Тулузском пути
Декабрь дал приказ и взмахнул ветровыми руками.
Бассейн всей Гаронны крутящимся диском летит. [144]
38. Французов, поди, будут ждать у Ажана,
Подсобник с Нарбонна беспечностью пьян,
Теперь англичане, рашельцы с Бордо выступают по плану.
Епатьян! И ты пострадаешь от ран!
39. Гляди: в Арбизеле, в Гревари так лихо.
Савонна взята штурмовою волной.
За старой стеной над дворцом – бой и дикие крики.
Их слышат Гвиара, Шарье и Гасконь.
40. Летит в Сен-Квентин шум листвы Баурлиса.

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
фламандцы в Абее идут под удар.
Путь к миру гвардейскою шпагой пронизан,
Двух юных сынов ждет неожиданный угар.
41. да! Герцог теперь уже занял Карпентрез,
И черный берет его с красным пером,
Вот Генрих Великий царит в Авиньоне под ветром,
И в римском посланье оплакан был шторм.
  42. К Тунису откатится варвар разбитый.
Мы вместе: Монако, Сицилия, вся Генуя,
С Венецией флот снарядим знаменитый:
Не быть полумесяцу в наших краях.
  43. в бою – измаэлиты и крузодеры,
В огне паруса десяти кораблей.
Неверные и христиане – в неистовом споре,
Но в небе теперь над мечетью светлей.
  44. Скорее беги из проклятой Женевы,
Где золото станет железной звездой,
Оттуда на землю лучи устремятся из гнева,
И небо подаст нам свой знак пред враждой.
  45. К чему ему истина в важных вопросах?
Он ложью свои поправляет дела.
Законы и совесть он вовсе отбросил.
В Париж и Пьемонт злая скорбь забрела.
  46. Он в мантии красной идет по Тулузе:
Не грешников – жертвы ища среди людей.
Тень тыкв в огородах над камерой пыток не сузят,
И новые казни предвидят везде.
  47. Проекты реформ составлялись напрасно,
Раз голову слову снес переворот.
Смещенный монарх пред судьбою опасной
Ворота дворца бурей крутит и рвет.
  48. Шатается город у вод океана,
Дома валит с ног сумасшедшей волной,
Разбиты суда и мосты ураганом,
И ветер смеется над ранней весной.
  49. война и мятеж множат груды развалин,
К Антверпену движутся Кент и Брюссель,
Английский король к эшафоту отправлен,
От соли с вином будет Лондон хмельеть.
  50. Большим демагогом был хитрый Мендозус,
Став демоном многих горячих юнцов,
Здесь варварство мечет напрасные грозы,
Норларис – теперь – не отрада отцов.
  51. Опасен для красных рост сект и религий:
Ударами плети не выстроишь мир!
Никто не спасется от дьявольской лиги,
Лишь демон земной приглашен был на пир.
  52. Жизнь делит всю землю на две половины,
Одна будет с миром, другая – с войной,
В крови захлебнется и зверь и невинный,
Кому же вся Франция ближе душой?
  53. Горели живьем три пажа в трех каминах,
Их юный король приказал умертвить.
Будь счастлив, живущий в дали неоповинный,
Свои же безумцу спешат отомстить.
  54. Они в Корсибон прибывают с почетом.
Равенна! Ликует ограбивший даму в порту.
Посол Лиссабона! Морские пучины разверсты.
Засевшие в скалах душ семьдесят с места сметут.
  55. Весь Запад шатает войной небывалой:
Никто не спасется, ни старый, ни юный, ни зверь.
Пожары за кровью горячей бежали,
Меркурий, Юпитер и Марс не считают потерь.
  56. Их лагерь раскинулся под Наудамом.
Оставлен в Майотах их выцветший флаг.
Ведь более тысячи на два разделятся стана,
Но только стан первый второму не враг.
  57. король прибыл в Друкс, чтобы вместо покоя
Оставить незыблемым прежний закон.
Ворота срывались с петель, трон был смят и расколот,
И кровь короля станет шелком знамен.

58. Три красных давно поджидали француза,
Заметив брег левый напротив Витри,
жив черный, но красным распорото пузо,
и бритт был обрадован светом зари.
59. Да, красный ник связан с нелегкою жизнью,
И знал, что в ферне будет схвачен Видам,
Великий Люк счет предъявляет отчизне,
И зависть Бургундию бриттам отдаст.
60. Далмация в страхе, почуяв пролитие крови,
И варвар сражается в черном углу.
Раз дрогнул туман, Измаил наготове.
Спасет ль Португалия преданных слуг?
61. Грабитель морских побережных владений
И в новых народах теряет друзей,
Мессинско-мальтийский союз не ржавеет,
Не терпит обид от чужих якорей.
62. Октябрь в день третий – под знаком великих события,
Возвышены будут Ругон, Мандрагора, Оппи-Пертинанс,
Теперь Черногорец весь мир сотрясает открытием,
И многое грозным предстанет для нас.
63. Опять потрясения вызовут войны,
И бедствия выветрят дух перемен,
Не зря же Нарбонн и Байон беспокожны,
Им больно от горя, страданий, измен.
64. Вторженцы пройдут Пиренейские горы,
Противиться в марте не сможет Нарбонн.
Здесь жизни сгорают, как дождь метеоров,
Над морем и сушей разносится стон.
65. Зеленые мысли вредны для реформы,
Раз плод незрел – не срывайте его,
Потомков никчемные сдвиги не кормят,
И ложное благо не даст ничего.
66. Предвижу реформы и честную дружбу,
Меч, вложенный в ножны, – не самообман.
Поместья, поля и сады делу мира послужат,
Закон станет другом залеченных ран.
67. У врат у скалы их до сотни сойдется,
И видны ворота с Дизерских вершин,
В Шато с мест других удалец к удалцу подберется,
Друг Рима с крестом: ты, крепись и держись!
68. Когда заговорщики шли из Аймара,
Солдаты таились в Ликийском лесу,
Савону и Рону знобило не даром,
От крови, от страха наш трон не спасут.
69. Две трети их стран изувечены градом,
Италия с Веной поникли разбитой главой,
Над Брессом и выше Байли – кладовые кровавого ада,
Град создан гренобльцем и введен был в бой.[145]
70. какое оружие сокрыто в ракете,
Которую мчит крыловидный огонь?
Латинское небо рвет северный ветер,
И взорван грозою был венский покой.
71. Святыни им видимы будут у Трикса,
Но их осквернять не осмелятся днем.
Каркассон! Будь рад, что немилость продлится,
С вторжением справятся долгим путем.
72. Все церкви и все синагоги зачахнут:
Исчезнут обряды в две тысячи сто пятьдесят году
И Крест и Давидовы звезды истлевшею славой запахнут,
Но милость небес люди в новом найдут.[146]
73. Тюрбан голубой завладеет всем фойксом
Пред тем, как Сатурн совершит оборот,
А белый тюрбан спорит с Турцией громко,
И звезды[147] на мачты судов созовет.
74. Убийца тайком покидает град ферстод,
Чернеет на пашне заколотый бык.
Здесь плащ Артемиды взмечается облаком дерзким,
И пепел вулканов к погибшим приник.
75. С прибрежной волной будут ладить французы,
Амбрасия с Трасией хлынут в Прованс,
Законы и нравы их здесь они сгрузят,

- чтоб след свой надолго оставить у нас.
76. Беда, коли мир куплен страхом и кровью.
Два русла зажаты в железной руке,
Жестокость и злобу Нерон сделал новью,
Но был Кальвероном убит на реке.
77. Правитель чужой восседает на троне,
И к смерти идут королева и сын,
Зато конкубину злой рок не затронет,
Раз сам победитель красой ее сыт.
78. Гречанка казалась античной богиней,
Успех ее цвел средь дуэлей и ссор,
Однако в Испании власть ее сгинет,
В темнице ждет казни пленительный взор.
79. Коварный галерным командовал флотом,
Стремясь подавить и протест и мятеж,
Уловки слабее взбесившихся глоток:
«Хватай командира... Души его... Режь!»
80. Пожалуй, во вред себе действовал герцог,
Сильнейшего друга куда-то сослав,
Деспотии в Пизе и Люкке с ним бились совместно,
А трезвый дикарь виноград собирал.
81. Спасайся уловкой, раз чуешь засаду,
Король перед врагами на трех сторонах,
Измена в Лонгине была хуже ада,
И слезы повисли росой на стеблях.
82. Обрушатся воды на град осажденный,
И новые бедствия с ними придут,
И все же доволен был страж удивленный:
Внезапной атакой людей не убьют.
83. Мир – в язвах и трещинах землетрясений.
Созвездья ломают хребты городам,
Дворцы и мечети стоят на коленях,
Безбожник идет по Христовым следам.
84. Полюбит мятеж серый мрамор гробницы.
Мысль главы медуз на толпу наведет.
Дух мести в бесправие нищих вселится
И злобою трон на куски разнесет.
85. Гасконь, Лангедок быстро пройдены ими,
Ажанцы держали Арманд и Реаль,
Фоценцы дерутся и новой короны не примут,
И бой под Сент-Полом уже грохотал.
86. К Шартрезу прорвутся Бурже и Ла Рейнцы,
Антониев мост будет видеть привал,
Семерка за мир, ибо схватка бесцельна,
И скорби Париж осажденный встречал.
87. Да, храм от Туфонского леса отрезан,
И был в Монтлехери[148] унижен прелат.
«Мой герб на монете! Держи, не побрезгуй,
Чеканю их сам», – ему герцог сказал.
88. Калас и Аррас пособят Терроане,
Когда же придут и порядок и мир,
Отряд с Аллоброкса спустился к Роане,
Но марш убежденных был все-таки сир.
89. Семь лет улыбалась Филиппу фортуна,
Но варвары счастье пронзили стрелой.
Расцвет уничтожен смятением бурным.
Что ждет Огмиона с ослабшей душой?
90. Вождь сызнава бредит немецким величьем:
Решетки тюрьмы не задержат идей.
У Венгрии будет иное обличье,
Но мощь не построишь на крови людей.
91. Страдают от мора Коринф и Никополь,
Зараза идет в Македонию, в Крым,
Мрачат Амфиполис и плачи и ропот,
Яд трупный на улицах трудно отмыть.
92. И вот к Новеграду правитель стремится,
В бараний хозяева скручены в рог,
Из тюрем вернут палача и убийцу,
Чтоб кровь просочилась в державный чертог.[149]
93. Флот делят на три боеносные части,
Вторая найдет пораженья и скорбь,

- С Полей Елисейских доносятся плачи,
Часть первая мстит за безмачтовый гроб.
94. Враг правильный путь выбирает из форта,
И вот к бастиону повозки спешат,
Буржеские стены нашествием стертые,
Побитый злодей Геркулесу не рад.
95. Один пропадет беззащитный корабль,
Но слабость утратит союз кораблей.
Штурм слаб. Братислава! Здесь враг не пограбит,
И к варварам Любек притянут сильней.
96. В мундирах солдат побережья Арама,
И армию новый ведет человек,
Потухнет в Милане военное пламя,
Вождь в клетке железной окончит свой век.
97. Не верьте, что враг не войдет в этот город,
И герцог напрасно не ведал тревог,
Уловкой врата отпираются скоро,
И кровь на мечях так порадует рок.
98. Отступник к чужим поневоле подался,
И вынужден сдаться наш вождь в Молите,
Но есть смельчаки, что намерены драться,
К суду тех, кто с ними идти не хотел.
99. Сёк всех осаждающих северный ветер,
Им трудно пробиться сквозь бури и мрак,
Дождь хлещет их плечи струящийся плетью,
И исповедь хуже сражений и драк.
100. Пожар корабли претворяет в руины,
И пламя в ночи спорит с светом дневным,
В военных уловках два флота повинны,
Победа сокрыта туманом густым.

ЦЕНТУРИЯ X

1. Противник ослаб, но не хочет сдаваться:
Ведь пленных уморят иль сразу убьют.
Спасенья усталый солдат добивался,
Так дайте ж разбитым покой и приют.
2. Свернут паруса корабли и галеры,
И славу свернет возвеличенный флот.
Плывет победитель в рассветную эру,
Командуя миром сверхдальних широт. [150]
3. И после пяти вождь отряд не покинул.
Назад к Пенелону, вчерашний беглец!
Пусть слух о подмоге врага опрокинет,
И будет осаде положен конец.
4. Пропал без вестей грозовой полководец,
Но слава его не была сожжена,
Семь лет о нем слухи ходили в народе,
Вернувшись армия не спасена.
5. Альби и Картрез во едином союзе,
И к ним лиссабонцы охотно примкнут.
Каркассон с Тулузой согласие сочтут за обузу,
Раз там лоургезца великого ждут.
6. Кордону с Низмесом грозит наводнение,
Зато Декальон от волны оживет,
Гробницы и статуи пред возрождением,
И сильный пожар от воды пропадет.
7. Нанси захлестнуло великой волною,
Двумя кровожадными занят был Мец.
В Британии соль и вино размывались волною,
Возьмет ль Эпатьян всепобедный венец?
8. Он лоб разбивает в решительных схватках,
Рожденный большим сенегальским орлом,
Смерть трех за неделю – сигнал к еще большим нападкам,
Мирнами же саблей взмахнул как крылом.
9. О пасмурных днях весть идет с Кастильона,
Неведомой девкою принц был рожден,
И вот уж на рвань водружают корону,
Земля не видала столь худших времен.
10. Насилья, убийства и гнусные страсти –
Враги совершенной и чистой любви,
Эпохи отцов, как и дедов, не ведали злейших несчастий,

- И тонут мечи и кинжалы в крови.
11. Опасности ждите теперь под Иончером,
Постум с его армией их избегал,
Обоз пересек пиренейскую сферу,
И герцог в Тендэ с Перпиньяна бежал.
  12. На этот раз выбор серьезно расстроен,
И Папу внезапно сменили другим,
Смерть слаще позора: смещенный спокоен,
И небо Христово склонилось над ним.
  13. Солдаты смешались с пасущимся стадом,
Их выдал оружия скрежет и лязг.
Харбиполис, видно, не свалишь ударом,
Град вольности шум этот слышал не зря.
  14. Его обличали в сомнительном доме:
Был пьян и в компании многих блудниц,
Ну как, Арнэ Вокль, не везет в Барселоне?
Отваге нельзя выходить из границ.
  15. Да, дряхлого герцога мучила жажда,
И сын утопил его в кадке с водой,
В сенате на это разгневался каждый,
Преступник поплатится сам головой.
  16. Французский король управлял справедливо,
Без крови, без казни, без блеска мечей,
Завистник и льстец ополчились на диво,
Разбойникам повар дал связку ключей.
  17. Ей трудно дышать от мучительной боли,
Бледна была дочь королевы Эргест.
Но слез в Онголезме не слышно уж боле:
На свадьбе с германцем поставлен был крест.
  18. Лоррена даст место Вендомскому дому.
Законность померкнет – в жизнь хамы войдут.
Сынами Хамана весь мир был ведомый,
Два сильных и места для встреч не найдут.
  19. Ее из простых возведут в королевы,
Ей в храме и знатный дорогу дает.
Пусть грубо ее родословное древо,
Но гордость былую покорность взорвет.
  20. Настанет эпоха всеобщего братства,
Век неучей, век палачей и воров.
Как смог обесславленный Рим опускаться,
Продав за бесценок сокровища, храмы, добро?
  21. Король вместе с сыном потворствовал бедным:
Свои же сокровища им раздавал.
Их зверски убьют. Знать кричит о победе,
Она постояла за свой идеал.
  22. Король островов отрешен был от власти.
Теперь будет править другой, некороль.
Террор помогает решительной касте,
Реформы куются из гнева и воли.
  23. Расположение дышит протестом,
Антиб и теперь своей армией горд.
В Монако же есть погреба и вино; там всем жалобам место.
Два фриза те жалобы примут в расчет.
  24. В Италии нашего принца схватили,
Корабль ожидают Марсель, Генуя,
Пожарами чуждые силы гасили,
Мед в бочке спас принца от злого огня.
  25. Небро открывает проезд на Бризану.
Последняя вежа стоит на пути.
Вся ложь в Пелигоксе цветет, а не вянет,
Раз женщина сможет в оркестр войти.
  26. Преемник, поди, посчитается с зятем,
И новая власть проповедует месть.
Убийства опять вызывают проклятья.
Француз и британец смогли озвереть.
  27. Карл Пятый поддержан самим Геркулесом.
Он храм отпирает железной рукой.
Орел под угрозой. Испанец был весел.
Колонья, Аскан позабыли покой.
  28. Двумя из них создана музыка гимна.
Стихия вождей на высоты ведет,

Толстяк, изможденный, худой в переменах повинны.

Венеру вся фальшь этой славы гнетет.

29. Храм Павла теперь в грозовой атмосфере,
Искавший спасенья там схвачен как зверь,
Пленившие, видно, в святыни не верят,
В Торбе он в оковах приведен теперь.
30. Окрепнут тюремные арки и своды,
И брызнет на камни кровь новых святых,
Что ж красное с черным не даст себе отдых,
Меняя на зелень цвет лет горевых?
31. В Германии будут великие сдвиги.
Открыт для Востока огромный простор,
И варвар, задумавший новое иго,
Над миром кровавое знамя простер.
32. Империя крепнет в невиданном взлете,
Но сила ее все равно отомрет.
Могущество в злобе своей задохнется,
Держава зверей долгий век не живет.
33. Жестокая клика под мантией длинной
Скрывает отточенный остро кинжал.
Рабы и вассалы Флоренции дивной
Узнают, как герцог здесь власть удержал.
34. Вся Франция видит в нем бога сражений,
Но он обесславлен своей же родней,
Был сбитым с коня просчитавшийся гений,
И братьев топтало проклятой войной.
35. Убил негодяй королевского сына,
Надевшего радостный женский наряд.
Принц шел на свиданье к немецкой кузине,
И храм Артемиды похож был на ад.
36. На юге король о победе мечтает.
Ему ль хармотийцев навек обуздать?
Тиран и грабитель людей своих знает,
Не в силах никто острова покорять.
37. Боржесское озеро! Шторм тебя гложет
И берег затоплен людскою волной,
У Сен-жулиана шум битв слишком яростен, Боже,
С Чамбара, с Морены бьет сильной грозой.
38. Что ж бодрая дружба приводит к осаде.
Так! Сенбарбарийский терпи гарнизон!
Французу Урсини и Адрия тайные ставят преграды,
И армией сильной грозит всем Гриффон.
39. Два острова – в длительной траурной скорби:
Принц умер, еще не оставив детей.
Как быть же? Закон правый путь не находит,
Девчонка-вдова не в чести у властей.
40. Британия в гневе на юного сына,
Хотя сам король завещал ему власть.
Раз умер отец, сына надобно скинуть,
Пускай он в изгнании может пропасть.
41. Виль Франш расцветает под музыку лютни,
Звон струн струнул с мест и Сусат, и Чарлус,
От песен и танцев в долине уютней,
И пляшут куст роз и сиреневый куст.
42. Мечи с арбалетами пылью покрыты,
И ангелы мирное время хранят.
Нет больше войны, плена, трупов убитых.
Пусть боги детей и любовь пощадят.
43. Что ж, время почтить королевскую щедрость!
Есть казни и подвиги, гнев и любовь.
Неважно, хранит ли жена ему верность,
Раз сплетни содействуют рубке голов.
44. Да, он подчинит себе многие земли:
Кордову, Далмацию, с ними Маммель,
Пусть тени семьи его трон не колеблют,
И скипетр в руках его не устарел.
45. Ну может ли тень королевства Наварры
Законы и мозг целой Франции дать?
Король Орлеана стену укрепляет не даром.
Гамбрай, так ли прочна твоя благодать?
46. Фальшивым богатством цеха обольщают,

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Вознесся над миром жестокий мужлан.
Саксонцы его не впервые встречают.
Знак мира спокойному Брунsvику дан. [151]
47. Откуда, откуда приходит измена?
Пусть град леди Гарланд боится Бурже.
Великий прелат любит черные тени,
И лжепилигримы с мечами уже.
  48. Что ж, мост через Лейн зашатается с горя.
Из глуби Испании хлынут войска,
Противнику быть победителем в споре,
Но путников мирных полюбит река.
  49. Погибнут сады, обступившие город,
С домами, домами, подобием горных вершин,
Раскиданы трупы разбитых моторов,
Волной ядовитой – мосты сокрушит. [152]
  50. Сатурн астролог даже днем опознает.
Измена Херона откроет три лурнских звезды,
Лорренский поток города с мест срывает
И рвется сквозь горы, равнины, сады.
  51. В Лоррене жестокие веют знамена,
В грозу облачая немецкий союз,
Но их одолеет Кантон неуемный,
Норманны спасутся от вражеских уз.
  52. В Антверпене свадебный пир разыгрался:
Пусть вместе сливаются Шельда и Лей.
Покой дней былых к молодым возвращался,
И гроздь винограда близ кубка светлей.
  53. Три нации дрались и долго и дерзко.
Большой – в стороне, сберегая свой дом,
Друзья и опоры в Селине не крепки,
Хоть он их и звал под жестоким огнем.
  54. Услышала тайная дочь Конкубины
Печальную новость от знати, с вершин.
Ей плен угрожает в темнице старинной,
Брюссель с Малине ее будут страшить.
  55. Да, свадьба величием пышным сияла.
Но только прославит все скорбный конец.
Супруги останутся в мире печали:
Фэб умер, зри, Нора, могильный венец.
  56. Прелат короля болен страшной болезнью:
Кровь хлещет рекой у него изо рта.
Плененный в Тунисе стоит перед бездной.
Пора усиления Англии ждать.
  57. Правитель совсем не достоин восторга:
Он худший из грязных и подлых людей.
Двух юных к стыду присуждают за гордость,
И жены – в объятиях черных смертей.
  58. На Западе вижу большую опасность:
Селин Эматьяну войну объявил.
Наш доблестный флот под грозью ужасной.
фоценс! Ты какую судьбу разделил?
  59. Латиняне, немцы, брешицы в Лионе
Ведут затяжной и коварный процесс,
Они лай бульдогов сердитых откроют,
И будет печальна нежданная весть.
  60. Я плачу над участью Ниццы, Монако,
Сиэны и Пизы со всей Генуей,
Гляди: новогодняя кровь на мечах, жизнь окутана страхом
И землетрясения воют с зарей.
  61. Что Бета и Гамма, Гамор и Сакарбас?
Ведь варвар всю Венгрию в лапах зажмет,
А дым и огонь в ритуальном экстазе
Не скроют утопий крикливую ложь.
  62. Сумеют ли венгры отбить нападение?
Сражаться всей Буде дан строгий наказ.
Прими ж азиатский закон, население,
Раз демон славянский не скроется с глаз.
  63. Скорее! Нужна медицинская помощь,
Внимайте, Цидрон, Рагуза, Сент Жером.
Смерть принца уносит из отчего дома,
Восток метит венгров могильным крестом.

64. Лей слезы, Милан, и Флоренция тоже:
Ведь герцог над всем Чериотом навис,
В осаде Венеция, Лангез перепуган до дрожи.
Рим! Стань ты иным и уймись!
65. Письмо вынимает раздоры из ножен,
Мечом перерублено древко копья,
О, Рим! Здесь проклятьем усобицы гложет,
И дух разрушения не даст всем житья.
66. Вождь лондонцев править Америкой станет.
Шотландию холод во льды заковал.
Антихрист на троны и Церковь восстанет,
Чтоб адский создать на земле идеал.
67. Весна, май и ужасы землетрясений,
Град будет крупнее утиных яиц.
Все звезды[153] грозят нам бедой и смятеньем,
Деревья стряхнули встревоженных птиц.
68. Застряли у города части десанта,
Народные силы прогнали врага,
Противник уже не вернется обратно,
Чужой ему флот стал теперь его гнать.
69. Вся жизнь перепахана бешеным бунтом,
Раз Север мятеж направляет на юг,[154]
Свои бьют своих на обугленном грунте,
И кровь на кустах появилась не вдруг.
70. Вулкан, как нарыв с раскаленной кровью,
Казалось, вокруг загорелись снега,
Ожоги и жертвы становятся новью,
У Реджио в ранах поля и луга.
71. Настанет большой ледниковый период,
Весь мир нарядив в горностаевый мех,
Костры среди льдов машут красною гривой,
Черверг надевает военный доспех.
72. Ну, с чем мы придем к двадцать первому веку?
Сошедший с горящего неба – теперь повелитель земли.
Конец и начало столетья мятежным живут человеком,
Открытие Марса свободе грозит.[155]
73. Минувшее в нем оживет в настоящем,
И мысль сохраняют, как вино в погребах.
Такой весельчак был бессмертьем украшен,
И церковь пред словом утратила страх.[156]
74. До смерти всей жизни семь тысячелетий,
Но трупы воскреснут в истлевших гробах.
Пред страшным Судом невзлюбившие света.
Пора, на колени, и ужас и страх!
75. Мир ждет повелителя света и знаний.
Казалось, что он никогда не придет.
Дорогу Гермеса мостят ожиданьем,
И гений Востока в любви оживет.
76. Его «отличили» в великом сенате,
Добро отобрав и лишивши всех прав,
Как нищий и раб, без надежд на расплату,
Он жил меж чужими, участья не знав.
77. Тех тридцать дотла разорили квириты,
Досталось доносчикам все их добро,
Изгнанники в трюме дощатом сокрыты,
Корсар их сменяет на шпаги и ром.
78. Внезапная радость сменяется грустью,
И Рим потеряет священный покой,
Кровь, слезы и плач будут вызваны жутью,
И войско врага растекалось рекой.
79. Столетия совсем перестроят дороги,
Кто может узнать прежний путь на Мемфис?
Меркурий с Гераклом ведут самокатные дроги,
И скорости эти сорвут Флер де Лис.
80. Король вместе с герцогом всех победили,
Огонь лижет бронзу тяжелых ворот,
Пожары разрушенный порт осудили,
Горящий корабль в воде не живет.
81. Сокровища скрыли в собор Гесперийцев.
Куда? Лишь немногим известен секрет.
Голодное рабство бунтует и злится,

- Стремясь к золотому сиянью монет.
82. Не верьте восторгам последнего штурма!
Есть корни возмездья в гражданской войне.
Владеют кинжалы восстанием бурным,
И слезы и кровь заструятся сильнее.
83. Мятаж этот вспыхнет стихийно, без знаков,
Шумя выбегает из парка толпа.
Здесь звери рычат в омерзительной свалке,
И вот окруженец последний упал.
84. Кому из низов удастся пробиться?
Верхи дорожат вековой высотой!
Не всем обойденным дано покориться,
И зависть командует ярой враждой.
85. Террор поражает и смелое слово.
Трибун из тюрьмы не отослан к врагу.
Смирившийся молит простить его снова:
Таких и законники не стерегут.
86. Гриффон будет править Восточной Европой,
Где белых и красных пьянят грабежи.
Весь Север глядится в духовную пропасть,
Второй Вавилон любит ритмы машин.
87. Кто будет посредник с империей смерти?
Спешит в Антиподы из Ниццы король.
Пал конь под ним; в лучшее время не верьте!
Грабеж побережья доставит нам боль.
88. Мы слезы и кровь осушить не сумели.
Конек на часах был давно нездоров.
Летят на горящую крепость в Марселе
Древесные бивни военных судов.
89. Кирпич превратится в строительный мрамор.
Семь лет и полвека не будет войны.
Большой акведук восстановят не даром,
И полон плодов сад спокойной страны.
90. В столетьях сто раз умирают тираны,
Ученым и честным сдавая всю власть.
Не скоро затянутся старые раны,
Ведь низость и грязь не смогли обуздать.
91. Наука! Терпи переходное время!
Как зверь, начинает семнадцатый век.
Цвет серый и черный на крыльях из ангельских перьев,
И церковь суровый ведет человек. [157]
92. Отцов ли удержишь от смелых стремлений?
И губят детей на глазах у отцов.
В Женеве народ вовлечен был в движенье,
И смяли вождя с деревянным лицом. [158]
93. Пусть парус расширит границы империй,
И новый корабль летит над волной.
Гляди: две порфирных колонны украсили берег.
Держи, биакрийцы, заложников, это надежней, чем бой.
94. Тиран гонит чудо из лабораторий.
Немногих закон серафистский спасет.
И Вена с испанцем презрительно спорит,
Низмес, Орлеан с ней составит оплот.
95. Могучий король всей Испанией правит,
Чтоб с моря и суши ударить на юг,
Теперь полумесяц всей сворой затравят,
Но тени крестов загрузили не вдруг.
96. Дождемся, когда обветшают мечети,
И рот полумесяца с неба собьют,
Двух ранят два «А» близ морей на рассвете,
И верой иною пришельцы живут.
97. Ко дну идут в бурях столетий триремы,
И летопись рвут, будто парус, ветра.
Пусть к варварам благостно жесткое время:
Клянет их историк разбегом пера.
98. Страна будет видеть вселенского зверя,
Все в клочьях роскошные ризы ее,
Купцы, забулдыги, скоты, всем вам не во что верить!
И пресное время здесь гнезда соьет.
99. Настанет период недолгих идиллий.
Волк, лев водят дружбу с быком и ослом.

- Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Но манны с небес не летит в изобилии,
Бульдог сядет в лодку с военным веслом.
100. Быть Англии сильной владыкой империй,
Ждет слава ее моряков и солдат,
Ей три сотни лет будут многие верить,
Но луизитанец ей будет не рад.
- ЦЕНТУРИЯ XI, ЦЕНТУРИЯ XII

Центурия XI

1. Быть трем городам в отвратительных язвах:
Чума настигает Минье и Манти!
Уж фурией к Эксу несется зараза,
Разбою Фоценса открыты пути. [159]
2. в фаготе сокрыты солдатские марши.
Раз рвут беспорядки Вильфранш и Миньон.
Нет! В мельницах, в неводе дух бунтарей не погашен!
Король! Защищайся от новых времен!

Центурия XII

1. Повсюду пожары с клубящимся дымом,
Поднявшие бучу – в больших синяках.
Прованс мой! Несчастья неистребимы!
У нас фанатизм не меркнет никак.
2. Лион окружен Монтлуелем и Веной,
Стал труженик жертвой больших грабежей.
Гасконцы помочь собирались силой военной,
Но близ Пуатье застревали уже.
3. Весь Кипр под угрозой свирепого штурма,
Развалины хлещет слезой, как дождем,
Флот турок и мавров и дерзок и буен,
Но скалы не мирятся с грозным вождем.
4. Разрушена молнией башня Эгеза.
Два тела не дружат с единой главой.
Здесь надвое поле разделят бездушье и дерзость,
На злого четыре поднимутся в бой.
5. Свой кров и свой град проклиная потомки,
Раз власть попирает нещадно закон.
Срывается с мест горожанин, ругаясь громко,
В бродягу теперь превращается он.
6. Отчаянный герцог сражается с принцем,
Две наших династии бьются за трон,
Ведь в каждой провинции кровь будет литься,
Свет меркнет под натиском черных времен.
7. Поверь, что раздоры начнутся в Марселе,
Бьет дикое пламя из новых идей.
Над миром мятежные гимны летели,
И все человечество гибнет везде. [160]
8. Трубины, мятеж и война жизнь изранят,
Иллюзии скроют великий обман,
Зов труб у Шато смешан с грубою бранью,
И сходит на землю преступная тьма.
9. Забьются сердца, Лангедок содрогнется,
На каждый удар – тысячекратный ответ.
Пусть страх по земле далеко разольется:
В Гаронне, в Жиронде волнения нет.
10. Итак, реформатора ждите в Айове,
А в Лемоне дальняя плещет волна,
Обычаи предков сменяются новью,
Оковы иль счастье теряет страна?
11. Из кратера вырвется адское пламя.
Пусть реки с ручьями зальют это зло!
Я Франции правду столетий оставлю на память,
Раз смерть рушит замки и храмы крылом.

Примечания

1

Перевод В. Завалишина.

2

Перевод Б. Пастернака.

3

пляска смерти (фр.).

4

Сенат и римский народ (лат.).

5

Гений места (лат.).

6

Старинное название чистого алкоголя, то есть спирта.

7

Новый разрушитель (греч.).

8

убежище (лат.).

9

Текст «Послания к Цезарю» дается в переводе с французского Е. Соколовой.

10

Цезарь Нострадамус был еще ребенком, когда отец посвятил ему это послание, с самооправданием против обвинений в черной магии, сделке с дьяволом и чернокнижии. Позднее Цезарь Нострадамус выдвинулся как художник и скульптор. Им оставлены воспоминания об отце. В русской литературе популярного характера послание отца Цезарю называют «Малым Апокалипсисом Михаила Нострадамуса».

11

Точнее, в революции звезд, в трагедийных оборотах светил.

12

Это место послания Михаила Нострадамуса, вероятно, самый первый элемент антиутопии в его творчестве. Возможно, именно здесь исток его конфликта с «утопией» Томаса Мора и учениями об общественном идеале последующих веков, включая марксизм.

Но есть мнение, что тут дело не в утопии или антиутопии, а в том, что Нострадамус болезненно воспринимал долженствующий углубиться и разрастись в будущих временах конфликт между буквой и духом христианской церкви.

Нострадамус, по мнению приверженцев иной точки зрения, считал, что обрядовая и ритуальная сторона церкви неизбежно отомрет в будущих веках; последняя христианская литургия будет отслужена в 2125 году. Тогда же сгинут с лица земли и богослужения в синагогах. Но если буква учения Христа

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
превратится в прах, то дух воскреснет в новых временах и примет иные, не
обрядовые и не ритуальные формы.

13

О каких книгах идет речь? Есть основания предполагать, что это были
«зловещие» для инквизиции книги Пселла и Ямвлика о демонических силах.
Видимо, сюда же относится и прикладная Каббала, оказавшая большое влияние
на творчество Нострадамуса.

14

Католическая церковь.

15

Катрен, навеянный опасением того, что словесные стычки между католиками и
гугенотами могут перерасти в религиозную войну.

16

Катрен, ставшей объектом многих и долгих споров. Одни связывают его с
французской революцией, другие – с кальвинизмом. Последнее, кажется, ближе
к истине: катрен этот, должно быть, направлен не столько против
кальвинизма, сколько против его крайностей.

17

Венеция.

18

Потомки Ромула.

19

Катрен, продолжающий вызывать большие споры. В нем видят то французскую
революцию, то символическое изображение еврейских гонений при Гитлере.
Семеро царских детей – семь колен Соломонова племени.

20

Испания.

21

Фусте – род военных судов.

22

В искусстве эпохи Нострадамуса пальмовая ветвь была символом мира.

23

Знаменитый катрен, предрекший ранение и смерть Генриха II.

24

Пселл (правильнее – Михаил Пселлос). Родился в 1018 году, умер не то в
Страница 176

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
1077-м, не то в 1078 году. Нострадамуса, видимо, интересовала его книга о дьявольских силах, а также труды «Арифметика», «Геометрия», «Музыка», «Астрономия».

25

Светопреставление, по Нострадамусу, начнется на исходе седьмого тысячелетия христианской эры. Напомним, что сам Нострадамус родился и жил в XVI веке.

26

Катрен, породивший множество толкований, иногда взаимоисключающих друг друга. Я склонен думать, что это намек на деяния реформатора России Петра Первого.

27

Сатурн и Юпитер будут у головы Ариев.

28

Странный и загадочный катрен, породивший множество толкований. Я склоняюсь в пользу тех, которые думают, что в этом катрене Нострадамус выразил свое отношение к казни Томаса Мора. Тот факт, что в «Центуриях» есть элементы «антиутопии», этого не опровергает. Нострадамус был способен объективно оценивать положительные качества своих противников и врагов.

29

О каком Аквилле (или Аквилларе) идет речь в этом катрене? У комментаторов Нострадамуса есть несколько Аквилл, претендующих на звание героя катрена. Есть мнение, что это – еврейский прозелит, живший при Ариане, около 130 года, и переведший Ветхий завет на греческий язык.

Другие считают, что это – сподвижник Мартина Лютера Иоганн Аквилла, помогавший патрону переводить Библию. Пожалуй, ближе к истине те, которые подозревают, что это – все-таки лютеровский Аквилла. Кто, как не он, мог в те годы вызвать неприязнь католической церкви?

30

Большинство комментаторов считает, что в этом катрене Нострадамус, как в телескопе, который наведен на время, а не на пространство, увидел звезду будущей славы Наполеона.

31

Цикл Латоны, матери Аполлона и Дианы, т. е. цикл месяца.

32

Водяная пытка, или экзекуция воронками, еще практиковалась во времена Нострадамуса. Экзекуторы раздвигали рот своих жертв, чтобы воткнуть туда воронку, куда наливалась вода. Водяные пытки были очень мучительны.

33

Старинное название Гибралтара.

34

35

Де Гарансьер, переведший «Центурии» на английский еще в XVII веке, писал, что этот катрен имеет отношение к роду лорда Айзнера, к его старшему сыну и потомкам старшего сына. По другой версии, Нострадамус мел в виду польского короля Сигизмунда Второго. Наконец, третья версия видит в этом катрене обобщение, судьбу многих аристократических родов.

36

Есть точка зрения, что в этом катрене Нострадамус расценивал грядущую французскую революцию XVIII века как братоубийственную бойню.

37

То есть солнце будет под знаками Сагилитариуса и Козерога.

38

Имеется в виду комета Галлея, которая в глазах многих астрологов является вестником бедствий, коварства и перемен к худшему.

39

Генри Робертс считает, что в этом катрене Нострадамус предсказал лондонские пожары 1666 года, когда в соборе Св. Павла была повержена наземь со следами ожогов и копоти статуя Богородицы.

40

Бордо.

41

Это – один из примечательных и воистину пророческих катренов «Центурий». Нострадамусу было ясно, что после открытий Колумба начнется борьба за главенство над океаном, которая будет борьбой за великий передел земного шара. Дуэль, о которой идет речь, – это дуэль между Испанией и Англией.

42

Катрен, вызвавший особенно много толков. Я склонен думать, что и в нем отразилась мысль Нострадамуса о роковой неизбежности крушения монархического строя в будущих временах. Начатое в Англии (Кромвелем) перейдет во Францию (продолженное Маратом, Дантоном и Робеспьером).

43

Существует легенда, что на этот катрен повлияла одна увиденная Нострадамусом работа Иеронимуса Босха.

44

Катрен, выявляющий в Нострадамусе проницательного и дальновидного человека. Этот катрен как бы подводит итог битве при Лепанто, которая, как известно, произошла пять лет спустя после смерти Нострадамуса. Муж черноротый – это Иоганн Австрийский.

45

Существует точка зрения, что именно этот катрен «Центурий» вдохновил Ронсара на стихотворение «После бедствия под Сент-Квентином». Большой человек, о котором идет речь, – знаменитый Энн Монморанси, в свое время представивший Нострадамуса Генриху II и Екатерине Медичи.

46

То есть к созвездию Льва.

47

Это – катрен, излагающий воззрения Нострадамуса на взаимодействие Веры и Науки. Вера без знания неполноценна, а знание без веры односторонне.

48

Многочисленных критиков Нострадамуса, с XVI века и по наши дни, можно разделить на три группы: на апологетов, скептиков и нейтралистов. Но и для тех и других и третьих данный катрен – один из наиболее «безумных» катренов всех «Центурий».

Критики XVI–XVIII веков считали, что это необыкновенно смелое, может быть, легендарное изображение урагана. Он был настолько могущественным, что вышвырнул с морского дна на берег корабли затопленного флота, которые были потом капитально отремонтированы, снова спущены на воду и введены в строй (в такого рода легендах, кстати, может быть – фантастическим образом – замечательное отражение действительности).

Критики XIX–XX столетий находят, что в этом катрене еще раз идет речь о подводных лодках наших времен (подводные лодки упоминались Нострадамусом ранее). Наконец, скептики находят, что один Бог знает (да и знает ли?), что подразумевал Нострадамус в данном катрене.

49

Гвадалквивир.

50

Катрен, в котором еще раз сказалась убежденность Нострадамуса в неизбежности крушения монархических режимов.

51

Многие комментаторы Нострадамуса связывают этот катрен с именами Людовика XV и мадам Дю Барри. И он и она подготовили благоприятную почву для французской революции.

52

Намек на арест и судьбу графа Монгомери, смертельно ранившего Генриха II на турнире.

53

В этом, как и в предыдущем, катрене апологеты Нострадамуса усматривают предвидение автором «Центурий» судьбы Гитлера.

54

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Это Лион.

55

Испанские комментаторы Нострадамуса усматривают в этом катрене предвидение гражданской войны в Испании и предвидение победы генерала Франко.

56

Когда Арии раздваиваются в Бастароманском небесном поле.

57

Многие комментаторы Нострадамуса склонны думать, что в этом катрене изображен Сталин.

58

Некоторые апологеты Нострадамуса уверены, что это крушение и Гитлера и Муссолини.

59

Русские комментаторы Нострадамуса убеждены, что в этом катрене автор «Центурий» предвидел Маркса и марксизм.

60

Когда Нострадамус умер, Шекспиру было всего-навсего три года. Сомнительно, однако, чтобы Нострадамус в отношении к Шекспиру как конкретной личности сыграл роль, равноценную роли волхвов, поклонившихся младенцу-Христу. Во всяком случае, такое толкование этого катрена представляется мне неубедительным и наивным. Но бесспорно, что тонкий ценитель театра Нострадамус предвидел, что конец XVI – начало XVII века станут периодом возрождения драматического искусства. Предвидел он и появление нового гения сцены, каким – видимо, без ведома Нострадамуса – и оказался Шекспир. Тем не менее пророческое значение этого катрена оспариванию, как мне кажется, не подлежит.

61

Борисфен – древнее название Днепра.

62

Эдгар Леони прав, когда находит, что это едва ли не самый значительный из всех катренов «Центурий». Утопический социализм Томаса Мора, породив многих последователей, до Маркса включительно, в будущих столетиях проникнет в славянский мир, точнее в Россию, откуда он захочет командовать миром и перестраивать всю жизнь на земле. Предсказывая утопическому социализму великое будущее, Нострадамус оказался провидцем и в геополитическом смысле.

63

Это апология Голландии. Нострадамус отдает должное не только их трудолюбию, но и их мужеству.

64

«Чужбинный беглец» в Древней Руси – то же, что политический эмигрант в наши дни. Мне кажется, что следует согласиться с теми русскими комментаторами

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Нострадамуса, которые полагают, что в этом катрене отражена судьба древнего Новгорода. Как известно, вольный город Новгород был покорен московским царем Иваном Третьим. Иван Грозный подавил попытки новгородцев воскресить дух вольности, который воспламенил и продолжает воспламенять воображение поэтов.

65

В этом странном катрене Нострадамус предвидел подводные лодки будущего.

66

Королевские лилии, символ монархии.

67

Катрен, вызвавший самые ожесточенные споры. Видимо, и здесь проявились антиутопические мотивы в творчестве Нострадамуса. Нострадамус предвидел, что из «Утопии» Томаса Мора вырастут те иллюзионистские учения об общественном идеале, которые, создав миф о грядущем рае на земле, будут теснить веру и церковь. Нострадамус, с его острым, пронизательным и смелым умом, чувствовал и слабые и сильные стороны «Утопии» Томаса Мора. И Нострадамус предвидел, к каким катастрофическим и трагедийным последствиям могут привести учения об общественном идеале, если они будут применяться на практике в грядущих столетиях. Социализм, развивающийся в направлении от утопии к деспотии, а не от утопии к науке, как утверждали Маркс и Энгельс, превратит двадцатый век в новое средневековье.

68

В этом катрене есть предвидение газовой атаки (или, быть может, атаки с помощью какого-либо иного химического оружия).

69

Некоторые из французских толкователей Нострадамуса видят в данном четверостишии крушение веры французской армии конца XVIII – начала XIX века в своего бога – Наполеона. Катрен этот был очень популярен среди наполеоновских солдат и офицеров, попавших в свое время в русский плен.

70

Есть мнение, что это четверостишие содержит предвидение небывалого взлета Оливера Кромвеля.

71

Артомиксы – группа протестантов в Гасконье. Этой группе угрожали религиозные раздоры.

72

Одни комментаторы «Центурий» полагают, что речь идет о Наполеоне, а другие – о Гитлере.

73

Поразительное совпадение: Соединенные Штаты возникли в 1776 году, а через 15 лет, в 1791 году, стала республикой и Франция.

74

Русские комментаторы Нострадамуса готовы поверить, что речь идет о Дмитрие Самозванце и Марине Мнишек.

75

Есть комментаторы, которые предполагают, что это – предвидение коронации Наполеона.

76

Есть ученые, которые находят в астрологии эмбрионы интуитивного психоанализа. Есть парапсихологи и специалисты по телепатии, которые полагают, что астрологи былых эпох могли воспринимать и улавливать сверхчувственное вернее и глубже, чем человек, выросший в условиях современной технической цивилизации. Этот и ряд других катренов «Центурий» показывают, что к таким астрологам принадлежал и Нострадамус.

77

Этот катрен знатоки Нострадамуса относят то к третьей, то к четвертой мировой войне. В первом случае катрен рассматривается как аллегорическое изображение России, которая выступит в защиту Персии, атакованной арабскими странами; во втором случае Китай и арабские страны объединятся для совместного выступления против России и против Персии. Религиозный подъем будет подсказан будущей России инстинктом национального самосохранения. Сбудется ли это пророчество? Судить об этом дано не нам, а нашим потомкам.

78

Совершенно изумительный катрен! Нострадамус предвидел смутное время в России и возрождение страны, которой будет править новая династия, то есть династия Романовых.

79

Ипполит в греческой мифологии – сын Тезея и королевы амазонок Антиопы. Посейдон встретил его колесницу, окруженный морскими чудовищами. Кони Ипполита так испугались, что обезумели и понесли. Ипполит выпал из колесницы и был убит.

80

Есть точка зрения, что этот катрен имеет прямое отношение к преемнику Папы Сикста Пятого. При этом преемнике статуи Сикста Пятого сбрасывались с пьедестала и усилилась инквизиция.

81

Есть мнение, что в этом катрене есть предвидение Варфоломеевской ночи. Резня гугенотов в Париже началась 24 августа 1672 года, то есть через 6 лет после смерти Нострадамуса. Несомненно, что от пронизательного Нострадамуса не укрылось, что Франция идет к новой религиозной войне и что эта война может быть очень трагической.

82

Некоторые из французских комментаторов Нострадамуса находят, что это – предвидение похода Наполеона в Египет.

83

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
Вот пророчество, которое исполнилось на наших глазах, на глазах людей, переживших вторую мировую войну. После этого катрена даже самые закоренелые скептики находят, что в Нострадамусе, безусловно, что-то есть.

84

Огмион – герой кельтской мифологии.

85

Некоторые из русских комментаторов Нострадамуса выражают уверенность, что в этом катрене пророчески предвидены последствия соперничества между Гитлером и Сталиным.

86

Русские комментаторы Нострадамуса считают этот катрен пророческим видением послереволюционной России.

87

Некоторые из французских комментаторов Нострадамуса считают, что этот катрен навеян предчувствием взлета и гибели Генриха Наваррского.

88

В фамилии Гроппе хотели видеть усеченную анаграмму Гитлера, настоящая фамилия которого Шикльгрубер (Гроппе). Но такая трактовка представляется недопустимой натяжкой.

89

Есть мнение, что это – аллегория итальянских походов Наполеона.

90

В оригинале – на Саксонских лугах. Кабан – символ Саксонии, Медведь – символ России.

91

Генри Робертс утверждает, что этот катрен есть предвидение Нострадамусом Трафальгарского морского сражения, в котором Британский флот одержал победу над французским и испанским.

92

Апологеты Нострадамуса из русской эмиграции связывают этот катрен с судьбой Троцкого. Их противники из лагеря русских скептиков иронизируют над этим как над фантастическим преувеличением.

93

Еще в годы второй мировой войны мне показывали вольный перевод «Центурий» на польский язык (перевод не всех «Центурий», а только нескольких десятков особенно впечатляющих катренов). Этот катрен был замечен и русскими, которые переняли его от поляков, и позволил им оценить и принять близко к сердцу идею возмездия в творчестве Нострадамуса.

94

Этот катрен был особенно популярен у тех французских эмигрантов, которые бежали в Россию от революции XVIII века в своей стране.

95

То есть между ремесленниками и городской нищетой, с одной стороны, и между городской администрацией и купечеством, с другой.

96

По преданию, основатель города Падуи.

97

То есть слава апостола Павла.

98

В этом катрене Нострадамусом описана одна из средневековых пыток. Полуголую жертву, связанную по рукам и ногам, с кляпом во рту, обмазывают медом и оставляют на земле там, где обычно бывает множество пчел. Несчастные погибают от укусов.

99

Это – Корнелий Агриппа, или Агриппа Неттесгеймский (1486–1535), – знаменитый философ и алхимик.

100

В «Центуриях» много катренов-сфинксов. Таков и этот катрен, разгадка которого будет скорее условной всегда и везде. В утопических и в социалистических теориях есть элемент нового рабства и принуждения. Только когда тот или иной народ отдаст себе отчет в катастрофических последствиях революции, начнутся поиски истинного, а не мнимого света. Вот в такого рода четверостишиях и содержатся элементы антиутопии.

101

Есть мнение, что в этом четверостишии содержится и предвидение трагической судьбы Муссолини и одновременно предостережение против коммунистов, в самой идее которых тоже есть деспотизм, хотя и иного порядка.

102

Среди русских комментаторов «Центурий» есть такие, которые усматривают в этом четверостишии предвидение пресловутой дружбы Гитлера в Сталина.

103

Это четверостишие было очень популярно во вторую мировую войну в польских католических кругах. Гитлер возродил языческий дух Германии, потому что Мартин Лютер предварительно, за несколько столетий до Гитлера, расшатал христианство, лишив его глубинных корней.

104

Седьмая «Центурия» дошла до нас не полностью: от нее сохранилось сорок восемь четверостиший вместо ста. Остальные катрены или утеряны или уничтожены.

Что касается «Воззвания против косных критиков», то седьмая «Центурия» открывается им как обособленным, нумерованным катреном.

В России это послание называли еще «Большим апокалипсисом Нострадамуса». Предполагалось, что оно должно было стать предисловием ко второму изданию «Центурий». Но так получилось, что послание с давних пор печатается как послесловие к седьмой, далеко не полной «Центурии». Тут, очевидно, весь вопрос в том, что подразумевалось под вторым изданием. Мы знаем, что Нострадамус закончил послание Генриху II летом 1558 года, а второе издание «Центурий» появилось никак не позднее 1557 года (хотя и оно, возможно, не второе, а даже третье или четвертое). В чем же дело? Не в том ли, что Нострадамусу пришлось уничтожить первое полное издание седьмой «Центурии» из-за гнета церковной цензуры? К Генриху II Нострадамус обратился за защитой и послание к нему задумал сделать предисловием ко второму изданию седьмой «Центурии», при условии, конечно, что эта защита окажется действенной (счет надо вести именно с учетом седьмой «Центурии»). Тогда все проясняется, включая и то, почему седьмая «Центурия» неполная, то есть содержит меньше ста катренов.

105

В отличие от некоторых новообращенных христиан юга Франции Нострадамус никогда не скрывал своего еврейского происхождения и не отказывался от духовного наследия иудейской культуры, подчеркивая, что христианская культура многое от нее переняла.

106

Нострадамус против католической церкви нигде не выступал, хотя это его послание Генриху II не что иное, как мольба о защите его «Центурий» от произвола церковной цензуры.

107

Евзебиус (в России его называют Евзебием или Евсевием) – епископ Кесарии и ученый (264–340). Нострадамус имеет в виду такие его труды, как «Хронография» и «Хронологический канон». С этими трудами Нострадамус, видимо, ознакомился не в оригинале, а по латинским пересказам.

108

Некоторые комментаторы «Центурий» считают, что это – Гитлер.

109

Специалисты по флюктуативной психологии усматривают в этом положении Нострадамуса предчувствие рокового антагонизма Германии и России.

110

Если принять во внимание, что это пророчество имеет непосредственное отношение к октябрьской революции в России в 1917 году, то надо согласиться и с тем, что начало крушения порожденных этой революцией порядков следует отнести к 1991 году. Окончательно же русская революция изживет себя в 2025 году.

111

Русские апологеты «Центурий» считают это место послания Генриху II вершиной пророческих озарений Нострадамуса. Для них все это – изображение катастрофических последствий октябрьской революции и особенно сталинских гонений на православную веру в трагедийно-апокалипсических символах.

112

То же, что Босфор.

113

Есть мнение, что тут под тайными союзами Нострадамус подразумевает политические партии грядущих эпох.

114

И это место послания еще раз наводит на мысль, что Нострадамус искал у Генриха II защиты от церковной цензуры, а может быть, даже от инквизиции.

115

В этом месте скептики ловят Нострадамуса на противоречия – что это за мирный год, если самое начало его омрачено гонениями на церковь. Но противоречие это – кажущееся. Нострадамус говорит, что год будет мирным: без землетрясений, наводнений и других природных бедствий; но бедствие, причиненное людьми, и природное бедствие – две вещи разные.

116

Тут астрологическая математика привела Нострадамуса к предвидению французской революции. И французские и русские апологеты «Центурий» придают этому месту послания Генриху II исключительное, если не решающее, значение; а скептикам, которые не всегда не правы, очень трудно возражать.

117

Некоторые апологеты Нострадамуса видят в Огмионе Наполеона с его правовым кодексом.

118

Вероятно, Нострадамус имел в виду предостережения, вызванные верой и трезвой оценкой ближайшего будущего.

119

Этот катрен итальянские астрологи считали предвидением крушения фашизма в Италии.

120

В этом катрене есть предвидение газовых атак в сочетании с воздушными бомбардировками в первую мировую войну.

121

Многие комментаторы Нострадамуса считают, что это – Екатерина Вторая.

122

Катрен, поразивший воображение многих. Есть мнение, что Нострадамус предвидел недооценку Наполеоном проектов изобретателя пароходов Фултона.

123

Катрен, вызывающий большие споры. Есть апологеты Нострадамуса, которые целиком относят этот катрен к еврейской трагедии во вторую мировую войну. Другим такое толкование этого катрена представляется произвольным, даже тем, которые находят в «Центуриях» свои достоинства; согласно другой точке зрения, Нострадамус предвидел, что войны между европейскими государствами повлекут за собой множество человеческих жертв со всех враждующих сторон.

124

Катрен, в котором усматривают гибель короля Карла Первого, обезглавленного по велению Кромвеля 30 января 1649 года.

125

Есть точка зрения, что это – аллегорическое изображение трагической судьбы Людовика XVI.

126

Речь идет о Трансменьянском озере.

127

Сатурн будет в созвездии Рака, а Юпитер приблизится к Марсу.

128

Когда Сатурн будет в созвездии Быка, Марс приблизится к Стрельцу, а Юпитер будет в воде.

129

Этот катрен восьмой «Центурии» тоже вызвал множество различных толков. Одни полагают, что это – реквием по Христофору Колумбу (Кристовалу Колону). Другие, возражая им, доказывают, что речь идет не о Колоне, а о местности Колонья и об испанском короле Карле Пятом, который провел последние годы своей жизни в тихом монастыре.

130

Кое-кому из комментаторов Нострадамуса кажется, что это – провидческая характеристика кардинала Ришелье.

131

Мацеллум, в смысле мясник.

132

Поразительный катрен, который делает честь всей философии истории Нострадамуса. Режимы политических партий преходящи. И эти режимы будут сменены новой эрой, в которой беспартийность станет исторической закономерностью.

133

В этом катрене некоторые комментаторы «Центурий» усматривают предвидение возникновения США как свободного государства, которое станет независимым от Англии.

134

«Победа» – по-провансальски.

135

Когда печатают восьмую «Центурию», то обычно в нее включают эти катрены-двойники, хотя не исключена окончательно возможность, что они вклинились сюда из седьмой «Центурии».

136

В оригинале лат. magna vagna, то есть великое ничто.

137

Русские комментаторы Нострадамуса склонны усматривать в этом катрене предчувствие борьбы между Сталиным и Троцким.

138

Весталки, как известно, должны быть девственницами, пока продолжается их служение и подчинение языческим ритуалам. Провинившихся, особенно уличенных в прелюбодеянии, тяжело наказывали, вплоть до того, что живьем зарывали в землю вместе с наполненной горячим веществом лампой, куском хлеба и кружкой воды. В южной Франции и в Италии, где немало развалин языческих храмов, есть легенды о загадочном свете в развалинах храмов весталок и призрачных фигурах, которые держат зажженные лампы в руках. Появление призрака и видимый в руинах свет – не к добру: будет наводнение или неурожай.

139

Это жестокий род казни, применявшийся в древней Франции. Осужденных живьем кипятят в оливковом масле с примесью меда и вина.

140

Один из катренов «Центурий», который для апологетов – неопровержимое доказательство пророческой силы Нострадамуса, а для скептиков – одно из немногих счастливейших и редчайших совпадений. Это, по мнению скептиков, стрела, наугад пущенная в будущее и совершенно случайно попавшая в цель.

141

Порфирий (233–305) – философ неоплатоник, автор работ о Пифагоре и Плотине, возможно, оказавший решающее влияние на творчество Нострадамуса.

142

Это – один из самых загадочных и самых поразительных катренов всех «Центурий» Мишеля Нострадамуса. Скептикам трудно поверить, что это не мистификация, а бесспорно оригинальный, напечатанный в XVI веке текст. Граф Нарбонн был военным министром Людовика XVI и не сумел предотвратить революцию. Его современник Солк сыграл предательскую роль в отношении Людовика XVI и королевы. Пятьсот марсельцев помогли свергнуть власть короля.

143

Апологеты «Центурий» полагают, что здесь провидчески изображена казнь Людовика XVI. На месте казни, перед тем как ему отрубили голову, Людовик

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
спросил, что слышно нового об экспедиции Лаперуза.

144

В поэтическом отношении это четверостишие, пожалуй, наиболее творчески смелое во всех «Центуриях».

145

В этом катрене Нострадамус, по всей вероятности, предвидит появление реактивных снарядов, что вяжется с последующим катреном.

146

Из-за подобного рода катренов католическая церковь в восьмидесятих годах прошлого века осудила увлечение Нострадамусом. Но очень похоже на правду, что обрядовая, ритуальная сторона всех религий – христианской, иудейской, магометанской – клонится к закату.

И действительно, похоже на то, что XXI век станет началом конца обрядовой религиозности.

Но, по мнению Нострадамуса, неизбежная гибель обрядов и ритуалов не означает гибели человечности и любви, которые неизбежно станут живительным источником новой веры. Ведь «знание без веры односторонне, а вера без знания неполноценна».

147

Марс, Меркурий и Сол.

148

Речь идет о распрях между церковью и знатью. Печатая деньги, ценность которых невелика, герцог тем не менее берет верх над церковью.

149

Перекладывая этот катрен к девятой центурии на русский язык, я склонен принять толкование русских дореволюционных астрологов, хотя их точка зрения и оспаривается многими. Нельзя забывать, что Нострадамус жил в XVI веке. И слухи о том, как Иван Грозный или, может быть, еще раньше Иван Третий покарал Новгород Великий, могли дойти до салонского предсказателя. Ведь Иван Грозный камня на камне не оставил от былой новгородской вольности, после того как Иван III потряс эту вольность. Во всяком случае в «Центуриях» надо видеть Нострадамуса – историка, Нострадамуса – футуролога и Нострадамуса – современника изображаемых событий.

150

От скончавшегося в 1566 году Нострадамуса не утаилось морское соперничество Испании и Англии. В августе 1588 года, после поражения Непобедимой армады, испанский флот, действительно, свернул свою славу.

151

Катрен, благодаря которому некоторые исследователи считают Нострадамуса предтечей флюктуативной психологии (напомним, что это отрасль психологии, которая изучает как устойчивые, так и меняющиеся национальные характеры и типы и перемены в психологии целых народов в истории). Когда, например, немцы поверили Гитлеру и в Гитлера, то это и есть фальшивое богатство, поглотившее целый народ.

152

Американские астрологи полагают, что в этом четверостишии Нострадамус предсказывает небывалое по размаху разрушение Нью-Йорка в грядущих временах: какое-то грозное неведомое оружие отравит воды океана, Гудзона, Гарлема и Ист-Ривер. Босвелл считает, что именно здесь Нострадамус проявил себя великим предтечей лучших фантастов XIX–XX веков. Но комментаторы более ранних времен находят, что этот катрен порожден страхом перед извержением Везувия в будущих временах.

153

Сатурн, Копер, Юпитер, Меркурий – в Тарусе; Венера, Рак и Марс – в Зеро.

154

Одни относят это к французской революции, другие указывают на предвидение Нострадамусом гражданской войны между Севером и Югом США.

155

Астрологическая математика называет точную дату событий, предсказываемых в этом катрене: это 1999 год. Из всех дошедших до нас катренов «Центурий» это четверостишие представляется людям эпохи Уэлса, Замятина, Орвелла самым значительным. В самом деле, похоже на то, что первые люди земли высадятся на Марсе как раз в конце XX века. И возможно также, что XX век, войдя в историю под грохот революций и войн, сойдет с мировой арены тоже под грохот революций и войн, под ядерные взрывы, сметающие с лица земли целые города. И если XX век начался Лениным, то, быть может, он и кончится тоже великим мятежным человеком. Хотелось бы, чтобы те читатели этой книги, которые доживут до XXI века, проверили эти слова.

Спорным остается вопрос о «повелителе земли, сошедшем с горящего неба». Многие думают, что это – космонавт будущего. Но некоторые все же считают, что речь идет о новом Линкольне, а другие полагают, что Нострадамус предвидел появление второго Ленина.

Есть также апологеты «Центурий», которым кажется, что сошедший с горящего неба – не земной человек, а житель иной планеты, прилетевший на землю на звездолете. Сторонники такой точки зрения утверждают, что обитатели иных планет посещают землю на космических кораблях (приблизительно) каждые две тысячи лет. Такое посещение земли имело место при земной жизни Христа и за две тысячи лет до Него. Значит, нового прибытия инопланетян надо ждать в самом конце XX столетия, что, по мнению сторонников такой точки зрения, предсказывает Нострадамус. Будущее покажет, с чем прилетят эти инопланетяне – с добром или со злом, и прилетят ли они вообще.

156

Есть мнение, что этот катрен предвещает славное будущее Франсуа Рабле.

157

Некоторые комментаторы «Центурий» полагают, что этот катрен имеет прямое отношение к преемникам папы Сикста Пятого; поскольку астрологические математики относят это четверостишие к 1609 году (я думаю, что следует учесть и события, имевшие место с 1600 года), то речь идет о Павле Пятом, который воплощал тлетворный и мрачный дух средневековья.

158

Видимо, весь этот катрен – намек на Кальвина и кальвинизм.

Нострадамус Жизнь и пророчества. Манфред Бёкль filosoff.org
159

Фоценс – старинное название Марселя.

160

Не этот ли катрен побудил гвардейцев в самом начале французской революция осквернить прах Нострадамуса?..

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!